

РОССИЯ И СЕРБИЯ

ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ ДВУХ СТРАН

СЕРИЯ
«BIBLIOTHECA SERBICA»

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

**Редколлегия серии
«Bibliotheca Serbica»**

член-корреспондент РАН **В. К. Волков**
(*председатель*)

д. и. н. К. В. Никифоров

д. и. н. А. Л. Шемякин

д. и. н. М. В. Белов

к. и. н. П. А. Искендеров

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЯ И СЕРБИЯ

ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ ДВУХ СТРАН

Санкт-Петербург АЛЕТЕЙЯ 2010

УДК 94(47)+94(497.1)
ББК 63.3(2)+63.3(4ЮгС.Сер)
P76

P76 Россия и Сербия глазами историков двух стран / отв. ред. К. В. Никифоров. — СПб. : Алетей, 2010. — 312 с. — (Серия «Bibliotheca serbica»).

ISBN 978-5-91419-365-9

Сборник отражает опыт постижения учеными двух стран истории Сербии и русско-сербских отношений на протяжении двух с лишним веков — от конца XVIII и до начала XXI веков. В сборнике рассматриваются такие важные темы, как становление национальной сербской культуры, Первое сербское восстание 1804–1813 гг., религиозные связи, революция 1848–1849 гг., Великий восточный кризис 1875–1878 гг., влияние русско-го славянофильства, сербский радикализм, военный фактор в сербской политике, Косово в начале XX века, Первая мировая война, Королевство СХС, социалистическая Югославия, современный балканский кризис.

Для всех, интересующихся историей Балкан, а также русско-сербскими связями.

УДК 94(47)+94(497.1)
ББК 63.3(2)+63.3(4ЮгС.Сер)

ISBN 978-5-91419-365-9

9 785914 193659

© Никифоров К. В., 2010
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2010
© «Алетей. Историческая книга», 2010

Предисловие

Предлагаемый читателям сборник составлен на основе докладов, прочитанных на конференции «Вопросы историографии российско-сербских отношений», состоявшейся в Москве в июне 2008 г. в Институте славяноведения РАН. Конференция проходила два дня, и на ней было представлено более двадцати докладов российских и сербских историков, затрагивавших историю двух стран с конца XVIII и до начала XXI вв. Тогда же состоялась первое официальное заседание созданной незадолго до этого Комиссии историков России и Сербии. Следующее заседание комиссии, которое запланировано на 2010 г., должно пройти в Сербии.

Подобные двусторонние комиссии историков еще с советских времен существовали у ученых нашей страны со многими зарубежными коллегами, прежде всего из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Сегодня практически все эти комиссии продолжают свою работу, только место СССР заняла Россия, а вместо бывшей Комиссии историков СССР и ЧССР возникли две новые комиссии – российско-чешская и российско-словацкая.

С 1974 г. по 1991 г. действовала также Комиссия историков СССР и СФРЮ¹. Она возникла на основе взаимной договоренности после того, как в октябре 1973 г. такую идею высказал в своем письме в Президиум АН СССР д-р. Димо Вуйович, в то время директор Исторического института Черногории. Первое заседание комиссии прошло в 1974 г. в Москве. На нем был заслушан доклад «Итоги и перспективы изучения истории народов Югославии» и обсуждались перспективы сотрудничества историков двух стран. Были определены основные направления деятельности комиссии, до сих пор актуальные для любого подобного сотрудничества:

- подготовка к изданию соответствующими научными учреждениями архивных материалов о связях и сотрудничестве между народами Советского Союза и Югославии;
- совместная подготовка коллективных научных трудов обобщающего характера и сборников статей;
- публикация научных работ, перевод монографий и статей, обмен статьями для научных изданий обеих стран, рецензирование научных трудов;

¹ За сведения о работе Комиссии историков СССР и СФРЮ автор благодарен ученым секретарям ее советской части – В.Е. Романову и О.Н. Решетниковой.

- совершенствование преподавания истории СССР в Югославии и истории СФРЮ в Советском Союзе;
- обмен учеными-историками для научной работы и чтения лекций, а также организация поездок ученых на симпозиумы и конференции;
- участие в международных и национальных форумах историков, проводимых каждой из стран;
- координация в области изучения, обмена опытом и популяризации достижений исторической науки обеих стран.

Второе заседание комиссии состоялось в 1975 г. в Сараево во время проходившего там международного конгресса, посвященного 100-летию восстания в Боснии и Герцеговине и Восточного кризиса 1875-1878 гг. Третье заседание состоялось только в 1981 г. в Волгограде, его научная часть была приурочена к 40-летию начала ворованной борьбы народов Югославии и Советского Союза во Второй мировой войне. Четвертое заседание комиссии прошло в Крушево (Македония) в 1984 г. Сопутствовавшая заседанию конференция освещала «Политические, военные, экономические и культурные связи народов СССР и СФРЮ в 1917-1945 гг.». Пятое заседание состоялось в Москве в 1987 г. Научная сессия называлась: «Югославские народы и Россия с начала XIX в. по 1882 г. Политические, общественные и культурные связи». Кроме официальных заседаний комиссий, совмещенных с конференциями, регулярно организовывались также «круглые столы» – в 1981 и 1983 гг. в Белграде, в 1985 г. в Москве. В 1988 г. в Белграде состоялась конференция, посвященная 150-летию установления консульских отношений между Россией и Сербией. Обсуждение проблем российско-югославянских и советско-югославских отношений было продолжено в Москве на конференции, организованной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и советской частью комиссии в декабре того же года. Последнее, шестое заседание комиссии прошло в Цетинье (Черногория) в 1991 г., конференция называлась: «Югославские народы и Россия во второй половине XIX – начале XX вв.».

Председателями Комиссии историков СССР и СФРЮ с советской стороны были директор Института истории СССР АН СССР, акад. Алексей Леонтьевич Нарочницкий, а после его смерти в 1989 г. – заместитель академика-секретаря Отделения истории АН СССР, чл.-корр. Виктор Александрович Куманёв. С югославской стороны первым председателем комиссии был уже упоминавшийся

др. Димо Вуйович. Советская часть комиссии была относительно постоянной и функционировала в рамках Национального комитета историков. Костяк участников заседания с советской стороны составляли ученые из академических институтов: Славяноведения и балканистики, Истории СССР, Всеобщей истории, а также МГУ и Института военной истории МО СССР. Югославская часть комиссии (кроме председателя и ученого секретаря) должна была постоянно обновляться по принятой тогда в СФРЮ системе ротаций и действовала при Союзе историков Югославии.

Впрочем, часто менялась и верхушка югославской части комиссии. После того, как в 1976 г. Д. Вуйович ушел в отставку, комиссию с югославской стороны в 1978 г. возглавил президент Македонской академии наук и искусств акад. Михайло Апостолски. В 1989 г. его заменил акад. Александар Христов также из Македонии. Последнее заседание комиссии в 1991 г. с югославской стороны провел акад. Миомир Дашич, вновь из Черногории.

В непростых условиях, на которые накладывали отпечаток не только идеологические шоры, но и периодические зигзаги в советско-югославских отношениях, Комиссия историков СССР и СФРЮ работала достаточно продуктивно, поспособствовав, в частности, ставшим уже классическими публикациям архивных документов¹. В целом комиссия заметно укрепила связи между историками двух стран, придала им системный характер. Вместе с тем, сами члены комиссии отмечали, что эффективность работы снижается из-за нерешенности вопроса публикаций материалов конференций, проходивших во время ее заседаний.

После распада и Советского Союза, и Югославии Комиссия историков СССР и СФРЮ прекратила свое существование. В то же время, несмотря на международные санкции, запрещавшие среди прочих и научные связи с Сербией, сотрудничество между российскими и сербскими историками не прекращалось ни на миг. В частности, одной из площадок такого сотрудничества были регулярные международные научные конференции, организованные

¹ См., например: Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М. 1980. Кн. 1; Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. М. 1983. Кн. 2.; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850-1864. Документы. М., 1985; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. Документы. М., 1988. Задуманная тогда же третья книга документов по Боснии и Герцеговине увидела свет только через 20 лет: Россия и восстание в Боснии и Герцеговине. 1875-1878. Документы. М., 2008.

Историческим институтом САНИ и его тогдашним директором др. Славенко Терзичем¹.

Но, конечно, во времена югославского кризиса сотрудничать в полном объеме ученым двух стран было сложно. До новой формализации научных связей между историками России и Сербии должно было пройти еще несколько лет. И лишь в 2006 г. по инициативе российской стороны витавшая в воздухе идея возрождения двусторонней комиссии историков уже в формате Россия-Сербия была окончательно реализована². Как это было и раньше в советско-югославской комиссии, в Комиссию историков России и Сербии вошли не только историки из академий наук двух стран, но и из неакадемических научных институтов и университетов. Немаловажным фактором стало и то, что с сербской стороны комиссию поддержал и возглавил академик-секретарь Отделения исторических наук САНИ акад. Василие Крестич. Это, без сомнения, подчеркнуло то значение, которое придают ее работе сербские коллеги.

Первое московское заседание Комиссии историков России и Сербии совсем не случайно было посвящено вопросам историографии. Именно с этого, по-видимому, и следовало начинать после продолжительного перерыва. Перед тем, как сделать следующий шаг, всегда важно осмотреться, увидеть, что уже сделано и какие существуют пробелы и проблемы, на каких вопросах предстоит сконцентрироваться в первую очередь.

Статьи российских и сербских историков, представленные в сборнике, охватывают большой временной период сербской истории с конца XVIII и до конца XX в. Таким образом, читатель получает представление о степени изученности в России и Сербии цельного 200-летнего периода новой сербской государственности (с 1918 по 1991 гг. в рамках Югославии)³.

Одна из статей сборника принадлежит перу замечательного сербского историка акад. Славко Гавриловича. К сожалению, эта работа стала для него последней. Он уже не смог по состоянию

¹ См., например: Босна и Херцеговина од средњег века до новијег времена. Београд, 1995; Европа на раскршћу. Нови зидови или уједињена Европа. Београд, 1999.

² Сербская часть комиссии конституировалась в самом конце декабря 2005 г., российская – уже в 2006 г.

³ О новой сербской государственности и степени изученности ее проблематики в России см. также: Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804-1813 гг. СПб., 2005.

здоровья приехать в Москву, но, как настоящий ученый, текст доклада передал.

Предложенный читателям сборник хотелось бы посвятить памяти всех ушедших от нас ученых двух стран, работавших в совместной комиссии историков или помогавших ее работе. Мы помним всех – и уже упомянутых бывших сопредседателей комиссии, и акад. В. Чубриловича, акад. Ю.А. Писарева, директора Исторического института Черногории др. Й.Р. Бойовича, зав. кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ проф. В.Г. Карасёва, первого ученого секретаря комиссии с югославской стороны др. Р. Йовановича, и многих других, известных и менее известных ученых, но от этого не менее значимых для нас людей. Всех не перечислишь, но все они в наших сердцах. Все они внесли свой вклад в развитие исторической науки и добрых отношений между нашими народами.

Константин Никифоров

Сербская культура XVIII – XIX вв. в послевоенной советской и современной российской историографии

XVIII и большая часть XIX вв. в культурной истории сербского народа были эпохой зарождения, формирования и становления национальной культуры Нового времени. Ее нижнюю хронологическую границу определяет Карловацкий мир, заключенный в 1699 г. между Священной лигой и Турцией. Он утвердил переход территории Среднего Подунавья с сербским населением, получившей в середине XIX в. название Воеводины, в состав Австрийской монархии, в лоно европейской цивилизации. Это способствовало началу преобразования сербской культуры первоначально на данной территории от позднесредневекового типа к новому историческому типу культуры. Важные общественные последствия имело массовое переселение сербов в 1690 г. с Балкан в государство Габсбургов.

Принципиальное значение в культурном обновлении сербов имело освободительное Первое сербское восстание 1804-1813 гг., существенно повлиявшее на всю жизнь народа. Период с начала XIX в. по 70-е годы характеризовался неустанной борьбой и достижением независимости Сербии, утверждением ее во главе общесербского культурного процесса, обретением культурой облика Нового времени с изменившимися социальными истоками, приоритетом общечеловеческих и светских ценностей, национальным самосознанием, идейно дифференцированными идеалами и ориентацией на реальные нужды общества.

В СССР с окончанием Великой Отечественной войны резко возрос общественный интерес к истории и истории культур славянских народов. Научное изучение этой проблематики было сосредоточено в комплексном Институте славяноведения Академии наук СССР, образованном в 1947 г. Исследованием истории славян занимались ученые и в других учебных и научных учреждениях, в первую очередь в Московском и Петербургском университетах. Единой методологической основой научных работ было марксистско-ленинское учение. Культура изучалась в контексте исторического процесса,

хотя она всегда рассматривалась как самостоятельная сфера человеческой деятельности.

Эти общие научные принципы распространялись и на работы по истории сербской культуры XVIII – XIX вв. Ее изучение велось по видам. При этом достойное место всегда занимали и продолжают занимать труды по русско-сербским связям. Они представляли явление столь значительное и актуальное, что интерес к ним советской науки был закономерным. В конце 40-х годов именно эта проблематика открыла публикацию монографических исследований отдельных тем. В «Славянском сборнике» (М., 1947) была помещена статья С.К. Богоявленского «Связи между русскими и сербами в XVII – XVIII вв.», где были затронуты и культурные явления.

В 1957 г. в Москве вышел сборник «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». В нем получила место статья филолога-слависта Н.И. Кравцова «Русско-югославские литературные связи». Это была работа общего плана с широким хронологическим охватом темы со времен Киевской Руси до Первой мировой войны. В ней были освещены русско-сербские связи в области образования в XVIII в., присутствие русского компонента в литературно-языковой практике сербов тогда же, русские сюжеты в сербском эпосе. Автор сформулировал тезис о формировании в сербской поэзии романтизма в первой половине XIX в. при опоре на русскую литературу. В статье говорилось также о большом влиянии творческого метода А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова на развитие реалистической эстетики в сербской поэзии и сочинений Н.В. Гоголя на зарождение сербской критической прозы и пр. Статья Кравцова была написана преимущественно на основе научной литературы, отечественной и сербской. Некоторые положения в ней были спорными, другие не выдержали проверки временем. Но ученый наметил направления изучения русско-сербских литературных связей XVIII – XIX вв., которые получили разработку в дальнейшем.

В 50-е годы XX в. появились работы с освещением внутреннего культурного развития сербского народа в сочетании с влиянием на него России. Одним из первых изучение сербской общественной мысли, а именно ее революционно-демократического направления, начал в советской науке В.Г. Карасев. Ему принадлежали статьи о жизни, взглядах, деятельности и связях с Россией Светозара Марковича,

сербского философа, публициста, литературного критика, революционного демократа¹. В 1956 г. в Москве были изданы «Избранные сочинения» Марковича со вступительной статьей и комментариями советского ученого. В.Г. Карасев сыграл особую роль не только в изучении сербской истории и культуры XIX в., русско-сербских взаимоотношений того времени, но и в подготовке кадров научных работников в этой гуманитарной области.

Сербские сюжеты присутствовали также в работах, посвященных истории России. Это была прежде всего солидная монография С.А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах» (М., 1960). В ней содержался материал по славянской проблематике в силу характера самого предмета исследования. Книга С.А. Никитина была построена на архивных материалах и малоизвестных печатных источниках и содержала всесторонний анализ деятельности Комитетов.

Славянские комитеты, как показал автор, представляли собой общественные благотворительно-просветительные организации, находившиеся в контактах с правительственными органами и имевшие политические интересы. Они были обращены в своей деятельности к зарубежным славянам. Главной заслугой советского историка было восполнение пробела в исторической науке, обошедшей своим вниманием эту важную страницу российского прошлого. В известной степени монография С.А. Никитина явилась реабилитацией славянофилов в глазах советской науки, поскольку именно они были инициаторами создания и ведущей группой в Славянском комитете Москвы и созданных позднее, в 1867 г., Комитетах Петербурга, Киева и Одессы.

В круг южнославянских контактов Комитетов входили и сербы. В книге С.А. Никитина говорилось об учебе в России сербстипендиатов Московского и Петербургского комитетов, об услугах этих обществ сербской церкви, истории формирования и составе сербской делегации из Сербии и Австрийской империи на Этнографическую выставку и Славянский съезд в Москве в 1867 г., мотивах поездки представителей сербской общественности в Россию.

Большое место в книге заняло описание Славянского съезда 1867 г. Автор отметил прием сербских деятелей русскими высо-

¹ Карасев В. Г. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича // Ученые записки Института славяноведения. М., 1952. Т. VI; *Он же*. Сербский революционный демократ Светозар Маркович. Там же. М., 1953. Т. VII.

копоставленными лицами и особое внимание к ним Александра II. Официальная Россия выражала поддержку Сербии и ее планов. С. А. Никитин осветил выступления сербов по основным вопросам: славянской взаимности, пути единения славян, общеславянском языке, освободительной миссии России (с. 201). Сербские представители правых и либеральных взглядов – Джурджевич, Суботич, Полит-Десанчич, Крестич, Миличевич – широко ставили вопрос о судьбах славянства, его единстве, главенстве России в славянском мире, отвергая при этом общеславянский язык, идею всеславянской матицы, политические формы организации (с. 210, 212, 213, 223, 231).

Автор уделил также внимание участию сербов в секретном Славянском съезде 1868 г., приуроченном к закладке чешского Национального театра в Праге. В книге говорилось, что они отказались признать Московский комитет центральным органом славянского движения, но согласились с необходимостью существования местных комитетов и периодического созыва съездов (с.237). С.А. Никитин отметил влияние, оказанное съездами на сербское общество, – усиление интереса к России, укрепление надежд на нее, активизацию книгообмена.

Кульминация деятельности Славянских комитетов пришлось на 1875-1876 гг., годы обострения национально-освободительной борьбы южных славян. В монографии уделено внимание истории сербо-турецкой войны 1876 г., отношению к ней русского общества, движению русской помощи Сербии, волонтерской и в форме пожертвований. Но освещение этих вопросов в книге выходит за тематические рамки настоящего обзора.

С. А. Никитин отметил большую роль Комитетов в налаживании и поддержании связей России с южнославянской, в том числе и сербской, общественностью, в организации разного рода помощи этим народам в 50-70-х гг. XIX в., хотя широкая и разнообразная деятельность Комитетов характеризовалась церковностью и панславистскими иллюзиями.

Содержавшийся в монографии С. А. Никитина материал о сербах был новым и важным для понимания развития сербской общественной мысли, формирования кадров национальной интеллигенции, отношений сербов с Россией. Монография расширила научные знания по многим конкретным вопросам сербского общественного развития. А ее высокий исследовательский уровень стал планкой для последующих исторических славистических работ.

В русле изучения русской литературы и ее связей с литературами других народов в 1963 г. была опубликована свежая и содержательная статья Ф.Я. Приймы «Из истории создания «Песен западных славян» А.С. Пушкина»¹. Автор остановился на обстановке возникновения стихотворений поэта о вожде Первого сербского восстания Карагеоргии и «Песен», их датировке, а также на значении сербской темы в поэтическом творчестве А.С. Пушкина. Ф.Я. Прийма сделал вывод, что поэт «первый в русской литературе реалистически отразил и воспел национально-освободительную борьбу южных славян» (с. 123). Автор отметил также, что «Песни западных славян» А.С. Пушкина во многом способствовали решению проблемы национальной формы в искусстве и других эстетических задач. С творчества великого поэта вела свое начало южнославянская тема в русской литературе. Важный аспект статьи Ф.Я. Приймы, помимо вклада в изучение творчества А.С. Пушкина, состоял и в том, что она, написанная в начале исследования советскими учеными русско-сербских связей XIX в., показала место и роль сербской тематики в русском литературном процессе. Позднее об обращении А.С. Пушкина к образу Карагеоргия писал Д.Д. Благой².

К вышеназванной статье примыкала по содержанию вышедшая в 70-х годах работа В.К. Петухова «Д.П. Ознобишин как переводчик сербских народных песен»³. Это была публикация в переводе Ознобишина, поэта пушкинской поры, десяти сербских народных песен из фольклорного сборника В. Караджича. Ознобишин, наряду с А.Х. Востоковым, был одним из первых переводчиков на русский язык сербского фольклора. Его переводы не были ранее опубликованы и хранились в рукописном отделе Пушкинского дома.

В 50-х гг. прошлого столетия в СССР началось специальное изучение сербской литературы. Предметами пристального внимания литературоведов стали зарождение и развитие в ней романтизма и формирование критического реализма. В 1958 г. советские ученые С.В. Никольский, А.Н. Соколов, Б.Ф. Стахеев выступили на IV Международном съезде славистов с докладом «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах»⁴. В этом весьма

¹ Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М. – Л., 1963. Отв. ред. акад. М.П. Алексеев.

² Благой Д. Д. Два стихотворения А.С. Пушкина о Георгии Черном // Славяне и Запад. М., 1975.

³ Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. Отв. ред. акад. М.П. Алексеев.

⁴ Доклады IV Международного съезда славистов. М., 1958.

интересном и во многом новом по своему содержанию докладе было сформулировано положение о тесной связи романтизма в литературах южных и западных славян с развитием национально-освободительной борьбы этих народов.

Зачинателем монографического исследования сербского реализма выступила Ю.Д. Беляева, защитившая в 1954 г. кандидатскую диссертацию на тему «Формирование реализма в сербской прозе (60-70-ые гг. XIX в.)». Автор установила хронологические рамки складывания реалистического метода в сербской литературе, раскрыла условия, в которых протекал этот процесс, и показала влияния на него. Ю.Д. Беляева начала изучать реализм в сербской прозе в обстановке, когда ни в национальной, ни в отечественной науке вовсе не было исследований на эту тему.

Вскоре появился сборник статей «Из истории критического реализма в литературе народов Югославии»¹. В него вошли исследования Ю.Д. Беляевой «Борьба Светозара Марковича за реализм в сербской литературе», Р.Ф. Дорониной «Гражданская поэзия Йовановича-Змая 60-80-х гг.», М.Б. Богданова «Политическая сатира Радое Домановича». В сборнике была показана важная роль революционно-демократической публицистики в формировании реализма в сербской литературе, раскрыта гражданственность писателей – реалистов старшего поколения².

В круг научных интересов филологов вошел сербский фольклор. Его знатоком проявил себя Н.И. Кравцов, защитивший в 1948 г. докторскую диссертацию о сербском эпосе. Важной вехой в сравнительно-историческом изучении эпоса славянских народов стал IV Международный съезд славистов, состоявшийся в Москве в 1958 г. Он уделил особое внимание этой проблеме. На VI Международном съезде славистов (Прага, 1968г.) Б. Н. Путилов сделал доклад «Проблемы жанровой типологии и сюжетных связей в русском и южнославянском эпосе». Он показал разные типы эпоса и типологическую преемственность в эпическом творчестве разных народов³. Позднее Б.Н. Путилов обобщил свои изыскания в этой

¹ Литература славянских народов. М., 1958. Отв. ред. сборника Е.И. Рябова.

² Продолжая изучение сербской прозы, Р.Ф. Доронина позднее остановилась также на художественном мастерстве и критическом методе писателей молодого поколения, трудившихся на рубеже XIX и XX вв., - Чипико, Кочича и Станоевича. См.: Критический реализм в литературах западных и южных славян М., 1965.

³ История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968.

области в монографии «Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование (М., 1971). Сербским фольклором занимался также И.Н. Голенищев-Кутузов, выпустивший книгу «Эпос сербского народа» (М., 1963).

В комплексном виде история культур народов Югославии была представлена в двухтомном обобщающем труде «История Югославии». Первый том, охвативший период с древних времен до Октябрьской революции в России как крупнейшего события в истории человечества, вышел в 1963 г. Редколлегию тома составили Ю.В. Бромлей, И.С. Достян, В.Г. Карасев и С.А. Никитин. Здесь была нарисована широкая панорама культурного прошлого сербского народа, показаны общие закономерности и особенности культурного процесса у сербов, дана на основе марксистско-ленинской формационной методологии периодизация культурного развития сербов, раскрыта связь культуры с освободительной борьбой народа, показаны направления русско-сербских культурных связей, а также место сербской культуры в европейской цивилизации и пр. По обилию материала, постановке проблем, характеристике основных явлений сербской культуры этот труд, в части представления духовного мира сербов XVIII и XIX вв., сохраняет в общих чертах научное значение до сих пор.

Вместе с тем продолжалась разработка частных вопросов интеллектуальной и художественной жизни сербского общества в XVIII и XIX вв. Появлялись статьи разнообразного характера. Многие из них расширили фактические сведения о развитии культуры сербов и были отмечены глубиной анализа. Но при всех достижениях в ее изучении советскими учеными работа в этом направлении носила еще, с точки зрения проблематики, разрозненный характер.

В 1970 г. произошли реорганизация и преобразование академического института в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В 70-80-х гг. одним из магистральных направлений его научной работы было изучение национального Возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Советская наука понимала его как историко-культурное развитие и национально-освободительные движения народов региона в период перехода от феодализма к капитализму в хронологических рамках с середины XVIII в. до 70-х годов XIX в. (при нарушении синхронности этих процессов у отдельных народов). Это способствовало подъему научных исследований по данной

проблематике и придав им большую планомерность, целенаправленность и сосредоточенность.

Содержание культурного процесса в эпоху национального Возрождения отдельных народов рассматривалось как формирование национальной культуры.

В начале 1972 г. в Институте славяноведения и балканистики состоялся координационный всесоюзный симпозиум на тему «Генезис капитализма, национально-освободительные движения и формирование национальной культуры в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.)». Получили развитие коллективные труды в виде тематических сборников.

В 1974 г. на основе материалов вышеназванного симпозиума в Москве вышел сборник «Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII – 70-х годах XIX вв.)»¹. В нем была опубликована статья М. Б. Богданова «Исходные основы и главные тенденции формирования сербской национальной культуры». Автор сформулировал главное положение о двух тенденциях в процессе складывания культуры сербской нации: «одна – это тенденция создания такой культуры, в которой демократические элементы заняли бы ведущее место и которая служила бы «ядру нации», то есть широким, народным массам, и вторая – тенденция создания культуры, в которой ведущее положение заняли бы интересы общественной верхушки» (с. 79-80). В борьбе этих двух основных тенденций, по мнению автора, протекало развитие сербской национальной культуры как на начальном этапе, так и в дальнейшем. В свете этого решались все важнейшие культурные задачи.

Мысль о социальной дифференцированности культуры, как ее носителей, так и идейного содержания, была, несомненно, плодотворной. Но в ходе изучения культуры выявилась ограниченность жесткого классового подхода. Творчество не всегда непосредственно увязано с узко классовыми интересами (особенно это касается науки, искусства). Развитие культуры имеет в своей основе куда более сложные истоки, связанные с потребностями отдельной личности и общества в целом. Тот же сербский словесный фольклор, создававшийся в толще неграмотной или малограмотной массы населения, был широко востребован и функционировал во всем сербском этносе, становясь его общим духовным достоянием.

¹ Редколлегия сборника: И.А. Богданова, В.И. Злыднев, Ю.И. Ритчик.

В 1976 г. появилась коллективная монография «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII – XIX вв.»¹. В главе, написанной А.В. Даниловой, «От любительского театра к профессиональному (к истории сербского, хорватского и словенского театров)» было показано развитие сербского любительского театра в первых десятилетиях XIX в., появление передвижных трупп с отечественным репертуаром и функционирование полупрофессионального сербского театра в начале 40-х годов. Процесс перерастания сербского любительского движения в полупрофессиональный театр рассматривался на фоне и в связи с театральным любительством в Словении и Хорватии.

Материалы вышеуказанного всесоюзного симпозиума легли в основу тематического сборника «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977)². Он вошел в серию комплексных исследований Института славяноведения и балканистики по проблемам развития наций и национальных культур в переходный период от феодализма к капитализму. В нем получила место статья Н.И. Толстого «К историко-культурной характеристике “славяно-сербского” литературного языка». Автор рассматривал функционирование у сербов в XVIII в. славяно-сербского языка как «историческую необходимость», обусловленную сознанием принадлежности сербов «к ареалу *Slavia orthodoxa*». В том же труде были помещены две статьи о русско-сербских культурных связях. И.А. Калоева остановилась на движении русской книги в сербские пределы в XVIII в., Е.П. Наумов раскрыл русско-сербские научные связи в 40-60-х гг. XIX в.³ Сербский материал присутствовал и в других статьях сборника, сравнительно-исторических и более широкого тематического содержания. Это касается прежде всего работы М.Я. Гольберга «Взаимодействие просветительской идеологии и романтизма (на материале южнославянских литератур)».

¹ Редколлегия: И.А. Богданова, А.А. Гершкович, В.И. Злыднев, Л.Н. Титова.

² Редакционная коллегия: С.Б. Бернштейн, И.А. Богданова, В.А. Дьяков, В.И. Злыднев (отв. ред.), С.В. Никольский.

³ *Калоева И. А.* К истории проникновения русской книги в славянские страны Балканского полуострова в XVIII в.; *Наумов Е. П.* Из истории русско-сербских культурных связей 40-60-х годов XIX в. См. также: *Наумов Е. П.* Из истории русско-сербских культурных связей конца XVIII – первой трети XIX в. // Балканские исследования. М., 1987. Вып. 10.

Близким по тематике стал сборник «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII-XIX вв.). Материалы Международной конференции ЮНЕСКО. М., 1978». В разных статьях сборника с широким тематическим охватом были разбросаны разрозненные замечания о сербской культуре, но специально ей была посвящена только источниковедческая статья А.П. Бажовой «Источники для изучения культурных связей России с Сербией и Черногорией во второй половине XVIII в.».

Исследование национального Возрождения южных и западных славян получило развитие с выходом в 1978 г. в Москве коллективного труда «Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков»¹. Сербская проблематика была представлена в статье Н.И. Толстого «Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX века». Автор показал взаимодействие в литературно-языковой сербской практике в XVIII в. церковнославянского русского образца, русского и сербского народного языков.

Обобщающую характеристику формирования литературных языков у славян, и у сербов в частности, Н.И. Толстой дал в монографии «История и структура славянских литературных языков» (М., 1988).

Параллельно с литературно-языковыми вопросами протекало изучение литературного процесса. В коллективном труде «Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение» (М., 1982)² получили освещение некоторые вопросы общего характера, но главным образом особенности Просвещения у народов региона и его отражение в литературах, характеристика двух стадий в литературном процессе в эпоху формирования наций. Это литературные направления Просвещения – классицизм, сентиментализм, предромантизм – и литературные направления XIX в. – романтизм и реализм (с. 307). Сербам в книге посвящена глава, написанная И.И. Лещиловской, «Философско-этическая проблематика Просвещения в сербской литературе второй половины XVIII в.». Тема раскрывалась на основе творчества Д. Обрадовича и писателей его круга. В статье получили освещение философские взгляды главы сербского Просвещения, его этическое учение, определен тип

¹ Редакционная коллегия: С.Б. Бернштейн (отв. ред.), Л.Н. Смирнов, Г.К. Венедиктов.

² Редакционная коллегия: И.А. Богданова, С.В. Никольский, Б.Ф. Стахеев.

творчества – нравоучительно-дидактический с наличием в нем классицистических, просветительско-реалистических и сентименталистских черт.

Литературоведы углубили изучение реализма в литературах народов региона¹. В статье Ю.Д. Беляевой «Концепция реализма в югославянской критике конца 50-70-х годов XIX века» впервые было рассмотрено становление теории реализма в югославянской критике и раскрыты особенности ее проявления в словенской, хорватской и сербской литературах в зависимости от условий исторического развития этих народов. В статье подчеркивалось, что характерной чертой всех югославянских литератур было освоение опыта русского реализма.

Р.Ф. Доронина в статье «Становление реализма в сербской литературе» раскрыла процесс утверждения реалистического метода в сербской прозе на основе анализа творчества писателей М. Глишича и Л. Лазаревича.

В области филологических исследований необходимо отметить вклад советских ученых в изучение жизни и деятельности выдающегося реформатора сербского литературного языка, историка, этнографа, собирателя фольклора В.С. Караджича и его связей с Россией. Работа в этом направлении началась еще в 50-е годы². В общем плане проблему осветил в начале 60-х годов С.А. Никитин, выступивший в печати со статьей «Вук Караджич и Россия»³. Он писал о «крепких дружественных связях между Караджичем и русскими учеными, о взаимном стремлении к помощи».

Много внимания творчеству Караджича и его связям с Россией уделили ленинградские ученые П.А. Дмитриев и Г.И. Сафронов. Им принадлежал ряд исследований, главным из которых в советское время стало учебное пособие «Вук Караджич и его реформа сербохорватского / хорватосербского литературного языка» (Л., 1984). Остановившись на литературно-языковой ситуации

¹ Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Пути и специфика литературного развития в XIX веке. М., 1983. Редакционная коллегия: Ю.Д. Беляева, В.В. Витт (отв. ред.), Р.Ф. Доронина, С.В. Никольский.

² См.: *Зыкин В.Н.* Вук Караджич и русская наука. Автореферат канд. дисс. Л., 1950; *Громов П.Т.* Вук Караджич и русская культура. Автореферат канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1950.

³ Новая и новейшая история. 1964. № 3. Статья была перепечатана в книге: *Никитин С. А.* Очерки истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в. М., 1970.

у сербов в конце XVIII – начале XIX вв., авторы раскрыли содержание реформы В. Караджича. Они назвали сербского ученого «создателем современного сербохорватского / хорватосербского языка», имея при этом в виду также «большое социальное значение его творчества, значение его произведений, ставших образцовыми и нормативными для последующих поколений» (с. 35). В центре внимания П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова была работа Караджича над переводом «Нового завета», который они рассматривали как «классический образец» реального воплощения концепции сербского ученого.

Исследовательские работы советских славистов по рассматриваемой проблеме сочетались с публикаторской деятельностью. Публикации включали переписку Караджича с русскими учеными в 40-50-е годы XIX в.¹

Одним из направлений филологических исследований продолжал оставаться словесный фольклор сербов. Н.И. Кравцов более полувека изучал сербскохорватский эпос. В 1985 г. на основе его двухтомной докторской диссертации посмертно была издана монография ученого «Сербскохорватский эпос». В ней были раскрыты происхождение эпоса, история собирания и публикации юнацких песен, их идейное содержание и идейная роль, образы эпической поэзии, ее поэтика и бытование юнацких песен.

Оригинальным и широким по содержанию явился коллективный труд «Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII – XIX веков» (М., 1985). Исследование носило комплексный характер в рамках художественной культуры, как ее развития, так и эстетического осмысления современниками самого процесса. В труде вопросы теории освещались в тесной связи с практикой становления национальной художественной культуры отдельных народов в период с конца XVIII в. до середины, а в некоторых случаях до 70-х гг. XIX в. Значение этого труда состояло и в том, что в нем национальная идеология была представлена в эстетическом варианте.

В главе «Общественное содержание концепций сербской национальной художественной культуры (конец XVIII – первая половина XIX вв.)», автором которой была И.И. Лещиловская, раскрывалась

¹ Аннотированную библиографию см. в кн.: *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей)*. Советские ученые о Вуке Караджиче (Обзор научной литературы с 1967 по 1986 г.). СПб., 1997.

идейно-эстетическая борьба на пути развития сербской художественной культуры как отражение реальных общественных противоречий и разногласий в период перехода от феодализма к капитализму. В главе было показано, что направление этого развития определяли прогрессивные мысль и практика.

Одной из актуальных и недостаточно изученных проблем была история сербской общественной мысли XIX в. В.Г. Карасев продолжил исследование ее демократического направления в книге, посвященной жизни и деятельности сербского публициста Живоина Жуёвича¹. Автор сосредоточил внимание на его идейном развитии и журналистской практике во время его пребывания в России – с 1859 по 1866 гг. Ученый выявил 82 оригинальных статьи Жуёвича, опубликованных большей частью анонимно в русских периодических изданиях, и провел их атрибуцию. В.Г. Карасев исследовал на их основе с привлечением дополнительно архивных материалов взгляды журналиста, посвятившего свой талант освещению славянского вопроса, проследил эволюцию его мировоззрения под влиянием демократической среды в России. Коренным образом пересмотрев существовавшие ранее суждения о творчестве Жуёвича, В.Г. Карасев сделал вывод, что он был «типичным шестидесятником-прогрессистом, первым сербским демократом, выразившим интересы крестьянства в переходную от феодализма к капитализму эпоху, первым философом-материалистом в Сербии, передовым ученым и пламенным патриотом и гуманистом, беззаветно преданным интересам трудового народа, борьбе за свободу и счастье которого отдал всю свою сознательную жизнь без остатка» (с. 307). Жуёвич был подлинным представителем демократической культуры у сербов.

Одновременно в книге был показан «весомый вклад» Жуёвича в развитие русско-сербских общественных связей во второй половине XIX в., в сокровищницу демократической культуры славянских народов. В.Г. Карасев поставил сербского публициста, зачинателя демократического течения в сербской общественной мысли и движении «в один ряд с выдающимися славянскими деятелями XIX в.» (с. 310).

Яркой и значительной фигурой в общественно-политической и культурной жизни сербов был Васа Пелагич. Его жизнь и деятель-

¹ Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуёвич. Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974.

ность получили освещение в двух монографиях Д.Ф. Поплыко. Первая из них «Васа Пелагич. Основные этапы его идейного развития» вышла в переводе на сербскохорватский язык в 1982 г. в Нови-Саде¹. Это было первое исследование по данной проблеме. Автор посвятила свою новаторскую монографию с благодарностью кафедре истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Д. Ф. Поплыко проследила мировоззренческий путь Пелагича, продолжавшийся около 40 лет, от просветителя в чине архимандрита, затем оmlадинца (члена леволиберальной организации Объединенной сербской молодежи, вошедшей в историю под сокращенным названием Омладины), революционера-демократа до участника рабочего движения, ставшего одним из предшественников сербской социал-демократии. Она выделила хронологические этапы этого процесса, отметив обусловленность их социально-экономическими, общественно-политическими и культурными обстоятельствами в тех землях, где Пелагич жил и действовал в 60-90-е годы XIX в. Это были Босния и Герцеговина, Сербия, Черногория, Воеводина, Болгария и Румыния. Все они переживали переход от феодализму к капитализму. Система взглядов сербского деятеля, говорилось в книге, отразила «мечты и надежды трудящихся» в этот переходный период (с. 163). Д.Ф. Поплыко подчеркнула, что Пелагич был человеком действия, он идейно формировался в борьбе за социальное и национальное освобождение сербов, прежде всего находившихся в «турецком рабстве». Все его труды были руководством к действию.

В монографии отмечалось, как постоянно действующий фактор, влияние на Пелагича сербской и европейской мысли, с одной стороны, и русской (революционно-демократической и революционно-народнической), с другой. В книге был обрисован круг литературы, которую изучал или знал Пелагич.

На протяжении всей творческой жизни сербского деятеля занимали вопросы развития национальной демократической культуры. По словам автора, он был «фанатично предан идее подъема уровня культуры народа» (с. 133). В книге были подробно охарактеризованы педагогические взгляды Пелагича, гуманиста и демократа, предложенная им методика образования и воспитания молодого

¹ Поплыко Д. Ф. Васа Пелагич. Основне етапе његовог идејног развитка. Нови Сад, 1982.

поколения. Д. Ф. Поплыко остановилась также на его педагогической деятельности. В 60-е годы Пелагич основал семинарию в Баня-Луке, был управляющим двух основных школ в Боснии. Он заложил основы школьного образования в провинции на прогрессивных принципах, выступил родоначальником женского образования, ввел преподавание физической культуры, основал в Боснии первую общественную читальню. Педагогическая деятельность Пелагича, заключала Д. Ф. Поплыко, была «органической частью национально-освободительного движения» (с. 40).

Д. Ф. Поплыко дала самую высокую историческую оценку личности и делам Пелагича. При этом она не умолчала об ограниченности и слабых сторонах его мировоззрения, иллюзиях и заблуждениях, проистекавших из характера самой эпохи и конкретных обстоятельств.

Вторая монография Д. Ф. Поплыко «Васа Пелагич и Россия. Из истории сербской революционной мысли» (М., 1983) тематически примыкала к вышерассмотренному исследованию. Автор занялась конкретным анализом влияния России на идейное развитие сербского деятеля. В этой книге прослеживалось присутствие российского фактора в процессе мировоззренческой эволюции на всем протяжении его жизни. Д. Ф. Поплыко показала длительность и прочность связей Пелагича с Россией, развивавшихся в формах его личных знакомств и переписки с русскими деятелями, с одной стороны, и освоения русского общественно-политического опыта, с другой. Через всю монографию прошла авторская мысль о важном значении связей Пелагича с Россией для зарождения и развития сербской революционной мысли, для укрепления традиционных дружественных отношений между сербским и русским народами на пути общественного прогресса. Книги Д. Ф. Поплыко пролили также свет на состояние сербской публицистики, особенно ее демократического направления, в 60-90-х годах XIX в.

Изучение истории русско-сербских связей было подвинуто благодаря монографии А.П. Бажовой «Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в.» (М., 1982)¹. Автор привлекла большой архивный материал для освещения политических, экономических и культурных связей югославянских народов с Россией

¹ См. также ее статью: Из истории культурных связей югославян с Россией в XVIII веке // «Вопросы истории». 1979. № 10.

в указанное время. Русско-сербские культурные взаимоотношения были представлены в широком историческом контексте.

Отмечая этническое родство русского и сербского народов, их языковую близость и историческую традицию русско-сербских культурных контактов, А. П. Бажова обратила особое внимание на ту новизну, которой были отмечены они во второй половине XVIII в. В монографии была высказана мысль, что крепнувшие культурные отношения русских и сербов были продиктованы их реальными интересами во взаимной поддержке в разных формах для решения вставших или намечавшихся новых исторических задач.

Остановившись на предпосылках духовного сближения двух народов, А.П. Бажова кратко осветила основные формы взаимосвязей и их историческое значение. В книге была показана организация школьного дела у сербов в Карловацкой митрополии в Австрийской монархии с помощью России в 20-30-х гг. XVIII в. Было приведено немало свежих фактов о деятельности первого русского учителя у сербов М. Суворова и его русских и украинских последователей, выпускников Киевской духовной академии. В монографии говорилось об учебе сербских юношей в этой академии, а также в других учебных заведениях России, о дальнейшей судьбе их на родине или в России. А. П. Бажова уделила внимание педагогической деятельности в Петербурге серба Ф. И. Янковича Мириевского, показала его вклад в реформу русской школы в 80-х гг. XVIII в.

Опираясь на архивные источники, А.П. Бажова раскрыла широкую географию распространения и назвала состав русских книг у сербов в XVIII в. Речь шла прежде всего о русской церковной литературе, учебниках и произведениях русских писателей.

А. П. Бажова остановилась также на русском компоненте в сербской литературе второй половины XVIII в. Она отметила его в писательской деятельности одного из крупнейших деятелей сербской культуры того времени З. Орфелина, творчестве Д. Обрадовича, мемуарах С. Пишчевича, сербского офицера, переселенца в Россию, и С. Текелии, авторитетного дворянина и мецената. Под углом зрения связей с Россией А. П. Бажова осветила жизнь П. Юлинаца, автора первой печатной истории сербов, и научную деятельность Й. Раича с его фундаментальным трудом «История разных славенских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» и пр.

В результате изучения обширного фактического материала А. П. Бажова сделала убедительный вывод о благотворном воздействии родственной русской культуры на духовное развитие сербского

народа в XVIII в., о значении русского фактора для сохранения самобытности сербов в условиях угнетения.

Исследование русско-югославянских исторических связей А.П. Бажова продолжила во второй монографии, охватившей хронологически конец XVIII – начало XIX вв.¹ Это было время динамичного развития отношений России с югославянскими, в первую очередь сербским, народами. Что касается культурного взаимодействия, в книге говорилось, что в рассматриваемое время культурные и религиозные русско-югославянские отношения развивались в «привычном русле» (с. 151). Это были книгообмен, деятельность среди сербов русских и украинских учителей, взаимовлияние в области искусства и пр. Относительно русско-югославянских общественных отношений, А.П. Бажова высказала мнение, что с начала национально-освободительной борьбы сербов и их совместных боевых действий с русскими во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. «начался иной этап в развитии общественных связей, определявшийся тем, что в общение вступили не единицы, а массы» (с. 179).

Литературоведы успешно работали по проблеме русско-сербских литературных взаимоотношений, понимание которых углубилось. Ученые больше стали заниматься не столько констатацией внешних контактов, сколько выяснением влияния связей на литературный процесс.

Новым явлением в науке стало сотрудничество Института славяноведения и балканистики АН СССР и Матицы сербской (Нови-Сад). В 70-80-х годах вышла серия совместных исследований под общим названием «Русско-югославские литературные связи». Первая книга из этой серии – «Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX - начало XX века» – была издана в Москве в 1975 г.² В ней получили освещение некоторые характерные явления в процессе творческого обмена между сербской, хорватской, словенской литературами, с одной стороны, и русской, с другой – в последних десятилетиях XIX и начале XX вв. Это был первый опыт совместной советско-югославской работы по указанной проблеме.

Вторая книга – «Сербско-русские литературные связи. Первая половина XIX в.» – вышла на сербскохорватском языке в

¹ Бажова А. П. Россия и югославяне в конце XVIII – начале XIX вв. М., 1996.

² Редакционная коллегия: Ю. Беляева, Ж. Бошков, Р. Доронина, Ж. Милисавац, С. Никольский, М. Стойнич.

Нови-Саде в 1980 г.¹ Она тематически отличалась от первого сборника, так как была посвящена специально русско-сербским литературным контактам, охватывая первую половину XIX в. В этой книге была нарисована картина отдельных тематических, историко-литературных и эстетических совпадений в сербской и русской литературах указанного времени, отмечались параллели в творчестве некоторых писателей, освещалось восприятие русской периодической сербской литературы. В этом сборнике приняли участие советские авторы: Ю. Беляева («Сербские мотивы в русской литературе первой половины XIX в.»), М. Гольберг («Сима Милутинович и русская литература»), И. Достян («А. С. Грибоедов и доктор из Пераста С.И. Лазарович»), А. Илюшин («Об одном югославянском мотиве в русской литературе»), И. Лещиловская («Русская периодика первой трети XIX века о сербской литературе»).

Третья книга – «Русско-сербские литературные связи XVIII – начала XIX века» – увидела свет в Москве в 1989 г.² Советская наука была представлена в ней именами И.С. Достян, исследовавшей издание и распространение в России сочинений сербских авторов второй половины XVIII – начала XIX в.; И.И. Лещиловской, остановившейся на связях Д. Обрадовича с Россией; Ю.Д. Беляевой, предпринявшей анализ «Мемуаров» С. Пишчевича; Р.Ф. Дорониной; осветившей проблему восприятия видным сербским поэтом Л. Мушицким сочинений Г.Р. Державина; Ю.И. Смирнова, впервые сопоставившего «Эрлангенскую рукопись», сборник сербско-хорватских народных песен, записанных около 1720 г., и русский письменный фольклорный сборник XVIII в. «Древнероссийские стихотворения, собранные Киршею Даниловым».

В совместных книгах советских и сербских ученых были раскрыты наиболее важные явления в истории русско-сербских литературных взаимоотношений на протяжении XVIII – начала XX вв. Они рассматривались как с точки зрения влияния русской литературы на национальное обновление сербской литературы и ее включение в русло общеевропейского культурного процесса, так и с точки зрения присутствия сербской словесности в культурной жизни России.

¹ Прилози проučavaњу срpsко-руских књижевних веза. Прва половина XIX века. Нови Сад, 1980. Состав Редакционной коллегии был тот же, что и в первой книге.

² Отв. ред. Ю.Д. Беляева.

В русле изучения русско-сербских литературных связей необходимо отметить монографию Ю.Д. Беляевой «Литературы народов Югославии и России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX - начало XX в.» (М., 1979). В этой книге взаимодействие литератур югославянских и русского народов было представлено в новом ракурсе. Ю.Д. Беляева показала не только процесс включения югославянских, в том числе и сербской, литератур в культурное пространство России, но также их восприятие и оценку русскими филологами и критиками в конце XIX – начале XX вв.

Изучение рассматриваемой проблемы продвинул сборник «Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур» (М., 1986)¹. В нем были сформулированы некоторые теоретические положения. Отмечалось, что литературные связи – это не просто влияние, а усвоение художественного опыта и достижений воздействующей стороны соответствующей литературой.

В сборнике была помещена статья Ю.Д. Беляевой «Синхронные и диахронные связи (на материале истории югославских литератур)». Автор обратилась к новой сложной теме, проявив при этом широкий научный кругозор и умение сочетать теоретическое и литературоведческое раскрытие проблемы. В статье проводилась мысль о системном характере синхронии и диахронии, рассматривалось их соотношение в литературе определенного исторического периода или в творчестве отдельного писателя, раскрывались роль и функции таких взаимодействий в литературном процессе в каждом конкретном случае. Ю.Д. Беляева объясняла существование синхронных и диахронных литературных связей неравномерностью исторического и литературного развития народов.

Серьезным вкладом в изучение русско-сербских культурных отношений в рассматриваемое время стали публикации документов. В 1975 г. в Москве был издан сборник материалов, подготовленный учеными СССР, ЧССР и СФРЮ, «Зарубежные славяне и Россия»². В него вошла часть эпистолярного наследия М.Ф. Раевского, священника церкви при российском посольстве в Вене, главного представителя Славянских комитетов в Австрии. В течение 40 лет он был посредником в сношениях между русскими и славянскими

¹ Отв. ред. С.В. Никольский.

² Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е годы XIX века. Составители: В. Матула, И.В. Чуркина. Редакция: В.Г. Карасев, Й. Кочи, В. Матула, С.А. Никитин (отв. ред.), Н. Петрович, И.В. Чуркина.

(в том числе сербскими) учеными, культурными и общественно-политическими деятелями. Сербь-корреспонденты Раевского проживали в Австрийской империи (Австро-Венгрии) и на Балканах. В сборник были включены в числе прочих письма Д. Даничича, В. Караджича, М. Костица, Д. Медаковича, С. Милетича, Дж. Николаевича, С. Павловича, Б. Петрановича, М. Полит-Десанчича, М. Поповича, Дж. Стратимировича. Публикация материалов из архива Раевского была продолжена в 1989 г. с выходом в Белграде тома «Югославяне и Россия»¹. В письмах раскрывались разные стороны сербской культуры, помощь России ее развитию, отношения между представителями русской и сербской общественности в 40-80-х гг. XIX в.

Широким по своему содержанию сборником, включившим материалы и по состоянию сербской культуры, и по русско-сербским культурным связям в XVIII в., стала публикация документов «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.» (М., 1984)². Она была подготовлена Институтом истории СССР и Историческим институтом в Белграде. В книге культурные связи представлены в документах о российских пожалованиях православным монастырям и церквям на Балканах и в Австрийской монархии – богослужебными книгами, утварью, одеждой и деньгами; об организации при поддержке России школьного дела в Карловацкой митрополии; об обучении сербов в России и пр. По проблеме русско-сербских культурных связей эта публикация и книга А.П. Бажовой представляли в известной мере нечто целое. Сборник в расширенном объеме содержал материал, заявленный в ряде случаев в монографии. Ценные сведения имелись в научных комментариях к документальному изданию.

Достойное место в науке заняла двухтомная публикация документов, посвященная борьбе народов Боснии и Герцеговины за освобождение от власти Турции и их связям с Россией в 1850-1875 гг.³ Эти издания явились результатом совместной работы Института славяноведения и балканистики АН СССР, Историко-дипломатического

¹ Югословени и Русија. Главный редактор издания – сербский историк Н. Петрович. Составители. С.И. Данченко, И.В. Чуркина.

² Ответственные редакторы: А.Л. Нарочницкий, Н. Петрович. Составители: А.П. Бажова, К.К. Миронова, В.М. Хевролина, Н.И. Хитрова.

³ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. Документы. 1850-1864. М., 1985; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865-1875. Документы. М., 1988. Отв. ред. Ю.А. Писарев и М. Экмечич. Составители с советской стороны: В.И. Косик, Д.Ф. Поплыко, В.М. Хевролина.

управления МИД СССР и Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины (СФРЮ). В сборниках, включавших донесения русских консулов, имевших широкие контакты с представителями местной славянской общественности, а также письма сербских деятелей и другие документы, получила отражение культурная жизнь сербов в Боснии и Герцеговине в последнее десятилетие перед массовым восстанием в этих провинциях и Восточным кризисом 1875-1878 гг. Документы содержали сведения о развитии школьного дела у сербов и российском содействии православным школам и учителям, работе банялукской семинарии под руководством В. Пелагича, присутствии русской книги в провинциях, русской поддержке православных монастырей книгами и утварью, благотворительной деятельности Московского и Петербургского славянских комитетов в Боснии и Герцеговине в виде помощи книгами, учебными пособиями, денежной поддержки православных школ.

Особое место занял сборник документов, извлеченных в массе из советских архивов, о деятельности Омладины, считавшейся культурно-просветительной организацией, но в действительности преследовавшей национально-политические цели. Главную роль в выявлении документов и составлении сборника сыграла В.Н. Кондратьева¹.

Достигнутые советскими учеными в послевоенное время результаты исследования сербской культуры XVIII-XIX вв. стали добротной основой для дальнейшей научной разработки проблемы в новых наступивших условиях.

В начале 90-х годов народы СССР и Югославии пережили схожие грандиозные события. Произошел распад многонациональных государств. Началась новая эпоха в историческом развитии России и Сербии.

Российские гуманитарные науки в результате падения коммунистической системы освободились от идеологических догм, сложилось новое мышление с предпочтением гуманистических ценностей,

¹ Уједињена омладина српска и њего доба. 1860-1875. Грађа из совјетских архива. Нови Сад, 1977. В.Н. Кондратьевой, успешно занимавшейся историей Боснии и Герцеговины Нового времени, принадлежала также небольшая публикация документов о русской помощи Боснии и Герцеговине в деле народного просвещения накануне освободительного восстания 70-х гг. Сербские школы нередко создавались здесь и финансировались членами славянских комитетов, видными русскими общественными деятелями Н.А. Киреевым и другими. См.: *Кондратьева В. Н. Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования в 50-70-е годы XIX в. // Балканские исследования. М., 1980. Вып. 6.*

в качестве методологической основы марксистско-ленинское учение потеснил системный подход. Он ориентирует применительно к истории на изучение в целостности сложных явлений конкретной эпохи, понимание взаимообусловленности и взаимозависимости составных компонентов и рассмотрение его как части макросистемы, в данном случае исторического процесса.

Общественная перестройка затронула и славяноведение в России. В обстановке сокращения научной издательской деятельности в Москве в 1993 г. вышла из печати монография В.П. Гудкова «Сербская лексикография XVIII в.». Опираясь на словари сербско-хорватского и других языков, составленные сербами – лексикографами в XVIII в. с использованием российского лексикографического опыта, автор исследовал лексический состав письменного языка сербской книжности накануне реформы Вука Караджича.

В 1994 г. появилась книга И.И. Лещиловской «Сербская культура XVIII в.» (М.) Она стала первым в отечественной науке специальным комплексным исследованием развития сербской культуры в XVIII в. Выделение для специального изучения этого столетия имело прямое отношение к периодизации сербского культурного процесса, о которой говорилось выше. 60-е годы были выделены в монографии как знаковые в процессе смены исторических типов культуры у сербов. Переход к культуре Нового времени заметно продвинулся в годы Просвещения, связанного с творческой деятельностью Д. Обрадовича.

Тематически в книге были рассмотрены эволюция творческой сферы, пути и формы распространения духовных достижений среди сербов, рецепция этих ценностей в обществе. Были показаны связи сербской культуры с Западом и Россией.

Одновременно расширялась тематика конкретных исследований сербской культуры. В коллективном труде «Славянские матицы. XIX век» (М., 1996)¹ получили освещение история создания Матицы сербской в 1826 г. и ее деятельность в XIX в. в контексте развития других подобных организаций. Это был первый сравнительно-исторический труд, посвященный этим важным литературно-просветительным обществам у славян. Он расширил и углубил научные представления о сфере распространения духовных ценностей среди населения славянских земель, о месте и роли

¹ Редакционная коллегия: Т.М. Исламов, И.И. Лещиловская (отв. ред.), З.С. Ненашева.

общественных организаций в национально-освободительных движениях славян.

В поле зрения ученых вошли церковь и церковная культура. В 1993 г. в Москве состоялась Международная научная конференция «Роль церкви в истории народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы». Ее материалы составили сборник «Церковь в истории славянских народов» (М., 1997)¹. Среди прочих сюда вошли статьи, показавшие положение сербской церкви в разных землях с сербским населением в XVIII-XIX вв., культурные аспекты ее деятельности, русско-сербские церковные связи, роль церкви и ее влияние на национальную консолидацию сербов.

В новом ракурсе формирования и развития национальной идеологии российские ученые подошли к дальнейшему изучению сербской общественной мысли в XIX в. Сербские сюжеты получили место в коллективной монографии «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв.» (М., 1997). Авторами книги выступили И.В. Чуркина, И.С. Достян, А.В. Карасев, А.Л. Шемякин, Е.К. Вяземская, В.И. Фрейдзон, В.И. Костик, ответственным редактором – И.В. Чуркина.

Национальная идеология, в основе которой лежит национальное самосознание, – явление широкое и многоплановое. Она включает представления о нации, литературно-языковые идеи, культурные концепции, художественные идеалы, политические намерения и программы и пр. Советские ученые плодотворно разрабатывали эти аспекты общественного сознания югославян в рамках национального Возрождения этих народов. Монография, о которой идет речь, стала в известной мере синтезом того, что было сделано в предшествующие годы, в первую очередь в плане национальной политической мысли югославян. Да и большая часть авторов апробировала свои взгляды в коллективном труде «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в.» (М, 1986). Монография была создана в разгар геополитического кризиса европейского масштаба – развала Югославии, сопровождавшегося военными действиями, – и стала своего рода ответом на трагические события. Все это наложило печать на научную мысль.

¹ Редакционная коллегия: И.Ф. Макарова, А.И. Рогов, И.В. Чуркина (отв. ред.).

В работе были раскрыты две концепции решения национально-го вопроса на славянском юге: одна, состоявшая в освобождении, сотрудничестве и объединении сербов, хорватов, словенцев, македонцев в общем государстве, другая – в самостоятельном государственном развитии отдельных народов. «Борьба двух тенденций в югославянских национальных движениях – объединительной и националистической, говорилось в книге, стала характерной чертой к началу Первой мировой войны. Стремление к интеграции росло во время усиления инонационального гнета (со стороны немцев, венгров, турок), отходило на второй план, когда он ослабевал. И тогда национализм занимал более прочные позиции» (с. 387). Авторы предприняли попытку показать причины победы объединительной концепции и ее реализацию в 1918 г. в лице Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев.

Высококвалифицированный авторский коллектив осветил труднейшую для изучения проблему во всей ее сложности и противоречивости. Тем не менее, ряд положений в книге представляются спорными. Это касается, в частности, нечеткого содержания понятий «национализм», «националистический» применительно ко второй тенденции. Создается впечатление, что в книге естественное стремление народа к образованию независимого государства подменяется вопросом об исторической целесообразности той или иной формы решения национального вопроса.

Результатом многолетнего исследования учеными славянских литератур стал обобщающий труд в трех томах «История литератур западных и южных славян» (М., 1997). Второй том имел подзаголовок «Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII - 80-е годы XIX века»¹. Труд был выполнен в Институте славяноведения РАН.

Во втором томе были раскрыты направление, содержание и этапы литературного развития западных и южных славян в период утверждения Нового времени, показаны становление романтизма и реализма. Были выявлены общие черты развития славянских литератур и индивидуальный облик каждой из них в указанное время. В томе были представлены наиболее значительные писатели. Славянские литературы рассматривались в контексте общеевропейского развития.

¹ Редакционная коллегия: Л.Н. Будагова, Р.Ф. Доронина, В.В. Мочалова, С.В. Никольский (отв. ред.).

Второй том состоял из двух частей: в первой была дана характеристика литературного процесса с середины XVIII в. до середины XIX в., вторая охватывала 50-80-е годы. Автором двух соответствующих глав, посвященных сербской литературе, была Р.Ф. Доронина.

Сербская литература второй половины XVIII в. рассматривалась автором под углом зрения господства в ней так называемого «русскославянского языка», пришедшего на смену церковнославянскому. «На русскославянском языке, – говорилось в книге, – была создана целая литература» (с. 224). Наиболее видными ее представителями, по мнению автора, были Орфелин и Раич. Однако положение о «русскославянском языке», якобы применявшемся в сербской книжности, не разделяется советскими (российскими) лингвистами, специалистами по литературно-языковой ситуации у сербов в XVIII в. (Н.И. Толстой, В.П. Гудков).

Сербская литература первой половины XIX в., связанная с национально-освободительной борьбой, характеризовалась, по словам автора, обилием переходных форм и явлений, соединением разных тенденций при зарождении во втором десятилетии романтизма и его победы в 1847 г. Р.Ф. Доронина раскрыла специфику сербского романтизма в поэзии – его опору на фольклор, народную поэтическую традицию (с. 256, 262, 268).

Существенной особенностью сербского литературного процесса была вторая волна романтизма в поэзии в 60-70-е годы. Причину этого явления автор связала с неразрешенностью задач национально-освободительной борьбы. В книге даны литературные портреты трех «китов» романтизма этого времени – Й. Йовановича-Змая, Дж. Якшича и Л. Костица.

Переходя к сербскому реализму, который формировался в 60-70-х гг. в прозе, Р.Ф. Доронина отметила взаимодействие и взаимовлияние двух форм художественного мышления в это время – романтизма и реализма (с. 533). Становление и развитие сербской реалистической прозы автор отнесла к 70-80-м гг. XIX в. (с. 512). Р.Ф. Доронина подчеркнула мощное влияние на формирование реалистического метода в художественной литературе сербской публицистики, вобравшей в себя демократические идеи русской критики, и русской литературы, на начальной стадии Н.В. Гоголя и И.С. Тургенева, а позднее Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского (с. 534). Одной из особенностей сербского реализма в период его становления Р.Ф. Доронина видела в обращении его критики вовне,

в адрес внешних угнетателей сербов. Главным жанром сербской реалистической прозы в рассматриваемое время автор назвала рассказ (повесть).

80-90-е годы Р.Ф. Дороница выделила как особый этап литературного развития сербов с его новыми явлениями в поэзии.

В главах Р.Ф. Дорониной была дана обстоятельная и разносторонняя характеристика облика сербской литературы в рассматриваемое время, вобравшая в себя результаты советских исследований. Однако неубедительной выглядит периодизация сербского литературного процесса. В книге было справедливо сказано: «Первое сербское восстание 1804-1813 гг. – эпохальное событие в сербской истории, обусловившее решающие перемены не только в социально-политической жизни народа, но и в его культуре» (с. 238). При такой оценке освободительного восстания логично было бы именно с него вести историю сербской культуры Нового времени, но главы о сербской литературе искусственно втиснуты в «прокрустово ложе» периодизации коллективного труда. Это касается, кстати, и хорватской литературы.

Научным событием стал выход трехтомного синтетического труда «История культур славянских народов». В нем было представлено развитие культур всех славян с древних времен до современности. Второй том имел подзаголовок «От барокко к модерну» и охватывал период с XVII в. до 70-х годов XIX в. Труд вышел в Москве в 2005 г. под грифом Министерства образования Российской Федерации и Государственной академии славянской культуры¹. Он был отмечен масштабностью замысла, объемом исследования и высоким научным уровнем.

В труде было уделено преимущественное внимание художественной культуре, отсюда эстетический принцип определения хронологических рамок тома. Вместе с тем размытыми и неоднозначными выглядят критерии внутренней периодизации культурного процесса в названных хронологических границах: Эпоха барокко. Просвещение. Национальное возрождение и развитие славянских культур в XIX в.

Тем временем продолжалась исследовательская работа по традиционному научному направлению – русско-сербским культурным

¹ Отв. ред. второго тома Г.П. Мельников. Авторский коллектив составили сотрудники Государственной академии славянской культуры, Института славяноведения РАН и МГУ им. М. В. Ломоносова.

связям. П.А. Дмитриев и Г.И. Сафронов выпустили книгу «Сербия и Россия (страницы истории культурных и научных взаимосвязей)» (СПб., 1997 г.). Она вошла в Государственную программу: «Народы России: возрождение и развитие». Книга представляла сборник статей авторов, опубликованных ранее в советских и зарубежных изданиях. В текст были внесены некоторые изменения и уточнения в соответствии с развитием науки, в частности было убрано понятие «хорватосербский язык». Большую часть сборника составили материалы о связях Караджича с Россией. Такого рода издание, помимо научного обновления, сделало более доступными исследования П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова и облегчило пользование ими.

Русско-сербские культурные связи в XVIII в., которые освещались недостаточно, заняли подобающее место в коллективном труде «Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в.» (М., 2003)¹. Много внимания уделено сербской культуре в ее связях с Россией в книге И.И. Лециловской «Сербский народ и Россия в XVIII веке» (СПб., 2006). Здесь были показаны разные формы русско-сербских связей, в том числе культурных, с охватом всей территории проживания сербов, раскрыты нарастание контактов на протяжении века и их обусловленность общественными потребностями русского и сербского народов, исследовано восприятие России сербами, проявившееся в фольклоре, историографии и литературе, отмечено значение взаимосвязей сербского народа и России для обеих сторон. Книга была удостоена Макарьевской премии II степени.

В том же году в Санкт-Петербурге вышло из печати интересное издание «Русские о Сербии и сербах». Его составителем, автором введения и заключительной статьи выступил А.Л. Шемякин, ему же и А.А. Силкину принадлежали комментарии. Оно представляло собой сборник источников – воспоминаний, писем, статей, путевых заметок русских авторов разной социальной принадлежности, профессий и званий, – публикаций 1860-1915 гг. Всего было охвачено 40 человек. «Главным объектом наших научных интересов, – писал А.Л. Шемякин во введении, – явился *менталитет сербского традиционного общества* – его универсальные характеристики и эволюция...» (с. 40).

В материалах сборника получили отражение разные стороны жизни сербов, их быт, культура, интересы, поведение и пр. Сам по

¹ Отв. ред. И.И. Лециловская.

себе этот корпус источников, во многом неизвестных ученым или вскользь затронутых наукой, представляет несомненную ценность. Важным компонентом книги явилось освещение отношения к сербам представителей разных слоев русского общества. Это были современники – наблюдатели, писавшие о сербах с сочувствием, иногда с удивлением, эмоционально.

В исследовательской статье А.Л. Шемякин, в соответствии с поставленной задачей, сделал важные выводы о соотношении традиций и новаций в общественном развитии Сербии на исходе XIX в. Он завершил книгу словами: «Итак, совершенно очевидно, что *реальная жизнь* Сербии в последней трети XIX - начале XX в. далеко не соответствовала тем «современным» формам, в которые облачают ее многие сербские историки, стремясь представить свою родину вполне сложившимся, европейским государством» (с. 670). А.Л. Шемякин наметил актуальные направления изучения истории Сербии XIX в.: социокультурный и имагологический аспекты.

Это издание, соединившее в себе публикацию документов и исследование, разрушило стереотипность исторических работ и явило собой новый тип научного труда. При этом А.Л. Шемякин проявил творческое новаторство, внутреннюю раскрепощенность и смелость мысли.

В новых условиях к сербской национальной идеологии, ее зарождению и развитию в период с конца XVIII до середины 30-х гг. XIX в. обратился М.В. Белов¹. Подчеркнуто индивидуальная позиция автора проявилась и в толковании национальной идеологии как национальной «картины мира», «образной системы», и в подходе к ее изучению, который назван «этно-символическим». Осветив подступы к ней в годы сербского Просвещения, М.В. Белов остановился на «политизации и адаптации национальной идеи» в ходе сербского восстания 1804 – 1813 гг. и завершил анализом сербской национальной идеологии в повстанческий период с середины 10-х до середины 30-х гг. XIX в. Работа М.В. Белова представляла исследование на стыке истории и филологии.

Продолжалось углубленное изучение конкретно-исторических вопросов развития сербской культуры, имевших уже литературу. И.В. Чуркина обратилась к Этнографической выставке и Славянскому съезду в Москве в 1867 г. В статье содержались дополнительные

¹ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии. Механизмы формирования и специфика развития. Конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века. СПб., 2007.

сведения о позиции и деятельности сербских делегатов. И.И. Лециловская в статье «А.С. Пушкин и сербы» сделала акцент на философско-нравственной стороне стихотворений поэта о Карагеоргии, а также на сербских мотивах в его прозе¹.

Особое место в изображении сербского культурного процесса занял учебник «История южных и западных славян» (М., 1998. Т. 1), подготовленный коллективом авторов одноименной кафедры исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Здесь четко была выделена сербская культура в хронологических рамках XIX – начала XX вв. Автор раздела Л.В. Кузьмичева сжато, но емко обрисовала состояние сербской культуры Нового времени – оформление литературного языка, науку и образование, литературу и изобразительное искусство, обыденную культуру сербов. Духовная жизнь народа в XVIII в. как-то «затерялась» на страницах учебника, но значение деятельности Досифея Обрадовича получило отражение в нем. Особый стиль разделу о сербской культуре в учебнике придало освобождение от излишней социологизации культурного процесса.

Таковы основные, главные направления изучения сербской культуры XVIII-XIX вв. советскими и российскими славистами. Названными работами исследования не ограничивались. Статьи с освещением конкретных вопросов сербского культурного развития, заметки разного рода, рецензии были разбросаны по многим журналам, сборникам, коллективным трудам иного содержания. Не все работы упомянуты в обзоре, и не обо всех авторах удалось сказать.

Советские и современные российские ученые – историки, литературоведы, лингвисты, искусствоведы – вносили и вносят существенный вклад в освещение сербской культурной жизни, в том числе XVIII-XIX вв. В поле зрения исследователей было все пространство проживания сербского народа. Собран и освоен большой фактический материал. В большей или меньшей степени культура рассматривалась как комплексное явление, хотя преобладали работы, посвященные ее отдельным видам.

В общих чертах была дана периодизация истории сербской культуры. Она связана с периодизацией общеисторического

¹ Чуркина И. В. Славяне на Всероссийской Этнографической выставке и Славянском съезде в Москве // Славянский альманах. 2007. М. 2008; Лециловская И. И. А.С. Пушкин и сербы // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008.

процесса, однако еще не установлены ее надежные критерии. Показано влияние на состояние духовной жизни развития национально-освободительной борьбы. Значительно расширилась картина взаимовлияния и взаимопроникновения культуры сербов и культур русского, других славянских народов и Западной Европы. Наиболее успешно разрабатывалась проблема освоения сербской литературой русского опыта.

Из видов культуры в наибольшей мере исследована литература сербов. Ученые раскрыли трансформацию их художественного сознания на пути от дидактическо-воспитательных традиций к романтизму и реализму. Они стремились охватить весь литературный процесс, показать его этапы, истоки национального своеобразия, раскрыть разные типы и явления литературных связей, прежде всего освоение сербскими писателями русского опыта. Другие виды культуры остаются слабоизученными, а городская бытовая культура сербов, их повседневная жизнь вообще не вошли в поле зрения ученых.

При всех достижениях советских и российских славистов в исследовании сербской культуры XVIII-XIX вв. еще ждет серьезного анализа исторический тип культуры Нового времени: ее социальные истоки, содержание, ценности, ориентиры, рецепция в обществе. Но главное, наука не дала еще ответа на вопрос, что же составляло пружину культурного развития сербов. Отказавшись от формационного принципа марксистско-ленинской методологии, современное славяноведение ничего не предложило взамен нового. Может быть, изменение задач, встававших на каждом новом этапе исторического развития перед обществом, или перемены в потребностях последнего и насколько вообще было самостоятельным Слово в поступательном развитии общественной жизни?

**Историография восстания 1804–1813 гг.:
проблемы изучения сербского
национально-освободительного
движения**

Нет большой необходимости говорить о том огромном значении, которое имело восстание 1804–1813 гг. для истории Сербии и всего Балканского региона. Оно, безусловно, является базовым и отправным событием, а его особое место было понято сразу уже современниками. При этом, как и во многих других случаях, здесь мы сталкиваемся с двояким процессом: объективным и стремительным ходом общественных перемен, с одной стороны, и с другой — субъективным стремлением упорядочить их в сознании, наделить историю смыслом. Будучи связаны между собой, эти две стороны исторического процесса не совпадают полностью, что собственно и формирует основную проблему понимания прошлого. Можно вспомнить остроумное замечание Маркса: как нельзя судить о человеке по тому, что он думает о себе, так нельзя составить представление об эпохе только по господствующему в то время мнению (или мнениям)¹. Добавлю, что пренебрегать ими также невозможно. Ведь эти мнения задавали рамки понимания и параметры действий тех или иных общественных, политических групп.

Преобладающие в историографии версии истолкования хода восстания восходят к отложившимся в источниках мнениям современников. Однако мы должны отдавать себе отчет в том, что это не были холодные и отстраненные суждения стерильных наблюдателей. Напротив, мы имеем дело с полемическими версиями сторон, ведущих пропаганду, нападающих и защищающихся, использующих актуальный политический материал и еще дымящееся прошлое в межгосударственной, национальной и партийной борьбе.

Со времени восстания 1804–1813 гг. ведет свой отсчет сербское национальное государство. Как справедливо констатируют историки², именно в это время складываются, пускай в зародышевой

¹ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

² Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.). М., 1986. С. 110–111.

форме, основные компоненты и институты государственности: территория и население; монархия, правительство (совет) и скупщина. Восстание дало начало одной из двух сербских династий. И именно тогда, в ходе восстания обозначились главные контуры национально-монархической идеологии, которая сохранила свое значение и во время правления Обреновичей, и тем более, когда к власти возвращались Карагеоргиевичи.

Культ Карагеоргия в качестве вождя и главного героя восстания оказал преобладающее влияние как на историографические изыскания, так и на политическую культуру Сербии в целом. Этот культ генетически связан с укорененным в фольклорном сознании представлении о герое-спасителе: статус вождя опирался, таким образом, на прочную эпическую платформу. Но скоро сербские интеллектуалы, выступившие в качестве повстанческих идеологов, вписали имя Карагеоргия в книжную историческую традицию, придав его победам и власти военного вождя государственный смысл: функции спасителя преобразовывались в отеческое покровительство над сербским народом. Позднее Милош Обренович с помощью собственных идеологов приписал эту роль себе, а Карагеоргия по принципу мифологического отрицания стал изображать в обращениях к народу как антигероя¹.

Персонафицированный характер изучения восстания достаточно очевиден. Пожалуй, большая часть сводных описаний восстания построена вокруг личности его вождя. Эта тенденция, несколько угасшая в середине XX века, вновь ожила в наше время. Достаточно вспомнить впечатляющий юбилейный проект серии фильмов и роскошно изданный большеформатный том «Вождь Карагеоргий и сербская революция»². Карагеоргию посвящены многие сборники статей, монографии, популяризаторские и литературные произведения, репринтные издания, вышедшие на рубеже XX – XXI веков. Важным событием в этом ряду стала публикация работы Л. Арсениевича-Баталаки «Жизнь и приключения Карагеоргия», извлеченная из архива, а до этого публиковавшаяся лишь в отрывках³. Л. Арсениевич являлся одним из главных творцов культа

¹ См. подробнее: *Белов М.В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.

² Вождь Карађорђе – Српска револуција: Казивања и филмови о хероју тополскомом / [Аутори и приређивачи] Д. Васић и Н. Јакшић. Београд, 2003.

³ *Арсенијевић Баталака Л.* Живот и прикљученија Карађорђа / Приредно Р.Ј. Поповић. Београд, 2004.

Карагеоргия в историографии XIX века. Его труды сохранили свое значение с точки зрения уникальных свидетельств, которые он собрал, но они отнюдь не всегда поддаются проверке.

Фиксация исследовательского интереса на личности Карагеоргия имеет и определенные негативные последствия для историографии. В искаженной перспективе предстают другие деятели восстания: им достаются либо роли сподвижников, либо вольных или невольных противников вождя. Искажается в порядке оправдания главного героя и сама событийная канва. Неудачи объясняются сопротивлением врагов Сербии, внешними препятствиями, история приобретает предначертанный вектор, из нее улетучивается динамика внутренних противоречий, сложность, непредсказуемость, вариативность. Даже честно констатируя некоторые негативные черты характера Карагеоргия, историки, как правило, не доходят до вывода, что иногда они могли вредить делу.

Показательна, например, оценка внешней политики повстанцев. Среди сербских историков, пожалуй, лишь ранний В. Чорович и послевоенный В. Чубрилович позволили себе сделать остро критические замечания относительно дипломатических способностей Карагеоргия¹. Поиски новых протекторов в период действия Слободзейского перемирия и после поражения 1809 г. преподносятся обычно как свидетельства самостоятельной внешней политики повстанцев. Между тем, понятно, что, удостоверившись в контактах сербского руководства с властями Австрии и Франции, русская дипломатия испытала острое разочарование в балканских союзниках и сбросила цену данных им обещаний². В свою очередь западные державы были объективно не заинтересованы в укреплении

¹ Так в своей ранней статье В. Чорович в частности писал: «Карагеоргий, который был никакой дипломат и который постоянно колебался, достаточно часто подчинялся моментальному впечатлению и уведомлениям своего окружения». *Ђоровић В.* Живот и личност Карађорђа Петровића // Карађорђе: живот и дело. Београд, 1923. С. 19–22. В более поздних работах об этой эпохе Чорович сгладил или вовсе снял подобные оценки. Ср.: *Ђоровић В.* Карађорђе и први српски устанак // *Он јесе*. Портрети из новије српске историје. Београд, 1991. С. 41–42. *Ђоровић В.* Историја Срба. Д. 3. Београд, 1989. В свою очередь В. Чубрилович в статье 1954 г., характеризуя Карагеоргия как «слабого и неэффективного» политического деятеля, вновь напомнил о его колебаниях и нереалистичности во внешних делах. *Чубриловић В.* Улога народних маса и личност у српској револуцији // *Он јесе*. Одабрани историјски радови. Београд, 1983. С. 24–25.

² Канцлер Н.П. Румянцев, получив подтверждения поиска сербами новых протекторов, пришел к выводу, что они «... доказывают совершенно непостоянство сей нации...». Министр советовал приберечь компрометирующие письма до переговоров о мире, а пока, «... оказывая им всякое дружелюбие и делая всякое пособие, стараться всю

сербской самостоятельности. Признавая недостаточными условия Бухарестского мира 1812 г. в отношении сербов, было бы несправедливым всю ответственность за это возлагать только на русскую дипломатию¹.

Сходную с культом Карагеоргия функцию в организации рассказа о восстании имеет и преобразованная легенда о «фанариотском заговоре» против Сербии. Именно она лежит в основе первой опубликованной истории происходивших событий: «Сербии печально порабощение в разговоре Материи с единым Сыном своим» (1815)². Легенда о заговоре фанариотов — белградского митрополита Леонтия и русского дипломатического агента в Сербии К.К. Родофиникина, грека по происхождению — была важна как в политическом плане, так и в плане национальной консолидации. В снятом виде версия заговора оказалась пригодной и для более поздних историографических построений. Заместителем коварных фанариотов стала выступать русская дипломатия, якобы лишь стремившаяся использовать освободительные устремления и военный потенциал балканских народов в своих империалистических целях. Остаточным компонентом теории заговора при этом является моралистическая кодировка политической истории, где действующие лица непременно разделены на героев и злодеев, в ультрамарксистской интерпретации: на революционеров и реакционеров³.

В целом можно констатировать, что господствующая линия в историографии восстания всегда поддерживала связь с национально-идеологическим творчеством, развернувшимся в ходе восстания и вскоре после него. Говоря словами Э. Нольте, восстание 1804–1813 гг. сохраняет «позитивную жизненность»⁴, будучи неотъемлемой частью сербской политической культуры и

наивозможную пользу извлечь из их содействия в продолжении войны». АВПРИ. Ф. 321. Оп. 580/1. Д. 159. Л. 71–72. Н.П. Румянцев – Н.М. Каменскому, 25 апреля 1810 г.

¹ Грачев В.П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира // Славяноведение. 2001. № 1.

² См. о ней: Ристић М. Ко је писац анонимне књижнице: «Сербие плачевно пакипобашчине лета 1813» // Библиотекар. Београд, 1953. Св. 3–4.

³ См. подробнее: Белов М.В. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия: события, документы, историография. Нижний Новгород, 1999. С. 109–128.

⁴ Еще в 1980 г. Э. Нольте опубликовал статью «Негативная жизненность Третьего Рейха». Позднее эта и другие публикации вызвали знаменитый «спор историков» ФРГ. См., например: Савельева И.М., Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического самосознания. М., 2005. С. 68–69.

национального самосознания. Такая ситуация, с одной стороны, поддерживает интенсивность интереса к событиям уже далекого прошлого, а с другой стороны, выставляет барьеры в сфере интерпретации. Торжественный статус «великого свершения» делает неподобающим, если не кощунственным, сниженный по тону, одинаково критический в отношении всех ситуаций и героев рассказ о нем.

Нельзя сказать, что подобная повествовательная стратегия вовсе не бралась на вооружение в историографии. Стоит вспомнить, к примеру, труды Д. Пантелича, остановившегося, однако, лишь на подступах к главным событиям восстания¹. Взвешенный подход и спокойный тон характерен для многих узких исследований повстанческой истории. И все же обобщенный и доминирующий в историографическом пространстве образ восстания остается подчиненным возвышающим параметрам «парадного стиля».

Сербскую историографию восстания можно разделить на следующие этапы развития. Начальный этап изучения растянулся до конца XIX века. Эта долгая протяженность была связана, во-первых, со спецификой становления сербской исторической науки, трудностями в накоплении источников². Во-вторых, со сложными внутриполитическими обстоятельствами, вызванными борьбой двух сербских династий. Первые историки восстания от В. Караджича до Л. Арсениевича опирались не только на письменные источники, но и на устные свидетельства, которые они целенаправленно собирали, поэтому их работы носят по существу полумемуарный характер и представляют собой источники второй степени.

Этап критического толкования и формирования научной концепции истории восстания относится к началу XX века. Речь идет о трудах С. Новаковича и М. Вукичевича, которые помимо уже собранных к этому времени источников использовали иностранные архивные материалы, прежде всего, из России. Оба историка были близки к правительственным сферам и совмещали научное творчество либо с государственной службой, либо с актуальной публицистикой, искренне реализуя существовавший в то время

¹ *Пантелић Д.* Београдски пашалук пред Први српски устанак. Београд, 1949.

² *Ilić T.* O arhivama i arhivalijama Prvog srpskog ustanka i njihovom propadanju // *Arhivist*. 1954. Кн. IV. Sv. 2. *Перовић Р.* Предговор // *Први српски устанак: Акта и писма на српском језику*. Књ. 1. 1804–1808 / У редакцији Р. Перовића. Београд, 1977. С. 5–47.

идеологический заказ¹. Особый случай представляют работы такого трезвого позитивиста как М. Гаврилович, соблюдавшего дистанцию от актуально-политических запросов к прошлому. Однако, как известно, он не оставил сводного сочинения по истории восстания 1804–1813 гг., а его главный труд посвящен Второму восстанию и правлению М. Обреновича.

В трудах историков межвоенного поколения концепция Новаковича–Вукичевича была подвергнута уточнениям и частичной критике, но в целом она сохранила значение как базовая модель интерпретации. В 20–30-е гг. югославские историки продолжили сбор и публикацию документальных материалов, прежде всего в австрийских архивах. И здесь нельзя не сказать о титанической работе А. Ивича по поиску документов в венских хранилищах.

В 50-е гг. формируется марксистская версия истории восстания как первой буржуазно-демократической революции на Балканах. Она развивалась в двух вариантах: творцом одного был Д. Перович, второго — В. Чубрилович. И в том, и в другом случае можно говорить о влиянии Новаковича, чей юбилейный труд «Возрождение сербского государства» (1904), был опубликован вторым изданием к 150-летней годовщине начала восстания. Чубрилович, сопроводивший эту публикацию критическим разбором творчества Новаковича, также много заимствовал в концептуальном плане из книги С. Марковича «Сербия на Востоке» (1872). Согласно построенной таким образом синтетической теории, восстание началось как крестьянское движение и лишь затем, в результате дифференциации повстанческого лагеря, оно переросло в буржуазную революцию.

Характеристика восстания как буржуазной или даже буржуазно-демократической революции была воспринята советскими историками, что получило отражение в монографических исследованиях, обобщающих трудах и учебной литературе. В начале 80-х годов были предприняты попытки критического пересмотра базовых ком-

¹ С. Новакович способствовал поездке М. Вукичевича в Россию для работы в архивах, а затем пользовался собранными им материалами. Центральные выводы двух историков близки, а иногда повторяются почти дословно. Это не значит, что нельзя обнаружить различий в акцентах и деталях. К тому же, тональность выводов Новаковича менялась от одной работы к другой. Как известно он публиковал пять монографий, связанных с историей восстания, не говоря о статьях по отдельным вопросам. Тем не менее, на мой взгляд, Новаковича и Вукичевича можно считать соавторами национально-позитивистской концепции в историографии восстания.

понентов «сербской революции», которая получила новые наименования (национально-освободительная, национально-буржуазная)¹. Однако значительного концептуального продвижения эти модификации не принесли.

Теоретические поиски были обусловлены не только неудовлетворенностью прежней догматической схемой. На протяжении 70-х гг. в рамках совместного советско-югославского проекта велась кропотливая работа по выявлению в архивах СССР, атрибуции и копированию всего комплекса документов, связанных с историей восстания. Среди них немало источников сербского происхождения первостепенной важности, но большинство — отражает наблюдения и работу русских дипломатов и военачальников. Как известно, лишь малая часть собранных материалов могла войти в итоговую советскую публикацию документов в двух книгах². Вся коллекция была передана югославской стороне.

Решительный пересмотр «революционной» концепции восстания на рубеже 90-х гг. был сделан одним из участников архивных изысканий 70-х и комментатором документальной публикации начала 80-х В.П. Грачевым³. Исследователь констатировал несостоятельность прежней концепции как с методологической, так и с фактической стороны. Действительно, десять лет действия особых привилегий в отношении одного отдельно взятого Белградского пашалыка слишком малый срок для вызревания буржуазных отношений, тем более, учитывая тяжелые демографические последствия последней австро-турецкой войны, бегство населения, эпидемии и разрушения.

¹ *Нарочичкић А.Л.* О характере Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и его месте в истории революций конца XVIII и начала XIX века // *Југословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804–1813*. Београд, 1983. С. 29–49. Ср.: *Он же*. Характер и значение Первого сербского восстания 1804–1813 гг. // *Новая и новейшая история*. 1981. № 4. С. 69. *Карасев В.Г.* Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (к вопросу о характере сербского восстания 1804–1813 гг.) // *Советское славяноведение*. 1983. № 3. С. 49–50. *Он же*. Внешний фактор в сербских буржуазно-национальных революциях 1804–1813–1815 гг. // *Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия*. М., 1992. Ч. 1. С. 71–72.

² *Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия*. М., 1980–1983. Кн. 1–2.

³ *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв. (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990. *Он же*. Новый взгляд на проблему формирования предпосылок сербского восстания 1804–1813 годов // *Славяноведение*. 1993, № 1.

В 90-е гг. и в сербской историографии предлагалось пересмотреть узко-временное толкование восстания 1804–1813 гг. в качестве буржуазной революции. Р. Люшич предложил расширить хронологические рамки «сербской революции» до середины 30-х гг. XIX века, когда был узаконен аграрный переворот, а сербская автономия была признана *de jure* в границах эпохи Первого восстания¹. Нельзя сказать, что это предложение было легко воспринято другими учеными. Во всяком случае, в приуроченных к 200-летию выступлениях и публикациях хронологически узкий канон «сербской революции» постоянно ставился в один ряд с буржуазными революциями на Западе: Войной североамериканских колоний за независимость, Великой французской революцией, буржуазными преобразованиями эпохи «наполеоновских войн» и демократическими движениями 20–30-х гг. XIX века.

Общим местом историографических оценок является убеждение, что впервые термин «революция» был применен к событиям 1804–1813 гг. Л. фон Ранке в книге, вышедшей первым изданием в 1829 г. и основывающейся в основном на материалах, которые предоставил немецкому историку В.С. Караджич. Само название книги характеризуется обычно как подлинный концептуальный прорыв². На самом деле Ранке не был первым, кто произнес заветное слово. Термин «революция», к примеру, встречается в донесениях русского агента Родофиникина³, что может показаться нонсенсом в свете преобладающей оценки царской дипломатии того времени как преимущественно консервативной. Даже не оспаривая этот штамп, можно найти разгадку парадокса в простом терминологическом анахронизме. Как известно, слово «революция» в XVII–XVIII вв. употреблялось вовсе не в том смысле, какой стали вкладывать в него позднее идеологи и наследники Французской революции, и тем более, историки-марксисты. Пришедшее из астрономии, оно

¹ *Люшич Р.* Тумачења српске револуције у историографији 19. и 20. века. Београд, 1992. *Он же.* Српска револуција // Србија 19. века: изабрани радови. Београд, 1994. [Књ. 1]. С. 9–92.

² *Стојанчевић В.* Леополд Ранке и његова српска револуција // *Ранке Л.* Српска револуција. Београд, 1965. С. 15–16.

³ См., например, его донесение главнокомандующему Молдавской армией А.А. Прозоровскому от 8 января 1808 г.: «Те [австрийские] купцы с самого начала революции снабжали сербов по временам нужным...». РГВИА. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 1. Л. 113об. Или от 14 февраля 1809 г.: «Воевода Јова [Стефанович], ныне с протчими уже известными отправляемый, человек честной, весьма кроткой, занимавшийся и до революции и после всегда торговлею». Там же. Ч. 5. Л. 133–134.

семантически отождествлялась с кардинальным изменением (возвратом в исходную точку) сначала лишь в политической сфере¹. В России это слово на рубеже XVIII–XIX века употреблялось как иноязычное заимствование — аналог тогда еще не вполне привычной для русского уха кальки «переворот»². Тем же термином, следовательно, называли и любые правительственные потрясения столь частые в Турецкой империи.

Данный историографический казус должен предупредить нас от опасной фетишизации и жонглирования терминами. В конце концов, имеет значение не само громкое слово, а тот смысл, который в него вкладывается, и те концептуальные основания, на которых базируется свои выводы историк. У Ранке они не вполне прояснены, хотя с его слов можно понять, что восстание 1804–1813 гг. означало рождение новой нации из прежде «неисторического народа» (с последним определением теперь вряд ли кто-то согласится). Тем не менее, само вынесение термина «революция» в заголовок было, конечно, знаковым после произошедших к этому времени европейских событий. В условиях крушения догматического марксизма и поиска новых методологических ориентиров представляется особенно важным прояснить, что мы имеем в виду, когда произносим слово «революция».

Уже упомянутый В.П. Грачев, отказавшись от «революционной» теории, выдвинул новую концепцию динамики восстания. Предпосылки сербского движения он видит в глубоком экономическом, административном и военно-политическом кризисе Османской империи. А начало восстания рассматривает как локальный случай внутримперской борьбы вокруг реформ «низами-джедид», в которую была вовлечена христианская рая как сторонница центральной власти. Лишь затем, в виду неразрешимости основного внутримперского конфликта, неспособности центральной власти справиться с анархией, и по мере военных успехов, восстание сербов Белградского пашалыка перерастает в национально-освободительное движение³. Большую роль здесь

¹ Вязозек В. Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. М., 1991. С. 60–74.

² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 180.

³ Подобный подход соотносится с критикой теорий «демократической» или «атлантической революции», согласно которым на смену дряхлеющим и авторитарным им-

сыграла моральная, дипломатическая, материальная, а затем и военная поддержка России, оказанная повстанцам.

Концепция Грачева показала необходимость самостоятельного сербского движения и одновременно вновь поставила вопрос о том, как оно стало возможным. Предварительный ответ на него мы найдем уже у Новаковича. Историк выстроил эволюционную схему распространения сербской освободительной идеи, существовавшей до восстания в уже «готовом» виде, от образованных людей и священнослужителей через военных предводителей и старейшин к широким народным массам. В настоящее время эта упрощенная однонаправленная схема подвергнута пересмотру.

Очевидно, что историю сербского национального движения следует рассматривать в тесной связи двух главных ареалов его развития: турецкого и австрийского. Сербь Габсбургской монархии являлись для повстанцев поставщиками многих ресурсов: материальных, кадровых и идейных. В свою очередь выступление турецких сербов оказало заметное влияние на активность движения и, главным образом, идеологическое творчество по ту сторону границы. Идею сербского национального освобождения нельзя считать лишь продуктом усилий образованной среды. События рубежа XVIII–XIX веков повлекли за собой трансформацию массового фольклорного сознания, что получило наиболее яркое воплощение в легендах о Карагеоргии. Идеологическое творчество во время восстания следует представлять как «встречу» и взаимодействие двух культур: народных низов и образованной элиты. В этом смысле сознание повстанческой эпохи находит аналоги в массовом сознании революционных эпох на Западе. Главным отличием в сербском случае является слабость элитарной составляющей. Изучение политической культуры и сферы сознания переходных периодов вообще является одним из перспективных направлений в мировой историографии.

перским структурам приходит идиллический «концерт» суверенных наций. Критики подчеркивают инициативу имперских центров в проведении социально-политических преобразований и проблематизируют само понятие «национального суверенитета», которое не отменяет имперский концепт. См.: *Эдельман Д.* Век имперских революций // *Ab Imperio*. 2008. № 1. С.35–73. Применение М. Экмечичем концепции «демократической революции» к событиям восстаний 1804–1815 гг., напротив, ознаменовалось возвратом в позитивистскую историографию рубежа XIX–XX веков, к А. Сорелю. *Екмечич М.* Европски оквири и карактер српске револуције 1804–1815. // *Европа и српска револуција 1804–1815.* / Уредно Ч. Попов. Нови Сад, 2004. С. 47–106.

Другим перспективным направлением в изучении восстания 1804–1813 гг., его предпосылок и последствий, является, на мой взгляд, понимание того, как функционировало и изменялось сербское общество, как оно взаимодействовало с имперскими институтами и насколько выходило за их административные и государственные пределы, особенно в пограничном ареале, в Белградском пашалыке. То есть речь идет о социальной истории в самом широком смысле этого слова. Разумеется, главной сложностью в ее изучении будет недостаток источников, во всяком случае, сербского происхождения, источников первой значимости. Однако сложность исследовательских задач не может служить причиной для отказа от их решения.

Сербская историография XIX и начала XX века об отношениях Сербии и России во время Первого сербского восстания (1804–1813 гг.)

Отношения с Россией в 1804–1813 гг. — одна из основных тем сербской историографии вплоть до Первой мировой войны. Она составляет и тему нашей статьи, где мы рассмотрим главные *избранные* труды сербских историков этого периода, среди которых одни лишь касались этих отношений, а другие рассматривали их в развитии и более или менее подробно. Мы начнем с мемуарно-исторического труда протоиерея Матвея Ненадовича, а закончим монографией Стояна Новаковича, посвященной всему ходу восстания.

Накануне Первого восстания сербы жили в двух империях — в Турции и Габсбургской монархии, и в обеих они подвергались национальному, религиозному, экономическому и культурному угнетению. Духовенство, офицерский слой и образованная часть горожан Монархии имели достаточно определенные знания о России, тогда как широкие народные массы и здесь, и в Сербии под властью турок имели о ней лишь мифологические представления из вторых или из третьих рук как о великой славянской, православной державе, от которой можно ожидать «освобождения из турецкого рабства».

Протоирей М. Ненадович засвидетельствовал в своих «Мемуарах»¹, что сербские повстанцы уже в самом начале своей борьбы обратились за протекцией к соседней Австрии, а когда получили отказ, решили искать поддержку в России «как единой верной [стране]..., которая им поможет». Впечатленные Москвой, протоирей Ненадович и члены сербской делегации только утвердились в своей надежде на поддержку великой империи, почему и не придали большого значения словам князя Прозоровского, который обратил их внимание «на величину турок в Европе и малость сербов, которые осмелились так не ко времени восстать». Будучи в отставке Прозоровский не мог предпринять ничего другого, как

¹ *Ненадовић М. Мемоари / Приредио А. Младеновић. Београд, 1988.*

написать рекомендации своим знакомым и направить депутатов к царю. Однако депутаты так и не встретились с царем, но лишь с министром иностранных дел князем Адамом Чарторыйским. Ему уже было известно, что сербы восстали против турок, но в отношении просьб о помощи он ответил, что Сербия «от России очень далека, а мы с турками приятели». Чарторыйский затем поинтересовался о турецких силах в сербских крепостях, о миссии Бечир-паши и о позиции Австрии, которая, как и Россия, ссылалась на союз с Турцией. Он обещал, что обо всем оповестит царя Александра I. Выделив повстанцам небольшую денежную помощь, Чарторыйский указал депутатам, что Сербии необходимо иметь «Синод, ибо ни Россия, ни какое-то другое государство не корреспондируется с одним человеком, но с народом и синодом». Так с весьма скромным результатом завершилась первая повстанческая миссия в Россию, но политически неискушенные сербы, тем не менее, очень позитивно оценили ее значение и возвысили авторитет русского двора среди своего народа¹.

По свидетельству мемуариста и историка Вука Стефановича Караджича² повстанцы знали, что «сами от турок высвободиться не смогут... и решили просить какого-то христианского царя, который бы так примирил их с турками, чтобы платить им дань гуртом, а сами бы между собой управляли и распоряжались». В результате все согласились послать депутацию в Россию. Потом все разошлись по домам, ожидая, «какую весть принесут им посланцы из России». Когда депутаты в феврале 1805 г. возвратились, они убедили повстанцев отправить представителей в Константинополь, чтобы просить о желаемых условиях, а «Россия с помощью своего посланника в Константинополе будет стараться, сколько это возможно, чтобы их желания исполнились». Так и порешили: чтобы все платежи отдавать гуртом, самим судить и управлять, и самим охранять турецкие крепости. Караджич, далее, сообщает, что русские рекомендовали депутатам создать «совет», который бы управлял страной и распоряжался всеми старейшинами, о чем депутаты поведали Якову Ненадовичу, а он — верховному вождю Карагеоргию. Согласно Караджичу, новая сербская депутация в

¹ См. о депутации 1804 г. и ее итогах: *Грачев В.П.* Матия Ненадович и первая сербская депутация в Россию в 1804 г. // Прота Матия Ненадовић и његово доба. Зборник радова са научног скупа одржаног од 5. до 7. децембра 1978. године / Уредник Р. Самарџић. Београд, 1985. С. 97–124 (прим. пер.).

² *Караџић В.С.* Скупљени историски и етнографски списи. Београд, 1898.

составе Петра Новаковича-Чардаклии, Авраама Лукича и Еремея Гагича, прибыв в Бухарест в 1807 г., не зная, что Константин Константинович Родофиникин в действительности грек, поскольку он «предлагал себя и напрашивался», попросили его в качестве русского представителя в Сербию. Между тем, Карагеоргий был против этого, поскольку имел дурное мнение о греках, белградском митрополите Леонтии и других, которые смотрели на сербов как варваров. В противоположность вождю, Караджич считал, что Родофиникин был «очень толковый и искусный в своем деле человек, и для сербов было большой бедой, что они не смогли быть с ним в любви и дружбе».

О кризисном моменте в сербско-русских отношениях 1809 г. Караджич говорит, что «к несчастью сербов», из-за разлива Дуная русские не смогли быстро начать наступление в Болгарии, и это позволило туркам «хлынуть» на Ниш и нанести поражение сербам. В другом месте он записал: «Русские, должно быть, из-за болезни и смерти фельдмаршала князя Прозоровского замешкались и не перешли сразу Дунай», из-за чего «вся сила турецкая» в Болгарии пошла на сербов. Бегство Родофиникина из Сербии он объяснил намерением Карагеоргия убить его, но привел и заявление архимандрита Спиридона Филипповича, доверенного лица Карагеоргия, что Родофиникин бежал, чтобы «туркам легче и раньше Сербией завладеть».

Переходя к 1810–1811 гг., Караджич позитивно характеризует сербско-русское военное сотрудничество в Неготинской Крайне, при Варварине, Гургусоваце, Бане и Кладове, а затем прибытие русского гарнизона во главе с полковником А.Ф. Балле в Белград в начале 1811 г., рассказывает о конфликте Карагеоргия и Миленко Стойковича и передает слова Балле, что он пришел не защищать кого-либо из сербского руководства, но чтобы оказать помощь сербскому народу.

Сима Милутинович-Сарайлия, поэт и хронист сербского восстания на первых страницах своей книги¹ приводит ответ царя Александра I на просьбу сербской депутации в 1812 г., в котором говорится: «Никогда и ни под каким видом ни одно сербское ружье не должно выстрелить по турку, ибо это повредило бы только что учиненному с ним в Бухаресте мирному трактату, которому он никак

¹ Милутиновић Сарајлија С. Историја Србије од почетка 1813-е до конца 1815-е године. Београд, 1888.

не был рад; если же турки паче чаяния захватят землю сербскую и народ насильно, и опять народ обездолят, следует их кормить и подчиняться им, а вождь и все остальные старейшины пусть бегут со своими семьями в Австрию или в Россию. А когда она победит Наполеона, царь своей силой по благословению божьему и тем туркам, и их султану вернет долг той же монетой и приведет Сербию к лучшему состоянию, нежели она когда-либо была». Русский царь «вопреки собственной воле и обещанию» должен «угождать туркам и жертвовать им своих проверных сербов».

В дальнейшем изложении Милутинович приводит замечание Марка Ивелича в монастыре Врачевшницы на слова Карагеоргия (он не смеет и заикнуться о капитуляции, «ибо его самого побьют камнями»): «Нужда крайняя у России..., турок не хочет мира, пока ему не передадут Сербию, чтобы была, как и прежде, ему покорна, но ты обмани народ, обмани. Бог тебе это простит, а признательная Россия никогда не забудет ни твоих заслуг, ни такое жертвоприношение сербского народа. Не захочешь, вся турецкая сила пойдет на тебя, а мы должны ей всячески помогать, и опять то же самое будет, как два царя заключили... Так что деваться некуда, кроме того, что я тебе говорю: обмани народ и передай его султану, а сам беги в Австрию и Россию со своей свитой, Бог даст».

Как это видно, трое мемуаристов-историков не многое сказали о сербско-русских отношениях, чего никак нельзя отнести к их современнику, историку Лазарю Арсениевичу-Баталаке, который составил свой двухтомный труд на основе исторических источников, личных впечатлений, опросов еще живых повстанческих старейшин и русской историографии¹. Труд Арсениевича-Баталаки представляет, прямо говоря, историю сербско-русских отношений во время Первого восстания, критически и полемически обращенную как антитеза против «Сербского вопроса в царствование императора Александра I» Н.Ф. Дубровина².

Рассмотрение сербско-русских отношений Арсениевич-Баталака начал с констатации незнания повстанческим руководством других государств, в том числе и России. Но «все же фраза “московы” — наши единовверные братья... возобладала над умами, и большинство

¹ *Арсенијевич Баталака Л.* Историја српског устанка. Београд, 1898–1899. Књ. 1–2.

² *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. М., 1863. Т. 46. № 7–8. *Он же.* Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806–1812 гг. // Военный сборник. СПб., 1864. № 4–9. *Он же.* Граф Каменский 2-й // Там же. 1865. № 5, 8.

в голосах сотворила: обратиться за помощью и покровительством к царю московскому». Это стало поводом для выбора трехчленной депутации, направленной в конце 1804 г. в Россию и принесшей весть, что в Петербурге она была встречена благосклонно. «Министр князь Чарторыйский обо всех печалях и бедах народных... с превеликим вниманием и соболезнованием выслушал, всякую милость, помощь и покровительство со стороны царя обещал. Но в то же время и совет свой дал, поскольку Россия тогда находилась в союзнических отношениях с Портой, чтобы народ с прошением своим обратился к султану, обнаружив в нем, что и каким образом народ хочет, а он [Чарторыйский] издаст распоряжения, чтобы в пользу такого народного прошения в Константинополе действовать». После того Карагеоргий, как и все остальные старейшины, «надеялся, что Порта... по ходатайству России все желания и просьбы народные исполнит». Начались переговоры с Портой, однако, с великими трудностями. Повстанческие уполномоченные П. Чардаклия и протоиерей Алекса Лазаревич во время поражения Хафиз-паши под Нишем прибыли в Константинополь, но вынуждены были бежать в Одессу и отправились в Петербург, где царь принял их «с наилучшими уверениями в своей благосклонности, покровительстве и стараниях об улучшении будущности и судьбы народа сербского». Он дал совет еще раз обратиться с прошением к Порте, а русская дипломатия «будет действовать всеми возможными силами, чтобы Порта удовлетворила справедливые и умеренные желания народа». Царь считал, что было бы лучше в случае войны с турками, чтобы сербы находились «в состоянии переговоров, а не примирения» с ними. Ибо если будут в первом состоянии, с ними будут договариваться, а если во втором, то подвергнутся нападению большей силы, чем была у Хафиз-паши. Если же не дойдет до войны с турками, царь как приятель и Порты и сербов сможет «безо всякого подозрения» лучше и удобнее действовать.

В середине февраля 1806 г. Чарторыйский писал Порте, что Франция может вмешаться в решение сербского вопроса и стать покровительницей сербов, на что те согласятся из отчаяния, если турки на них нападут. Поэтому Порта должна уступить и выполнить некоторые желания сербов, а они согласятся на то, чтобы оказать ей военную помощь¹. Между тем, внутри Порты возобладало иное

¹ Имелось в виду участие сербов в войне против Наполсона. В 1805-1806 гг. между Россией и Францией развернулась острая дипломатическая борьба за влияние на Порту. Победу в ней одержал Париж (прим. пер.).

направление, и она стала готовиться к разрыву и войне с Россией. Зная об этом, главнокомандующий молдавской армией И.И. Михельсон направил к Карагеоргию капитана Илью Новокрещенного, который сообщил ему, что Россия «приняла покровительство над Сербией», и она в результате войны с Турцией получит независимость. Генерал подчеркнул, что сербская нация достойна быть нацией, для которой платить туркам дань постыдно, и лучше употребить эти деньги для освобождения от них.

Историк Дубровин считал, что Михельсон обещал сербам то, что было невозможно исполнить, и таким образом во многом связал руки другим главнокомандующим Молдавской армией, однако Арсениевич-Баталака утверждает, что генералу нужно было «лишь пустить пыль в глаза сербам, пока в той войне с турками не будут достигнуты их [русские] интересы». Кроме того, заключает он, русские контактировали преимущественно с Миленко Стойковичем, помимо Карагеоргия, посылая первому деньги, оружие и боеприпасы, и так подрывали авторитет верховного вождя. Чтобы утвердиться в том, что Россия приняла покровительство над Сербией, повстанцы в марте 1807 г. послали к Михельсону трехчленную депутацию (П. Чардаклия, Е. Гагич и А. Лукич). Она просила о вводе в Сербию русских гарнизонов, о направлении к ним пушек и артиллеристов, как и политического представителя, о котором еще в начале контактов говорил министр Чарторыйский. Из всех требований было исполнено только последнее, и то дурным способом — выбором грека-фанариота в качестве политического представителя. Им стал действительный статский советник К.К. Родофиникин.

Сербь, указывает Арсениевич-Баталака, имели абсолютное доверие к русскому царю, но не знали его стратегии, которая происходила из отношений России с другими великими державами. В соответствии с ней целью войны с Турцией не являлось освобождение балканских христиан, но занятие левого берега Дуная, а затем примирение с турками и их отказ от союза с Наполеоном. Из этого следовало заключение, что не может быть и речи о самостоятельности Сербии, к которой стремились повстанцы, но в самом лучшем случае — лишь об автономии в рамках Турецкой империи под возможной гарантией России. Это обнаружилось после заключения Тильзитского мира между Россией и Францией и переговоров между сербами и русскими, как и русскими и турками в 1807–1809 гг.

Многие страницы своей книги Арсениевич-Баталака посвятил отношениям сербов с новым главнокомандующим Молдавской армией, князем А.А. Прозоровским, которого он назвал «наглым аристократом», не расположенным к сербским повстанцам и их национально-освободительным планам. Их изложила ему в 1808–1809 гг. сербская депутация во главе с И. Юговичем-Савичем.

Наученная опытом перемирия 1807 г., которое касалось лишь части сербской линии противостояния туркам, депутация, ссылаясь на обещания Михельсона, предлагала закрепить отношения Сербии и России неким формальным договором. Однако Прозоровский отклонил это предложение, равно как и планы Юговича об освобождении всех сербов под властью турок, заявив, что они «подобны сновидению, а не мнению, основанном на зрелом рассуждении, и это показывает, что сочинители этих проектов не имеют ни малейших сведений о политическом положении европейских держав и их силе и взаимных отношениях и связях дворов, об интересах каждого особенно и о местном положении их земель и владений». Если бы Россия заняла области на правом берегу Дуная, она должна была бы воевать со многими государствами, что потребовало бы больших финансовых издержек, а кроме того, и расходов на содержание сербов. Вместо сербского плана Прозоровский обещал: 1) полную амнистию, 2) право на внутреннее управление безо всякого вмешательства Порты, 3) удержание всех перебежчиков из сопредельных турецких земель, 4) выплату умеренной и неизменной дани. Все эти пункты гарантирует русский царь и его посланник при Порте. Россия никогда не намеревалась завоевывать Сербию, но только облегчить ее положение и исходатайствовать благоприятные для нее условия мира. «Независимость Сербии не может быть согласована с ее географическим положением. Она окружена тремя большими и могущественными державами, между которыми такая маленькая страна... никак не может существовать... и быть совершенно независимой, даже если бы сербы имели заключенный тайный договор о союзе с Черногорией, Герцеговиной, Боснией и Албанией с тем, чтобы свергнуть турецкую власть». Впрочем, такого договора не существует, но есть только заявления отдельных эмиссаров и конфиденентов. Если бы сербы подняли на восстание единоплеменников в Далмации, они бы бросили вызов Наполеону, тогдашнему союзнику России, а если — сербов в Австрии, то вооружили бы ее против себя, а это

принудит русского царя отказать им в своем покровительстве. На вопрос Юговича, как депутаты появятся пред народом, который побьет их и начнет войну против турок, Прозоровский ответил, что тогда прекратится русское покровительство над Сербией, а он заключит мир с турками, отвечающий интересам России, поскольку она не может жертвовать собою из-за такой маленькой страны как Сербия.

Арсениевич-Баталака считал, что позицию Прозоровского унаследовали и его преемники на посту главнокомандующего Молдавской армией (Багратион, Каменский и Кутузов), в значительной степени под влиянием русского политического представителя в Сербии К.К. Родофиникина.

В качестве советника Родофиникин занимался «балканскими делами» в штабе генерала Михельсона, а на пост в Сербии пришел благодаря П. Новаковичу-Чардаклии, с которым был знаком ранее. Карагеоргий был против этого выбора по причине изначально-негативного отношения сербов к грекам-фанариотам, тем более что Родофиникин сразу сблизился с белградским митрополитом, греком Леонтием Ламбровичем, который, по утверждению Арсениевича-Баталаки, был недругом сербов. Из его круга проистекали обвинения против Карагеоргия, Юговича и Младена Миловановича, под чьим влиянием, якобы, верховный вождь склонялся к Австрии. Согласно донесениям Родофиникина генералам Молдавской армии, Карагеоргий был ненадежным, не слишком умным человеком, пьяницей, развратником и свирепым убийцей, тогда как сам Родофиникин, по мнению Арсениевича-Баталаки, являлся «заклятым врагом сербского народа, стремившимся свернуть шею верховному вождю, с которым была связана судьба и Сербии, и народа... Для него ничто ни свято, ни дорого не было, лишь бы этих двоих [Карагеоргия и М. Миловановича] свалить и уничтожить, а там недалеко и до гибели Сербии».

Обвинениям Родофиникина верили, а князь Багратион, пишет Арсениевич-Баталака, «более старался аннулировать жалобы Карагеоргия и его депутатов против бесчеловечных действий Родофиникина, преградить им путь к престолу царскому, и позицию Родофиникина поддержать», чем помочь народу, который из-за него и Прозоровского пострадал. Багратион и после бегства из Сербии оставил Родофиникина в Крайове, где он «как агент русский в Сербии делами и отношениями с сербами управлял». В отношении сербов и их депутатов Багратион писал: «Должно с ними обходится

как с детьми, а настоящие обстоятельства требуют того, чтобы мы их лелеяли и старались тем самым отклонить их от поступков, могущих обратиться во вред наш».

К наибольшему греху Родофиникина Арсениевич-Баталака относит его поведение в 1809 г., когда повстанцы бросились на борьбу за осуществление своей главной цели — освобождения всех сербов под турецкой властью, и это чуть не привело к полному поражению только потому, что русские трагически задержали свое наступление на Дунае и позволили туркам большую часть своих сил направить против сербов. Он обвиняет Родофиникина в том, что тот оповестил Карагеоргия и Совет о письме Прозоровского, который сообщал, что его армия сразу начнет форсировать Дунай и поможет сербам. Это повлияло на распоряжение Карагеоргия всем частям фронта перейти в наступление, в том числе в направлении Старой Сербии и Боснии, а руководство операциями в направлении Ниша передать воеводам, находящимся в ссоре, в частности Милое Петровичу. Арсениевич-Баталака считает, что Прозоровский упустил март и апрель, когда он еще мог перейти в Болгарию, а затем неоправданно сосредоточился на взятии крепостей Джурждево и Браила. А когда наступила катастрофа под Нишем, Родофиникин переправился в Австрию, и затем к Прозоровскому под предлогом, что Карагеоргий угрожает ему убийством.

По мнению Арсениевича-Баталаки, если бы Карагеоргий знал, что русские, не будут переходить Дунай для занятия Болгарии, он не ввязался бы в наступление на юге и западе, и Сербия не пострадала бы так ужасно, едва выдержав.

В начале 1810 г. граф Каменский вызвал Родофиникина из Крайовы «и отстранил его от управления сербскими делами», но в отношении к сербам его позиция не изменилась. Он убеждал царя уменьшить требования в отношении Порты, «а сербам не давать признания как самостоятельному народу, но только некоторые права», не указывая какие именно. Это было в то время, когда сама Порта именовала Карагеоргия «бегом» (господарем) и предлагала права, какими пользовались Молдавия и Валахия. Среди сербов за такое решение выступал И. Югович, и с ним был согласен Арсениевич-Баталака, который пишет: «Но предводители, лишённые широких знаний и находящиеся во власти простодушного чувства, не могли понять Юговича, считая, что Россия завоевала полмира, и ее никто не может победить».

Говоря о 1811 г. и прибытии русских военных гарнизонов в Белград и Шабац, Арсениевич-Баталака высказывает мнение, что они не намеревались оставаться там постоянно, а прибыли, чтобы через Сербию и Боснию проторить русским войскам дорогу для нападения на французов в Далмации, о чем свидетельствует закупка продовольствия и других припасов у Австрии. Сербы осознали это только после того, как русские войска покинули их отечество, и они должны были сами вести переговоры с турками по условиям Бухарестского мира мая 1812 г., о которых им не сообщил и сам царь, вообще-то довольно благосклонный к ним. А когда повстанцы узнали о содержании VIII статьи этого мира от полковника Федора Недобы, они не поверили, что русские не будут вмешиваться в их переговоры с турками и добиваться для них позитивного решения. Согласно Арсениевичу-Баталаке, «Карагеоргию и другим народным старейшинам не доставало необходимого знания политики. Они все простодушно и искренне, безо всяких околичностей, вне которых не существует политика, были преданы русским», будучи уверены в защите, обещанной русским царем. По рекомендации Недобы, они отклонили переговоры с Куршид-пашой, который, по утверждению Арсениевича-Баталаки, имел планы, отличавшиеся от планов султана и допускавшие возможность превращения Сербии в буферную зону между Турцией и Австрией. А лично Куршид-паша, благодаря сербским таможням, приобрел бы большие доходы. Русские, получив Бессарабию, оставили Сербию Порте, «чтобы та ею занялась». Порта же не испытывала колебаний, считая, что пришло время окончательно расправиться с сербами.

В этих обстоятельствах в Сербию прибыл граф Марко Ивелич. Он раздал верховному вождю и воеводам ордена и потребовал от сербов принятия VIII статьи, поскольку существовала опасность, что по внушению Наполеона от ее выполнения откажется сама Порта, чтобы предпринять покорение Сербии. В драматической полемике с Карагеоргием о судьбе Сербии Ивелич обещал защиту своего двора верноподданному сербскому народу и возвестил ему о возможности переселиться в Россию, где его вожди будут иметь статус «русских кавалеров» и в таком качестве к ним станут обращаться все остальные державы. Ивелич вложил идею переселения в Россию в головы сербских воевод и еще более ослабил «лишившийся сознания и усыпленный» народ, чтобы его «столкнуть в пропасть и окончательно уничтожить». После этого и вождь, и народ впали в уныние, действовали как проигравшие, без сердца и воли и

без всякой надежды на успех, отступили до крайних границ и претерпели ужасное поражение.

Наиболее исчерпанный очерк русско-сербских отношений во время Первого восстания, но только до конца 1807 г. дал Миленко Вукичевич во втором томе своей монографии¹. Он обильно использовал материалы русских архивов, что обеспечило высокое качество его труда.

По Вукичевичу, сербы мечтали о России, о которой узнавали во время богослужения от своих священников, и верили, что когда-нибудь она поможет им освободиться от турок. Русский двор был оповещен об их борьбе уже в первой половине февраля 1804 г. посланником в Вене, а также консулами в Константинополе и Яссах, равно как и валашским князем Константином Ипсиланти, который сообщил в начале марта того же года, что сербы могут составить войско из 50 000 человек, а их восстание — «иметь большие последствия». Повстанцы знали о полученных благодаря России привилегиях, которыми пользовались Валахия и Молдавия, и у них родилась мысль о подобном статусе для Сербии. Россия, как христианская, православная держава, близкая по происхождению и языку, могла бы похлопотать за них. В этом смысле в их среде особенно активно выступал капитан П. Новакович-Чардаклия, чья супруга служила у княгини Александры Павловны, жены венгерского палатина.

Первые контакты с русской дипломатией повстанцы осуществили посредством посланника в Константинополе Андрея Италинского, испрашивая защиту для 100 000 христиан в Сербии и обещая платить ежегодную дань султану. Италинский ответил сербским депутатам, что Россия не может помочь непосредственно, поскольку она ведет переговоры с Портой о возобновлении договора 1798 г. о взаимной помощи против Франции. Но он же внушил министру иностранных дел князю А. Чарторыйскому мысль, что можно вступить за сербов, тогда как те должны освободить Белград от дахийцев и не передавать его Порте, пока им не будут гарантированы мир и будущность. Сербия не имела артиллерии, чтобы занять Белград, а Австрия не хотела им в этом помогать, поэтому из этого ничего не получилось.

В конце 1804 г. сербская депутация в составе П. Новаковича-Чардаклии, протоиерея М. Ненадовича и Й. Протица была хорошо

¹ Вукичевич М. Карађорђе. Београд, 1912. Књ. 2.

встречена министром Чарторыйским, который заметил «благодушие сербов и их неискушенность в политических делах». «Россия в основном приняла сербскую программу с открытой симпатией и предприняла меры, какие позволяли ей тогдашние обстоятельства и ее положение среди европейских держав», — констатирует Вукичевич. Депутаты получили некоторые деньги, благоприятно была воспринята и их просьба, чтобы в Сербию был послан «посредник и гарант мира, учиненного с добрыми турками», который бы и народу, и верховному вождю «великую утеху принес», что случилось, однако, лишь в 1807 г.

В начале 1806 г. повстанческая дипломатическая миссия во главе с протоиереем М. Ненадовичем отправилась в Вену, где после беседы с графом Валенбургом обратилась к русскому посланнику графу Разумовскому с просьбой к его правительству направить в Сербию 1 000 000 рублей на военные нужды, 50 000 солдат, 100–200 пушек с артиллеристами и великого князя Константина в качестве командующего сербскими войсками. На эти требования сербы не получили ответа, но русская дипломатия всячески старалась склонить Порту к предоставлению Сербии статуса Молдавии и Валахии с князем сербского происхождения при гарантии русского императорского двора, обращая внимание Порты на то, что сербы могут обратиться к Наполеону и получить помощь от него.

Говоря о сербско-русском военном сотрудничестве в течение 1807 г., Вукичевич указывает на различие интересов двух сторон: сербы стремились к достижению независимости, а русские — к кооперации с сербами для предотвращения нападения турок на Валахию. О «манифесте Михельсона», который сербы получили в феврале 1807 г., Вукичевич говорит, что этот документ был весьма значителен как для отношения сербов к Порте, так и для связей между сербами и русскими почти на всем протяжении восстания. Генерал хотел, «чтобы сербы как можно больше сковали турецкие войска и облегчили операции левого фланга и центра русской армии», чтобы установить связь через Сербию с Герцеговиной и Черногорией. Таким образом, русская «оборонительная линия простиралась бы от Черного до Адриатического моря», а во главе Сербии стоял бы Карагеоргий в качестве русского вассала. Михельсон требовал от сербов взятия Видина и посылки в Валахию четырех-пяти тысяч бойцов для борьбы с турками, в то время как сербы ожидали русской помощи, чтобы освободить свою землю и достичь полной независимости. По Вукичевичу, никто в России от царя до

Михельсона «не думал серьезно в этот момент о помощи сербам в создании независимого государства», но только о пользе, которую можно было бы извлечь от народа, восставшего на пространстве от Тимока до Адриатического моря. Сербь верили, что «сила Российской империи неодолима, и нет такой державы, которая бы могла ее побороть», и русские, имевшие контакты с повстанцами, не ставили эти иллюзии под сомнение, что оказало влияние и на междоусобные конфликты среди сербов в 1807-1808 гг. Из-за различия в целях стало возникать недоверие одних по отношению к другим, что заставило Карагеоргия заявить: «мне себя не жаль, а сожалею многих тысячах душ народа, ибо я скрывал почти четыре года о связях моих с Россиею..., а помощи – нет! Австрийский же двор, негодуя на меня за это, строжайше запретил ни за какие деньги на войски мои хлеба не отпускать, отчего я с войском имею совершенной в оном недостаток». Вукичевич заключил, что Карагеоргий хотел иметь свободу рук в отношении Австрии и России, поэтому уклонялся и от той, и от другой, будучи неудовлетворенным ни одной из них. Поэтому он отказался утвердить «конвенцию Паулуччи», поскольку она привязала бы его к России и ограничила бы его власть.

Из повествования Вукичевича можно заключить, что ни Михельсон, ни министр иностранных дел Андрей Будберг не осудили расправу сербов над Сулейман-пашой в начале 1807 г. Будберг лишь констатировал: «Это событие еще более затруднит сближение сербов с Портой, и этим снимаются все сомнения, что сербы искренне помогут нашему войску». Очевидно, что «здесь проводилась политика любыми средствами прорыть глубокий ров между сербами и Портой, что полностью исключило бы всякое примирение между сербами и турками..., и это оставило неизгладимое пятно на светлой борьбе сербов за освобождение».

В приезде Родофиникина в Сербию Вукичевич указывает на роль Чардаклии и Гагича, которые ранее знали его как человека деятельного и влиятельного, занимающегося в штабе Михельсона сербскими делами, знающего хорошо турецкую политику и фанариотские интриги. Для Михельсона он был человеком, который «будет их [сербскими] умами управлять так, как нужно России», а царь будет сербам помогать, «насколько убедиться, что они в своих предприятиях не будут удаляться от того, что согласуется с подвигами Российской империи».

Выбором Родофиникина в качестве русского политического представителя в Сербии был более других недоволен Карагеоргий,

который имел негативный опыт в лице митрополита Леонтия как греческого фанариота. «Но видать злая судьба так хотела, чтобы Родофиникин в первый раз встретился под Неготином с М. Стойковичем и П. Добринцом, как с людьми, для которых власть Карагеоргия была в тягость и которые думали, что представитель русского царя — тот единственный человек, кто может помочь им в борьбе против Карагеоргия за ограничение его власти».

Наиболее уравновешенная книга о сербско-русских отношениях, где использованы посредством Вукичевича русские архивные материалы, написана Стояном Новаковичем¹. Он начал с первых впечатлений сербов и русских друг о друге, решения остружницкой скупщины от 3 мая 1804 г., отправления депутации в Россию, ее путешествия и приема у министра иностранных дел князя Адама Чарторыйского, русских известий о сербском восстании и программы повстанцев, стремившихся к самостоятельному управлению по образцу Республики Ионических островов, при русском покровительстве и с русским консулом как посредником между ними и «добрыми турками». Новакович считал, что сербы преувеличивали намерения России в этом отношении, но под ее влиянием полностью созрело и было сформулировано стремление к национальному освобождению под гарантией России и Австрии.

Между тем, в 1804-1805 гг. русская дипломатия направляла повстанцев на соглашение с Портой, поскольку уже несколько лет была с нею в союзнических отношениях. Ситуация начала меняться с 1806 г., когда русский императорский двор посредством генерала Михельсона, командующего Молдавской армией, стал искать в Сербии союзника против турок. Уже в начале этого года Чарторыйский обратил внимание Александра I на необходимость оказать поддержку повстанцам, опасаясь, что в сербский вопрос вмешаются французы, которые в 1805 г. заняли Далмацию и Боку Которскую, привлекая турок на свою сторону.

Согласно Новаковичу, Карагеоргий ожидал от русских «объемную и разнообразную помощь...», а русское командование, опять же без какого-либо учета местных сербских потребностей, определяло для сербской стороны задачу простого включения в конкретную операции, и выражало желание, чтобы четыре-пять тысяч сербов были посланы в Кралево (Крайову) и Валахию для нужд русского левого крыла». Оценивая «конвенцию Паулуччи» 1807 г., Новакович констатирует,

¹ Новаковић С. Вакрск државе српске. Београд, 1904.

что Карагеоргий не был доволен предложением о вступлении Сербии под русское верховенство, ибо считал, что этим «ущемляется его собственная власть вождя», поэтому не утвердил ее печатью. По противоположным причинам конвенцию не ратифицировал и русский царь, не желавший, чтобы его армия переходила Дунай и занимала правый берег, но лишь охраняла «преданность единоверного и единоплеменного народа сербского».

Новакович считал Родофиникина «очень умным человеком», но ему казалось, что знакомство последнего в первую очередь с М. Стойковичем не лучшим образом повлияло на его работу в Сербии. Родофиникин по большей части связывал свою деятельность с ограничением контактов сербов с Австрией, введением русского законодательства, торговли и других вещей. Автономная Сербия, по его плану, должна была платить стотысячную дань султану, а Карагеоргий — стать князем Сербии.

Описывая военные действия в 1809 г., Новакович констатирует, что русские не имели достаточных войск на Дунае, а о сербском поражении говорит словами князя Прозоровского, что «сербы бросились на все стороны» в наступление, не беря в расчет переход русской армии через Дунай. Александр I, по мнению Новаковича, более благосклонно относился к сербам, чем его командующий, князь М.И. Кутузов, поскольку первый был за их независимость, тогда как Кутузов выступал лишь за автономию без ущемления прав султана в отношении Сербии. Тем не менее, историк не одобряет поведение царя в декабре 1811 г., когда, принимая и чествуя тройственную сербскую депутацию (Я. Ненадович, кнез С. Маркович, и секретарь Совета М. Груйович), он умолчал о ходе переговоров с турками, и то, что об условиях мира 1812 г. Карагеоргий узнал от турецких пашей.

По Новаковичу, неблагоприятные для сербов положения этого договора состояли в том, что турки возвращались в сербские города, и не был сразу же утвержден способ, которым бы это свершилось, но все оставлялось до прошения сербов и соглашения между Портой и народом, чем воспользовались турки, как только русские ушли из Сербии. Новакович возлагает вину и на Кутузова, который «из-за жалоб сербских старейшин друг на друга... и их вызывающе частых маневров вокруг австрийских политиков пришел к весьма низкому мнению обо всех сербских вождях». Ратификация мирного договора русским императором вызвала у сербов «растерянность, переходившую в раздражение и бессильную злобу, а последняя выливалась в общее уныние и отчаяние». Хотя у императора

совесть была неспокойна, он два или три раза требовал от султана свершения положений договора о сербах, а Италинский весной и летом 1813 г. предлагал себя в качестве посредника, Порта отклонила его, считая, что это было бы вмешательством иностранной державы в ее внутренние дела.

* * *

Резюмируем сказанное. Трое вышеназванных мемуаристов-историков (протоиерей М. Ненадович, В.С. Караджич, С. Милутинович-Сарайлия) в основном лишь коснулись сербско-русских отношений. Из них Караджич немного говорит и о военном сотрудничестве в Крайне с 1807 по 1811 гг. Его молодой современник историк Л. Арсеньевич-Баталака, напротив, дает очерк всего хода восстания и всех аспектов сербско-русского политического и военного сотрудничества, во многом полемизируя с русской историографией войны 1806-1812 гг. Он жестко критикует поведение России в отношении политически неопытного руководства Восстанием, ее неприятие повстанческих планов поднять на борьбу и объединить всех сербов под властью турок, чтобы создать самостоятельное государство, независимое и от России, и от Австрии. Острие его критики направлено преимущественно против русского политического представителя в Сербии К.К. Родофиникина, близкого к фанариотским грекам и в основном недружественного сербскому народу. Родофиникин и командующие Молдавской армией, в отличие от императора Александра I, считали, что сербы могут получить только автономию в рамках Турецкой империи, но никак не независимость. Следовательно, необходимо добиваться лишь кооперации с Молдавской армией, действующей в Валахии и на Дунае. Русские командующие на Дунае одобряли все действия Родофиникина в Сербии и фактически усиливали несогласие между Карагеоргием и оппозиционными воеводами, что привело страну к катастрофе в 1809 и 1813 гг.

Более умеренную позицию занял историк М. Вукичевич, который довел свою книгу о Карагеоргии лишь до конца 1807 г. Он писал ее на основе русских архивных материалов, был менее полемичным и более здравым. Вукичевич привел тогда еще неизвестные факты о развитии сербско-русских отношений, об иллюзиях сербских старейшин в отношении России и ее политики как великой державы, о требованиях сербских депутаций, о проблемах военного сотрудничества и т.д.

Последний исторический труд, рассматривавшийся в данной статье — это «Возрождение Сербского государства» ведущего сербского историка XIX и начала XX века С. Новаковича, который на уровне зрелого синтеза охватил все Первое восстание, а сербско-русские политические и военные отношения заняли в его книге особое место. Сербский вопрос он рассмотрел в контексте европейских событий и как более или менее второстепенный в русской имперской политике. Военное сотрудничество сводилось все более к кооперации повстанцев с русской армией на Дунае, вместо освободительной борьбы, ожидавшейся сербами от русских, как союзников и протекторов. Коротко говоря, Россия стремилась к миру с Турцией, чтобы избежать войны на два или более фронта, а сербские повстанцы — к углублению освободительной борьбы и созданию независимого национального государства.

(перевод М.В. Белова)

Некоторые проблемы историографии церковных связей России с православными народами Балкан в первой половине XIX в.¹

Проблема политических и дипломатических отношений России и Сербии в первой половине XIX в. хорошо разработана, благодаря исследованиям как югославских, сербских, так и советских, а затем российских историков. Назову лишь имена М. Гавриловича, В. Чубриловича, В. Стоянчевича, М. Экмечича, Р. Люшича с сербской и Н. Попова, И.С. Достян, В.Г. Карасева, К.В. Никифорова, Е.Ю. Гуськовой – с российской стороны. Список этот заведомо неполон и призван отметить лишь достаточное внимание к проблеме и глубокую степень разработки указанной тематики, к которой, впрочем, можно возвращаться вновь в связи с новыми архивными открытиями.

Среди разнообразных аспектов, входящих в общую тематику политических связей России и Сербии, также как и русско-балканской политики в целом, церковным связям двух славянских народов уделено, как это не покажется странным, на удивление мало внимания. Тезис о конфессиональном единстве православных балканских и русского народов неизменно присутствует во всех программных политических заявлениях прошлого, так же, как и во всех без исключения современных научных исследованиях не только профессиональных историков, но и деятелей культуры, публицистов, наконец, в заявлениях церковных иерархов. Тем не менее, именно этот аспект взаимоотношений наименее раскрыт в научной литературе вплоть до сегодняшнего дня.

Нет никакого сомнения в том, что подобная ситуация связана, прежде всего, с неизученностью источников, которые оставались второстепенными для исследователей периода становления сербской государственности в первой трети XIX в. Тем не менее, архивные поиски показывают, что такие источники есть, они достаточно многочисленны, охватывают все регионы балканского полуострова и проливают свет на взаимоотношения Св.Синода с православным миром на всей территории Османской империи.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Русско-сербские культурные и политические связи во второй четверти XIX в.»)

История взаимоотношений русской церкви с православным Востоком, безусловно, привлекала внимание отечественных историков. В своих исследованиях они пытались проследить становление и развитие этих связей на протяжении XVI-XVII вв. Назовем классическую работу Н. Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях» (1885) и «Сношения России с Востоком по делам церковным» известного синодального деятеля А.Н. Муравьева (1858)¹. Из современных работ можно упомянуть «Историю поместных православных церквей» К.Е. Скурата (1994)². В этих работах, основанных на документах из московских архивов, приводятся грамоты, жалованные русскими царями и императорами крупным центрам православия на Балканах. «Можно почти утвердительно сказать, что не осталось ни одного монастыря ни в Греции, ни в Палестине, который бы в свое время не испросил какого-либо подаяния от щедрот Государей наших», — пишет в своей работе Муравьев.

Сербские исследователи со своей стороны детально разработали сюжеты, касающиеся истории церковной жизни собственно Сербии, Боснии, Черногории, Далмации. Отдельные работы посвящены многочисленным монастырям. «Ни один христианский народ в Европе не имел столько монастырей и церковей пропорционально к своей численности, сколько имели сербы» — писал Н. Дучич в своей «Истории Сербской православной церкви» (1894). На исследованиях Р.М. Груича строятся более поздние работы Дж. Слиепчевича и Ч. Марьяновича, в которых большое внимание уделяется созданию сербской митрополии в автономном сербском княжестве³. Ни одна работа не обходится без упоминаний о складывающемся русско-сербском сотрудничестве в области церковной жизни двух государств, однако таких ссылок крайне мало, все они хорошо известны и переходят из работы в работу без каких-либо дополнений.

Одной из важнейших составляющих многосторонних связей между Россией и балканскими народами было конфессиональное единство державы-покровительницы и православных славян. Оно же стало краеугольным камнем так называемого Восточного вопроса в целом.

¹ *Каптерев Н.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М. 1885; *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. М. 1858.

² *Скурат К.Е.* История поместных православных церквей. М. 1994. Т. 1-2.

³ *Груич Р.М.* Православна срpska црква. Крагујевац, 1921; *Слиепчевић.* Историја срpsке православне цркве. Београд, 1991. Књ. 2; *Марјановић Ч.* Историја срpsке цркве. Београд. 2001.

Если политическое освобождение турецких христиан в результате создания независимых государств оставалось достаточно туманной перспективой в продолжение первых десятилетий XIX в., то получение ими помощи от русской православной церкви стало ежедневной реальностью, заставлявшей турецкие власти задуматься о дальнейшей политической ориентации подвластных ей народов.

Всестороннее изучение той материальной и духовной помощи, которую Св.Синод оказывал православным монастырям, церквям и училищам на Балканах, еще не отражено в полной мере в отечественной научной литературе. Гораздо большее внимание уделялось освещению русской помощи Восточным патриархатам, хотя и его отнюдь нельзя назвать достаточным, а тем более, исчерпывающим. Это объясняется тем, что связь российского общества с Иерусалимскими святынями всегда привлекала большее внимание исследователей, обращавшихся, прежде всего, к изучению масштаба тех пожертвований, которые оказывались в пользу особо почитаемых в России Святых мест Сирии и Палестины.

Следует сказать несколько слов о роли российского посольства в Константинополе в деле налаживания как политических, так и церковных связей между Петербургом и православным миром Османской империи. Одной из многочисленных граней деятельности российской миссии в турецкой столице была поддержка, которая оказывалась через нее православной церкви на Востоке – в Сирии, Палестине, Египте и, конечно, на Балканах. Кроме ежегодных денежных субсидий, выделяемых российским правительством в пользу православных монастырей и отдельных церквей и передаваемых им через российское посольство, миссия в Константинополе была обязана осуществлять связи с православными престололами на Востоке – Константинопольским, Иерусалимским, Антиохийским и Александрийским.

В начале XIX в. эта поддержка была еще не явной и выражалась в скромных денежных суммах. Российские власти с осторожностью оказывали помощь единоверцам на территории Османской империи, опасаясь привлечь к своей деятельности внимание западных держав и турецкого правительства. Между Россией и Палестиной издавна существовала постоянная, непрерывающаяся связь в виде потока русских паломников в Святую землю, и эти контакты российские власти могли осуществлять открыто и безбоязненно, не опасаясь каких-либо подозрений в желании приобрести преобладающее

влияние в Святом граде. На Балканах же Россия должна была выстраивать свою политику иным образом, обращаясь прежде всего к вопросам гуманитарной сферы, как это было во время сербских или греческого восстаний.

Говоря о месте Балкан в общем ряду связей Св.Синода с восточными единоверцами, следует признать тот факт, что поддержке православия в этом регионе уделялось отнюдь не меньшее внимание русской церкви, и она также находила свое воплощение в ряду тех мероприятий, которые проводились Св.Синодом по отношению к зарубежной православной церкви в целом. В первой половине XIX в. наибольшей интенсивностью на Балканах отличались русско-сербские политические отношения. То же самое можно отметить, рассматривая связи между Св.Синодом и сербскими церковными учреждениями.

В первой половине XIX в. Россия, осознававшая себя центром православия, считала своим долгом оказывать поддержку единоверцам на всей территории Турции и, прежде всего, на Балканах, где христианское население намного превышало численность мусульман. Не подлежит сомнению политическая составляющая церковной помощи России православию на Востоке. Это, прежде всего, касается отношений с балканскими народами, связи с которыми лежали в русле внешнеполитических интересов России в данном регионе, и решения Восточного вопроса в целом.

В 1735 г. в России был утвержден список, получивший название Палестинского штата, по которому целому ряду православных обителей на территории Османской империи назначались строго определенные ежегодные «милостинные дачи» для поддержания православия среди мусульманской культуры Турции. В этот список вошли 53 зарубежных православных монастыря, на финансирование которых ежегодно из государственного казначейства выделялась сумма в 4031 руб. 66 коп. серебром¹. Эти деньги распределялись среди «заграничных единоверных духовных особ и монастырей», среди которых первой строкой упоминались четырехпрестольные патриархи: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский, и Иерусалимский. Затем шли митрополиты: Черногорский, Халкидонский и Белградский; архиепископы: Архидонский, Македонский и Синайский, а также три епископа. Монастыри, включенные в Палестинский штат,

¹ АВПРИ. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 17-21. Указ Николая I от 27 января 1826 г.; Там же. Д. 2. Ч. 7. Л. 1-8. П. Мещерский К.В. Нессельроде. 18 ноября 1826 г.

находились на Балканах, в Малой Азии, на Афоне, в Трапезунде, на о. Корфу и Крите, в Далмации, в Валахии и Молдавии, на Синае и на Принцевых островах.

Суммы выплат не изменялись с 1735 г.: монастыри получали по 35 руб. серебром ежегодно, Константинопольскому патриарху полагалось 1 тыс. руб., а трем остальным лишь по 100 руб.; всем митрополитам и епископам 560 руб. за три года вместе, или по 166 руб. 66 коп. ежегодно¹. Среди монастырей были исключения: особые суммы получали Солунский (50 руб.), Ватопедский Афонский (100 руб.), Троицкий (Есоптр) на о. Халки (50 руб.) и Цетинский черногорский (166 руб. 66 коп.) монастыри, а также церковь Св. Спиридона на о. Корфу (125 руб.)².

Указом от 27 января 1826 г. Николай I увеличил суммы, ежегодно выплачиваемые патриархам: константинопольскому до 1,5 тыс. руб., а остальным трем по 500 руб. серебром. Все выплаты Восточным патриархатам и балканским святыням проводились через «российского в Константинополе министра»³. Все указанные в Палестинском штате монастыри имели право получать милостинную дачу один раз в пять лет, присылая для этого своих уполномоченных в Россию. Духовным особам, прибывающим в Петербург за пособием, полагались деньги на проезд и проживание в российской столице. В случае отказа приехать за деньгами в Россию, уполномоченные могли получить положенные им средства через российское посольство в Константинополе. Совершенно очевидно, что далекое путешествие могли себе позволить далеко не все, предпочитая обращаться в российскую миссию.

В списке Палестинского штата отдельно упоминались 7 монастырей в «сербских землях». По документу 1826 г. к ним относились Введенский города Крижевца, Белградский Благовещенский или Крушедол, Вознесенский Саввы сербского или Милишев, Лесковский Архангела Михаила, Успенский студеницкий, Благовещенский и Вознесенский Раваницкий монастыри⁴. При этом деньги для указанной в списке обители Саввы сербского «по случаю опустошения сего монастыря» были переданы в пользу герцеговинского Успенского монастыря Пива. Как оказалось, все

¹ Там же. Д. 2. Ч. 1. Л. 17. Указ Николая I.

² Там же. Л. 18 об.

³ Там же. Ф. СПб ГА II-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 1. Л. 22.

⁴ Там же. Ф. ГА I-9. Оп. 46. Д. 2. Ч. 7. Л. 50б.

указанные сербские монастыри получали милостинную дачу лишь в предыдущем столетии (кроме Успенского студеницкого, которому деньги были выплачены по 1814 год). Известно, что в 1847 г. сербский митрополит Петр обратился к белградскому консулу Г.И. Данилевскому с просьбой продолжить выплату в пользу Студеницкого монастыря, приложив жалованную грамоту, выданную обители в 1663 г. государем Алексеем Михайловичем, и протокол Синодальной канцелярии от 12 марта 1755 г.¹ И хотя последняя дача происходила по 1814 год включительно, в Петербурге приняли решение о начислении монастырю денег лишь за годы правления Николая I, что составило 1023 р. 49 коп.²

То, что церковный и политический аспекты в общей внешнеполитической доктрине России на Балканах неразрывно связаны между собой, хорошо понимали российские дипломатические представители в Османской империи. «Духовное и нравственное влияние России на единоверных ей христиан Восточных может действовать двумя путями, – писал в одной из своих многочисленных записок российский консул в Бейруте К.М. Базили, – 1. Политическим заступничеством церкви и народа, 2. Поддержанием туземных училищ и образованием некоторого числа отборных молодых людей в наших учебно-духовных заведениях»³. При этом автор записки считал, что Россия должна тратить на помощь православию за рубежом гораздо большие суммы, приводя в пример оказываемые Римом пожертвования в 400 тыс., направляемые, правда, в основном, католикам в святынях Малой Азии. «Политическое заступничество, – продолжал Базили, – будет иметь самые благие последствия и предоставлять России сугубое влияние на судьбы Востока». Ему вторил автор другой записки, болгарин Иван Добрович, издатель болгарского журнала «Мирозрение». Приехав из Константинополя в Одессу в 1852 г., он обратился к российским властям с пространной запиской, написанной на греческом языке. В ней Добрович призывал оказать покровительство болгарскому населению Турции, характеризуя российских консулов в Болгарии как «защитников и покровителей» всех турецких христиан. Если

¹ Там же. Ф. Славянский стол. Оп. 495. Д. 3861. Л. 1об. Г.И. Данилевский Л.Г. Сенявину. 15 июля 1847 г.

² Там же. Л. 6об. Н.А. Протасов К.В. Нессельроде. 28 февраля 1849 г.

³ Там же. Ф. СПб ГА 1-9. Оп. 8. Д. 1 (1815-73). Л. 307. Памятная записка К.М. Базили от 15 декабря 1843 г.

Россия выполнит свой долг по отношению к православным единоверцам, то «и славный Восточный вопрос не замедлит разрешиться как бы сам собою, совершенно в пользу России, справедливо и законно»¹. Эти бесхитростные рассуждения, несмотря на всю их наивность, поражают высокой степенью осознания общей цели православия на Востоке и ясно очерченными задачами российской внешней политики на Балканах.

Следует еще раз подчеркнуть роль российского константинопольского посольства в установлении и осуществлении непосредственных связей русской церкви с балканскими православными учреждениями. Через российского посланника проходили все денежные средства, направлявшиеся Св.Синодом православным обителям почти на всей территории Балкан (кроме Цетинской митрополии). Именно через посольство осуществлялись контакты как отдельных церквей, так и руководства Константинопольской патриархии с духовными учреждениями в Российской империи. В посольство присылались церковные книги, сюда же прибывали специалисты для налаживания преподавания русского языка и священной истории в отдельных частях Османской империи. Наконец, российское посольство имело свои средства, которыми оно распоряжалось по своему усмотрению, и которые часто направлялись на оказание помощи православным учреждениям и отдельным священнослужителям без надлежащей на то санкции властей из Петербурга. Все это делало российское представительство в Константинополе важным центром влияния на балканские православные общины.

Следует отметить также и то, что предоставляемая Россией материальная помощь далеко не могла удовлетворить все имевшиеся нужды православных обителей и храмов на Балканах – не только из-за их многочисленности, но и по причине крайне скромных средств, выделявшихся Св.Синодом на эти цели. Российское правительство скорее некоторым образом «отмечало» объекты своего внимания и давало понять туркам обширность своих духовных притязаний на османской территории, чем оказывало реальную материальную поддержку этим центрам православия. Эту умеренность, безусловно, можно было бы списать на постоянную нехватку средств, если бы определенная тенденция не прослеживалась на

¹ Там же. Л. 337. Управляющий III отделением с.и.в. канцелярии Дубельт К.В. Несельроде. 10 августа 1853 г. Секретно.

протяжении достаточно продолжительного периода. Остается сделать вывод о том, что некоторая нерешительность и даже «робость» в оказании поддержки православной церкви в Османской империи вообще и на Балканах, в частности, проистекали вследствие общей неопределенности в выработке генерального курса внешней политики России в данном регионе, наложившей свой отпечаток и на духовную сферу общения православных общин России и Балкан.

Что касается вычленения собственно русско-сербских церковных связей из общеполитических, то их изучение представляется наиболее плодотворным, поскольку они стали более интенсивными после восстановления сербской митрополии и включали в себя обоюдный обмен духовно-преподавательским составом, книгами, налаживание типографского дела в самой Сербии.

**Значение российских архивных материалов
для освещения истории революции 1848-1849 гг.
в Придунавье**

Автор дважды, в 1981 и 1984 гг. работал с архивными материалами по истории революции 1848-1849 гг. в Архиве внешней политики Российской империи. Содержащиеся там материалы – донесения посланников в Вене и Константинополе и консулов в Белграде – значительно обогащают историческую картину революции 1848 г. В тот период Россия проводила политику великой мировой державы, ее интересы в период революции были общемировыми. Император Николай I, председатель правительства Пьемонта Камилло Кавур и многие другие расценивали международную ситуацию как реальную опасность возникновения войны планетарного масштаба. Во время революции 1848-1849 гг. Франция и Великобритания приступили к формированию союза, формально вступившего в силу в конце 1849 г. На его основе эти страны вступили в Крымскую войну 1854-1856 гг. Западные страны пытались воспрепятствовать движению балканских народов и обещали сербскому правительству и князю Александру Карагеоргиевичу объединение Сербии, Боснии и Болгарии в единое «Сербское Вице-королевство». С другой стороны, южнославянским революционным движениям (Воеводина, Хорватия) был предложен союз с революционной Венгрией. В этом аспекте польская эмиграция, объединенная вокруг князя Адама Чарторыйского, сыграла чрезвычайно важную роль в событиях, которые привели к общему поражению. Поляки стремились создать союз Великой Польши, Великой Венгрии (с выходом на побережье Адриатики) и Великой Германии.

Российские архивные материалы имеют особое значение и для понимания революционных планов Михаила Бакунина. Кроме того, до настоящего момента литература слабо и ошибочно освещает развитие церковных событий того периода. Борьба за «святые места», ставшая прологом столкновений в Крымской войне 1854 г., началась не после революции 1848 г., но до того – в Боснии и Герцеговине. Франция стремилась заменить Австрию и стать покровителем францисканских католических монастырей. Со своей стороны, с 1847 г. польские круги пытались поднять широкое движение по

расширению унии. Действуя в этом направлении, аббат Ипполит Терлецкий путешествовал в 1848 г. по балканским странам с папским призывом к православным. Без изучения российских архивных материалов невозможно понять историческое значение всех тех тенденций, столкнувшихся в Крымской войне 1854 г.

* * *

Очевидно, что к настоящему времени историческая наука исчерпала возможности архивов тех стран, в которых произошел революционный переворот 1848 г. Раскрытие нового исторического смысла в цепи восстаний в Европе 1848 г. привнесло лишь некоторую новизну в оценки значений исторических событий, но не новые данные о них. Сейчас революции 1848-1849 гг. рассматриваются как фактор в процессе «большой длительности», когда история Европы перешла от феодальной цивилизации («*civilta fondiaria*») к индустриальной цивилизации («*civilta industriale*»). Тогда мелкая буржуазия сыграла более значительную роль, нежели за весь предыдущий период развития¹. Только в этих событиях середины XIX века прежде «непризнанный класс» радикальной интеллигенции привнес ряд новых инструментов модернизации в международные конфликты².

Для нового мышления и философии революции 1848 г. это без сомнения стало ценным новшеством. Однако остается факт, что до сих пор полностью неизученной остается цепь событий, о которых историческая наука вообще не знала. Европейские архивы для решения этой задачи представляют мало новых возможностей, принимая во внимание то, что они в основном ориентированы на обработку прежних литературных трудов. То, с чем слабо знакома европейская наука, это фонды российских архивов. Российская и советская наука в этом плане выполнила свой исторический долг и к настоящему моменту предложила много значительных и важных начинаний. Отдавая дань уважения этим научным результатам, следует, однако, отметить, что европейские ученые мало заглядывали в российские архивы, в этой связи последние представляют собой золотой источник нового знания. Особенно в сербской и югославянской науке не представлено ни одного систематического сборника российских архивных материалов.

¹ Особенно касается современной итальянской историографии (Roberto Balzani).

² См. также американского историка Роберта С. Снайдера.

Мне представилась счастливая возможность дважды изучать собрания российской архивной документации по истории революции 1848-1849 гг. сербов, хорватов и других народов на южнославянском и венгерском пространстве. Прежде всего, в 1981 г. я выписал небольшую подборку документов и потом опубликовал работу¹. В этом направлении я продолжил работу в 1984 г., когда мне удалось просмотреть весь фонд российских дипломатических донесений, на основании которых был написан пространный труд². Сначала он был представлен как отдельный доклад на совместной научной конференции АН СССР и Сербской академии наук и искусств (Москва, 9-11 октября 1985 г.). Тогда пять российских ученых высказали о той работе свои оценки и критические замечания³. Был опубликован и перевод этой работы на русский язык.

Несмотря на то, что еще в 1877 г. российский ученый С.М. Соловьев обнаружил сведения о том, что бан Елачич уполномочил двух своих влиятельных соратников – Ивана Кукулевича и Людевита Вукотиновича – на посещение российского посольства в Вене (21 июля 1848 г.), чтобы попросить совета российского императора, по какому пути следует направиться движению Хорватии⁴, эти сведения в научных исследованиях югославянских историков оставлены без внимания. То же самое произошло и тогда, когда в более поздней литературе из этого сделали очень значимую, весьма побуждающую к размышлениям проблему. Бан Елачич в своем наказе отмечал, что хорватский народ есть часть великого славянского мира вместе с Россией, и с легкостью может присоединиться к революционным движениям в Италии, но подобное судьбоносное решение он не может принять сам, без совета российского императора. Для исследования и оценок революций 1848 г. среди южных славян и в Центральной Европе это является одним из наиболее значимых источников. Такое же значение имеют донесения императорского консула в Белграде Данилевского, который составлял детальные отчеты о развитии ситуации среди сербского народа в

¹ *Ekmečić M. Nekoliko ulomaka o ruskoj politici prema Južnim Slovcnima u vreme revolucije 1848. godine. // Revolucija 1848. i Balkan. Novi Sad, 2000. S. 89.*

² *Он же. Rusija i narodni pokreti Balkana 1848. godine. // Revolucija 1848. i Balkan... S. 121-162.*

³ В.Я. Гросул, В.И. Фрэйдзон, И.В. Чуркина, И.И. Лещиловская и Ю.А. Писарев.

⁴ *Соловьев С.М. Россия, Австрия и Англия во время движения 1848-1849 годов. // «Русская старина». СПб, 1877. XX. С. 422.*

южной Венгрии (Воеводине). По меньшей мере, за 20 дней до того, как Народная скупщина в Сремски-Карловцах провозгласила 15 мая 1848 г. программу сербского движения за обретение политической автономии в Габсбургской империи, консул в Белграде известил об этом Петербург¹. Тогда же были очерчены и границы «Сербской Воеводины».

Богатство российских архивов и источников по истории всех европейских движений 1848-1849 гг. соответствует роли России в развитии тех событий. Как ведущая мировая держава того времени Россия несла ответственность за сохранение европейского порядка. Отсюда соразмерность донесений о южнославянских движениях в революционных событиях 1848 г. политическому значению России в мире на тот период. Еще С.С. Татищев в 1887 г. предупреждал о возможности того, что вспышка революций в западных странах может бросить мир в пожар мировой войны². Тогдашнюю российскую политику он рассматривал из ретроспективы Крымской войны 1854 г. с Великобританией и Францией. В то же время мировая политика периода от окончания Венского конгресса 1815 г. до революции 1848 г. исходила из убеждения, что сохранение стабильного миропорядка возможно единственно при условии воспрепятствования революционным движениям в великих европейских странах. Антиреволюционный характер решений Венского конгресса 1815 г. был мотивирован представлением о том, что крушение монархии во Франции в 1789 г. стало первопричиной наполеоновских войн, которые, вместе с прелюдией, длились полных 23 года. В этой связи Николай I еще в 1846 г. потребовал подавить локальные восстания в Италии с помощью военной интервенции.

Существовали опасения, что революция может дойти до западных окраин Российской империи – прежде всего туда, где проживало польское меньшинство, польская аристократия. Выраженная в манифесте от 26 марта 1848 г. убежденность императора в том, что революция не затронет российские земли, стала основой нейтральной политики в отношении революций во Франции, западных германских окраинах и Придунавье.

¹ *Екмеčić М. Stvaranje Jugoslavije 1790-1918. I. Beograd, 1989, S. 514, 518.* (Данилевский послал донесение об этом 23 апреля 1848 г.)

² *Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая Первого. Введения в историю внешних отношений России в эпоху Севастопольской войны. СПб., 1887. С. 44.*

Классический труд Розы Авербух, возможно, является наиболее авторитетным словом в российской науке по истории революции 1848 г., о революции в Австрии 1848 г. и политике Николая I¹. Работа в достаточной степени освещает первую фазу царской политики, в связи с чем оценки, высказанные в ней, имеют непреходящую ценность. Существовал круг императорских советников, занимавших позицию, отличную от официального курса внешнеполитического ведомства под руководством консервативного канцлера Нессельроде. «Минимальная программа», за которой стоял указанный круг, мнение которого разделял сам император, исходил из расчетов вероятности распада Габсбургской империи, которая могла бы принести пользу и для самой России. В этом случае было бы необходимым поддержать легитимные права малых народов, стремившихся к освобождению от Австрии и Турции. Россия могла бы потребовать от Австрии возвращения Галиции, так как на основании исторического права Россия считалась одним из легитимных наследников империи.

Существовало много причин отказа от этого направления, отказа прежде, чем оно смогло прочно утвердиться. Великобритания первой начала рассчитывать на возможность изменения всей европейской политики под влиянием как революционных брожений еще до, собственно, революционной вспышки 1848 г., так и в течение революции. Еще в феврале 1848 г. лорд Пальмерстон объявил, что в случае нападения на габсбургские владения в Италии Британия начнет военную интервенцию². Схожим образом она оценивала и возможность того, что британская интервенция должна воспрепятствовать попыткам российского и австрийского двора решить проблему освобождения южных славян. Речь шла о поступивших сведениях относительно заключения в 1847 г. тайного соглашения между двумя императорскими дворами о том, что Австрия станет покровителем южных славян после их освобождения. Второй вариант заключался в том, чтобы это место заняла Россия, посредством деятельности князя Милоша Обреновича и его сына, находившихся в изгнании³.

¹ Авербух Р. Австрийская революция 1848 г. и Николай I. // «Красный архив». № 4-5 (89-90). М., 1938; Она же. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848-1849. М., 1935.; Она же. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. М., 1965.

² Экмеčić М. Stvaranje Jugoslavije 1790-1918. I. Beograd, 1989. S. 544.

³ Ibid. S. 522.

Двойственная политика Великобритании, формируемая на основе исторического принципа, сформулированного лордом Пальмерстоном о том, что не существует долговременных союзников, но лишь долговременные интересы, привела к тому, что правительство в Лондоне сначала позиционировало себя как союзника габсбургского двора, выступая против революционных движений. Однако осознание, что этот двор склонен к союзу с Россией, сразу привело к прямо противоположной позиции. Союзник венского двора, по крайней мере, наполовину оставался британским противником, когда речь шла о Придунавье и Балканах, но другом, когда дело касалось Италии. В то время как венгерские повстанцы против габсбургской власти поддерживались, те же повстанцы против той же власти в Италии осуждались и подвергались гонениям. Страх перед тем, что габсбургская корона станет политическим вассалом российского императора, заставлял британскую дипломатию работать в направлении союза с Францией против подобной возможности¹.

Британия тогда сама являлась балканской державой - владела Ионическими островами, находившимися в двойственном статусе независимой державы и автономной британской колонии. Отклик революции в Италии с марта 1848 г. стал питательной почвой на островах для выдвижения требований об освобождении от британского статуса и объединении в независимое греческое королевство. Восстание на островах было обусловлено и социальными мотивами – в частности, нерешенным аграрным вопросом². Подобная противоречивость британской политики союза с революцией 1848 г. в Венгрии и одновременное противодействие ей в Италии продлилась вплоть до самого окончания событий 1849 г. В основе – британское сопротивление России и стремление любой ценой удержать Османскую империю от крушения.

Литература о революции 1848 г. колебалась в оценках ее значения для истории южнославянских народов, Сербии и сербов, особенно во внешнем плане. Существовали признаки того, что российский император посредством писем сербскому князю и греческому королю вмешивался в целью помешать восстаниям на

¹ *Vernon John Puryear*. England, Russia and the Strait Question 1844-1856. Berkeley, 1931; *Ekmečić M.* Narodni pokreti kao faktor u odnosima velikih sila na Balkanu 1848-1849. godine. // *Revolucija 1848. i Balkan*. S. 213.

² *Ibid.* S. 215.; *Bell Herbert C.F.* Lord Palmerston. II. London, 1936. P. 220.

Балканах. Йован Ристич в труде о внешней политике Сербии этого революционного периода (1904 г.), выразил сомнение в том, что подобное письмо было направлено сербскому князю¹. Более поздние исследования, основанные на сведениях из российских архивов, подтверждают тот факт, что подобные письма российского императора действительно имели место и сыграли значимую роль в развитии ситуации на Балканах².

Отношения между великими державами в течение последовавшего за революцией десятилетия сохранили то же значение, какое имели и во время революции. То, что впоследствии получило название «Крымского союза» в войне Британии и Франции против России в 1854-1856 гг., пустило корни в плодородную почву, которую создала революция. Британско-французский союз был сформирован в период усмирения европейских восстаний 1849 г. Франция после крушения монархии в феврале 1848 г. манифестом министра иностранных дел поэта Ламартина обозначила свою цель: освобождение угнетенных народов в Европе. Хотя было известно, что Франция пытается вернуться на мировую арену тем же способом, каким она была с нее вытеснена в 1814 г., а окончательно – Венским конгрессом 1815 г. Две стороны не во всем соглашались друг с другом в ходе революции, но во многих аспектах их союз являлся естественным и неизбежным.

России, в первую очередь, грозила непосредственная опасность от польской политической пропаганды, которой руководили агенты, объединенные вокруг князя Адама Чарторыйского. Центром этой активности был Париж, но первые шаги были предприняты в Лондоне в 1832 г., непосредственно после подавления польского национального восстания 1831 г. Публицист и дипломатический служащий Давид Уркварт после путешествия по Балканам в 1832 г. с целью примирения мусульманского населения с новосозданным Греческим Королевством издавал журнал «Портфолио» в Лондоне и Париже, который переводился и на французский язык. После его визита в Сербию в 1833 г. британская дипломатия оказывала серьезное влияние на работу польских агентов в Белграде, целью которой было убедить сербских князей (как до смены династии в 1842 г., так и после того) отказаться от опоры на Россию. Сербская

¹ Ristić J. Spoljašnji odnošaji Srbije novijega vremena i srpski pokret u Južnoj Ugarskoj 1848. Beograd, 1904. S. 50.

² Ekmečić M. Op. cit. S. 121.

официальная политика, наряду с тем, что можно назвать национальным общественным мнением, были разделены на два политических лагеря. В основе разделения лежало столкновение молодой национальной интеллигенции, в большинстве своем получившей образование в западных университетах, с национальными лидерами, глубоко связанными с сербской сельской традицией.

После манифеста Ламартина в начале революции британское правительство было предупреждено о том, что французская республиканская администрация желает заключить с ним политический союз¹. Российские службы тщательно следили за попытками использования венгерской революции как базы для согласования европейских революционных заговоров в единое целое. Император Николай I был осведомлен о том, что подобный европейский тайный союз на масонской основе действительно создается, о чем в августе 1849 г. он известил турецкого султана. Лидеры венгерской революции подошли к созданию союза с новой Германией и с польской политической пропагандой. Речь шла об утопических проектах формирования в Европе нового «великого блока», состоящего из Великой Венгрии, Великой Польши и Великой Германии. Новое французское правительство работало над проектами создания придунайской федерации как основы решения национального вопроса балканских народов. Уже в апреле 1848 г. Чарторыйский был оповещен о том, что «некие влиятельные люди» в Хорватии выдвинули идею, чтобы турецкий султан позволил создать некое «Сербское Вице-королевство», которое охватит все южнославянские земли, включая и Хорватию².

Проекты «Сербского Вице-королевства», которые, по утверждению польских заговорщиков, были инспирированы новым французским республиканским режимом, действительно существовали вплоть до 1849 г., после чего получили обновление. Прежде всего, предусматривалось, что Болгария и Босния объединятся с Сербией в единое государство. Однако события заставили французскую дипломатию перейти к концепции формирования «узкой федерации»

¹ Taylor A.J.P. *The struggle for Mastery in Europe 1848-1918*. Oxford, 1954. S. 34; *Нарочитский А.Л.* Международные отношения от Февральской революции до июня 1848 г. Москва, 1949 С. 43; *Он же.* Международные отношения в Европе в июне-декабре 1848 г. // «Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В.И.Ленина». М., 1949. С. 107.

² *Ekmečić M.* Garašanin, Čartoriski i Mađari 1848-1849. godine. // «*Revolucija 1848. godine i Balkan*». S. 164. (Цитата из большого донесения в сноске 2.)

в составе Сербии, Боснии и Болгарии, в которой правители Боснии и Болгарии были бы из Княжества Сербии. Позднее французское правительство отправило своего представителя Лефрансэ для изучения условий в Сербии и двух придунайских княжествах. Российская дипломатия действительно была обеспокоена настроениями в среде сербской интеллектуальной молодежи, и объясняла их тем обстоятельством, что ее основное ядро получило образование в западных университетах. Отсюда проистекали идеи о политическом и социальном перевороте в своих странах. Сербский князь признавался консулу Данилевскому, что правительство располагает фондом для постоянного содержания 12 сербских студентов в западных университетах. Когда один из них после окончания обучения возвращался домой, ему на смену отправлялся новый студент. Благодаря российскому вмешательству эта практика была изменена, принято решение, что большинство студентов будет отправляться на обучение в российские университеты для изучения технических и естественных наук, а не революционной философии. Результат вышел обратным предполагаемому: сербские воспитанники в российских университетах, в большинстве своем технари и экономисты, приступили к изучению российской «протестной» философии и вместо того, чтобы воспитываться в богословии, основательно штудировали труды Чернышевского.

Французская дипломатия заняла следующую позицию: дело может пойти до союза России и Австрии с целью раздела Османской империи и решения Восточного вопроса при условии, что Австрия уйдет из итальянских областей, а компенсацию получит на Балканах. Новый французский посланник в Константинополе генерал Опик 11 апреля 1848 г. постоянно обращал внимание на подобную возможность. Следствием стало изменение позиции о необходимости оказания помощи объединению южнославянских краев с центром в Сербии в единое государство, и принята доктрина о «тройной федерации», которую возглавляли бы сербские представители от Княжества Сербии¹.

Идея о «Сербском Вице-королевстве» действительно в какой-то момент была чрезвычайно актуальна в делах сербского правительства, по крайней мере, в кругу Илии Гарашанина. В одном из воспоминаний о первых месяцах 1848 г. Гарашанин предложил соглашение с султаном по поводу данного Вице-королевства в едином

¹ Дамьянов С. Френска политика на Балканите 1848-1849. София, 1977. С. 224; Нарочницкий А.Л. Международные отношения от Февральской революции...

федеративном государстве. Болгар он оставил вне сербских границ, но для них он предусматривал предоставление равноправия с мусульманами в турецкой империи. С Сербией должны объединиться Босния, Герцеговина, Черногория и Верхняя Албания¹. Неясным оставался вопрос, подразумевались ли под Верхней Албанией Косово и Метохия, которые тогда не обладали политической идентичностью, которая была оформлена только после 1945 г., или область Скадара до Драча. В любом случае в тот период ни отечественной, ни мировой общественностью Косово не приписывалось к Албании.

Научная литература пока не освещает в достаточной мере историю идеи создания «Сербского Вице-королевства» в 1848 г., которая год спустя обрела «второе дыхание». Сербский посол в Константинополе располагал одним умеренным проектом, не заходившим слишком далеко в перекройке европейских границ, но следовало бы более глубоко исследовать первоначальную роль круга польских агентов принца Адама Чарторыйского в формировании этой программы. Британские дипломатические представители были о том оповещены, хотя некоторые из них придавали данному вопросу мало значения. В начале апреля 1848 г. консул в Сербии Фонбланк известил посольство в Константинополе о том, что сенатор Кничанин информировал о проекте реставрации сербских средневековых границ, и сразу затем выразил желание британского правительства отправить сербам 25 000 ружей и боеприпасов².

Сербское общественное мнение разделилось. Большинство выступало за то, чтобы поднять всенародное восстание в соседних турецких провинциях и разрешить сербский национальный вопрос революционным путем, не ожидая от султана проведения реформ, в которых бы и для будущего сербского автономного государства нашлось бы место. Польская эмиграция в этой связи провела серьезные изменения в рядах своих агентов и их деятельности. Вместо Франьо Заха прибыл новый агент Ленуар. Его задачей являлась поддержка тех сил, которые выступали с требованием большей опоры Сербии на западные страны – Францию и Великобританию. Ленуару удалось вопреки действующему правительству сформировать некую группу посредников, которая проводила совещания во французском консульстве. Сюда же приглашался и турецкий паша из белградской крепости. Эта группа

¹ *Ekmečić M.* Op. cit. S. 188-189. Всего 15 пунктов.

² *Ibid.* S. 187.

обвиняла консула Данилевского в деятельности по свержению сербского князя, и затем в связи с проведением Петровской скупщины в Крагуеваце было принято решение (извещение о том 17 июля 1848 г.) об оказании отпора российским настояниям к сербскому правительству, «чтобы не принимать никаких требований Данилевского и ничего из того, что он официально сообщает» .

От российского консула не потребовалось много усилий для отражения западных посягательств на сербское правительство и Сербию. Они и так основывались на двух гнилых опорах: 1) Сербский национальный вопрос, содержащий такое серьезное положение, как перемена внутренних границ турецкой империи с целью выделения в ней сербской федеральной единицы, западные державы предлагали решить мирным образом. Главной заботой французской, британской дипломатии и польских агентов были переговоры с турецким представителем и сведение дела к некоей благотельной дипломатической процедуре. В двух дипломатических миссиях французских посланников, офицера Лефрансэ и польского уполномоченного агента на французской службе Быстжоновского, дело свелось к согласию турецкого правительства решить аграрный вопрос в Боснии и Герцеговине, где – признавало и само турецкое правительство – положение христиан под мусульманским господством стало невыносимым. Следствием стала отправка Омер-паши Латаса, который получил определенную европейскую известность в столкновении с российской армией на Дунае в 1853 г., в 1851 г. для сокрушения антифеодалного движения мусульман в Боснии. Заодно он расправился со всеми «панславянскими агентами», например, с Иваном Франом Юкичем; 2) попытки переговоров с «венгерскими левыми» по поводу предоставления автономного статуса сербам в южной Венгрии. Россия через консула Данилевского была серьезно вовлечена в этот процесс. Без исследования российских архивных материалов невозможно понять всю глубину этих просчетов. Вся южнославянская научная литература относительно революции 1848 г., особенно хорватская, чрезмерное внимание уделяет изучению роли революционного левого течения в венгерской революции 1848 г.

¹ См. *Ekmečić M. Nekoliko ulomaka... S. 108.*

² *Bogdanov V. Ustanak Srba u Vojvodini i Mađarska revolucija 1848-1849. Subotica, 1929; Он же. Hrvatska Ljevica u godinama revolucije 1848-49. u svjetlu naše četrdesetosmaške štampe. Zagreb, 1949; Он же. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848-49. Prilog historiji naše četrdesetosme. Zagreb, 1949.*

Необходимо поставить вопрос: что подразумевается под понятием «левые» в Венгерском Королевстве 1848 г.? Речь идет о группе интеллектуалов, значение которых в венгерском сейме значительно превосходило их роль во всем обществе. Из 14 553 571 человек населения Королевства лишь 37% приходилось собственно на венгров. Аристократия составляла 5% общества, промышленных рабочих в 1846 г. было всего 334 153 человека. К левым относился и генерал Перцель, который командовал венгерской армией при подавлении сербской революции в Воеводине. Потом в Панчево он пытался заключить исторический договор венгров и южных славян. С началом революции была отправлена делегация в Загреб для достижения соглашения с хорватскими лидерами относительно совместной акции «для демонстрации своей дружбы» в отношении хорватов. Однако она была весьма плохо принята и не достигла никаких результатов¹. По вопросу сербских требований они давали понять, что желают сотрудничества, но не отступили от убеждения, что территории, на которых проживают сербы, являются составной частью венгерского государства и должны там и остаться, невзирая на восстание сербского населения. Генерал Перцель через французского посланника Быстжоновского, а частично посредством турецкой дипломатии в начале мая 1849 г. предложил сербскому правительству договор о гарантиях предоставления сербской политической автономии в Венгрии. Это же было сделано официально через полковника Колмана, по происхождению чеха православного вероисповедания. В шести пунктах сербам предлагалась автономная Воеводина в границах этнического расселения сербов, локальная администрация, автономный сабор, признание сербского языка – кроме отношений с надстоящим венгерским сеймом и венгерским правительством – избрание патриарха и сербского воеводы на сербском саборе. Этот выбор ратифицировался со стороны центрального венгерского правительства².

Другое послание Гарашанину от Перцеля сводилось к обещанию признания «Воеводины, сформированной от Срема», признания званий сербских офицеров в венгерской армии и общей амнистии. В действительности венгерские левые предлагали решение сербского вопроса исключительно в границах Триединого Королевства Хорватии, Далмации и Славонии. Посланник в Турции граф Дьюла

¹ *Deme L.* The radikal left in Hungarian Revolution of 1848. Boulder. New York, 1976; *Spira Đ.* Nacionalna politika levica u peštanskoj revolucije marta 1848. // Zbornik za istoriju Matice srpske. I. Novi Sad, 1970.

² *Ekmečić M.* Garašanin, Čartoriski i Mađari... S. 205.

Андраши, который осуществлял официальные контакты с южнославянской делегацией в Белграде, предлагал лишь то, что признавал новопровозглашенный венгерский закон о национальностях — право на церковную и культурную автономию в жупаниях.

В Париже Адам Чарторыйский пытался оживить переговоры, но обманул южнославянскую сторону. Он не позвал их представителей на ключевые заседания, обещая венграм распад Габсбургской империи, а южнославянским представителям — ее сохранение. Его целью было создание условий для союза Великой Венгрии с Великой Германией и Великой Польшей. Во время своего наивысшего подъема венгерские «левые» в своей основной организации «Общество равенства» располагали менее одной тысячи человек¹. Их роль в революции неоправданно переоценивается в югославянской историографии, наравне с ролью польской эмиграции, объединенной вокруг князя Адама Чарторыйского. Неудивительно, что в конце революции 1849 г. эта роль в итоге свелась к историческому закату.

Это исторические рамки, в которых развивалось участие российской дипломатии в ходе сербской и хорватской революций 1848-1849 гг. 21 июля 1848 г. на встрече в венском посольстве посланников Елачича, Кукулевича и Вукотиновича с поверенным в делах Фонтоном хорватам было обещано сотрудничество при условии следования курсом на спасение Габсбургской империи. Когда в конце революции императорским патентом от 18 ноября 1848 г. и решениями правительства от 8 июля 1849 г. воеводинским сербам была дарована автономия в рамках «Воеводства Сербии и Тамишского Баната», стало ясно, что это произошло прежде всего благодаря давлению, оказанному российской дипломатией. Именно поэтому данное требование было извращено, так как Воеводство по составу населения оказалось более немецким, нежели сербским². Еще до того, как сербы 15 мая 1848 г. формально провозгласили требование об автономном Воеводстве, 23 апреля консул Данилевский послал об этом донесение. Эти сведения в научной литературе не получили достаточного анализа. Есть лишь упоминание об их существовании³.

Политику России в отношении революций среди балканских народов в Османской империи и Центральной Европе равным образом

¹ Deme L. Op. cit.

² Krestić V. Srbi u Vojvodini u vreme Bahovog absolutizma (1849-1860). // Zbornik za istoriju Matice srpske. Novi Sad, 1976. 13.

³ Ekmečić M. Stvaranje Jugoslavije 1790-1918. I. Beograd, 1989. S. 518.

определяли ее общие интересы как великой державы, от которой зависит мировой порядок того времени. Британия изменила свою позицию в отношении габсбургского двора именно в связи с его склонностью опираться в Восточном вопросе на политику России. Существовали признаки того, что российский и австрийский двор могли договориться и выработать совместный план в отношении Турции. Этим объясняется противоречивая, непоследовательная позиция Британии в отношении революций в империи Габсбургов. В связи с союзничеством австрийского двора с Россией Пальмерстон назвал австрийцев «наихудшими животными, которые когда-то присвоили себе незаслуженное имя цивилизованных людей», и начал поддерживать восставших венгров¹. Как только начала исчезать опасность превращения Австрии в постоянного союзника России по Восточному вопросу, Британия изменила свое отношение к ней, поддерживая ее отказ протянуть России руку помощи и воспрепятствовать разгорающемуся столкновению с Францией и Британией. Хотя до союза дело так и не дошло, в действительности австрийское правительство оставалось союзником обеих западных стран.

В этом свете следует оценивать и позицию Франции в революции 1848 г. в отношении придунайских и балканских народов. Франция формально поддерживала революцию, но сам министр Ламартин предупреждал западные правительства о том, что не следует все понимать буквально. Проект придунайской конфедерации при условии примирения венгерских и южнославянских требований в революции, как и идея о «Сербском Вице-королевстве» были неубедительны. Расчет был на то, что для сербов и их южнославянских соседей в перспективе появится некая идея освобождения, но они пропадали при первых же признаках того, что балканские освободительные движения будут поддерживаться Россией. Франция в Турции видела своего союзника, и если в чем и обновила после 1848 г. политику Наполеона I в Европе, так это постулат, что Турцию нельзя рушить, ее следует реформировать и укреплять. От французских планов объединения Боснии и Болгарии вокруг Сербии осталось лишь согласие турецкого султана на ликвидацию антиреформистски настроенных мусульманских землевладельцев в 1851 г.

¹ Kosary D. (ed). 1848 in Hungary. //Corvina. A Periodical of Hungarian Cultural Life. Budapest, 1947. 3. S. 17.

Попытки Михаила Бакунина посредством сербского национального движения в Воеводине создать широкую основу для революции на Балканах одно время выглядели так, будто имеют большее значение нежели действительно до того созрели. Известно, что Бакунин, при согласии венгерского революционного правительства, настаивал на открытии освободительного фронта, южнославянского и румынского¹. Центр его деятельности находился в Белграде и Земуне, но замысел заключался в связи через Хорватию и Далмацию («Иллирия и Далмация») с итальянским национальным движением. И руководство сербского движения в Воеводине приняло меры к обыску Земуна на тот случай, если там находится некий неизвестный посланник. Ни Бакунину, ни российской императорской дипломатии не было вся ясно относительно расселения южнославянских наций. Консул Данилевский в Белграде считал, что сербы являются основой во всей южнославянской картине, выделяя Хорватию и Далмацию как отдельные национальные понятия и полагая, что на всем пространстве от Земуна на запад, включая Военную Границу, проживает 30% сербского народа. Бакунин не оставил следов того, что над проблемой южнославянских этнических границ он долго ломал голову. Основной предпосылкой его замысла было то, что центральное место во всей системе европейских революций займет итальянское движение Гарибальди и, вероятно, вопрос Далмации и Истрии он осложнил уступками целям итальянского *Risorgimento* гораздо более, нежели Николо Томазо². Если проект Бакунина по революционизации балканских народов и имел какой бы то ни было исторический смысл, то в том плане, что он являлся альтернативой тем революциям и революционным требованиям, которые выработали польские агенты, объединяющиеся вокруг князя Чарторыйского в Париже. Чарторыйский свою балканскую политику после 1849 г. завершил в ничтожной утопии о возможности использования революций народов Габсбургской империи для создания союза Великой Венгрии и Великой Польши. Российские архивные материалы открывают связи Бакунина с венгерскими лидерами, известны опасения Берлина в этой связи. Значение российских архивных документов, как и дипломатических

¹ *Ekmečić M.* Russia i narodni pokreti Balkana 1848. godine. S. 135; *Pfitzner J.* Bakuninstudien. Prag, 1932.

² *Он же.* Bakunin kao pobunjeni intelektualac. pogovor Mihail Bakunin, Ispovijed. Osijek, 1976. S. 119-159.

донесений ее посольств и консульств, проявилось и в проблеме отношения политики римского папы Пия IX к православным христианам. Наряду с узким значением для церковной истории, это гораздо более полезно для изучения вопроса об исторических приготовлениях (в конце 1849 г.) союза Франции и Британии, которые в 1854 г. воевали в Крыму. Вся мировая историческая наука имеет об этом скудные сведения. В последнее время итальянский историк Паоло Пиераччини (Pieraccini) исследовал вопрос обновления статуса католического патриарха в Иерусалиме в результате издания апостолического письма «Nulla celebriog» (1847). Этот патриархат был основан в 1099 г. крестоносцами, и был ликвидирован во время крушения Латинской империи в 1291 г. Пиераччини изложил две точки зрения, представленные в литературе: создан ли он Папой или турецким султаном Абдул-Меджидом для сопротивления давлению великих держав. Исторические документы в архивном наследии Адама Чарторыйского, как и российские дипломатические донесения, являют гораздо более достоверную и полную картину, нежели предположения Пиераччини.

Научная литература о Крымской войне 1854-1856 гг. исходит из того, что столкновение России с Турцией в 1853 г., а также с двумя ведущими западными державами корнями уходило в дипломатический спор России с Луи Бонапартом, а позднее с Наполеоном III по вопросу о «святых местах» в Палестине. Источники из архива Адама Чарторыйского, сербские архивные материалы и донесения российских дипломатических представителей из Константинополя указывают на то, что увертюра к столкновению по поводу «святых мест», как и церковных обстоятельств в целом, была сыграна на Балканах, особенно в Боснии и Герцеговине. С начала революции 1848 г. Франция стремилась стать покровителем католиков в Турецкой империи и тем самым вытеснить Австрию, которая эту функцию выполняла с Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г.

Российские архивные материалы имеют исключительное значение для истории столкновения католической и православной церквей в этот период. Без них невозможно понять истинное значение того конфликта. Католическая церковь, а польская политическая эмиграция вокруг Адама Чарторыйского, в особенности, стремились развернуть мощное движение по заключению унии с православными церквями. Это время либерального католицизма, который в Западной Европе развился после 1830 г. Папа Пий IX, вступивший на папский престол в 1846 г., вначале был склонен

уступить этому движению. В католической церкви развилось движение по принятию обрядов, одеяний, языка и литургии славянских православных церквей. С 1847 г. в сотрудничестве с Римской курией продолжились усилия по созданию основы для унии. В западной научной литературе известно, что папа Пий IX обновил титул и функции Патриарха Иерусалимского, но не известно, что план состоял в том, чтобы одновременно установить дипломатические отношения с турецким султаном, чтобы новопровозглашенный патриарх Иерусалима стал бы первым папским послом в Константинополе. Таким образом, в османской столице стало бы две патриархии: одна традиционная и экуменическая православная, а вторая – католическая. Польский монах Ипполит Терлецкий доставил православным в Константинополе послание, подписанное Пием IX. Он был в Белграде, беседовал с сербским князем и оставил ему подарки. После этого он посетил Загреб.

Сербскую православную церковь мало заботила эта политика римского папы. В ответ на папское обращение к православным она ограничивалась малосодержательными заявлениями. Тогда все православные церкви жестко осудили это послание и усилия в направлении унии¹. Борьба за «святые места» в Палестине являла собой предысторию Крымской войны 1854 г. и имеет гораздо более глубокие исторические корни, чем можно себе представить. Приоритетное значение в предыстории Крымской войны в прежней литературе придавалось торговому фактору и столкновению экономических интересов великих держав в рамках Восточного вопроса, что отражено чрезвычайно хорошо. Это унаследовано от историографии до начала войны 1941 г. В классическом труде Е.В. Тарле³ о Крымской войне суммировано целое научное направление в исследовании этого вопроса до 1950 г.

Деятельность по разрыванию последовательной акции по привлечению православных церквей к унии с римским папой особенно расцвела после формирования в Риме «Восточного общества за унию всех христиан Востока» (*La societ e orientale pour l'union de*

¹ *Он же.* Crkveni faktor u sukobu velikih sila u Isto nom pitanju 1848. // *Revolucija 1848. i Balkan.* S. 88.

² *Авербух Р.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848-1849. Москва, 1935.

³ *Тарле Е.В.* Крымская война. Москва, 1950. I.

tous les Chretiens d'Orient) под руководством кардинала Франсони, префекта Propaganda Fide. После своего оформления 17 июня 1847 г. эта деятельность начала приносить первые плоды. Был учрежден журнал «Revue religieuse d'Orient», а украинский униатский монах Терлецкий передал папе Пию IX свой второй проект относительно унии. Первый он составил еще в 1846 г. и направил его в папскую канцелярию, где тот затерялся. Через год Терлецкий обновил проект, состоявший из 9 пунктов. Проект предусматривал уступки и со стороны католической церкви в отношении православных церквей: «Главное внимание должно быть уделено славянам, которые на востоке имеют первостепенное значение, а с этой целью должен быть основан и русско-славянский патриархат с правами других патриарших престолов» .

Российское посольство в Вене уделяло внимание деятельности католических кругов по заключению унии православных церквей с римским папой. Особое значение имеют документы фонда «Панины-Блудовы» в московском архиве на Б.Пироговской, 17. В большинстве своем они выходили из-под пера священника при посольстве – протоиерея Раевского. В записи от «начала марта» 1849 г. описывается подобная деятельность в Хорватии и Далмации. «Вообще в Хорватии и Далмации можно приметить, что только высшее, или старое, духовенство выступило против так называемой прогрессивной национальной партии. Молодые священники за развитие национального славянского элемента». Существует и широкое убеждение о преимуществе православия перед католицизмом. «В целом, с удовольствием наблюдаем, как они говорят в пользу нашей церкви и, вообще, за все наши старания, основанные на собственно русских началах». Протоиерей Раевский предупреждал об опасности расширения унии среди сербского народа. Он был поражен состоявшимся в Вене разговором с митрополитом Цетинским Негошем. Владыка, – говорит Раевский, – прибыл, чтобы приобрести философские труды Демосфена и Цицерона. Когда протоиерей отметил, что необходимо обратить внимание на православные богословские сочинения Макария и епископа Филарета, владыка лишь отмахнулся: «Я уже все знаю, что может быть написано в России». И назвал труды Макария и Филарета ерундой, «а Демосфен и Цицерон – это

¹ *Ekmečić M. Rad Ipolita Terlečkog na ujedinjenju hrišćanskih crkava 1848. godine. S. 62; Цит. По. Лопатинский А. Записки архимандрита Владимира Терлецкого // Русская старина. М., 1883. № 63.*

что-то другое!» И это он говорил серьезно! Что же могут сделать подобные лица для православной церкви перед церковью римской?».

Раевский это писал в то время, когда епископ Штроссмайер был поставлен в Джаковский диоцез с намерением оказать оттуда влияние на сербское православие. Он напоминал, что Штроссмайер до того был директором католического интерната Св. Августина. «Превосходно умный человек! Со своими католическими идеями, но не фанатик, а преданный народу. С каким удовольствием читаешь его статьи в журналах! Из наших священников никто не написал ничего похожего – и ничего столь решительного». Он предупреждал, что Штроссмайер (тогда ему было 35 лет) неслучайно был назначен епископом в Джаково: «Но обратите внимание, что он со своей энергией может сделать, даже среди православных». Отсюда его сожаления по поводу философских увлечений цетинского владыки и по поводу того, что подобный ученый и образованный человек вообще не существовал в сербском православии. Не говоря об этом открыто, Раевский, тем не менее, опасался, что Штроссмайер выдвинут в Джаково в рамках общих усилий того периода в направлении пропаганды среди православных унии с католической церковью. Следует, однако, заметить, что в российских архивных материалах того времени существует много донесений о Негоше. В противовес впечатлениям протоиерея Раевского, что философские предпочтения могли повредить православию, Негош здесь показан как надежная опора сербского национального дела и российской политики на Балканах.

Сербская и югославская историография до настоящего момента изучала революцию 1848 г. на материалах собственных, а также австрийских, венгерских, французских и частично британских архивов. Обзор архивных материалов был сделан в ограниченном объеме, недостаточно широко и плодотворно. Первые попытки относятся к 1851 г.¹ и написаны на основе устных воспоминаний, мемуаров и журнальных статей. Попытки исследования и глубокого анализа были предприняты спустя почти полвека в книге Драгутина М. Павловича «Сербия и сербское движение в Южной Венгрии в 1848 и 1849 гг.» (Белград, 1904). Главные плоды нынешнего знания об этом сербская наука обрела после 1945 г.² Широкий синтез

¹ *Kaper Z. Srpski pokret u Južnoj Ugarskoj 1848-1849*. Beograd, 1996. (немецкий оригинал 1851 г.)

² *Gavrilović S. Naša posleratna istoriografija o revoluciji 1848-1849. godine. // Jugoslovenski istorijski časopis*. Beograd, 1964. I.

был предпринят Душаном Поповичем¹, и, в конце концов, Славко Гавриловичем в «Истории сербского народа»². Написан и целый ряд сочинений на узкие темы, вышедших, главным образом, из-под пера Славко Гавриловича³.

Наиболее глубоко исследованы аспекты социальной и экономической истории сербов в Воеводине и Хорватии, политическая история и военные столкновения в ходе войны с венграми. Исследования иностранных архивов увенчались наиболее плодотворными достижениями, осуществленными на документах из венских архивов. Взгляд на документы французских, британских архивов, а также «Библиотеки Чарторыйских» в Кракове проливает свет на планы французского правительства, которые оно осуществляло само или посредством дипломатической миссии князя Чарторыйского. Изучение этого вопроса не завершено.

Российская архивная документация использована частично, хотя не в достаточной степени, чтобы стать одним из долгосрочных и постоянных задач сербской и мировой исторической науки. Документы французских и польских архивов открывают проекты относительно решения сербского национального вопроса в рамках Габсбургской империи и на Балканах вообще. В первом случае речь шла о попытке согласования сербского (и хорватского) движения с лидерами революции в Италии и Венгрии. Это завершилось великими и spectacularными поездками миссионеров и групп на совместные переговоры, но их воздействие на действительное развитие революции было минимальным. Это больше «история документов о попытках революционизации национальных движений Габсбургской империи, нежели настоящих революций. Цели князя Адама Чарторыйского – найти точки примирения южных славян с венграми – были подчинены намерениям направить революционные движения 1848-1849 гг. в Придунавье к проекту объединения Великой Польши с Великой Венгрией и Великой Германией. Эти попытки были неискренними, противоречивыми и базировались на

¹ *Popović D.* Srbi u Vojvodini. III. Novi Sad, 1963.

² *Gavrilović S.* Srbi u revoluciji 1848-1849; *Krestić Vasilije.* Srbi u Habsburškoj monarhiji 1848-1849. S. 109. // *Istorija srpskog naroda.* Beograd, 2000. V-1.

³ *Gavrilović S.* Srem u revoluciji 1848-1849. Beograd, 1963; *Он же.* Srem pre i u toku srpskog narodnog pokreta 1848-1849, Beograd, 1997; *Savković J.* Patriarh Josif Rajačić u srpskom pokretu 1848-1849. Novi Sad, 1954; *Popović D.* Vojvodanski gradovi u buni 1848-1849. // *Zbornik Matice srpske za društvene nauke.* Novi Sad, 1954. № 6.

преднамеренном обмане южнославянских представителей в том, что венгерское руководство склонно принять их требования.

С другой стороны, идея относительно Сербского Вице-королевства в Турецкой империи представлена в двусмысленном виде. Не определены этнические границы отдельных народов, относительно болгар оставалось убеждение, что они могут быть привязаны к сербскому ядру, подобно сербскому из Боснии. Следует сделать вывод о том, что проекты относительно Сербского Вице-королевства на Балканах, в рамках будущей федеративной Османской империи, все еще остаются громадной и недооцененной темой исторической науки. Исследования, предпринятые до сих пор — лишь начальные и минимальные.

Российская политика на Балканах по сохранению Габсбургской империи проводилась на основе принятия позиций сербского и хорватского общества того времени, наряду со стратегическими расчетами, навязанными отношениями великих держав и их планами. Российские донесения обращали внимание, что обычный народ в Хорватии не настроен на ликвидацию Габсбургской империи¹, те же сведения содержатся в донесениях белградского консула о настроениях сербов в Воеводине. В будущих исследованиях необходимо выяснить, каким образом российская дипломатия была оповещена о сербских национальных целях, сформулированных на Народной скупщине 15 мая 1848 г., уже 23 апреля. Требования о российской военной интервенции против венгерской революции первоначально были сформированы в декабре 1848 г. со стороны канцлера Шварценберга, а затем обнаруживаются в бумагах, говорящих о хорватских и сербских бунтах.

Наибольших достижений от исследований документов в российских архивах о революции 1848-1849 гг. можно ожидать в рамках начинаний, связанных с корнями или предысторией Крымской войны 1854 г. Целью России являлось воспрепятствовать заключению союзу западных стран Франции и Британии с Габсбургской империей против российской политики в рамках Восточного вопроса. В этом отношении до сих пор остается без анализа история церквей, попытки заключения унии с римским папой и реформы в самой католической церкви — существенные аспекты, которые привели к Крымской войне шесть лет спустя после окончания революции 1848 г, когда эти церковные вопросы уже проявили себя широко.

¹ *Ekmečić M. Stvaranje Jugoslavije 1790-1918. I. Beograd, 1989. S. 593.*

Интересы великих держав по поводу авторитета в том мире и политических изменений, которые бы наступили в связи с возможным распадом Габсбургской империи, ознаменовали все их начинания на локальном уровне, в связях с революционными движениями хорватов и сербов того времени. Российскую политику в румынских областях, Сербии и Болгарии того периода невозможно понять, если не принять во внимание то, что Великобритания тогда являлась балканской державой, в ее владении - Ионических островах – разразилась революция, и это определило британскую позицию в отношении революций в Далмации и Италии. Это являлось основанием российской политики в отношении Черногории, и все усилия Петра Петровича-Негоша нельзя понять без этой подоплеки. Равным образом общая стратегическая ситуация определяла позицию России в отношении внутреннего развития Сербии, до и в ходе Петровской скупщины. Именно на ней дело дошло до прямого столкновения политики французского правительства и польской эмиграции с деятельностью российского консула в сербской столице.

От исхода революции 1848-1849 гг. зависела позднейшая судьба хорватского и сербского народов, для целого ряда последующих поколений. После заблуждений в начале революции в том, что бан Елачич может стать на сторону итальянской революции, консервативного движения Николы Томазео с созданием широкой конфедерации под папским руководством, необходимо было усилить старания по созданию общего с сербами государства, и в итоге хорватская политика определилась и приняла программу в требовании банского веча от 31 декабря 1848 г. о том, что хорваты с радостью присоединятся к общему союзу всей Габсбургской империи с новой объединенной Германией. Хорваты тогда верили, что и воеводинские сербы с ними согласятся. Это оставалось долгосрочной целью во всей современной хорватской истории¹.

С ликвидацией проекта о Сербском Вице-королевстве от 1848-1849 гг. сербская национальная политика осталась без единой реальной цели. Попытки Бакунина относительно революционизации национальных движений румын и сербов пропали, поскольку не опирались ни на какие общественные силы этих народов, кроме радикальной интеллигенции, которая не обладала в обществе влиянием и всегда оставалась в меньшинстве. Однако именно в 1849 г.

¹ *Он же*. *Revolucija, balkanski pokreti i interesi Rusije 1848-1849 // Srbi na istorijskom raskršću*. Beograd, 1999. S. 40-41.

вырабатывались планы формирования сербских революционных организаций в турецкой империи. Тень габсбургской политики, которая определяла судьбу их войны с венграми 1848-1849 гг. и далее оставалась главным препятствием для сербских национальных устремлений. Поражение на Берлинском конгрессе 1878 г. имело глубокие корни, которые вышли на поверхность в событиях 1848 г.

(перевод А.И.Филимоновой)

**Современные проблемы историографии
и источниковедения Великого восточного кризиса
1875-78 гг.**

«Когда в далекой Сербии убили эрцгерцога, событие это показалось всем таким далеким, совершенно не касавшимся нас. В конце концов, на Балканах люди постоянно убивали друг друга. То, что на этот раз убийство эрцгерцога может хоть в какой-то степени коснуться Англии, казалось совершенно невероятным: не только я, все кругом думали точно так же. И вдруг штормовые тучи начали застилать горизонт»¹.

Агата Кристи

Приведенный в качестве эпиграфа фрагмент автобиографии А. Кристи свидетельствует, что в начале XX в. много путешествовавшая, начитанная молодая женщина из Великобритании искренне полагала, что Балканы это конфликтная зона, где перманентно идут вооруженные столкновения, имеющие весьма отдаленное отношение к мирной европейской жизни Запада. А на деле оказалось, что отношение и Запада к Балканам, и Балкан к Западу уже слились в неразделимое целое и полностью зависели друг от друга, что продолжается и по сегодняшний день.

Собственно это и есть констатация того, что на протяжении приблизительно двух столетий «восточный вопрос» стал имманентной частью европейской повседневности. И если в сознании английского или немецкого обывателя начала XX в. Балканы оставались еще экзотической территорией Востока, то для политиков европейских держав это уже была реальная зона ответственности их государств.

Как и когда сложилась эта система взаимосвязи, когда Балканы стали не только объектом европейской политики, но и реальным ее субъектом, активным игроком на поле дипломатических битв?

¹ Кристи А. Автобиография. М., 2008. С.332

Начинать следует с самого понятия *восточный вопрос*, которое и стало эвфемизмом для определения планируемого великими державами комплекса мер по изменению судьбы османских владений уже с 20-х гг. XIX в.

Историки разных стран и разных направлений на протяжении века пытаются выстроить парадигму восточного вопроса. Уже устоялись и признаны хронологические и локальные рамки этого явления. Сама дефиниция вместе с тем продолжает быть предметом дискуссий и размышлений.

Восточный вопрос в его классической формулировке – дележ наследства Османской империи, и в первую очередь Европейской Турции – вступил в последней четверти XIX в. в решающую и самую динамичную фазу. В сущности, именно в это время определяются не только государственные перспективы молодых балканских государств, но и судьба целостности и стабильности всего Европейского пространства. Ибо то, что происходит на Балканах в начале XXI в., есть продолжение и результат заложенных в то время основ. Сегодня мы говорим не только о трагическом состоянии сербского этнического пространства, о межбалканских конфликтах, но и о том, что журналисты именуют эффектным, но размытым термином «очаги напряженности». На самом деле речь идет не об очагах напряженности, а о серьезной деформации всей европейской модели мирного сосуществования. Этот крен произошел в результате нарушения геополитического равновесия в конце XIX – начале XX вв., в том числе и как следствие Великого восточного кризиса 1875-1878 гг.

В исторической литературе постепенно проявился отход от традиционного определения восточного вопроса единственно как следствия отставания Турции от Европы и ее неспособности удержать в целостности свои территории. Известный сербский и югославский ученый Милорад Экмечич, внесший весомый вклад в изучение Великого восточного кризиса, в своей последней обобщающей работе по истории сербов в Новое время дал глубокий анализ самой категории восточного вопроса и предложил следующее новое определение: «Восточный вопрос – это вопрос перераспределения влияния, мощи и территории между консолидированной Западной Европой и Россией, за счет Османской империи в период ее исторического отставания с 1683 до 1923 гг.»¹

¹ Экмечич М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом Веку. 1492-1992. Београд, 2008. С.74.

Это определение заслуживает, на наш взгляд, особого внимания историков международных отношений. Автор уточняет хронологические рамки проблемы и активных участников решения восточного вопроса. Предложенные сербским историком нижняя и верхняя границы существования восточного вопроса – 1683 г. поражение турок под Веной и 1923 г. Лозаннская конвенция об обмене населением с Грецией и конец Османской империи – уже вошли в историографическую практику. А вот акцентирование Экмечичем роли России в самом формировании явления *восточный вопрос* представляется нам абсолютно новаторским для зарубежной историографии.

Сербский ученый так раскрывает и детализирует свое положение: «Без роли России как великой мировой силы нет «восточного вопроса», поскольку Россия своим появлением у ворот Константинополя вовлекла и балканские народы в эту историческую схватку»¹.

По сути дела, с активным использованием института нот великих держав к Турции, а это после Парижского мира – процесс перманентный, мы можем говорить о прецеденте международного вмешательства во внутренние дела страны, не справляющейся, по мнению этого международного сообщества, с решением своих внутренних проблем. Это интервенция в защиту «прав угнетенных социумов». Что-либо подобное в отношении, скажем, колониальной политики Великобритании в Индии, подавления восстания сипаев или опиумных войн, или, скажем, России, и ее политики в польском вопросе, пока еще не применялось, хотя и дискутировалось. Таким образом, политика великих держав в отношении Османской империи – это прежде всего вопрос *международного права* и права арбитража, и способа вмешательства во внутренние дела, включая вооруженную интервенцию.

В последней из серии Русско-турецких войн XVIII-XIX вв. – Русско-турецкой войне 1877-78 гг., впервые в качестве цели и задач войны провозглашалась идея решения внутренних османских проблем вооруженным путем. Причем происходит это в период второго этапа реформ танзимата, то есть реальных усилий Османской империи решить свои внутренние проблемы путем радикальных реформ.

Итак, *первая лакуна* в изучении истории восточного вопроса в 70-80-х годов XIX в. – это вопрос правовой оценки международно-

¹ Ibidem.

го участия в его решении. В том числе следует проанализировать и сербский аспект вмешательства, поскольку именно вассальная Сербия и полунезависимая Черногория выступили против Порты как гаранты прав единоверных и единокровных братьев в Боснии и Герцеговине. Во всяком случае, таков был официальный предлог к началу боевых действий двух балканских княжеств против своего сюзерена – Османской империи. Таким образом, довольно неожиданно для великих держав, только еще разрабатываемая тактика коллективного вооруженного вмешательства во внутренние дела Порты для решения ее же внутренних проблем, реализовалась силами ее собственных слабых и нелегитимных в международно-правовом смысле вассалов. И лишь через полгода после их поражения в войну вступило равное по статусу и мощи государство – Российская империя.

Следующий шаг в этом направлении – это уже собственно оккупация части турецких территорий Австро-Венгрией и размещение русских оккупационных сил во вновь созданной автономной Болгарии. А в начале XX в. именно на Балканах был отработан еще один и по сей день, активно использующийся способ контроля, – введение института международных военных наблюдателей и ограниченного военного контингента (Македония 1903 г.).

Интересным в свете вышесказанного нам кажется оценка международного контекста Великого восточного кризиса 1875-78 гг., которую предложил известный российский историк-балканист В.И. Косик: «Шла “европеизация” Балкан, то есть цивилизованный грабеж владений султана»¹.

До последнего времени практически не изучался в компаративном плане *имперский аспект проблемы обострения восточного вопроса*. Это проблема анализа причин и составляющих компонентов приближения краха великих империй Европы: Российской, Австро-Венгерской, Германской, Османской, а позднее и Британской. В сущности, нарушение баланса, произведенное в отношении Османской империи, потянуло за собой цепную реакцию, которую можно определить как национально-освободительные движения, а можно говорить и об атомизации имперского пространства. Для нашей историографии вопрос имперской солидарности, изучение мер, направленных на сохранение и укрепление империй - тема

¹ Косик В.И. Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875-1878 гг. М., 2006. С. 145.

достаточно новая. В западноевропейской и американской историографии она уже давно активно разрабатывается. Признанный специалист в этом плане Эрик Хобсбаум; любопытны и размышления английского историка Доменика Ливена, предложившего в одной книге компаративный анализ истории трех «сухопутных» империй – Австро-Венгерской, Османской и Российской¹.

В отечественной историографии такой компаративный анализ имперского пространства и межимперских отношений применительно к событиям кризисов 80-х гг. XIX в. впервые провел М.Ю. Золотухин².

Существенным вкладом в изучение проблемы судьбы Российской империи как активного участника в решении восточного вопроса явились новые книги известных отечественных специалистов В.Н. Виноградова³ и В.М. Хевролиной⁴. Их монографические труды посвящены двум ключевым фигурам русской дипломатии периода Великого восточного кризиса – князю А.М. Горчакову и графу Н.П. Игнатьеву. Выход в свет этих фундаментальных работ во многом поколебал существующие штампы и стереотипы в отношении позиции России и судьбы европейских владений Османской империи.

В.М. Хевролина уже в 1997 г. в главе «Восточный кризис 70-х годов XIX в.» в многотомной публикации по истории внешней политики Российской империи указала на неподтвержденность источниками некоторых устоявшихся оценок позиции России по боснийскому вопросу⁵.

Автор многочисленных работ по истории русско-балканских связей и отношений, В.М. Хевролина предложила также и дифференцированный подход к оценке русского движения в помощь славянским народам Османской империи.

Глубокий анализ разногласий в правящих кругах Российской империи по вопросу тактики в решении восточного вопроса во второй половине XIX в. содержит и ее монографическое исследование, посвященное Н.П. Игнатьеву. В контексте обозначенной выше про-

¹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007.

² Золотухин М.Ю. Россия, западноевропейские державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885-1888 гг.). М., 1993.

³ Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М.Горчакова. М., 2005.

⁴ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев. М., 2004.

⁵ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 178.

блемы изучения имперского пространства, чрезвычайно важным представляется нам тезис российской исследовательницы, выдвинутый в дискуссии с немецким историком Г. Хюниген: «На наш взгляд, действия Игнатъева во многом диктовались именно гуманными соображениями. Интересы славян, которые он горячо защищал в отличие от руководства МИД, сочетались у него всегда с интересами России, как и у славянофилов 60-70-х годов, с которыми он был близок. Славянофилы так же, как и Игнатъев, пеклись об имперских интересах и подчиняли дело освобождения и объединения славян задачам усиления внешнеполитической мощи России»¹.

В.Н. Виноградов, признанный специалист по истории международных отношений, в своем исследовании дипломатической деятельности князя А.М. Горчакова предложил новый взгляд на формирование русской балканской политики во 60-70 гг. XIX в. Автор подчеркивает трезвый взгляд А.М. Горчакова на перспективы славянской государственности, его убежденность, что «лидеры балканской буржуазии после освобождения обратят взоры не к самодержавию, а в сторону Запада с его соблазнительным рынком, передовым строем, конституционными порядками и гражданскими свободами, и позиции официальной России в регионе не окрепнут, а ослабнут»².

В.Н. Виноградов не только представил весь спектр дипломатических усилий, предпринятых Горчаковым для мирного решения Восточного кризиса 1875-78 гг., но и рельефно показал, в чем причина успеха его противников как внутри страны, так и в Европе. Глубокий знаток политики Британской империи, В.Н. Виноградов в своих работах дал убедительный портрет Б. Дизраэли и его деятельности по крушению российских планов в отношении будущего Балкан. Отрадно отметить, что и в сербской историографии появилась серьезная, основанная на первоклассных источниках работа, посвященная восточной политике Дизраэли³. Милош Кович, автор этой работы, продолжает дело своего учителя М. Воеводича, много сделавшего для анализа международного контекста восточных кризисов.

В сербской историографии последних лет появилась целая плеяда молодых историков, разрабатывающих новые направления в изучении восточного вопроса. Это Милош Ягодич, анализирующий последствия Великого восточного кризиса для Сербии, Момир Самарджич

¹ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. С. 220.

² Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. С. 212.

³ Кович Милош. Дизраэли и Источно питање. Београд. 2007.

написавший книгу о становлении сербо-болгарских отношений после 1878 г., Сузана Раич, давшая совершенно новое представление о внешнеполитической деятельности Владана Джорджевича и Милана Пирочанаца.

В целом в изучении Великого восточного кризиса в последние годы можно выделить несколько направлений.

Во-первых, это новый подход к его интерпретации в обобщающих трудах. Со времени выхода в свет «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо прошло более ста лет, и традиция создания обобщающих трудов стала достаточно устойчивой. В последние двадцать лет появилось несколько трудов, которые призваны показать русскую и европейскую политику в период Великого восточного кризиса в контексте общеевропейской и мировой истории. Прежде всего, это касается многотомной публикации по истории международных отношений на Балканах в XVIII - начале XX в. под редакцией В.Н. Виноградова¹.

Предыстория и сами события Великого восточного кризиса детально проанализированы в одном из томов публикации². Существенное место заняли проблемы восточного вопроса в новых работах отечественных авторов по истории международных отношений³ и истории внешней политики Российской империи⁴.

Во-вторых, это монографии, посвященные активным участникам событий кризиса. Наряду с работами, указанными выше, в последние годы появились книги американских, сербских и отечественных историков, посвященные русским военным, государственным деятелям, членам императорской фамилии и дипломатам, непосредственно участвовавшим в событиях 1875-1878 гг., сербским

¹ Это фактически шесть книг, первые три из которых объединены общим названием «Международные отношения на Балканах»: Международные отношения на Балканах, 1815-1830 гг. М., 1983; Международные отношения на Балканах, 1830-1856 гг. М., 1990; Международные отношения на Балканах, 1856-1878 гг. М., 1986; а следующие три вышли под другими названиями: История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004; В пороховом погребке Европы. М., 2003; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. Таким образом, два века международных отношений на Балканах были представлены в этой многотомной публикации, создание которой – во многом заслуга В.Н. Виноградова.

² Международные отношения на Балканах, 1856-1878 гг. М., 1986.

³ Медяков А.С. История международных отношений в новое время. М., 2007. (Глава 10. Восточный вопрос начала XIX в. - 1856. С.215-246, а также два раздела Главы 14. Восточный вопрос в 1856-1875 гг. и Восточный кризис 1875-1878 гг. С. 332-346).

⁴ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). М., 2006.

политическим деятелям Й. Ристичу, М. Пирочанцу, В. Джорджевичу, представителям сербской династии Обреновичей.

В-третьих, опубликованы новые документы, позволяющие внести коррективы в устоявшиеся схемы. В первую очередь, это давно ожидаемый том, посвященный русской политике в отношении Боснии и Герцеговины в годы Великого восточного кризиса¹.

Особенно интересны сербские публикации последних лет, позволяющие по-новому взглянуть на характер русско-сербских отношений в период Великого восточного кризиса.

Проблему русско-сербских отношений в 1875-1878 гг. я исследовала в своей кандидатской диссертации (1986 г.) и отразила в нескольких публикациях², поэтому мне представляется интересным сопоставить новые сербские публикации источников с другими документами. Я остановлюсь на некоторых весьма показательных примерах.

Сербские публикации последнего времени, в частности, свидетельствуют, что позиция сербских политических деятелей в отношении России и русских в годы Великого восточного кризиса зачастую была не только не доброжелательной, но и просто враждебной. Весьма характерно в этом отношении опубликованное сравнительно недавно сербским архивистом Миле Станичем письмо генерала Косты Протича своему другу и известному культурному и политическому деятелю Милану Миличевичу³.

¹ Россия и восстание в Боснии и Герцеговине 1875-1878. Документы. М., 2008.

² Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIXв. М. 1981. С.77-98; Кузьмичева Л.В. Русско-турецкая война 1877-78 годов и Сербия // Славянский альманах. 1996. М., 1997. С.68-86; *Kuźmiczewa L. Serbia w decydującym etapie wojny rosyjsko-tureckiej z lat 1877-1878 // Acta universitatis Lodzientas. Historica, № 61. 2008. P.33-50 (на польском языке); Кузьмичева Л.В. Россия и Сербия на заключительном этапе Великого Восточного кризиса 1875-1878 гг. // На рубеже веков. 1998, № 2. С. 66-70; Кузьмичева Л.В. «Фальшивый партизан русский». Йован Ристич и обретение Сербией независимости // Родина. 2003. № 10 (октябрь); Кузьмичева Л.В. Благими намерениями... Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875-1878 гг. М., 2006. С.91-107; Кузьмичева Л.В. Русия и припреме Србије и Црне горе за рат са Турском у пролеће 1876. Околности доласка у Србију М.Г. Черњајева // Делиград од устанка ка независности 1806-1876. Београд. 2007. С.247-262 (на сербском языке); Кузьмичева Л.В. Австро-русские инициативы по решению Восточного кризиса и начало сербо-турецкой войны 1876 года // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений ХII-ХХвв. Памяти Т.М. Исламова. СПб., 2009. С.150-170.*

³ Станић М. Коста Протић о Русима // Мешовита грађа, Београд, 2003, Књ. XXI. С. 95-101.

Генерал Коста Протич был активным участником войны 1876 г. и командовал обороной Шуматоваца, а также Алексинацких и Делиградских позиций, во время второй Сербо-турецкой войны 1877-78 гг. он был начальником штаба Верховного командования, адъютантом князя Милана. Публикуемое письмо было ответом на просьбу Миличевича наградить сербским Таковским крестом русского консула в Сараево А.Н. Кудрявцева за его заслуги в деле поддержки Сербии. Это была вполне рядовая просьба, ибо к сербским наградам было представлено около 140 русских деятелей, да и награда сербская в России столь невысоко котиновалась, что один чеховский персонаж скорбел о том, что был у него лишь один крестик «и тот какой-то таковский».

Ответ же на эту просьбу был несоответственно желчным и гневным. Генерал Протич пишет из Ниша 21 мая 1878 г. Миличевичу, только что вернувшемуся из Петербурга, где он был замечательно принят, в том числе и самим царем, что *не хочет* выполнить его просьбу. Подчеркивая, что именно не хочет, а не просто не может, Протич пишет: «Я зол на русских. Настолько переполнен злобой и желчью, что отказываю даже Миличевичу в малой услуге, если она пойдет на пользу кому-нибудь из русских. Если бы у меня было шесть месяцев для того чтобы написать это письмо, я бы с фактами доказал, что у меня есть основания для того, что мое сердце переполняет яд, когда я думаю о русских». И далее он излагает свои претензии к России и русским, главная из которых та, что Сербия вступила в войну по русскому приказу, а потом была брошена и забыта. Он говорит о русском предательстве, о несправедливости Кремлевской речи Александра II. Поначалу кажется, обида Протича вызвана тем, что ни сам он, ни сербские офицеры, да и князь Милан не получили русских наград, в то время как их получили румыны и черногорцы. Но вот открывается истинная причина этой злобы и ненависти: это русские и русская политика в целом. «Русские отнимают у сербов сербской кровью икупленные и освобожденные сербские земли, отдают их болгарам, мы вынуждены угрожать оружием, только чтобы их удержать, и это русские, — сербские друзья»¹. И далее он шлет чудовищные проклятия в адрес русского царя Александра II, желая ему мучительной смерти. Вот какой благодарности дождался Царь-Освободитель от своих сербских братьев! О какой славянской солидарности, о каком взаимопонимании может идти

¹ Ibidem. С.100.

речь? По-видимому, его не было ни в начале кризиса, ни тем более после его окончания.

Значительным событием в деле публикации источников стал подготовленный к печати усилиями сербских историков дневник одного из видных государственных деятелей Сербии второй половины XIX в. – Николы Крстича (в восьми томах).

Никола Крстич в своем дневнике¹ очень внимательно отслеживал все события, предшествующие Великому восточному кризису, его ход и последующие события. Особый интерес представляет его характеристика начального этапа Великого восточного кризиса: 1875-1876 гг. Это события, связанные с началом восстания в Боснии и Герцеговине, и драматический ход Сербо-турецкой войны 1876 г.

Безусловно, этот раздел дневниковых записей Крстича дает неоценимый материал не только с точки зрения уточнения фактических деталей, спорных в историографии. Но и, прежде всего, для воссоздания атмосферы предвоенного и военного времени. Крстич – весьма осведомленный государственный деятель, одновременно предстает как подлинный патриот своей страны, который пытается в меру своих сил воздействовать на события.

Ежедневный анализ текущих событий этого, весьма концентрированного с событийной точки зрения периода, дает возможность Николе Крстичу не только ставить вопросы, касающиеся стратегии и тактики великих держав в восточном вопросе, но и попытаться на них ответить.

Крстич, в частности, глубоко и заинтересованно анализирует роль как официальной, так и неофициальной России в решении Сербии начать военные действия, и прежде всего роль именно русской общественности и славянских комитетов. Так, он заметил противоречивость и неопределенность русской официальной позиции по отношению к военным приготовлениям Сербии и Черногории. Глубоко и всесторонне проанализировал он и двойственность русской позиции по отношению к начавшейся в 1876 г. войне.

Никола Крстич отражает в своем дневнике ощущение военной тревоги уже весной 1875 г. Он дает исследователю возможность понять, что еще задолго до начала Боснийско-герцеговинского восстания в Сербии уже всерьез анализировались последствия возможного вступления княжества в боевые действия.

¹ В настоящей статье анализируется та часть дневника Николы Крстича, которая содержится в его записях за 1875-1876 гг. См.: *Крстич Н.* Дневник. Јавни живот II (јануар 1868 – 31. децембар 1876). Приредило М. Јагодић. Београд, 2006.

В августе 1875 г. Крстич собирает и анализирует информацию о роли Сербии в организации и поддержке восстания в Боснии и Герцеговине. При этом он хорошо понимает, что Сербия не может остаться равнодушным зрителем, и в то же время у нее нет достаточных сил, чтобы начать боевые действия. Одновременно он пытается увидеть и перспективу возможного вступления Сербии в войну: «А что если Сербии удастся уже в первых боях нанести поражение турецкой армии. Это был бы неожиданный и очень благоприятный исход»¹.

В январе 1876 г. Крстич констатирует, что восстание в Боснии и Герцеговине вызвало очень серьезный интерес великих сил, Сербия же осталась в стороне от разрешения конфликта: «Сербия, которой следует играть важную роль в переговорах с иностранными правительствами, и с самой Портой по этому вопросу, эта самая Сербия связана по рукам своими внутренними проблемами, и ее сейчас никто не принимает всерьез»².

Это очень важное замечание для понимания той роли, которую великие силы в целом, и Россия, в частности, отводили Сербскому княжеству в своих переговорах с Турцией.

Крстич при этом вполне взвешенно анализирует тот колоссальный ущерб, который нанесет сербской экономике даже победоносная война. Он считает, что особенно сильно война ударит по сельскому хозяйству.

На основании дневниковых записей Крстича можно с уверенностью говорить о подготовке княжества к войне еще до прибытия Черняева. Так, 13 марта 1876 г. Крстич отмечает: «Все более заметно, что правительство склоняется к войне, по крайней мере, подготовка к войне идет». При этом он дает печальную картину состояния сербской армии, называя причины как объективные, так и субъективные. Нет не только хорошего оружия, артиллерии, но нет и нормального обеспечения армии питанием, служба эта не разработана.

Крстич в своих записях последовательно реконструирует позицию великих сил по отношению к возможному вступлению Сербии в войну, и можно только удивляться его способностям к политической аналитике.

Поразительно его глубокое и обширное размышление о том, чем может закончиться для Сербии война. В записях от 13-18 июня

¹ Ibidem. С.291.

² Ibidem. С.306.

1876 г., то есть прямо в канун войны, он не только говорит о неготовности княжества к войне, о тех колоссальных жертвах, которые она принесет, но и осмысливает возможные будущие трудности и колоссальные расходы, когда придется интегрировать вновь присоединенные территории Старой Сербии или Боснии.

С этими его очень серьезными рассуждениями корреспондируется и его мысль о том, как собираются великие державы решать судьбу Боснии и Герцеговины – дать ли им автономию, захватить ли их самим или передать Сербии. И очень глубокое мнение о неготовности княжества решать столь масштабные задачи: «Сербии отдадут эти области, чтобы она там навела порядок, и это было бы очень хорошо. Но может ли Сербия гарантировать, что она в состоянии установить там законный порядок. События последних лет в Сербии не дают оснований верить, что Сербия способна решить столь сложные задачи, которые легли бы на нее в случае аннексии турецких провинций», – пишет он 20 июля 1876 г.

Подобное глубокое рассуждение о потенциале сербской политической элиты в деле управления будущим многонациональным и поликонфессиональным государством представляется исключительно интересным. Теперь мы можем уверенно говорить, что некоторые сербские политики понимали ответственность и тяжесть стоящих перед ними задач в деле не только объединения сербского этнического пространства, но и его дальнейшего государственного устройства.

Никола Крстич довольно много внимания уделяет позиции России по отношению к возможной войне Сербии и Черногории с Турцией.

Так, он понимает, что нужны дипломатическая подготовка предстоящей войны и консультации с русским царем. Не секрет для него и то, что официальная Россия не поддерживает сербские инициативы. Об этом, после консультаций с русским посланником Новиковым, сербский представитель Цукич сообщает из Вены.

28 мая он сообщает, что русский генерал М.Г. Черняев принят на сербскую службу и отправляется к армии. Начиная с этого времени, он внимательно следит за всей информацией о деятельности Черняева и его окружения. Наряду с общеизвестными фактами и предположениями, он предлагает и любопытную версию военных операций черняевского штаба. 26 июля 1876 г. он пишет, что славянские комитеты прислали Черняева, чтобы освободить Болгарию,

и поэтому он изменил стратегический план и вместо того, чтобы двигаться в сторону Боснии, а со стороны Ниша и Видина.

Никола Крстич предвидел фатальный характер Сербо-турецкой войны, и уже 20 июня он пишет, что результатом войны будет полный крах одной из воюющих сторон. Ход войны представляется ему замедленным и неэффективным, а Черняев, по его мнению, бездействует. С уважением говорит Крстич о приехавших помогать сербам французах, англичанах, баварцах; итальянцах. О русских добровольцах поначалу он молчит, и только 10 июля говорит о гибели Киреева: «Под Заечаром погиб русский Николай Киреев, молодой человек, из прекрасной семьи».

Крстич внимательно следит за поведением русских добровольцев в Сербии. Он свидетельствует о негативном впечатлении, которое производит русское пьянство и распущенность некоторых офицеров в белградской среде. Он повторяет все те истории, которые свидетельствовали, что в первых партиях русских добровольцев было достаточно случайных и бесполезных авантюристов. Однако он отдает честь и храбрости русских солдат и офицеров, которые стали осознанно прибывать, начиная с конца июля – начала августа месяца 1876 г.: «С того момента, как русские, особенно русские офицеры и унтер-офицеры, начали массово прибывать, нам стала улыбаться и наша военная удача», – пишет он 19 августа 1876 г.

Крстич очень критичен не только к русским добровольцам, он приводит много примеров трусости сербских солдат, недальновидности сербских офицеров, и пишет даже, что только «добровольцы сражаются как львы», имея в виду добровольцев всех национальностей. Внимательно следит он и за ходом войны в Черногории, и за победами черногорцев. Боснийские и болгарские повстанцы, принятые на сербскую службу, согласно его свидетельству, при первом же удобном случае бросают оружие и бегут с поля боя.

Официальная позиция России, хотя и является предметом его постоянных размышлений, все же остается для него загадкой. В связи с этим представляется исключительно интересным тот глубокий анализ русской политики, который предпринял Крстич в своем дневнике после окончания войны. Думается, что и сегодня историография еще так четко не сформулировала те вопросы, которые поставил Крстич 130 лет назад, и уж тем более не нашла ответы на эти вопросы.

7 ноября 1876 г., комментируя известную Кремлевскую речь русского царя Александра II, в которой 30 октября 1876 г. царь

фактически призвал русских готовиться к войне и одновременно упрекнул сербов в трусости, Крстич поставил ряд очень важных вопросов:

1) Если Россия не хотела, чтобы Сербия вступала в войну, почему она это не предотвратила?

2) Если же тайно поддерживала сербские намерения, хотя официально была против, то почему эта поддержка не была реальной?

3) Невозможно предположить, что Сербия и Черногория начали войну без русского одобрения. Тогда почему не было помощи со стороны официальной России?

4) Если же Россия собиралась использовать Сербию как плацдарм для будущей своей войны, то почему она не оказала действительную военную помощь сербским вооруженным силам?

Хорошо известно, что умение правильно поставить вопросы отличает настоящего аналитика от дилетанта. Можно сказать, что размышления Николы Крстича являют собой пример подлинного анализа характера политики России на начальном этапе Великого восточного кризиса. Особую ценность этому источнику придает не только глубокая осведомленность автора о событиях, о которых он пишет, но и попытка понять, каковы механизмы принятия тех или иных решений.

Итак, в последние годы усилился интерес к более детальному изучению событий Великого восточного кризиса. И это не столько было связано с юбилейными мероприятиями, которые обычно являются поводом для созыва конференций, сколько с серьезным поворотом в самой постановке проблемы.

В российской и сербской историографиях наметился поворот в сторону анализа катастрофических последствий для имперского пространства, которые имела Русско-турецкая война 1877-78 гг.

Национальные балканские историки, выставив в очередной раз счет России, которая не выполнила всех их чаяний и надежд¹, все же отходят от индигенного, локального подхода в изучении основных событий и последствий кризиса. В сербской историографии наблюдается отказ от огульных обвинений России в национальном

¹ Любопытно, что даже, рассказывая об истории создания и функционирования сербского министерства иностранных дел, появившегося во многом благодаря русским усилиям, автор не преминул упрекнуть Россию в том, что Сербия не участвовала в заключении Сан-Стефанского договора. Автор заявляет: «... русские ни в коем случае не могли допустить, чтобы такая маленькая, да еще и вассальная страна была бы их партнером» – *Popović B. Istorija Ministarstva inostranih dela Srbije*. Beograd. 2005. S. 111.

предательстве Сербии в пользу болгар и поворот в сторону анализа международной ситуации в целом.

Так, известный сербский специалист по истории Балкан XIX в. Радош Люшич в своем недавнем обобщающем труде «Сербская государственность в 19 веке»¹ предпринял попытку не просто констатировать предпочтение Россией болгарских интересов сербским, но и объяснить причину такого курса. Сербский историк справедливо объясняет это как характером русско-австрийских взаимных договоренностей, так и собственно имперскими интересами России. Вместе с тем, Р. Люшич подчеркивает также, что русская дипломатия даже в драматических обстоятельствах Берлинского конгресса делала все возможное для отстаивания интересов Сербии и Черногории². Представляется, что это серьезный шаг вперед в сербской историографии, позволяющий взвешенно и объективно оценить результаты Русско-турецкой войны 1877-78 гг.

В заключение можно сказать, что, казалось бы, хорошо изученный с фактической стороны и получивший уже огромную литературу восточный кризис 1875-1878 гг., ждет новых исследований.

¹ Люшич Р. Српска државност 19. века. Београд, 2008.

² Ibidem. С. 162-168.

**Русско-сербские отношения периода
Восточного кризиса 1875-1878 гг.
в сербской историографии**

Великий восточный кризис 1875-1878 гг. занимает значимое место в новейшей истории сербского народа. По словам видного сербского историка Милорада Экмечича, это один из переломных моментов истории сербского национального объединения, равный по значению 1804 и 1918 гг. Сербский народ десятилетиями готовился к тогдашнему великому освободительному порыву, и поражение, которое он потерпел, вызывало оправданный интерес сербской исторической науки. Еще с первых работ сербской историографии, появившихся по завершении кризиса, и до настоящего времени длятся споры о том, почему все завершилось именно так, и кто виновен в том, что тогда довелось пережить сербскому народу. Поэтому неслучайно, что одно из важнейших исследований, посвященных этому кризису, «Дипломатическая история Сербии», опубликованная в двух томах в 1896-98 гг.¹, вызвала полемику и критику несогласных с ее положениями. Йована Ристича, автора книги, руководившего сербской внешней политикой в период Кризиса, прежде всего критиковали как человека, непосредственно влиявшего на принятие тогдашних официальных решений Сербии. Вплоть до межвоенного периода этот двухтомник оставался важнейшим произведением сербской историографии по данной эпохе.

После Первой мировой войны появились работы, в содержательном, и во многих других аспектах ставшие шагом вперед в интерпретации Восточного кризиса. Исследования новых архивных документов, публикации отечественных и зарубежных источников, доступ к наследию деятелей кризиса и к многочисленным работам и документам других европейских стран стали важной основой для научной обработки. Столетие Восточного кризиса также дало повод многим исследователям изложить свои взгляды на эти проблемы на научных форумах, посвященных юбилею. Например, труды научной конференции, проведенной Академией наук Боснии

¹ Ристич Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова за ослобођење и независност 1875-1878. Београд, 1896, 1898. I-II.

и Герцеговины в 1977 г., заняли три тома¹. Важно и то, что многие видные сербские ученые дали свое видение этого международного кризиса в своих работах.

Тем не менее, в сербской историографии нет ни одной работы, посвященной исключительно отношениям Сербии и России во время Восточного кризиса. Восстание в Боснии и Герцеговине, участие Сербии и Черногории в освободительных войнах с Турцией, Сан-Стефанский мир, Берлинский конгресс были темами, вызывавшими основной интерес сербских исследователей. Роль России как участника войны или как значимой европейской державы на тогдашних международных переговорах заняла адекватное место в основных работах, рассматривавших вышеуказанные вопросы. О тогдашних отношениях Сербии с Россией говорилось прежде всего в рамках рассмотрения этих проблем. С первых работ, появившихся вскоре по завершении Восточного кризиса, в которых переплелись личные взгляды или воспоминания со стремлением соблюдения принципов научного рассмотрения, и до более поздних, объяснявших суть кризиса помимо прочего и не всегда лежащими на поверхности факторами или особенностями предыстории отношений государств-участников, не произошло существенного расширения тематики. Также не произошло изменения основных фактов, которые лишь получили новые подтверждения. Так же остались неизменными и основные оценки, ставшие более полными. Путь к научным результатам требовал сравнения различных источников, серьезного анализа ряда предшествовавших явлений и понимания того, что в детальном выяснении тонкостей взаимоотношений Сербии и России в период кризиса должно было содержаться объяснение его непосредственного влияния на двусторонние отношения.

Основные факты и основанные на документах характеристики отношений Сербии и России в ходе кризиса 1875-1878 гг. первым в сербской историографии изложил Йован Ристич в уже упомянутом двухтомнике по дипломатической истории Сербии. Сделанные им выводы в значительной мере заимствовались сербскими учеными в более поздних работах, прежде всего в аспекте международных отношений, которые доминируют в содержании этого важного труда. Однако Ристич не особенно глубоко вдавался в предысторию этих отношений, хотя это позволило бы ему дать более точную оценку произошедшего

¹ Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i Istočnoj krizi 1875-1878. godine. Sarajevó, 1977. I-III.

в период кризиса. В первую очередь его интересовали сербско-русские отношения в период войны 1876-1878 гг., отчего он не хотел касаться вопроса о последствиях, которые серьезно проявились после Берлинского конгресса. Сущность его интерпретации состоит в утверждении, что Сербия пошла на войну с Турцией по собственной инициативе, но при поощрении ряда деятелей русской дипломатии, что давало основания предполагать, что Россия не оставит ее без поддержки. Неудачные действия сербской армии, завершившиеся ее поражением в 1876 г., несмотря на участие 3-х тысяч русских добровольцев, напрасные ожидания вступления в войну русской армии, все это еще больше ставило судьбу Сербии в зависимость от России.

Именно эту нить Ристич проводит через свой труд. Он критически рассматривал условия, при которых Сербия могла бы снова вступить в войну, при условии, что и русские войска готовились к тому же. Речь шла о материальной и финансовой помощи Сербии и признании ее расширения в направлении Старой Сербии. Нарушение сербской стороной срока, который русские точно поставили для задействования ее армии, было обычной неурядицей, которую Ристич объяснял нерасторопностью России в предоставлении помощи, а не задержкой со стороны Сербии. Он утверждал, что после победы под Плевной Россия более не ощущала потребность в сотрудничестве с сербской армией, так как на первый план для нее вышли болгарские интересы. В Сан-Стефанском мирном договоре Ристич видел конец сербско-русского сотрудничества в этом кризисе, так как Россия создавала болгарское государство, в том числе и за счет сербских территорий, вследствие чего Сербия после этого и была вынуждена обратиться к Австро-Венгрии для спасения хотя бы части своих военных завоеваний¹. По его оценке, Берлинский конгресс являлся своего рода соглашением России и Австро-Венгрии по балканским проблемам, о котором он выразил предположение, что оно существовало и прежде, но отметил, что лично он об этом ничего не знал².

Работа Ристича, бесспорно, ценна в истолковании значительных вопросов периода Великого восточного кризиса, а особенно в

¹ Й. Ристич пишет, что во время Берлинского конгресса, русские представители советовали ему прийти к соглашению с Австро-Венгрией, как к единственному способу достижения успеха в защите сербских интересов. По его словам, русский совет был доброжелательным и дружеским, так как положение Австро-Венгрии «на Конгрессе было очень сильным». *Ристич Ј. Дипломатска историја Србије... II. С.218.*

² Там же. С. 250-251.

отношении участия Сербии и России. Многие годы после ее публикации в сербской историографии проблемы не появлялось ничего значительного. Только между двумя мировыми войнами, при расширении доступа к архивам и появлении новых источников, расширились научные исследования, и возникла потребность высказаться о кризисе с уже появившейся исторической дистанции, дать более полные оценки и предложить новые аргументы. Особые заслуги здесь принадлежат таким видным ученым как Слободан Йованович, Василь Попович, Васо Чубрилович и Владимир Чорович. Нужно, тем не менее, подчеркнуть, что они, хотя и использовали многие приведенные Ристичем факты и подтвердили многие его оценки, располагали зарубежными и отечественными архивными и опубликованными документами и исследованиями, получив, таким образом, больше знаний об отдельных вопросах, что давало им возможность указывать на ряд важных моментов, которые позволяли прийти к более обоснованным заключениям. С другой стороны, никто из них не принимал непосредственного участия в событиях, что также имело значение.

Видный историк права Слободан Йованович был первым, кто предложил свой взгляд на Восточный кризис 1875-1878 гг. В работе, посвященной правлению Милана Обреновича, он уделил значительное место сербско-русским отношениям¹. В связи с этим его оценка состояла в том, что речь шла о тогдашней ошибке сербской политики. Йованович соглашался с Ристичем в том, что вступление Сербии в вооруженный конфликт с Турцией в 1876 г. основывалось на уверенности в немедленном вступлении в войну России. Воинственность русских славянофилов, петербургской прессы и официального представителя России в Белграде, просто толкавших Сербию в войну, были ключевым фактором для принятия решения государственным руководством Сербии². Поэтому лица, которые могли повлиять на решения князя Милана, были близки славянофилам и были уверены в необходимости войны для воплощения идеи о славянском единстве.

С другой стороны, утверждает Йованович, настроение русского общественного мнения, прибытие в Сербию тысяч русских добровольцев и военные операции сербской армии сыграли значительную роль в решении России о вступлении в войну в 1877 г. Участие

¹ *Јовановић С.* Влада Милана Обрновића, I (1868-1878). Београд, 1926.

² Там же. С.305-309.

Србији в војне 1876-1877 гг., по мњењу Ђовановића, втјануло страну в орбиту мировој политики. Он разделял оценку Ристича о том, Россия не поддержала сербские территориальные претензии на востоке из-за намерения создать большое болгарское государство, что и побудило Сербию после Сан-Стефанского договора обратиться в сторону Австро-Венгрии. Сербия, утверждает Ђовановић, начала войну с Турцией, веря в победу славянской идеи, а закончила ее соглашением с Австро-Венгрией¹. По его оценке, Россия сознательно позволила Сербии встать под защиту Австро-Венгрии, что явилось одним из важнейших результатов Великого восточного кризиса.

После Слободана Ђовановића оценку сербско-русских отношений в период Великого восточного кризиса дал Василь Поповић, автор исследований «Восточный вопрос»², «Европа и сербский вопрос»³, «Берлинский конгресс»⁴ и других трудов в области сербско-европейских отношений XIX века. Главного виновника охлаждения сербско-русских отношений в тот период Поповић видел в России. Он ставил это в контекст отдаления России после смерти князя Михаила от Сербии, в которой все более набирали силу либеральные идеи, и все большего внимания России к болгарскому пространству. Вследствие этого она в военную пору 1876-1878 гг. и хотела создать Великую Болгарию как свою опору на Балканах, что было подтверждено Сан-Стефанским договором. По его оценке, действия русской дипломатии были наивной попыткой отступить от соглашения с великими державами и безответственной игрой на их интересах. Он критиковал Россию и за то, что она вынудила Сербию искать свое расширение в другом направлении, и за то, что она толкнула Обреновичей «в австрофильские воды». Сан-Стефанский договор он трактовал не только как подтверждение русской «препотенции», но и как выражение «неспособности старомодной славянофильской дипломатии»⁵.

Напоминая слова Ристича к русским представителям на Берлинском конгрессе о том, что сербам тяжело видеть Россию, выступающей

¹ Там же. С. 425-440.

² Поповић В. Источно питање. Историјски преглед борбе око опстанка Османлијске царевине у Леванту и на Балкану. Београд, 1928.

³ Поповић В. Европа и српско питање у периоду ослобођења 1804-1918. Београд.

⁴ Поповић В. Берлински конгресс // Братство. Београд, 1927. XXII. С. 3-27.

⁵ Поповић В. Европа и српско питање... С.126.

вместе с Австро-Венгрией против Сербии, и имея в виду прежде всего создание болгарского государства и русскую незаинтересованность к судьбе Боснии и Герцеговины, Попович заключил, что Европа не позволила России относиться к Восточному вопросу как к своей собственности, и что это будет косвенно влиять на решение балканского вопроса на национальной основе¹. В этом он видел пользу для Сербии, выразив это так: «Малая сербская ладья, отброшенная силой обстоятельств от тяжелого и неуклюжего судна, довольно искусно управлялась в бушующем море европейской дипломатии»². Василь Попович верил в возможность того, что Сербия сможет когда-то стать «югославским Пьемонтом».

Историк Васа Чубрилович был первым сербским ученым, который в межвоенный период писал о событиях восстания в Боснии и Герцеговине 1875-1878 гг. как об одном из важнейших поводов тогдашнего Восточного кризиса. Хороший знаток архивов, включая и акты из венских архивов, в книге «Восстание в Боснии 1875-1878»³, уделив особое внимание международному контексту, в котором развивалось тогдашнее движение сербского народа в Боснии и Герцеговине, а затем в совместной работе с Владимиром Чоровичем, посвященной истории Сербии с 1858 до 1903 гг.⁴, равно как и в своих позднейших работах, он вынес свои оценки и о связи России с сербско-турецкими войнами 1875-1878 гг. и об ее отношении к судьбе Боснии и Герцеговины⁵. Из работ Чубриловича можно видеть, что в конце 1870-х гг. столкнулись две концепции устройства Балкан: с одной стороны, видение Сербии, а, с другой, — планы великих держав. Он объяснял это следующим образом. В предшествовавшие десятилетия Сербия демонстрировала заинтересованность в освобождении значительной части балканских земель, где жил сербский народ, весьма непокорный и обладавший выраженным национальным самосознанием, что подтверждалось его выступлениями, восстаниями, особенно выраженными в 1850-х гг. В начале 1870-х гг. Россия согласовывала свои планы с державами

¹ Там же. С. 129-130.

² Там же. С. 131.

³ Чубриловић В. Босански устанак 1875-1878. Београд, 1996 (второе издание).

⁴ Чубриловић В. и Ђоровић В. Србија од 1858 до 1903 године. Београд.

⁵ Čubrilović V. Istočna kriza 1875-1878 i njen značaj za međunarodne odnose koncem 19. i početkom 20. veka.// Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanka u Bosni i Hercegovini. I. S. 15-30.

Центральной Европы, возвращаясь к старым моделям эпохи Екатерины II о разделе Балкан на сферы интересов.

Чубрилович разделял мнение Ристича и Йовановича о том, что руководство Сербии, ободренное славянофильскими кругами и русским общественным мнением, вступило в войну 1876 г. с твердым убеждением, что Россия окажет поддержку Сербии. Это не было совсем необоснованным, так как прибытие русских добровольцев еще более усилило военный настрой русского народа. Чубрилович подчеркивает тот факт, что уже в начале сербско-турецкой войны Россия добилась обеспечения сербского тыла со стороны Австро-Венгрии, пойдя на Рейхштадтский договор июля 1876 г., предполагавший проведение реформ в Боснии и Герцеговине и защиту Сербии в случае ее поражения. Чубрилович отбросил звучавшие иногда в Сербии утверждения, что Россия уже тогда дала согласие на оккупацию Боснии и Герцеговины. Более того, в работе «История политической мысли в Сербии в XIX веке» он выразил несогласие со многими взглядами современной ему сербской историографии о том, что Рейхштадтский договор принес несчастье сербскому народу, дав, якобы, Австро-Венгрии возможность войти в Боснию и Герцеговину¹. Но уже о Тайной конвенции, подписанной двумя державами в январе и марте 1877 г. (так называемые Будапештские конвенции) он выражает другое мнение. Готовясь к войне с Турцией и уступая перед требованиями Австро-Венгрии, Россия, по словам Чубриловича, вернулась к политике Екатерины II и признала за Австро-Венгрией «право влияния» в западной части Балканского полуострова, то есть на всех сербских землях².

Васа Чубрилович соглашался с утверждениями Ристича и Йовановича о том, что после поражения Сербии в войне 1876 г. руководство России потеряло веру в ее боеспособность, отчего поставило все на карту создания болгарского государства за счет сербских интересов. Однако он обратил внимание на еще одно обстоятельство. Россия также вступила в войну 1877 г. неготовой, по причине чего она в стремлении сохранить престиж и защитить завоевания в Болгарии теряла дипломатическую инициативу и отступала под давлением других держав, что отрицательно сказывалось на положении Сербии

¹ Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србији у XIX веку. Београд, 1982 (второе издание). С. 259. И в работе «Боснийское восстание» (С. 198) Чубрилович не дает негативной оценки Рейхштадтскому соглашению сравнительно с позднейшими русско-австро-венгерскими договорами.

² Чубрилович В. Босански устанак 1875-1878. С.222-228.

и Боснии и Герцеговины. Чубрилович приводит это как причину поворота Сербии к Австро-Венгрии и даже весьма холодного приема новой инициативы славянофилов, стремившихся поддержать действия повстанцев в Боснии и Герцеговине. Чубрилович негативно оценивал решения Берлинского конгресса, как не устранившие проблемы, вызвавшие кризис 1875 года. Он отметил, что неудача русской дипломатии на конгрессе, которой его решения были просто навязаны, вызвала разочарование не только в русских официальных кругах и в общественном мнении, но и во всех слоях сербского общества, так как Австро-Венгрия овладела Боснией и Герцеговиной, поставила под свой контроль Сербию и вообще затормозила свободное развитие земель южных славян. Слабым утешением сербскому народу, заключает Чубрилович, были слова русского делегата на конгрессе о том, Россия разберется с Австро-Венгрией не более чем через пятнадцать лет¹.

Видный знаток сербской истории XIX и XX веков Владимир Чорович, написавший свои основные работы в межвоенный период, не уделял особого внимания кризису 1875-1878 гг., хотя и вынес о нем свое мнение и оценку тогдашних действий России, имевших значение для Сербии и для сербского народа в целом. Россия, как отмечает Чорович в своем разделе книги, написанной совместно с Васой Чубриловичем, вступила в войну 1877 г., чтобы продолжить борьбу Сербии и Черногории, но и для одновременной постановки болгарского вопроса. Строя Великую Болгарию, она создавала «русские сени» Царьграда. Причиной такого решения Россия видела и в опасности перехода всего, что не было русско-болгарским на Балканах, в руки Австро-Венгрии, включая и сербов, входивших в австрийскую сферу. Россия, — заключает Чорович свою оценку тогдашнего отношения России к Сербии, — созданием Болгарии в Сан-Стефано лишала сербов части их территории, а оставлением Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии нанесла тяжелый удар государственной политике Сербии и вообще принципу свободы балканских народов в распоряжении своей территорией².

В сербской историографии после Второй мировой войны и до наших дней продолжена разнообразная исследовательско-издательская работа по отдельным темам, связанным с Восточным кризисом. Появился ряд новых источников, дневников, переписки,

¹ Там же. С. 261.

² Чубрилович В. и Чорович В. Србија од 1858 до 1903 године. С.113-114.

выступлений и сообщений, прежде всего по военным проблемам, а также ряд библиографических работ. Важным стимулом стал столетний юбилей кризиса, чему были посвящены научные форумы и симпозиумы, например, в Сербской академии наук и искусств, в Академии наук Боснии и Герцеговины, в белградском Историческом институте, на которых сообщались результаты отдельных работ, вылившиеся в публикацию сборников и других отдельных публикаций. Однако мало издавалось архивных материалов, а особенно касающихся политики и участия дипломатии великих держав в сохранении сфер интересов на Балканах. Не хватало и крупных исследований, но важно то, что и небольшое число вышедших работ принадлежало перу нескольких наших видных историков. Сербско-русские отношения периода Восточного кризиса в большинстве опубликованных выступлений и статей либо лишь упоминались, либо были неполно обработаны, несмотря на то, что ранее имели место публикации ряда русских документов, а ученые уже располагали новыми трактовками русской историографии о тогдашней роли России. Больше всего об отношениях Сербии и России в то время можно найти в упомянутых работах Милорада Экмечича, Чедомира Попова и Владимира Стоянчевича. Хотя свои трактовки они основывали на различных ранее известных источниках и на новых архивных данных, к которым некоторые из них имели собственный доступ, в совокупности их результаты в значительной степени позволили показать, каким образом современная сербская историография видит суть тогдашних сербско-русских отношений.

Стремясь представить как можно подробнее свое видение сербского восстания 1875 г., Милорад Экмечич в объемной работе «Восстание в Боснии 1875-78»¹, как и в ряде вышедших позднее научных текстов, помимо исчерпывающего анализа внутренних процессов хотел показать, в какой мере на восстание влияли и внешние факторы, и каким было тогда общее положение Сербии. Это давало ему возможность вынести свою оценку отношений Сербии и России в ходе протекавшего тогда Восточного кризиса. По его интерпретации, в течение всего кризиса Сербия испытывала влияние, с одной стороны, воинственных славянофильских кругов², а, с другой, – официальных русских властей, выступавших, в первую

¹ *Экмечич М.* Устанак у Босни 1875-1878. Београд, 1996 (3-е, измененное издание).

² Там же. С. 21.

очередь, за сохранение мира. Таким образом, с самого начала сербская политика попала в зависимость от интересов великих держав. Сербия же выбрала то направление, которое было predetermined настроением народа страны, позицией русских славянофилов и неофициальными советами отдельных русских деятелей. Примерно так же эволюционировала позиция и самой России под влиянием общественного мнения и развития обстановки на Балканах, хотя, — как подчеркивает Экмечич, — и тогда, и позднее в русских правящих кругах и в русской дипломатии появились два не всегда сопадавшие между собой направления.

Учитывая, что Сербия, несмотря на советы руководства России, вступила в войну, а России пришлось искать соглашения с Австро-Венгрией, Экмечич констатировал, что из-за этого на протяжении всего кризиса главенствующую роль играла дипломатия¹. Прослеживая политику России в отношении Боснии и Герцеговины, Экмечич указывает, что некоторые русские руководители в начале придерживались взгляда о необходимости предоставления самоуправления восставшим территориям, что добавило воинственности отдельным кругам в Сербии. Известные события вне театра войны, отмечает далее Экмечич, привели к тому, что официальная Россия в последующих переговорах с Австро-Венгрией отказалась от Боснии. В отличие от Чубриловича, он допускает возможность того, что Россия уже в Рейхштадтском соглашении двух императоров согласилась с предоставлением Австро-Венгрии, а не Сербии, «неопределенных частей» Боснии и Герцеговины². С другой стороны, неготовность Сербии к ведению войны, полагает Экмечич, повлияла на то, что славянофилы не только повернулись к ней спиной, но и посредством Черняева возложили вину за поражение на нее и на ее учреждения и даже отказались от идеи освобождения югославянских земель, поддерживая лишь создание болгарского государства.

Таким образом, русские, по оценке Экмечича, из-за неудачи Сербии в войне оставили национальные стремления сербского народа, отдали Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии, не поддержали расширение территории сербского государства и тайный договор с

¹ *Ekmečić M.* Istorijski značaj ustanka u Bosni i Hercegovini 1875-78. // *Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnjice ustanaka u Bosni i Hercegovini*. I. S.49-92.

² *Ekmečić M.* Стварање Југославије 1790-1918. II. Београд. 1989. С. 315; *Ekmečić M.* Устанак у Босни 1875-1878. С. 276-280.

Веной в марте 1877 г., известный как Будапештские конвенции, отказались от планов создания большого славянского государства на Балканах¹. Значение Будапештских конвенций показали и переговоры после Сан-Стефанского мира, в котором Россия предполагала автономию Боснии и Герцеговины и создание большого болгарского государства, так как она отказалась от всех решений, противоречивших условиям конвенций. Причиной этого была ее изоляция среди великих держав. Сан-Стефанский мир явился лишь отражением мига триумфа русского оружия, в то время как окончательные результаты войны были predetermined превосходством остальных великих держав на Берлинском конгрессе, или, как это формулирует Экмечич, – отход России от ее максимальных претензий. Из его трактовки сербско-русских отношений периода великого Восточного кризиса следует, что преувеличенные надежды Сербии на Россию и России на Сербию не оправдались². Уже на первом году войны Сербия потерпела военное поражение, а ее дипломатия, потеряв веру в Россию, все же смогла добиться некоторого территориального приращения. Россия, прошедшая сквозь тяжелые военные и дипломатические испытания, на многие годы после Берлинского конгресса потеряла Сербию в качестве своей опоры в регионе, которой та являлась с возникновения сербской государственности в начале XIX века. Несмотря на эти факты, в отличие от многих историков, Экмечич не считает, что Россия потерпела поражение на Берлинском конгрессе. Он разделяет оценку русского министра С.Ю. Витте, что Россия оставила боснийский вопрос без разрешения, чтобы иметь возможность посредством него вмешиваться в балканские проблемы по мере своей надобности³.

Современный сербский историк Чедомир Попов, уделяющий основное внимание изучению места и роли Сербии и сербских освободительных движений XIX в. в связи с политикой отдельных европейских держав, посвятил часть своих работ и выступлений периоду, в котором выдающуюся роль сыграл Великий восточный кризис. Прекрасный знаток отечественных и иностранных архивных источников, особенно французских, Попов стремился на

¹ *Экмечич М.* Српски народ у Турској од средине XIX века до 1878. // Историја српског народа. Београд, 1981. V. том I. С. 521.

² *Экмечич М.* Велика источна криза 1875-1878. // Прекретнице новије српске историје. Београд, 1995. С.71-72.

³ *Экмечич М.* Стварање Југославије 1790-1918. II. С 324-325

основе новых данных и интерпретаций прояснить ряд вопросов, которые полагал требующими дальнейшего рассмотрения. Он не разбирал отдельно отношений Сербии и России, но в работе «Сербия на пути освобождения 1868-1878 гг.»¹ представил свои взгляды на ряд аспектов этих отношений периода Восточного кризиса 1875-1878 гг., касавшихся союзничества в войне.

Особенно его интересовали разногласия вокруг позиции России о первом и втором вступлении Сербии в военный конфликт с Турцией. Этому он посвятил основное место при анализе тогдашних сербско-русских отношений. Он полагал, что влиятельные круги в России выступали против первого, и некоторое время против второго вступления Сербии в войну; так как опасались ее неготовности к этому, что могло бы привести к осложнениям дипломатического характера. Когда же сербская армия повторно вступила в бой в 1877 г. по требованию русских официальных кругов, то в Сербии не знали, что соглашения России с Австро-Венгрией уже очертили ее военные результаты. Сан-Стефанским договором русские политики и дипломаты, утверждает Попов, оставили Сербию в «сжатых границах». Сербское общество и официальные круги восприняли это как «ужасную несправедливость», нанесенную сербскому народу, которая, по его словам, превратила Россию из защитницы сербов в «злую мачеху»². Сербские политики во главе с Ристичем должны были искать нового защитника, избегая при этом разрыва с Россией. Но и это, заключает Попов, не принесло Сербии плодов, так как Берлинский конгресс, завершивший Восточный кризис, протекал в антиславянском ключе³.

Из современных сербских ученых наиболее тщательно проблемы Восточного кризиса изучал Владимир Стоянчевич, специалист по сербской истории XIX века. Он первый занялся библиографией сербских работ по этому важному событию. В 1979 г. он опубликовал интересный библиографический обзор, приуроченный к столетию Берлинского конгресса⁴. Из приведенных им данных следует, что Восточному кризису 1875-1878 гг. были посвящены многочисленные

¹ Попов Џ. Srbija na putu oslobođenja 1868-1878. Београд, 1980.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 167.

⁴ Стоянчевич В. Издања архивске грађе и историографија у Србији о српско-турским ратовима 1876-1878 године за последњих сто година. // Архивски преглед. Београд, 1979. № 1. С.33-50.

статьи, доклады, обзоры и тематические выпуски журналов. Было мало самостоятельных исследований отдельных аспектов этой проблемы, к которым он относил в первую очередь дипломатическую борьбу великих держав за раздел зон своих интересов. Стоянчевич также констатировал недостаточное количество опубликованных сборников «первоклассных» архивных материалов. При этом самому Стоянчевичу принадлежат, наряду с несколькими крупными исследованиями, многочисленные доклады и статьи в коллективных сборниках, в которых рассматриваются отдельные аспекты кризиса.

Его особенно интересовали судьбы Юго-Востока Сербии в контексте последствий боевых действий 1876-1878 гг., и связанное с этим разграничение между Сербией и Болгарией, равно как и роль России и ее отношения с Сербией. В силу этого он уделил большое внимание прояснению периода между Сан-Стефанским миром и Берлинским конгрессом, чему посвящена книга «Сербия и Болгария от Сан-Стефанского мира до Берлинского конгресса»¹. По его оценке, Сан-Стефанский договор, ставший результатом военных успехов России, тогдашней военной союзницы Сербии, хотя и должен был стать шагом на пути реализации южнославянской идеи, был несправедлив в отношении Сербии, так как не предусматривал упорядоченного разграничения между Сербией и Болгарией, что привело к раздору, породившему достойные сожаления последствия. За Сербией была признана лишь треть территории, которую она тогда освободила². Потому сербское руководство было вынуждено искать защиту своих национальных интересов на стороне, при этом, — как вместе с другими историками отмечает Стоянчевич, — стремясь не разрывать дружественные отношения с Россией, несмотря на ощущавшееся тогда в Сербии, как в правительственных сферах, так и в народе, сильное разочарование в последней³. Стоянчевич подчеркивает, что мало кто из русских государственных деятелей считал Сан-Стефанский договор несправедливым в отношении Сербии. Значительное большинство их, говорит он, открыто выступило за усиление Болгарии, в том числе и за счет сербских интересов, несмотря на то, что сербская

¹ Стоянчевич В. Србија и Бугарска од Санстефанског мира до Берлинског конгреса. Београд, 1986.

² Там же. С. 34-35.

³ Там же. С. 39.

сторона стремилась довести свою позицию до русских официальных кругов и доказать ее оправданность¹.

* * *

Итак, в сербской историографии сложилась давняя традиция интерпретации отношений Сербии и России в период Восточного кризиса 1875-1878 гг. Особое значение имеет то, что было написано в работах наших выдающихся специалистов по сербской истории нового времени. Несмотря на то, что тема эта далеко не исчерпана, ей еще не было посвящено ни одной отдельной работы. Правы и те, кто полагает, что еще не хватает хороших сборников архивных сербских документов, охватывающих весь этот период. Упомянутые в нашем обзоре ученые в своих работах также подняли ряд вопросов, еще ждущих ответа. Период 1875-1878 гг. отмечен не только сотрудничеством Сербии и России, но и их глубокими разногласиями, оставившими серьезные последствия. Сербские историки выносили суждения о различиях в позициях отдельных русских деятелей и дипломатов, но еще не ясно, какое влияние эти события оказали на судьбы многих выдающихся лиц тогдашней Сербии, и до какой степени эти последствия ощущались во взаимных отношениях в различных сферах жизни двух стран.

В работе «Великий восточный кризис 1875-1878 гг.», вышедшей в сборнике «Распутья новой сербской истории»², Милорад Экмечич обратил внимание, что «Послание сербам из Москвы» 1860 г., направленное славянофилами, вызвало в Сербии чрезмерную веру в Россию и во всеславянский дух, что принесло «горькие плоды» во время Восточного кризиса. Принятие этого послания, прежде всего, ведущими сербскими политиками и их последователями означало тогда согласие на передачу судьбы сербской государственности в руки русской царской канцелярии, полагает он. По оценке Экмечича, причиной сербской неудачи в 1878 г. было отсутствие четкой границы между идеей сербского единства или стремлением к объединению сербов и идеей всеславянской взаимности, центр которой находился в Петербурге.

Я бы дополнил эту оценку М. Экмечича. Книга под названием «Сербам. Послание из Москвы», изданная в 1860 г. за подписью

¹ Там же. С. 46, 49; Стојанчевић В. Балканска политика Србије за ослобођење српског народа у Турској 1804-1878. Лесковац, 2005. С. 212-215.

² Экмечич М. Велика Источна криза 1875-1878. С. 67.

одиннадцать видных русских литераторов-славянофилов и в начале 1861 г. попавшая в Сербию, призывала сербов опасаться Запада, не доверять ему и оставаться верными православию и Славянству. Однако это, вместе с тогдашним публичным заявлением видного славянофила Ивана Аксакова о том, что самостоятельные политически и духовно славяне должны находиться под эгидой России, получило в Сербии неоднозначную реакцию. Филолог Джура Данишич и его ученик Стоян Новакович сочли, что послание, как и заявление Аксакова, не ведет к прогрессу¹. Представляется, что сейчас имело бы смысл исследовать степень распространения таких оценок в среде интеллектуалов, общественных и политических деятелей Сербии в период Восточного кризиса, равно как и то, оказали ли они какое-либо влияние. Мы полагаем, что у современной сербской историографии будет, что сказать по этой, как и по некоторым другим проблемам отношений Сербии и России.

(перевод Г.Н.Энгельгардта)

¹ *Војводић М.* Изазови српске спољне политике. Београд, 2007. С. 185-186.

Славянофильство XIX в. в сербской историографии

Славянофильство и *панславизм* не были предметом обширных и глубоких исследований в сербской историографии ни как весомая тема русского и славянского мира, ни как тема европейской историографии. Даже в понятийном смысле часто не делается разница между славянофильством как совокупностью историко-философских концепций духовной и культурной взаимности славянского мира, возникших в узком кругу, прежде всего, чешских, словацких, и московских интеллектуалов, и панславизмом как в широком понимании единства славянских народов. Понимание панславизма – от идеи объединения всех славянских народов в широкое государственное сообщество через стремление официальных и неофициальных кругов России к сотрудничеству и постановке под контроль движений балканских славян – до призыва к моральной и политической солидарности, не угрожавшей целостности отдельных славянских государств.

Хотя краткие наброски проблем славянофильства и панславизма мы можем найти в работах Йована Ристича, таких как «Внешние отношения Сербии нового времени», и в «Политической истории Сербии» Живана Живановича, первый обширный обзор идей славянофильства и панславизма мы находим в литературно-историческом труде Йована Скерлича «Молодежь (Омладина) и ее литература», вышедшем в Белграде в 1906 году¹. Работа Скерлича рассматривала литературный и национальный романтизм сербов с 1848 по 1871 г. Но целая глава (глава XI) была озаглавлена «Славянские идеи».

Скерлич особо подчеркивал тот факт, что Людевит Штур в Пожуне и Ян Коллар в Пеште имели большое влияние на местную сербскую молодежь. В 1837 г. Коллар опубликовал исследование на немецком языке (которое вышло в Белграде в 1845 г. в переводе Димитрия Теодоровича) под названием «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянских

¹ Скерлић Ј. Омладина и њена книжевност. Изучавања о националном романтизму код Срба. Београд, 1906.

народов»¹. Коллар рассматривал культуру как самый значительный фактор исторического развития, основывая идею славянского мессианства на абсолютизации духовных факторов в историческом процессе. Для Скерлича его статья это «теория и практика литературного панславизма». Члены сербских молодежных организаций в Пожуне в 1847 г. опубликовали сборник стихов «Славянка» под редакцией Светозара Милетича. Скерлич заметил интересное явление в сербском культурной и общественной жизни: учащиеся из княжества Сербии, обучавшиеся в конце 30-х - начале 40-х гг. в Германии, приносили «первые зародыши западных либеральных идей, тогда как профессора в Сербии, родом из Воеводины, учащиеся из Пожуни и Пешта «вносят ноту панславизма, славянства, как тогда говорили»².

Таким образом, Дружина сербской молодежи (1847 г.), в которую входили наряду с остальными Йован Ристич, Стоян Бошкович, Филипп Ристич, Йован Илич, Любомир Ненадович и другие, собрала молодых людей, которые были одинаково «добрыми всеславянами» и «добрыми» сербами, потому что их национально-политическая программа в этот момент была пронизана, говорит Скерлич, и национальным либерализмом, и космополитическим славянофильством. Скерлич, как и другие авторы, указал на особое значение работы Хердера «Идеи одной философии истории» (1791 г.) о продолжении общеславянского движения, подчеркнув, что Штур и Коллар были апостолами этих идей среди южных славян. Скерлич пишет: «Особое значение имеет то, что славянофильские идеи пришли к сербам от чешско-словацких панславистов, в первую очередь Коллара и Штура, а не от русских православных панславистов Аксакова и Хомякова, как того можно было ожидать»³.

В отличие от многих историков Скерлич значительное внимание уделяет Славянскому съезду в Праге 1848 г. и Славянской этнографической выставке в Москве в 1867 г. От сербов Княжества на съезде в Праге в качестве гостей присутствовали Вук Караджич, Джуро Даничич, Никанор Груич, Павле Стаматович, Йован Суботич, Джордже Стоякович и другие, в то время как на Славянской этнографической выставке побывала большая сербская делегация

¹ Там же. С.11-12.

² Там же. С.18.

³ Там же. С.187.

из 33 человек, среди которых были и Йован Суботич, Милан Миличевич, Лазо Костич, Михайло Полит-Десанчич, граф Янко из Далмации и другие. Скерлич передает одну занимательную деталь, которая иллюстрирует атмосферу московского собрания: «Один сербский оратор на торжественном банкете в честь славянских гостей призвал братьев-русских вспомнить о Косово и скором решении славянского вопроса на юго-востоке Европы»¹.

В отличие от некоторых других авторов, Скерлич приходит к заключению, что ощущение всеславянства/славянского единства у сербов в середине XIX в. и в начале второй половины того же века было довольно крепким вплоть до появления и усиления влияния либеральных и социалистических идей среди сербов. Он иллюстрирует это примерами демонстраций учащейся молодежи по белградским улицам во время Крымской войны, которые назло солдатам на Варош-капии кричали «Да здравствует царь Николай!», затем наградами в 1862 г. в связи с празднованием тысячелетия русского царства, дарованными русским друзьям, среди которых были Вук Караджич, Йован Суботич, Йован Хаджич, Корнелий Станкович, митрополит Михаил, архимандрит Иоаникий Памучина и Джордже Николаевич. В 1863 г. в Обществе сербской словесности состоялось торжество по поводу тысячелетней годовщины прихода Кирилла и Мефодия в Моравию (с речью выступил Димитрий Матич).

Славянское чувство у сербов, как считает Скерлич, было очень сильным в 1848 г.: «Славянство для них было также дорого, если не больше, чем само сербство, и они в первую очередь мечтали о едином большом славянском царстве»². Уже в 1860-е годы у молодежи ослабевает чувство славянского единства за счет сербского национализма и либерализма. Для этого поколения панславистские идеалы были достаточно чужды и представлялись космополитическими, ему намного ближе была идея сербского объединения, а мечта о славянском царстве была далекой и тусклой. Скерлич в конце своего обзора констатирует, что с появлением либеральных и социалистических идей среди сербов «исчезает то поколение, которое грезило великим днем, когда русский самодержавный царь Николай Первый сможет прибить крест на минарет Айя-София (...). Старшее поколение с тяжестью в сердце смотрело на тех православных сербов, которые больше любят католиков поляков,

¹ Там же. С. 183.

² Там же. С. 179-180.

нежели единоверцев русских. Это поколение впадало в соблазн, когда либеральная молодежь поворачивалась к схизматическому и иноверному Западу, особенно либеральной Англии, где искала симпатий и помощи в деле освобождения сербского народа»¹.

Ни Скерлич, ни другие сербские авторы, изучающие славянофильство и панславизм, не рассматривают достаточно глубоко историко-философские, этические и религиозные работы ведущих русских славянофилов.

Работы Слободана Йовановича относятся к разряду классических работ сербской историографии. Из множества разбросанных деталей, вплетенных в главное повествование Йовановича о конституционной истории Сербии, можно кое-где разглядеть и реконструировать его видение панславизма и роли России в истории Сербии. Его толкование этих вопросов открывает одновременно его философию истории, систему мышления, общественные убеждения, его систему ценностей. Йованович нигде не дал обширного объяснения понятий панславизма и славянофильства, хотя о славянофильстве он пишет намного больше, особенно в первой книге о правительстве Милана Обреновича, когда говорит о сербско-турецких войнах 1876-1878 гг. и Восточном кризисе в целом. Йованович использует понятие «чешский панславизм» или просто «панславизм». При этом, когда он говорит просто «панславизм» и «панслависты», он, как правило, имеет в виду русский панславизм. Когда он хочет дать культурно-политическую характеристику ориентации кого-то из сербских деятелей, обращенных к русской политике и культуре (Гарашанин, Ристич, митрополит Михаил, Пашич), он употребляет понятия «русифил», «русский человек», «русские люди» без дальнейшего объяснения этих понятий, при этом, как правило, имея в виду политическую ориентацию этих личностей.

В лексике XIX в. термин панславизм имел весьма широкое значение. Такое он имеет и в трудах Слободана Йовановича. Многозначность и неопределенность понятия панславизм для европейской общественности XIX в. происходила, прежде всего, из негативного отношения западноевропейской публицистики к идее славянского объединения. Фантом политического панславизма поддерживал представления людей западного типа мышления, прежде всего, средневропейской римско-католической среды. Как известно,

¹ Там же. С.190.

славянофильство было историко-философской концепцией единства всех славян, всеславянской культурной и политической взаимности, а ее основным теоретическим источником была немецкая философия. После Крымской войны, как реакция на европейскую коалицию с Турцией против России, славянофильство получило еще больше характерных черт русского политического панславизма, но и в дальнейшем оставалось весьма сложной культурно-философской системой, которая, кроме политической, имела свои научно-литературную, общественную, философскую и религиозную стороны.

У Слободана Йовановича, как и вообще в сербской историографии, доминирует политическая сторона панславизма и славянофильства. Панславистские идеологическо-культурные моменты Йованович видел в объяснении природы сербского либерализма и национальной идеологии либералов, при этом, очевидно, в основном опирался на упомянутые толкования Скерлича. Либеральную партию, подчеркивает Йованович, основало поколение 1848 г.: «Это поколение находилось под влиянием чешских панславистов и их проповеди о великой роли, уготованной славянам в истории цивилизации»¹. Кроме чешского панславизма сербские либералы находились под влиянием западноевропейского романтизма. Йованович не говорит о влиянии русских славянофилов, не упоминает Хомякова, хотя при рассмотрении некоторых взглядов либералов можно было бы почувствовать влияние русского славянофильства (Киреевский, Аксаковы, Самарин, Погодин и другие). Либералы, пишет он, принимали западную науку, безусловно, «но не западные нравы», так как верили, что сербы имеют лучшую и более благородную душу, чем западные народы. У нас, считали либералы, пишет Йованович, никогда не было настолько строгих и сословных различий как у западных народов. Сербские совершенно самородные учреждения, «такие как саборы, порота, задруга» могут послужить «основой демократического общества, и эта наша демократия будет более искренней и здоровой, чем западная»². Свое исследование о сербском либерализме Йованович завершает так: «Мешанина западничества и национализма. Либералы одновременно верили и в западное просвещение, и в народную историю, в современную европейскую демократию и в старую славянскую патриархальность»³.

¹ *Йовановић С.* Влада Милана Обреновића. Књ. 1. (1868-1878). Београд, 1926. С.26.

² Там же. С. 24-25.

³ Там же. С. 26.

Йованович нигде не выделяет фактор религии, ни здесь, ни в других местах. Религия и церковь стоят у него совершенно на обочине его трудов. Религиозный момент, между тем, и религиозно-культурная традиция имели свое место и в социальной философии либералов, также как они были и у русских славянофилов. Речь идет о религии, лежащей в фундаменте культуры и цивилизации. Русские славянофилы были жесткими критиками Запада, его рационального и материалистического духа, но, с некоторыми исключениями, не отрицали западную цивилизацию в целом.

И.В. Киреевский в своей известной статье «О характере европейской цивилизации» (1852 г.) подчеркивает, что основы православия, «господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие». И на примере сербских либералов Йованович показал их стремление к синтезу европейской культуры и православной духовности. Синтез такого рода остался серьезным вызовом сербскому обществу вплоть до наших дней.

Понятие славянофильство, а еще чаще панславизм Слободан Йованович пронесит через свои труды до конца династии Обреновичей. При этом он видит только их политическую сторону. Показывая политические идеи и политическую жизнь Сербии второй половины XIX в., Йованович оставляет без внимания или недостаточно подчеркивает контекст великой культурно-религиозной борьбы, ведшейся в то время в Сербии и в целом на Балканах. Может быть, это лучше всего видно на примере митрополита Михаила. Митрополит был носителем культурно-политической и культурной ориентации в сербском обществе, которая отступала перед прорывом западноевропейской культуры. Велась борьба вокруг культурной и политической идентичности сербского общества, и она была в основе многих важных событий в самой Сербии. Осталось без внимания, что именно митрополит Михаил спас и восстановил многие церкви и монастыри, основал много школ в Старой Сербии, Боснии и Герцеговине, Далмации. Йованович мимоходом констатирует, что русское правительство и русское общественное мнение считали митрополита Михаила «главным защитником православия и славянской мысли не только в Сербии, но и на всех Балканах».

Понятно, что Йованович наибольшее внимание уделил роли России в сербско-турецких войнах и в Восточном кризисе (1875-1878) в целом. Он выделяет две русские политики: одну, «которую

можно назвать официальной» (Александр Второй и канцлер Горчаков), и другую – «политику славянофилов, которые проповедовали войну против Турции ради освобождения балканских славян». Он критически отзываясь о позиции Ристича и сербского правительства, считавших, что «Игнатъев, а не Царь, говорит об истинных желаниях России». Йованович писал о «русофильстве» ведущих сербских персоналий, таких как Ристич и Пашич. В отличие от Ристича, балансировавшего между Россией и Австрией, уверенного, что сербский политик должен непрестанно вертеться меж этими двумя великими силами, «если не хочет при их частых столкновениях быть смятым», Пашич намного решительнее брал русскую сторону. Благодаря митрополиту Михаилу, пишет Йованович, Пашич «ухватил связь с панславистами». Так как Ристич и митрополит Михаил старели, панслависты определили Пашича за их наследника, считает Йованович.

Более широкий взгляд на сербское русофильство на примере Михаила Полит-Десанчича дает Александр Погодин в работе «Михаил Полит-Десанчич в России и о России» (1933)¹. Погодин выделяет эмоциональную сторону отношения сербов к России и слабое знание России и особенно русского общества, со всеми внутренними характерными чертами и различными точками зрения. «В основе и сербского русофильства, и сербского русофобства не лежат – так мне, по крайней мере, кажется, пишет Погодин, – только некие логические заключения о том, какое значение для сербской политики могут иметь те или иные события русской жизни, сколько известные чувственные расположения, связанные с теми событиями. Чувственная сторона здесь всегда была сильнее логической: факты истолковываются согласно известному изречению: “Верим только в то, во что хотим верить”. Поэтому и в русофильстве, и русофобстве сербского общества очень редко можно увидеть реальное знание России, мы редко находим объективное со знанием дела наблюдение и логическое суждение»². Рассматривая публицистическую работу Михаила Полит-Десанчича, Погодин заметил, что он видел смысл существования России «только в том, что Россия призвана решить Восточный вопрос», его же он «понимал как борьбу за освобождение православных балканских славян от турецкого ярма, и, в

¹ Погодин А., Полит-Десанчич М. У Русији и о Русији (Једна страна из историје српског русофиљства) // Летопис Матице српске. Нови Сад, 1933. Књ. 337. С. 62-86.

² Там же. С.62.

некоторой степени, как борьбу за освобождение сербов от Австро-Венгрии»¹. Погодин считал Полит-Десанчича убежденным русофилом старой закалки, который до последней минуты «непоколебимо верил в мощь России и в ее историческую миссию».

Недостаток изучения глубоких историко-философских, культурных и религиозных основ славянофильства в работах сербских историков и историков общественной мысли в известной мере возместил Душан Стоянович в своем кратком, но незаурядном историко-философском очерке под заголовком «Религиозная основа славянофильства», напечатанном в «Сербском литературном вестнике» в 1941 г.² Для Стояновича славянофильство происходило из желания в углубленном и расширенном русском самосознании найти элементы силы, «на которых стоит строить судьбу России». Как и некоторые авторы нашего времени, Стоянович обнаруживает известную революционность славянофильства в среде русского общества середины XIX в. Стоянович пишет: «Оно отличается от других духовных течений не по своей вере в Россию, но по поискам основ той веры в душе русского народа. Внешне будто готовое приспособиться к существующим в России условиям и не поднимать политических вопросов, славянофильство было, может быть и несознательно, революционным в особом смысле. Отсюда столько недоверия власти к славянофилам. Мы считаем его вполне понятным. Провозглашать бесправный, раздробленный русский народ несвободных крестьян носителем идеи будущего, это было первым случаем в истории»³. Революционным было и то, что все творцы славянофильства были из рядов дворянства. По характеру они были традиционалисты, которым был чужд политический либерализм, «но им была близка мысль, которая до основания меняла существующий порядок вещей».

Стоянович считает, что славянофильство не было политической доктриной, а политически проявилось только во время борьбы великих сил вокруг Турции. Этот политический момент более всего выразился у братьев Аксаковых, которых можно рассматривать националистами «из ряда тех, кого воспитал романтизм». Для славянофилов вера была важнее расы. И у первых славянофилов «нет никакого

¹ Там же. С.66.

² Стоянович Д. Религиозна основа словенофилства // Српски књижевни гласник. № LXII (1941). С.145-151.

³ Там же. С.146.

панславизма». Только для Достоевского, пишет Стоянович, «единство славянского мира становится фундаментальным камнем славянофильской доктрины. Но Достоевский кроме политической миссии России среди славян, находившихся под чуждой властью, размышлял и об общечеловеческой миссии в мире духовных ценностей. Россия должна быть носителем новых ценностей и первооткрывателем новых тайн»¹. Славянофилы были людьми свободного духа, для которых вопрос внутренней свободы значил много больше свобод социальных и политических, зависящих от общественного устройства, так как они считали народ более судьбоносным фактором, чем его политические и социальные организации.

Душан Стоянович особо выделяет один важный факт, который часто остается без внимания особенно в сербской литературе, – о мнимой враждебности славянофилов по отношению к Европе. В начале 30-х годов XIX в. один из основателей движения Иван Киреевский говорил о «необходимости открытия границ и преград между Россией и Европой, и о как можно большем объединении жизни этих двух миров». «Сейчас проблема для них стоит не в виде дилеммы: Россия или Европа, они не отрицают европейские ценности. Они отвергали то, что век спустя отвергали евразийцы: абсолютизацию европейских культурных ценностей; абсолютный характер Европы; отрицали ее абсолютное право на будущее, оправдывая при этом свое отрицание теорией истории и развития, которая возникла в самой Европе. Выставляя Россию и Православие как антитезу Европы, славянофилы применяли диалектику исторического развития на весь исторический мир, вводя в него и Россию как новый фактор, который Европа не принимала во внимание, и не желает, кажется, делать это и сегодня. Вся историческая и культурная мысль славянофилов начиналась, связана и привязана к Европе и без нее необъяснима»².

Стоянович утверждает, что славянофилы, несомненно, способствовали лучшему пониманию Европы самим тем, что проблемы Европы рассматривали как единую духовную проблему, и тем, что в России были «первыми системными аналитиками европейского духа». Славянофилы основное внимание направили на духовное познание Европы, стараясь открыть ведущие нити этого познания – «найти связь между Аристотелем и Гегелем, объяснить протестантизм духом католицизма, а католицизм духом старого Рима;

¹ Там же. С.147.

² Там же. С.149.

одним словом: они хотели найти нити, связывающие идейную жизнь Европы в единое целое»¹. В то время как западники хотели видеть европеизированную Россию, славянофилы верили, что главная функция России – состояться духовно как независимый мир. И, наконец, один из главных выводов Стояновича: «Славянофильство это и русская попытка философии истории, определенная и ведомая верой в Россию, и апофеоз православия как русской религии интегрального духа»².

В послевоенном периоде сербской историографии особое место занимает труд Васы Чубриловича «История политической мысли в Сербии XIX века», впервые опубликованный в 1955 г. Он представляет классическую работу, исследующую историю сербских политических теорий XIX в. И хотя мы находим в нем ясный и четкий анализ, особенно истории народной жизни и сербского патриархального общества, эта работа все же в значительной мере носит печать времени – повышенной авторской чувствительности к нормам господствующей идеологии. Чубрилович почти полностью оставил без внимания тему славянофильства и панславизма у сербов и влияние этих культурно-философских и политических концепций на сербскую общественную и политическую жизнь. Он касается их мимоходом и очень осторожно. Чубрилович не упоминает ни Всеславянский съезд в Праге (1848), ни Этнографическую выставку в Москве (1867), ни вообще влияния славянофильской мысли среди сербской интеллигенции и части Сербской православной церкви.

Он находится под впечатлением масштабов культурной революции Вука, считая ее путем вхождения в сообщество европейских народов. При этом Чубриловича не интересует, какие внешние идеологические течения оказали влияние на реформаторские начинания Караджича. Культурная революция Вука, пишет Чубрилович, имела такое «огромное значение для сербов, что освободила их от узкорелигиозного, православного понимания культурных ценностей»³. Остается неясным, что Чубрилович подразумевает под «православным пониманием культурных ценностей», особенно если иметь в виду тот факт, что все философы истории от Данилевского, через Шпенглера, Тойнби и до Самюэля Хантингтона говорят о славянско-православной, или византийско-славянской или

¹ Там же. С.150.

² Там же.

³ Чубрилович В. Историја политичке мисли у Србији XIX в. Београд, 1982. С. 157.

русской цивилизации. Он вообще оставляет без внимания роль религии в развитии цивилизации.

Чубрилович принимает точку зрения Скерлича о том, что «эволюция в умах, начавшаяся еще с появлением либерализма, пошла своим путем, путем исключительно националистических идей, позднее социалистическо-гуманистических, постоянно ослаблявших славянские идеи, которыми вдохновлялись целые поколения»¹. Чубрилович считает, что определение всеславянства, данное Скерличем, верно, когда речь идет о сербах в Венгрии, и то, в основном, среди интеллигенции. «Между тем, пишет Чубрилович, мы не верим, что у остальных сербов, особенно вне Сербии до второй половины XIX в. были некие мечтания о «славянском царстве». Об этом могли мечтать отдельные образованные люди, но не народные массы. Для них традиция древнего государства Неманичей была столь сильна, что потребовался век борьбы и великая народная революция 1941-1945 гг., чтобы свести ее на нормальный уровень в соответствии с идеей широкого югославянского государственного сообщества»². Чубрилович считает, что идея славянской взаимности больше присутствовала у сербов Венгрии XVIII в., которые имели более близкие культурные связи с Россией, «но под влиянием их борьбы против католического прозелитизма». Она (идея славянской взаимности) между тем не спускалась южнее Савы и Дуная, пишет Чубрилович, где культурная революция Вука укрепляет широкие основы патриархальной культуры, на которой «будет строиться современная сербская культура, а через нее дойдет и до тесной культурной взаимности с хорватами»³.

В послевоенной сербской историографии темой славянофильства и панславизма более всех занимался Милорад Экмечич в своем капитальном труде «Создание Югославии 1790-1918» и в большом количестве других работ, рассматривающих историю сербской национальной идеологии в течение 19 в., как, например «Неославизм как идейная предпосылка конституционного порядка в Черногории», и, наконец, в новейшей большой научной работе «Долгое движение между бойней и пахотой. История сербов в новое время (1492-1992)». Во второй книге «Создание Югославии» Экмечич связал анализ славянофильской идеологии со

¹ Цит. по: Чубрилович В. Указ. соч. С. 186.

² Чубрилович В. Указ. соч. С. 187.

³ Там же.

значительной частью «Послания сербам» А.С.Хомякова, изданного в Лейпциге в 1860 г. на сербском, немецком и французском языках. Экмечич придерживается точки зрения, что историческая наука недооценила значение этого «Послания», что недостаточно исследована степень его влияния на отелльные направления сербской политики того времени. Из того факта, что перед публикацией, еще в рукописи, оно было прочитано в отдельных кругах Белграда, а среди них и либералами Йована Ристича, и что одна часть сербов согласилась с его положениями, Экмечич обращает внимание на причины, предопределившие дальнейшую историческую судьбу либералов из окружения Ристича.

Можно сказать, пишет Экмечич, о попытках клерикализации Сербской православной церкви под влиянием русской славянофильской идеологии. Для сербов, пишет Экмечич, «славянский вопрос был основан на политической, а не на религиозной основе». Это была серьезная разница между сербским и русским пониманием славянского сотрудничества¹. После Крымской войны славянофилы значительно более заинтересовались сербским национальным движением, подчеркивает Экмечич, «но у них было множество возможностей понять причины его бегства от России и ее идей общеславянского единства». Самым большим достижением славянофильского влияния на сербское национальное движение была публикация в 1872 году в Панчево перевода труда Н.Я.Данилевского «Россия и Европа». Московские славянофилы намеревались в самой Сербии начать широкое движение, которое бы «фундаментально изменило направление сербского государственного развития и направило бы его на проведение исторического эксперимента создания чисто славянского государства»². Идеи о славянской природе сербской государственной организации вступили в столкновение с политикой князя Михаила. Столкновение между князем и сербскими либералами, считает Экмечич, «не было основано на сопротивлении идеям парламентской демократии, но на недоверии, что русские славянофилы в самой Сербии создадут свое движение, которое обыграет княжескую власть». Экмечич в нескольких местах утверждает, что славянофилы имели свою наипрочнейшую базу в Сербской православной церкви, и что в течение нескольких десятилетий все время из круга митрополита Михаила старались

¹ Экмечич М. Стварање Југославије 1790-1918. Београд, 1989. II. С.146.

² Там же. С.149.

«культивировать православный клерикализм»¹. Оценивая значение «Послания» 1860 года, Экмечич приходит к выводу, что влияние его идеологических положений ощущалось до 1878 г. «Они были одной из основ исторической катастрофы сербского национализма после герцеговинского восстания 1875 г., до Берлинского конгресса 1878 г. Только в 1876 году сербское национальное движение полностью попадает в руки русских славянофилов»².

В исследовании «Неославизм как идейная предпосылка конституционного строя в Черногории» Милорад Экмечич, кроме неославизма, рассматривает и славянофильство. «Трудно дать точное определение славянофильству», подчеркивает Экмечич. Оно было первой фазой русского либерализма, неся в то же время бремя царского самодержавия³. И по этому поводу он подчеркивает, что «Послание сербам» из Москвы – это один из главных источников изучения славянофильской идеологии, что в его формулировании значительное участие принимали и сербские либералы, что русские славянофилы «не противились развитию сербского парламентаризма, если бы в его основе было учреждение старой сербской скупщины»⁴.

Экмечич цитирует изречение Достоевского из «Дневника писателя» за 1876 год о трех различных пониманиях славянофильства: для одних оно подразумевает «только квас и редьку», для других, включая и большинство славянофилов, означает «стремление к освобождению и объединению всех славян под верховенством России – руководство, которое даже не может быть строго политическим». И, наконец, Достоевский выводит третье понятие славянофильства, которое разделял и сам – «славянофильство, кроме объединения славян под верховенством России, означает и содержит духовный союз всех тех, кто верит, что великая наша Россия скажет всему миру свое новое слово, которое будет сказано во благо и воистину в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начало которого лежит в гении славян, и преимущественно в духе великого народа русского»⁵. Достоевский

¹ Там же. С.150.

² Там же. С.147.

³ Экмечич М. Неославизм као идејна претпоставка уставног поретка у Црној Гори. Дијалог прошлости и садашњости. Београд, 2002. С.290.

⁴ Там же. С.296.

⁵ Там же. С.298.

верил, что Россия и славяне могут помочь разъяснению и разрешению «многих горьких и самых судьбоносных недоговоренностей западноевропейской цивилизации».

Экмечич в этом труде возвращается к отношению русских славянофилов к сербам, упоминая «Письмо в Белград», отправленное из Москвы 16 декабря 1876 г., в котором, пишет он, руководство славянофилов разрывало все связи с сербской культурой. «Определенно видно, что стремление сербов к объединению с западной частью южных славян было основано на лжи и фразе. Сербия обманула основные принципы славянского сотрудничества, основанных на идеях народности и православной веры»¹.

В новейшей работе «Долгое движение между бойней и пахотой» Экмечич снова занимается проблемами славянофильства, панславизма, а затем и неославизма. Старый панславизм закончился доктриной Н.Я.Данилевского в работе «Россия и Европа», согласно которой славянские народы объединяются, а столицей становится Константинополь. Новое славянофильство, идеологическая основа которого содержится в «Послании сербам» 1860 г., не настаивало на полной покорности России, но требовало «отказа от духовного рабства западной демократии, не имеющей славянских характерных черт. Достоевский говорил, что у Запада надо учиться науке и искусству, но не религии, так как на Западе ее нет». Неясности этой идеологии благоприятствовали тому, «что называлось *гипнозом сербов* русскими и славянством. Этот гипноз состоял в вере в то, что Россия может сыграть решающую роль в освобождении Сербии, несмотря на ограничения, которые ей навязывают великие силы, особенно Австро-Венгрия и Германия»².

(перевод М.В. Ямбаева)

¹ Там же. С.299.

² Там же. С.292.

Идеология сербского радикализма (1881-1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы

«Радикализм – это, без сомнения, самая значимая политическая идея в Сербии в XIX веке, само же радикальное движение оказалось столь переломным явлением, что изменило не только политическую сферу, но и всю общественную жизнь...»

(Lazar Vrkatić. Pojam i biće srpske nacije. Sremski Karlovci – Novi Sad, 2004).

«Никто не привносит радикализм в наш народ откуда-то со стороны...»

(Српски радикализам // «Одјек». 7 мај 1889).

«Давно идут дебаты об идеологической природе Народной радикальной партии, – констатирует Милан Ст. Протич. – Историки ломают копья в желании разгадать суть радикализма в Сербии»¹.

Действительно, когда речь идет о «сути радикализма», историки разделились на два лагеря. С одной стороны, сложилось мнение, будто «Сербская радикальная партия принадлежала к великой семье европейского радикализма»². И что ее идейные корни, в основе своей, восходят к европейской (прежде всего – французской) политической традиции³. Именно поэтому радикалы «выше всего

¹ Протић М. Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996. С. 275.

² Батаковић Д. Француски утицаји у Србији 1835-1914. Четири генерације «паризлија» // Зборник Матице Српске за историју. Св.56. Нови Сад, 1997. С. 86.

³ Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881-1903). Београд, 1990. С. 181 ... Следует, однако, подчеркнуть, что первыми на решающее влияние французских радикалов на их сербских тезок указали Велизар Нинчић и Милан Йовановић-Стоимировић (Нинчић В. Пера Тодоровић. Београд, 1956. С. 74-75; Јовановић-Стоимировић М. Пера Тодоровић // Он же. Силуете старог Београда. Београд, 1987 (друго издање). С. 118-119). Ту же мысль воспроизвел в своем фундаментальном труде Милорад Экмечић (Екмечић М. Стварање Југославије. 1790-1918. Београд, 1989. Т.2. С. 383). И в новейшей литературе есть сторонники данной концепции. См., например: Столић А. Страначка генерација

ставили демократические свободы и права человека»¹, «защищали принципы современного парламентаризма, всеобщего избирательного права и личной свободы»², «решительно отстаивали демократические идеалы и строго парламентскую процедуру в политической борьбе»³. Причем «в своем парламентаризме они находились исключительно под западным влиянием...»⁴. А как же иначе – ведь «Сербия двигалась к европейскому типу государства, а процесс этот возглавляла как раз Радикальная партия»⁵, которая «в вопросах внутреннего устройства страны, после юношеского увлечения ее основателей идеями русского народничества, являлась чисто западнической»⁶, усвоив «идеи французского радикализма и британской парламентской теории»⁷. «Сербская элита, – подводится итог таким рассуждениям, – все больше поворачивалась к Западу...»⁸.

1878-1903. // Српске политичке генерације. Београд, 1998. С. 108; Павловић С. Историја Балкана. Београд, 2001. С. 188; Он же. Србија. Историја иза имена. Београд, 2004. С. 87; Деспотовић Љ. Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови Сад, 2003. С. 177-178.

¹ Протић М. Радикали у Србији. Идеје и покрет... С. 182-183.

² Аврамовић З. Демократско наслеђе у Србији // Токови историје. Београд, 1997. Бр.3-4. С. 204.

³ Батаковић Д. Србија на Западу: о француским утицајима на политички развој модерне Србије // Сустрет или сукоб цивилизација на Балкану (Зборник радова). Београд-Нови Сад, 1998. С. 319.

⁴ Протић М. Успон и пад српске идеје. Београд, 1994 (друго издање – 1995). С. 106.

⁵ Он же. Радикали у Србији. Идеје и покрет... С. 183... А 15 лет спустя – еще сильнее, и уже в совершенном виде: «Радикальная партия оказала решающее влияние на трансформацию Сербии в демократическое европейское государство» (Протић М. The Serbian Radical Movement 1881-1903. A Historical Aspect // Balcanica. Vol. XXXVI. Belgrade, 2006. P. 149).

⁶ Нова историја Српског народа. Уредник Д.Батаковић. Београд – Лозана, 2000. С. 178.

⁷ Протић М. Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији... С. 275; Он же. Sources of the Ideology of Serbian Radical Movement 1881-1903 // Balcanica. Vol. XXXVII. Belgrade, 2007. P. 125... Заметим, что впервые мнение о «британской парламентской теории», как одном из источников идеологии сербских радикалов, еще в 1926 г. высказал Лазар Маркович (Марковић Л. Никола Пашић и парламентаризам // Споменница Николе Пашића. Београд, 1926. С. 46).

⁸ Марковић П. Теорија модернизације и њена критичка примена на међуратну Југославију и друге источноевропске земље // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1994. Св. I. С. 11; Он же. Став према Западу у српској модерној историји // Европа и Срби. С. 595.

В рамках данной концепции, важнейшим пунктом является вопрос о том, когда это «юношеское увлечение идеями русского социализма» завершилось. Или, выражаясь словами Джордже Раденковича, когда «...социалистическая литература была задвинута на заднюю полку, как сентементальное напоминание о прошлом»¹? Сам автор полагал, что уже в начале 1880-х гг.² Впрочем, как и другие – «В 1881 г. радикалы отрекаются от социалистического учения Светозара Марковича...»³. Они придают его движению «выраженный буржуазно-демократический характер» и, «опираясь на буржуазные слои города и деревни, начинают борьбу за конституционный порядок и парламентаризм»⁴. Следует заметить, что суть такой посылки в форме категорического императива еще на заре прошлого века выразил русский публицист-славист В.Викторов-Топоров: «Партия радикалов, ... выступивши на широкую историческую арену, неизбежно должна была порвать с социалистическим мировоззрением своего духовного вождя»⁵. В литературе,

¹ Раденковић Н. Никола Пашић и Србија. Београд, 1997. С. 203.

² Там же. С. 123.

³ Žutić N. Liberalizam i Srbi. Beograd, 2007. S. 47-48... Эта точка зрения присутствует и в более ранних работах: Митровић Ж. Српске политичке странке. Београд, 1939. С. 75; MacKenzie D. The Radical Party, Nikola Pasic and the Piedmont Idea to 1914. // The Serbs and Russians. New York, 1996. P. 166; Стојковић А. Друштвена мисао Николе Пашића // Никола Пашић. Живот и дело (Зборник радова). Београд, 1997. С. 169.

⁴ Чубриловић В. Тимочка буна 1883. // Тимочка буна 1883. и њен друштвено-политички значај за Србију XIX века (Зборник радова). Београд, 1986. С. 3; Он же. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 368, 448... См. также: Станковић Ђ. Никола Пашић и југословенско питање. Београд, 1985. Књ. I. С. 72; Борђевић Ж. О узрочима Тимочке буне // Тимочка буна и њен друштвено-политички значај... С. 51; Војводић М. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 9; Радетић А. Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Књ. II. С. 581; Petrović M.B. A History of Modern Serbia. 1804-1918. New York & London, 1976. Vol. II. P. 409-411.

⁵ Викторов-Топоров В. Светозар Маркович (страница из историји општествених движењих Србији) // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 48... Такой подход был характерен и для советской марксистской историографии (Короткова В.И. Тимокское восстание и радикальная партия // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1953. № II, С. 145; Карасев В.Г. // История Югославии. М., 1963. Т. I. С. 494, 497; Дапченко С.И., Карасев А.В. Основные этапы развития сербской буржуазной государственности и Россия // Балканские исследования. М., 1984; Карасев А.В. // Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 151; Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888-1903. Киев, 1987. С. 9; Дапченко С.И. // Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 14.

правда, имеется небольшой разброс суждений по вопросу – когда же точно произошел «разрыв» с социализмом? С точки зрения Драгослава Янковича, из его ранних работ, «Радикальная партия в своей истории прошла два этапа, границей между которыми стал 1883 г.»¹, и поэтому – «присутствие социалистического влияния в сербском радикальном движении заметно до конца Тимокского восстания»², после которого «радикалы взяли на вооружение буржуазную „realpolitik“ и национализм»³. Иными словами, «Тимокское восстание пресекло полет Радикальной партии...»⁴.

С другой же стороны, считается, что «идеология Сербской радикальной партии – это народническая доктрина, поскольку ее социальный стержень – эгалитаризм»⁵. Для радикалов, следовательно, «свобода была средством, а равенство – целью»⁶. То же и с парламентаризмом: «Радикальная партия во главе с Пашичем... выстраивала партийное государство, лишь прикрытое парламенской

¹ *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији. Београд, 1951. С. 230; *Он же.* Поцини Радикалне странке у Србији. Београд, б/г. С. 25.

² *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет... С. 59, 62; *Он же.* Светозар Марковић, Љубен Каравелов и Радикална странка // Светозар Марковић и Љубен Каравелов у контексту словенске књижевности и културе (Зборник радова). Београд, 1992. С. 96; *Он же.* Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић // Никола Пашић. Живот и дело. С. 147; *Он же.* Sources of the Ideology of the Serbian Radical Movement 1881-1903... P. 129.

³ *McClellan W.* Svetozar Marković and the Origins of Balkan Socialism. Princeton, 1964. P. 271-271.

⁴ *Ђорђевић Д.* // Историја Српског народа. Књ. 6. Т. 1. Београд, 1983. С. 106.

⁵ *Перовић Л.* Предговор // *Тодоровић П.* Крвава година. Приредила Л.Перовић. Београд, 1991. С. 31; *Она же.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 120. См. также: *Поповић-Обрадовић О.* О идеолошком профилу радикала 1903-1914. // Токови историје. (1994). Београд, 1995. Бр. 1-2. С. 59-76; *Мијатовић Б.* Основни погледи напредњака и радикала током 80-х година XIX века // Српска политичка мисао. 1996. Бр. 1-4. С. 241-259; *Шемякин А.Л.* Идеологија Николе Пашича. Формирање и еволуција (1868-1891). М., 1998 (в переводе на сербский язык – *Шемякин А.Л.* Идеологија Николе Пашића. Формирање и еволуција (1868-1891). Београд, 2008); *Он же.* Nikola Pašić u spomenama ruskog putnika (prilog proučavanju idejnog porekla Srpske narodne radikalne stranke) // Tokovi istorije. (2003). Beograd, 2004. Br.3-4. S. 99-109; *Мишкова Д.* Србският радикализъм през XIX в.: страници от историята на балканския популизъм // Токови историје. Београд, 1999. Бр. 1-4. С. 36-68; *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903-1914. Београд, 2003; *Она же.* Калдрма и асфалт. Урбанизација и европизација Београда 1890-1914. Београд, 2008. С. 103-105; *Зундхаусен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 219-222.

⁶ *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. С. 91; *Vrkatić L.* Pojam i biće srpske naciје. Sremski Karlovci – Novi Sad, 2004. S. 193.

формой, что означало неделимую власть в руках Радикальной партии, которая отождествляет себя с народом и является носителем исторической миссии Сербии¹ – «сохранения сербского народа как единого целого в социальном и национальном смысле»².

Говоря шире, «народнический социализм не являлся утопией – он был вполне реальным явлением в патриархальном обществе на этапе его перехода в современное. Эта идеология в момент своего возникновения имела огромное влияние в балканских землях. И уже в силу того, что сербский народ был единственным, имевшим свое национальное государство, в Сербии она получила наибольшее развитие, вплоть до создания некоей целостной системы, которая имела неизмеримо большее влияние на общественную историю Сербии, чем можно было бы себе представить, или чем это признается»³.

И, соответственно, «хотя партия не называла себя социалистической, но, имея в виду ее программу и организацию, никак нельзя утверждать, что ее создатели порвали с идеями Св.Марковича»⁴. И далее – «Многие склонны считать Тимокское восстание поворотным пунктом в истории радикальной идеи, утверждая, что Радикальная партия отказалась тогда от своих принципов. Быть может,

¹ Поповић-Обрадовић О. Ка критичкој историографији // Токови историје. Београд, 1998. Бр. 1-4. С. 224. См. также: *Она же*. Основне препреке политичкој модернизацији Србије после 1903. // Токови историје. 1994. Бр. 1-2. Београд, 1996. С. 52; *Она же*. Парламентаризам у Србији. 1903-1914. Београд, 1998 (друго издање – 2008). С. 81-85; *Она же*. Ideja i praksa ustavnosti u Srbiji 1869-1914: između liberalne i «narodne» države // Rusija, Srbija, Crna Gora. Helsinške sveske. № 3. Beograd, 2000. С. 26-67 (все упомянутые выше статьи Ольги Попович-Обрадович собраны в книге, посвященной ее памяти. См.: *Popović-Obradović O. Kakva ili kolika država. Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX-XXI veka. Priredila i predgovor napisala L. Perović. Beograd, 2009*); *Шемкин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64-81; *Она же*. Устав осуђен на неуспех. Српски Устав 1888. године. Друштвене претпоставке и модернизацијски оквири: историографски стереотипи и дилеме // Годишњак за друштвену историју. Београд, 2000. Св. 2-3. С. 164-189; *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. II. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 206; *Vrkatić L.* Pojam i biće srpske nacije. S. 207.

² *Перовић Ј.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. С. 90.

³ *Она же*. Социјалистичка мисао – битна тенденција у развоју друштвене и политичке мисли у Србији // *Она же*. Српско-руске револуционарне везе. Прилози за историју народњаштва у Србији. Београд, 1993. С. 28; *Она же*. Социјалистичка мисао у Србији во второй половине XIX века // Славяноведение. 1993. № 3. С. 10.

⁴ *Она же*. Димитрије Мита Ценић. Уводна студија // *Ценић Д.* Изабрани списи. Приредила Л.Перовић. Београд, 1988. Књ. 1. С. 65; *Казимиrowић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845-1926. Београд, 1990. Књ. 1. С. 87.

восстание — это важное событие для развития Сербии, но для развития радикальной идеи — нет...»¹.

Наконец, присутствует стремление примирить стороны, представив суть «дебатов» в виде некоей эволюции: «В трактовке идейных корней Радикальной партии в нашей новейшей историографии (труды Латинки Перович и Милана Ст. Протича) существует *признак спора* — или это идеология народничества, или английский и французский радикализм. Такое расхождение мнений, включившее в себя и результаты историографии прежних поколений, не является подлинным спором (!!! — А.Ш.), поскольку абсолютно очевидно, что в период кристаллизации партии из движения Светозара Марковича в ней господствовала идеология народничества, в то время как позднейшие поколения радикалов (рожденные в 70 — 80-х гг. XIX в.) искали вдохновение уже в других течениях, обретая его в европейском, прежде всего — французском, радикализме...»².

Что касается этого *всего лишь* «признака спора», как Гордана Кривокапич-Йович оценила сложившуюся в историографии ситуацию, то мы скажем о нем в заключении.

* * *

Перед тем, как привести свои доводы, основанные на *источниках* (подчеркнем это особо), хотелось бы обратить внимание на некоторые технические нюансы, а именно на то — *как* сторонники теории о «европейской» природе сербского радикализма *аргументируют* собственную позицию. Речь в первую очередь пойдет о работах Милана Ст. Протича, которые, будучи тематически обращены непосредственно к идеологии Радикальной партии, являются своеобразным рупором всех тех, кто считает сербских радикалов продолжателями западной идейной традиции. Что, собственно говоря, мы и наблюдали в высказывании коллеги Кривокапич-Йович.

Первое. Они признают, что «вопрос (об идейной природе Радикальной партии. — А.Ш.) снова открыт». Но если так, было бы логично усилить свою позицию, сделать ее более убедительной, подкрепив новыми источниками и глубокими размышлениями. Чего, однако, не случилось: «В связи с появлением ненужных сомнений

¹ Vrkić L. Pojam i biće srpske nacije. S. 200.

² Кривокапич-Јовић Г. Оклоп без витеза. О социјалним основама и организационој структури Народне радикалне странке у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 2002. С. 17.

(в верности их европейской концепции. — А.Ш.) есть необходимость еще раз воспроизвести основные доказательства¹ в ее пользу. Как просто: воспроизведем еще раз, и прочь сомнения! И далее *слово в слово* повторяются пассажи из ранних текстов, — несмотря на то, что уже не единожды выходили работы с обоснованной критикой позиции, в них изложенной, причем на сербском языке.

Второе. В желани доказать собственную правоту, исследователи «европеисты» апеллируют к авторитету старой историографии, которая «практически единогласна во мнении, что сербские радикалы начинали как последователи социалистического учения Светозара Марковича, но весьма скоро отделились от его социализма и постепенно приняли идеи британской парламентской теории и французского радикализма...». Этот вывод подтверждает и «анализ аутентичных британских и французских источников»²; которые, собственно, и являются теми *основными доказательствами* в пользу тезиса о прозападном идейном определении партии Николы Пашича.

Третье. Из сербских источников для сравнения берется *единственный* документ — официальная программа Сербской народной радикальной партии от 8 января 1881 г., которая, следовательно, предстает в виде краеугольного камня идеологии радикалов, а потому «представляется вполне оправданным искать влияние французских радикалов на сербских собратьев в сопоставлении политических программ двух этих движений». После такого «сопоставления» и следует вывод, что «схожесть политических программ сербских и французских радикалов — бесспорна», а их «близость проявляется не только в родственности идеологических позиций, но и в терминологии». И, наконец, резюме — «Совсем ясно, что радикальное движение в Сербии находилось под непосредственным влиянием политических идей французского радикализма. И более того, идейная основа французского радикального движения — это важнейший источник идеологии Сербской радикальной партии...»³.

¹ *Против М. Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији...* С. 275.

² Там же.

³ *Он же*. Радикали у Србији. Идеје и покрет... С. 70, 73, 76; *Он же*. Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији... С. 287, 280; *Он же*. Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић... С. 149, 150; *Он же*. Sources of the Ideology of the Serbian Radical Movement 1881-1903... Р. 134... Все эти «аргументы» и выводы М. Протига воспроизвел его ученик Мирослав Свирчевич (см.: *Саврешаћ М. Локална самоуправа у Србији и Бугарској (1878-1914)*. Београд, 2009. С. 179-185.

Увы, такой подход к дискуссии оставляет без ответа слишком много серьезных вопросов, чтобы считать его вполне убедительным. И в этой связи позволим себе всего несколько замечаний.

Во-первых, апелляция к старым авторам, «единогласным» в своем отношении к сербским радикалам, которые «весьма скоро отделились от социализма...», превращает сложнейший процесс идейной эволюции в упрощенную схему, когда «любое изменение характера социалистического движения провозглашается предательством социализма или вообще преподносится как его конец»¹. Это, с одной стороны. С другой же — и со *старыми авторами* все не так просто. Например, Драгослав Янкович, который, может быть, больше всех занимался историей политических партий (и особенно радикалами), и который ранее действительно говорил об их социалистическом ренегатстве («партия, быстро обнаружила себя как организация, защищающая буржуазный порядок и буржуазные институты»²), в последнем сочинении пришел к иному выводу: радикалы «не были тогда буржуазной партией, но, напротив, антибуржуазной, повернутой лицом к народу, прежде всего — к крестьянству, и при этом с немалым зарядом социализма в своей идеологии»³. Тот факт, что маститый ученый подверг пересмотру свои прежние взгляды, говорит о многом и, без сомнения, заслуживает внимания.

Далее. Анализ французских источников, конечно, значим сам по себе, но встает вопрос — как может лишь он один аргументировать заключение о решающем влиянии французских радикалов на их сербских коллег? И это при том, что «почти невозможно вскрыть точные каналы, по каким идеи французского радикализма доходили до вождей Народной радикальной партии...»⁴. Если предположить, что этот «канал влияния» шел через Перу Тодоровича, который возвратился в Белград из Парижа в самом конце 1880 г. (а именно он трактуется как «первый идеолог» Радикальной партии⁵),

¹ *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. С. 51.

² *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX века. С. 227.

³ *Он же.* Рађање парламентарне демократије. Политичке странке у Србији XIX века. Београд, 1997. С. 361.

⁴ *Протић М.* Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији... С. 275.

⁵ *Он же.* Идеологија Народне радикалне странке и Никола Пашић... С. 147. Однако, как-то странно выглядит идеолог, да и политическая программа, в которую он якобы привнес *идеи французского радикализма*, когда тот же автор утверждает, что

следует иметь в виду то, что он вернулся на родину после нескольких лет отсутствия, когда почва для конституирования партии в самой стране была уже подготовлена. Подготовил ее — и идейно, и организационно — Никола Пашич, о чем уже подробно писалось¹. Тем более что и возвратился-то в Сербию Пера отнюдь не адептом французского радикализма. Напротив, «будучи изолированным в течении нескольких лет от политики, он, изо всех последователей Светозара Марковича, сохранил в себе более всего из его доктрины»². Потому и представляется столь логичным сообщение австрийских военных властей из Земуна, согласно которому, «...в редакции „Самоуправы“ произошел конфликт между Пашичем и Тодоровичем по вопросу политической линии газеты. Тодорович хотел бы придерживаться социалистического направления, на что Пашич не соглашался. Сейчас страсти улеглись, ибо Тодорович пошел на попятную после того, как Пашич пригрозил выходом из редакции и заявил, что он вынужден будет основать новый печатный орган, что привело бы „Самоуправу“ к краху»³.

В-третьих. Что касается программы сербских радикалов от 8 января 1881 г. — этого *единственного* документа, который сравнивается с французскими источниками и имеет с ними «бесспорную схожесть», то Пашич в том же году озвучил обстоятельства его принятия: «На скорую руку мы составили программу Радикальной партии... В нее до созвания Великой народной скупщины (экстраординарного органа в политической системе Сербии, наделенного прерогативами Конституционной Ассамблеи. — А.Ш.) мы сознательно не включили требований новых

«П.Тодорович не воспринимал идеи столь глубоко и принципиально, чтобы данный вопрос имел такую важность, какая ему придется» (*Против М. Радикали у Србији. Идеје и покрет...* С. 163).

¹ *Перовић Л.* Никола Пашич о Радикалној партији пре њеног формалног организовања // Никола Пашич. Живот и дело. С 53-63; *Шемякин А.Л.* Светозар Маркович и Сербская радикальная партия // Живот и дело Светозара Марковића (Зборник радова). Београд, 1997. С. 429-452.

² *Јовановић С.* Пера Тодоровић // *Он же.* Политичке и правне расправе. Београд, 1908. Књ1. С. 150.

³ *Раденић А.* Полицијски извештаји о догађајима у Београду почетком осамдесетих година XIX века // *Годишњак музеја града Београда.* Београд, 1957. Књ.4. С. 423 (донесение от 30 июля 1881 г.)... А в январе из Земуна сообщили: «Накануне открытия скупщины радикалы провели тайное совещание — только для своих *посвященных* вождей, — на котором решили не брать имя социалистов, ибо, как таковые, они не смогли бы прийти к власти» (Там же. С. 416).

реформ, но тех только, которые уже были записаны ранее в программе нишской оппозиции (радикальной оппозиции на скупщине в Нише в 1878-1880 гг. – А.Ш.) и газеты “Видело”(органа младоконсервативной группы – союзника радикалов в борьбе с правительством Йована Ристича. – А.Ш.). Тем самым мы хотели избежать всего, что могло бы дать хоть малейший повод к расколу»¹. Здесь не место комментировать, какое положение в этой довольно эклектичной программе кому принадлежит, но и без того ясно, что она никак не может считаться ядром *чистой* радикальной доктрины² – тем более, что и сами авторы документа подчеркивали: «Эту нашу программу мы будем постоянно пересматривать и дополнять во время ежегодных сессий скупщины...»³. Другие же источники, о каких с гораздо большим основанием можно говорить, что они носят идеологический характер (партийный Устав, или проект конституции, разработанный в 1883 г., который «выражает радикальную идею в чистом виде и представляет собой программу партии, реализованную в виде правового акта»⁴) остались, увы, на обочине исследовательского интереса, что никак не усиливает тезис о «решающем и непосредственном влиянии» французов⁵. Совсем наоборот.

¹ Говор Николе Пашића у Зајечару (2. јуна 1881 г.) // Пашић Н. Писма, чланци и говори (1872-1891). Приредили Л.Перовић и А.Шемякин. Београд, 1995. С. 102.

² Американски истраживач Мајкл Боро Петровић с полным правом констатировал: «Очевидно, что в программе не было ничего „социалистического“, „республиканского“ и даже „радикального“...» (Petrović M.B. A History of Modern Serbia. 1804-1918. Vol. II. P. 411).

³ Крстић В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 104. Милан Ст. Протић, увы, не счел нужным обращать внимание на такую «мелочь». Современник же (П.А.Кулаковский) обратил – «Радикальная партия объявила, что она всякий раз перед скупщиной будет пересматривать, по мере надобности, и изменять свою программу. Отсюда порождается вопрос: где же определенная цель, к которой следует стремиться?». А ее нет: «Радикалы не указывают предела своих стремлений и желаний» (Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф.572. Оп. 1. Д. 4. Л. 5)... Что, собственно, и требовалось доказать.

⁴ Vrkić L. Pojam i biće srpske nacije. S. 202... Подробный разбор радикального проекта конституции, большую часть текста которого написал собственноручно Пашић, см.: Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 291-301, 311-313, 324-325.

⁵ В своей последней работе Милан Ст. Протић коснулся-таки конституционного проекта радикалов 1883 г. – «В свете идеологической эволюции радикалов, их проект стоял на полпути между социалистическим прошлым и парламентским будущим...» (Protić M. Serbian Radicalism 1881-1903. Political Thought and Practice // Balcanica. Vol.

В науке об этом уже сказано: «Проблема непосредственных связей и влияний, в отличие от косвенных, да и то взятых слишком общо, осталась неизученной»¹. И еще: «Некоторые исследователи полагают, будто французский радикализм (и прежде всего – Бельвилльская программа Гамбетты) серьезно повлиял на сербский. Но, судя по всему, для таких заявлений нет исторических данных, а единственным аргументом остается аналогия. Однако и с ней есть проблема, ибо сербский радикализм в значительной мере отличался от французского»².

Последний тезис был очевиден уже межвоенным сербским историкам, как ясен он и их современным иностранным коллегам: «Радикализм в Сербии, если и был в чем-то обязан своим появлением воздействию с Запада, все равно не мог быть полностью отождествлен с радикализмом французским, так как нес в себе немалый заряд русского социализма и опирался на определенные народные традиции...»³. Другими словами, – «корни радикальной программы с куда большим основанием следует искать в сербском радикализме начала 1870-х гг., чем в радикализме французском»⁴.

И, наконец, последнее. Совершенно очевидно, что дискуссия не может вестись с помощью банального повторения прежних «истин». В нее все-таки должно вноситься нечто новое, и лучше всего, когда это – новые источники. Именно их мы бы и хотели предложить.

* * *

Итак, для ответа на вопрос об идеологической природе сербского радикализма, предоставим слово самому вождю радикалов – Николе Пашичу.

XXXVIII. Belgrade, 2008. P. 175)... Несмотря на всю внешнюю «броскость», предложенная дефиниция мало что объясняет по сути.

¹ Љушић Р. Србија 19. века. Београд, 1994. Књ. I. С. 352.

² Vrkatić L. Pojam i biće srpske nacije. S. 195.

³ Поповић Ј. Нсимари Југославије. Београд, 1934. С. 277.

⁴ Stokes G. Politics as Development. The Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia. Durham and London, 1990. P. 199... О том же (правда, без упоминания о «радикализме французском») см. и: Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ. 2. С. 317; Милићевић Ј. Прилог познавању порекла србијанског парламентаризма // Зборник филозофског факултета. Београд, 1970. Књ. XI-I. С. 671; Тодоровић Д. Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С. 126; Трифуновић М. Историја Радикалне странке (од постанка до 1903.). Београд, 1995. С. 80.

Летом 1895 г., путешествуя по Балканам, в Белград завернул известный русский педагог и публицист, один из адресатов Льва Толстого, — Евгений Львович Марков. Он посетил Йована Ристича, Панту Сречковича, Милана Миличевича, Радована Кошутича, митрополита Михаила, Стояна Протича, Андру Николича и, естественно, Пашича. Так вот, отвечая на вопрос гостя — «А какое, собственно, различие Радикальной партии от Либеральной и Напредняцкой?»¹, тот подчеркнул: «Нашу Радикальную партию нельзя смешивать с тем, что называется этим именем во французском парламенте. Появилась она у нас со Светозаром Марковичем — другом ваших Чернышевского и Добролюбова, под непосредственным влиянием идей, господствовавших в России в шестидесятых годах. Если хотите посмотреть, вон и бюст его! — указал Пашич на стоявший в его кабинете большой бюст мужчины² ... Радикалы сначала были пропитаны несколько социалистическим духом настолько, по крайней мере, как и ваш Чернышевский, но это направление исчезло само собой³, поскольку в Сербии оно невозможно: 95 % сербов — селяки, имеющие недвижимую собственность, и никакие социалистические теории не в силах были бы убедить их, что этой собственностью они должны поделиться с другим. Маркович проповедовал только необходимость сельской общины на манер русской, — чтобы не развивался у нас пролетариат, и чтобы Сербия не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор: каждое селение имеет, помимо подворных участков, общинную землю для будущих членов своих и для общественных нужд. Об этом радикалы особенно хлопотали. Можно смело сказать, что весь сербский народ — за радикалов...»⁴.

¹ Марков Е.Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 348.

² В кабинете Николы Пашича стояли два мраморных изваяния — Светозара Марковича и Адама Богосавлевича. Оба — работы его шурина, известного итальянского скульптора Ствана Дуковича. Хозяин кабинета не был сентиментальным человеком, и эта деталь, на наш взгляд, говорит о многом.

³ За двадцать лет до этой беседы, в 1875 г., Пашич писал брату Св.Марковича — Еврему: «Еще при жизни Светозара ... мы почти все согласились с тем, что программу, напечатанную в "Раденике", необходимо кое в чем изменить, чтобы приблизить ее к реальным условиям жизни. Мы решили все наши политические и экономические теории всегда соотносить с насущными проблемами, стоящими на повестке дня...» (Пашич Н. Писма, чланица и говори (1872-1891), С. 43).

⁴ Марков Е.Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки... С. 349.

Итак, очевидно, что Пашич во время встречи с русским путешественником, *сам* и в предельно четкой форме, ответил на вопрос, вокруг которого будто бы «ломаются копыя», дезавуировав всякий намек на французскую идейную природу его партии. Он лишь подтвердил давнюю мысль: «Радикальная партия выросла из социалистического движения, ... которое утвердило идеологию непотворения западноевропейского пути — по определению антикапиталистическую и *антилиберальную*»¹. Тем самым; Пашич выбил почву из-под ног и у тех авторов, кто относит радикалов к числу «либеральных политических партий»².

Причем крайне важно, что на своих *народнических* позициях он стоит и в 1895 г, являя пример редкой идеологической последовательности³. Не видно ни отступления, ни «предательства» идеолов, как говаривали ранее. Этот пример показывает, насколько прав Джордже Станкович, призывая к отказу «от прежних подходов, в рамках которых часто отождествляются потребности повседневной политики и общие цели, прагматизм конкретных действий и глубина внутреннего определения, чисто тактические ходы и стратегические решения»⁴. В полной мере такое пожелание относится к радикальному вождю, ибо выходящая все более на первый план прагматика легальной борьбы, а затем и власти, как бы отодвигает в тень особенности его идеологии, но отнюдь их при этом не заглушает и не гасит! «Идейное определение, которое личность вынашивает в себе, — продолжает Дж. Станкович, — и конкретные

¹ Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX – XXI). Beograd, 2006. S. 20.

² Žutić N. Liberalizam u Srbii. S. 41, 47-48.

³ В 1885 г. в журнале П.Л.Лаврова «Вестник „Народной воли“» был напечатан обширный материал «Исторический очерк политического движения в Сербии 1881-1883 гг.». Его автором являлся давний приятель Пашича и один из лидеров радикалов Пера Велимирович. А в 1886 г. тот же материал — в несколько уссеченном виде и под названием: «Социализм в Сербии» — был опубликован в бухарестской газете «Revista sociala» на румынском языке... Сделали это Никола Пашич, обретавшийся тогда в Бухаресте, и его старый знакомый (еще с начала 1870-х гг.), экс-соратник М.А.Бакунина Земфирий Арборс-Ралли. Добавим и то, что Пашич, в бытность свою в изгнании, сотрудничал с русской революционной эмиграцией в Болгарии и Румынии, на что не могли не обратить внимания и агенты русской Охранки (См.: За пределами России. Сербия // Вестник «Народной воли». Женева, 1885. № 4; Solidaritatea miscarii si democratice din Romania cu muscarea muncitoreasca si democratica din Jugoslavia (1875-1945). Bucuresti, 1979. P.54-81; Перовић Л. Српско-руске револуционарне везе... С. 183-206; Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 355-358).

⁴ Станкович Ђ. Никола Пашић и југословенско питање. Књ. I. С. 26.

формы его проявления, принадлежащие уже к сфере политической практики, сложны и неповторимы и часто не совпадают друг с другом, измеренные аршином исторической науки»¹. То же самое мы можем сказать и о партии (а не только о ее лидере и идеологе), показав это ниже.

* * *

В связи с тем, что Пашич и радикалы, как оказалось, оставались идейно «верны себе» и на закате XIX в., встает вполне естественный вопрос – когда же они отошли от былого революционаризма и, отбросив нелегалитет и насилие, вступили в «законную, парламентскую борьбу»?.. (Мы не будем подробно останавливаться на их восприятии парламентаризма, демократии, характера конституции 1888 г. – о том уже писалось². Ограничимся оценками Радоша Люшича: «Парламентаризм, который желали радикалы, был близок к конвентской системе»³, и Симы Чирковича – они «ставили партийные интересы превыше всего, отрицая все, что предлагало правительство, несмотря на то, полезно это было для народа или нет»⁴. Такая модель парламентаризма и мессианизм – то есть отождествление интересов партии с интересами всего народа; – опять же, думается, не соответствуют «британской парламентской традиции», да и политической практике Европы, вообще).

Итак, касательно методов деятельности радикалов, считается, что «в начале 1886 г. радикальное движение полностью отказалось от былых революционных амбиций»⁵. По трем причинам: во-первых, 1 января была объявлена амнистия заключенным по делу о Тимокском восстании, во-вторых, «Никола Пашич и другие эмигранты прекратили повстанческую деятельность» и, в-третьих, само «движение было реорганизовано и снова включилось в сербскую политику – особенно посредством новооснованной газеты „Одъек“, ставшей инструментом распространения

¹ Там же.

² См. указанные работы Л.Перович, О.Попович-Обрадович, Д.Стоянович, А.Л.Шемякина. А также (в ракурсе типологии *общеевропейского* восприятия европейских идей и институций) – Скопетеа Е. Ориентализм и Балкан // Исторически часопис. Књ. XXXVIII (1991). Београд, 1992. С. 139-140.

³ Љушић Р. Историја српске државности. Књ. II... С. 206.

⁴ Чирковић С. Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 242.

⁵ Protić M. The Serbian Radical Movement 1881-1903: A Historical Aspect... P. 141.

радикалних идеала и легализацији движења после Тимокског восстанија...»¹.

Со сказаним вряд ли можно согласиться. Причем по *всем* трем пунктам.

Начнем с того, что в начале 1886 г. Н. Пашич и не думал «складывать оружие». Напротив — к 1887 г. относится комбинированная попытка поднять восстание в Сербии одновременным вторжением из Черногории и Румынии, о чем неоднократно писалось в литературе на сербском языке². Однако, внимания на это автор данного заключения не обратил: зачем, если в качестве «доказательства» подлинности он его просто повторяет. Как и ранее другие тезисы... О возможном влиянии амнистии на Пашича, можно также прочесть в сборнике, выпущенном в Белграде. «Прошу Вас уверить Ивана Сергеевича и Михаила Григорьевича (И.С. Аксакова и М.Г. Черняева. — *А.Ш.*), что новейшие явления в Сербии нисколько не влияют на нас. Новые явления утверждают то, что нужно скорее действовать и приготовить все то, что может обеспечить успех нашего предприятия»³, — писал он митрополиту Михаилу 9 января 1886 г. *Аутентичный* ответ снова более чем ясен, однако опять же не замечен...

Далее. Что касается стремившихся к «легализации движения» его участников из Белграда, то с ними также не все однозначно. Так, член ЦК партии Йован Джайя — этот «человек, далекий от бунтарства»⁴, был тем, кто, в согласии с Пашичем, поддерживал контакт с Николой Черногорским, вел переговоры о военной помощи для организации восстания внутри страны и являлся автором «программы переворота», понравившейся, кстати, Александру III⁵. О чем (в общих чертах) тоже

¹ Ibid. См. также: *Митровић Ј.* Промена става Пашића и радикала према краљу Милану (1886-1887) // Никола Пашић. Живот и дело. С. 227-231; *Деспотовић Јб.* Српска политичка модерна... С. 188-189; *Савричевић М.* Локална самоуправа у Србији и Бугарској... С. 178.

² См.: *Раждатовић П.* О раду радикалске опозиције, кнеза Петра Карађорђевића и књаза Николе против режима краља Милана у Србији 1883-1889. године // Историјски записи. Титоград, 1966. Бр. 1. С. 58-109; *Живојиновић Д.* Краљ Пстар I Карађорђевић. Београд, 1988. Књ. 1. С. 270-316; *Шемјакин А.* Никола Пашић у емиграцији (1883-1889). Бугарска, Румунија, Русија // Никола Пашић. Живот и дело. С. 215-226; *Он же.* Митрополит Михаилу у емиграцији (Заједно са Николом Пашићем, против Милана Обреновића) // Зборник историјског музеја Србије. Св. 31. Београд, 2003. С. 219-238; *Он же.* Нсостварени преврат — српска емиграција, Црна Гора и Русија 1885-1887. // Историјски записи. Подгорица, 2005. Бр. 1-4. С. 301-316.

³ Митрополит Михаилу и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884-1888). Приредо А. Шемјакин. Београд, 2004. С. 136-137.

⁴ *Трифунковић М.* Историја Радикалне странке... С. 130.

⁵ См.: Дневник В.Н.Ламздорфа (1886-1890). М.-Л, 1926. С. 16.

известно из работ, вышедших на сербском языке¹. Мало того; в начале 1903 г. он предлагал – в случае перехода короля Александра на сторону Австро-Венгрии – «отстранить его династию от престола и дать Сербию тому лицу, которое угодно будет России»². А шеф русской тайной агентуры на Балканах В.В.Тржецяк докладывал в Петербург незадолго до путча, что «радикалы и ныне замышляют и не отказались от мысли произвести покушение на жизнь короля и принимают все меры к тому, чтобы свергнуть династию Обреновичей»³.

И австро-венгерский посланник в Белграде Константин Думба накануне 29 мая 1903 г. сообщал в Вену свои впечатления о партии Николы Пашича: «Ее радикальное крыло никогда не отказывалось от своего „завета“ покончить с династией Обреновичей – ненависть к ней, посеянная в 1883 г., не исчезла. Она становится особенно очевидной и заметной, когда партия не находится у власти». И далее – «Следует иметь в виду, что у радикалов имеются две программы: Одна из них открытая, предназначенная для всех и, естественно, не полная. Другая же тайная – с ней знакомы только крайние элементы, которые и призваны реализовать планы радикальной эмиграции, разработанные после 1883 г.». Добавим, что приведенный отрывок донесения Думбы взят нами из сочинения академика М. Экмечича⁴.

Все эти высказывания крайне показательны, ибо выявляют «генетический код» Радикальной партии, то есть *извечное*⁵ присутствие в ней, по крайней мере, двух течений – относительно

¹ См. примечание 2 на стр. 157; *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ.2 // Сабрана дела Слободана Јовановића. Београд, 1990. Т. 7. С. 19.

² Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.505. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 ... С. Иванович абсолютно прав, назвав Й. Джайю одним из „крайних элементов Радикальной партии“ (*Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2... С. 18).

³ ГАРФ. Ф.505. Оп.1. Д.76. Л.13 об.; *Вишняков Я.В.* Котел с расплавленным металлом // Родина. 2003. № 10. С. 82.

⁴ *Екмечич М.* Стварење Југославије... Т. II. С. 387-388.

⁵ В письме Еврему Марковичу (1875 г.) Пашич указывал: «Никогда не следует забывать, что народная свобода не может быть завосвана исключительно легальным путем...» (*Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872-1891). С. 44)... Удивительно, но анализируя это письмо, Драган Симсуневич заключает: «В соответствии с начавшимся тогда процессом отхода радикалов от идей социализма, Пашич не только не фаворизует, но и не упускает революционный путь прихода к власти, определившись в пользу парламентской борьбы...» (*Симсуневич Д.* Никола Пашић – схватање и однос према држави // Никола Пашић. Живот и дело. С. 398).

умеренного и склонного к экстремизму¹. И упоминание о радикальных «программах» также весьма рационально – в свете того, о чем говорилось выше.

Но особенно любопытно другое – вернемся к мысли М. Протича о «легализации движения после Тимоцкого восстания», – вплоть до осени 1888 г. (*и даже будучи при власти!*) радикалы в Сербии продолжали плести заговоры против Милана Обреновича. Невероятно, но факт: в начале 1888 г. глава первого радикального кабинета Сава Груич, который, по его собственному признанию, всегда сочувствовал умеренным элементам внутри своей партии, пытался узнать, как отнесется Россия к госперевороту в Сербии и возможной реакции на него Вены – в виде вторжения в страну или аннексии Боснии и Герцеговины². И весной секретарь российской миссии в Белграде В.С.Сергеев доносил в Петербург, что радикалы активно говорят о перевороте³. Когда король отстранил их от власти, они, по словам С.И.Данченко, «снова вернулись к планам переворота»⁴. Но зачем *возвращаться* к этим планам, если они и *не переставали* вынашиваться... Летом 1888 г. член радикального ЦК – Коста Таушанович (вышедший, кстати, из тюрьмы по амнистии) отправился за границу, якобы на курорт, на самом же деле – для свидания с Пашичем и координации с ним предстоящих действий⁵.

Но все планы радикалов (не важно, где они «ковались» – за границей или внутри страны) целенаправленно блокировались Россией, не желавшей новых осложнений на Балканах. Потому Пашичу со товарищи и внушалось постоянно, что она «не намерена поддерживать и поощрять революционное движение...»⁶. Что ж,

¹ См.: *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875-1883). М., 1993. С. 205-206.

² *Он же.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция... С. 396.

³ Там же. С.397; *Ковачевич Д.* Србија и Русија. 1878-1889. Београд, 2003. С. 347.

⁴ *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. М., 1996. С. 219.

⁵ *Ридетић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Књ. II. С.883. См также: К. Таушановић – В. Љотићу. Bad-Hall, 24 јуна 1888. г. (Архив Српске Академије наука и уметности. Хартије В. Љотића. Сигн. IX/4; Инв. број 9/143).

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив (1888 г.). Д.439. Л.165-169... Несмотря на данный очевидный факт, в сербской историографии бытует уверенность в том, что «Россия являлась главным спонсором деятельности сербской радикальной эмиграции в Болгарии в 1883-1886 гг.» (*Против М.* Радикалы

они были вынуждены подчиниться воле Петербурга, который, как оказалось, и спас сербского монарха от их «гнева»!... О причинах этого внутреннего «клинча» между радикалами и Обреновичем IV, имевшего выраженную *идеологическую* природу, уже неоднократно говорилось²...

О чем свидетельствуют все приведенные факты? Лишь об одном – предложенная и обильно тиражируемая Миланом Протичем схема «перехода» Радикальной партии от «революционных амбиций» к «легальной и парламентской» деятельности не имеет под собой *никаких* оснований.

* * *

И последнее. Как известно, *характер* партии определяется совокупностью двух лежащих в основе ее существования субстанций – *идеологии* и *организации*. При этом вторая всегда определяется и органично вытекает из первой.

Так вот, сторонники концепции о французском влиянии на сербских радикалов, подчеркивают, что оно проявилось не только в программе, но и в организации партии: «В течение восьмого десятилетия

у Србији. Идеје и покрет... С. 109-110; *Они же*. Serbian Radicalism 1881-1903. Political Thought and Practice... P. 181).

¹ Российский посланник в Белграде А.И.Персиани подтвердил сей факт весьма цинично: «Я ответил королю, что, действительно, он в настоящее время не состоит в России на хорошем счету, но что он не должен упускать из виду, что Россия всегда щадила его и династию Обреновичей, и что не раз, благодаря воздействию Императорской миссии, *революционные попытки были остановлены в стране*» (АВПРИ. Ф. Политархив (1887 г.). Д. 437. Л. 59 об.)... А значит – пора подлинных компромиссов в ней еще не пришла. Что опровергает оценку, данную поведению радикалов в конце 1880-х гг. в одной из недавних публикаций: «Время открытых политических сражений прошло, и радикалы вполне ощутили сложности реальной власти. Пашичу и его соратникам постоянно приходилось идти на компромисс с короной (а после отречения Милана Обреновича с Регентством), напредняками и либералами» (*Пархоменко Д.В.* Никола Пашич против напредняков. Две модели сербской модернизации 1880-х гг. // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 2007. С. 128)... Зная природу «радикального царства» 1889-1892 гг., вряд ли можно говорить о компромиссе, как главенствующем принципе правления радикалов. Именно бескомпромиссность и стремление к *тотальной* власти привели к их отстранению от кормила государства главой Регентства Йованом Ристичем (См.: *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64-81).

² *Перович Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ.3; *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и сербское общество. Взгляд из эмиграции // Годышак за друштвену историју, Београд, 1995. Св. 1. С. 1-18; *Они же*. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е гг.) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 228-255.

XIX в. французский радикализм оказал на Сербскую радикальную партию самое глубокое воздействие, которое выразилось в двух формах – в виде политической программы и организации движения¹. И вообще, говоря шире, многие, вслед за австрийским исследователем Карлом Казером, полагают, что сербские радикалы являлись *единственной* на Балканах «современной политической партией»². То есть партией в европейском смысле этого понятия³.

Что касается французского влияния, современник Николы Пашича, его биограф и друг, итальянский граф Карло Сфорца вспоминал: «В бытность мою во Франции, я имел возможность изучить организацию Французской радикальной партии, о которой тамошние консерваторы говорили, что именно она является хозяйкой страны. Так вот, организация французских радикалов – это детская игра по сравнению с организацией старой Сербской радикальной партии»⁴. Очевидец из европейцев, как видим, оказался более проникательным, чем позднейшие историки – он не отождествлял, но проводил границу, и был абсолютно прав. Но почему?

Приведем еще одно высказывание, касающееся организации партии Н. Пашича. «Наряду с германской социал-демократией, – замечает Лазар Вркатич, – Радикальная партия в Сербии была наиболее организованной партией в Европе...»⁵. Относительно «наиболее организованной», все точно. Однако отнюдь не с СДПГ в этом отношении следует ставить рядом сербских радикалов. И действительно – принципы организации, строгая иерархичность и откровенный вождизм, отсутствие внутренней демократии и автономии местных организаций (что вполне может быть названо сербским изданием «демократического централизма»);

¹ *Протић М.* Српски радикали. Идеје и покрет... С. 59.

² См.: *Kaser K.* Typologie der Politischen Parteien Südosteuropas im Neunzehnten Jahrhundert // *Osterreichische Osthefte.* 1985. P. 331-365... Критерии – в работе американского исследователя Гейла Стоукса: «Сербским радикалам удалось создать первую на Балканах политическую партию, которая характеризовалась организационным единством, тесными связями филиалов с центральным руководством, способностью мобилизовать электорат и возможностью брать власть» (*Stokes G.* Politics as development. The Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia. P. 4). См. также: *Јанковић Д.* Почети Радикалне странке у Србији. С. 32.

³ *Батаковић Д.* Француски утицаји у Србији 1835-1914. Четири генерације „паризлија“... С. 90-91; *Cox J.* The History of Serbia. Westport – London, 2002. P. 52.

⁴ *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 52.

⁵ *Vrkatić L.* Pojam i biće srpske nacije. S. 195.

политическая культура, основанная на неприятии плюрализма и принципе: «Кто не с нами, тот против нас!» (так, за 1887-1896 гг. радикальной толпой было перебито 384 напредняка¹); очевидный мессианизм и одномерность мышления — весь этот набор «родовых» организационно-политических признаков роднит их... с «партией нового типа»: хорошо нам известными российскими большевиками. И сходство это отнюдь не кажется нам случайным, имея в виду *единую* народническую основу, на которой (понятно, что в разное время и в разных условиях) обе партии и взрастали². Права Ольга Попович-Обрадович — «По тому, что в Сербии, параллельно с первыми шагами модернизации, была основана массовая народническо-социалистическая партия с тем типом организации, который войдет в практику лишь с появлением тоталитарных идеологий XX в., она представляет единственный феномен в Новой истории Европы»³.

Следует особо подчеркнуть, что в своей концепции партии сербские радикалы следовали той глубоко антилиберальной социологической схеме, которая обеспечивала примат корпорации над каждым ее представителем в отдельности. По оценке Радоша Люшича, «воля отдельного члена была подчинена партийным интересам» — «како би било у партији што јачег реда»⁴. Таким образом, отношение «партия — член» являлось в представлениях соратников Пашича прямым продолжением пропорций: «общество — личность»; «государство — гражданин», лежащих в основе их народнической доктрины. Во всех трех случаях категория «Мы» довлела и подавляла категорию «Я», суверенитет целого объявлялся ценностью более весомой, чем право его части; а единство жестко противопоставлялось диссидентству, со всеми вытекающими из этого последствиями. Воистину, организация следовала за идеологией, органично ее дополняя.

¹ Марковић С. Гроф Чедомил Мижатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.

² Слободан Йованович констатировал, что С. Маркович и П. Тодорович были «учениками русских социалистов-шестидесятников, которых в каком-то смысле можно считать предтечами большевизма» (Јовановић С. Петра Тодоровић // *Он же*. Политичке и правне расправе! Београд, 1932. Књ. 1. С. 467). Причем, Тодорович, по его мнению, «оказался ближе к большевикам, чем Маркович» (Там же. С. 410-411).

³ *Popović-Obradović O. Koreni antimoderne političke culture u Srbiji // Она же. Kakva ili kolika država. Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX-XXI века. С. 331.*

⁴ *Љушић Р. Историја српске државности. Књ. II... С: 199.*

Вот только чешский историк Ян Пеликан недоумевает – как это возможно, что «необычайно *современный* для своего времени способ политической деятельности (то есть организация. – А.Ш.) Радикальной партии так сильно контрастировал с ее *утопической* программой...»¹. Ведь, по его мнению, «концепции радикалов никогда не были четко сформулированы», представляя собой «набор разнородных, во многом противоречивых идей», так что их программа «модифицировалась в зависимости от ситуации, в которой находилась партия» – «партия конкретного, каждодневного политического действия»². То есть идеология служила организации? Но так ли это – ведь «без идеологии организация была бы только скорлупкой, *радикализм* составлял ее сердцевину»³. Соответственно, и успехи приходили – «благодаря четко *концептуализированной* политической стратегии, жесткой организационной структуре и способному руководству»⁴. А как же иначе?..

* * *

В заключение вернемся к тому, с чего начинали, – «дебаты о сути радикализма» действительно продолжаются, однако, увы, так и не превратившись в диалог. Причины такого положения мы и старались показать. Но самое главное в другом (это к вопросу о *всего лишь* «признаке спора», как, помнится, назвала ситуацию Г.Кривокапич-Йович) – они органично вплетаются в другой и более принципиальный спор, к сожалению, столь же далекий от диалога, – по вопросу интерпретации Новой истории страны, в целом. С одной стороны, «часть историков высказывает мнение, будто Сербия с момента своего основания была восприимчива к западным концепциям либерализма, парламентаризма и демократии, а образованная в западных университетах политическая элита

¹ Pelikan J. // Dejiny Srbska. Praha, 2004. S. 221.

² Ibid. С. 220 ... И в сербской историографии есть сторонники тезиса о «механическом эклектизме» доктрины радикалов (См.: *Ракић Л.* Радикална странка у Војводини (до почетка XX века) // Истраживања Института за проучавање историје Војводине. Нови Сад, 1974. Књ. 3. С. 215; *Симеуновић Д.* Теоријске корени партије. Београд, 1986. С. 100).

³ *Перовић Л.* Народная радикальная партия: утверждение идеологии социального, национального и политического единства сербского народа // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия. СПб., 2009. С. 311.

⁴ *Богуюновић Н.* Коекуде Србијо. Српске историјске теме. 1804-1918. Београд, 2006. С. 317.

полностью приняла западную модель развития и модернизаций»¹... С другой же считается, что принятие конституций, введение парламентских и других «европейских» институтов и процедур составляло лишь *фасад*, который пристало иметь независимому государству, но за которым скрывались – будучи *доминирующими* в политической культуре – весьма патриархальные (недемократические и авторитарные) навыки и подходы. Анализируя политическую практику в рамках такого «формального парламентаризма»; сторонники данной точки зрения заключают, что сербская аграрная, патриархальная, экономически и социально отсталая среда «разделяла антииндивидуалистические ценности, которые сближали ее с коллективистскими и эгалитаристскими (то есть *анти-модернизационными*) политическими проектами куда больше, чем с институционализованной парламентской монархией»². Несмотря на имевшуюся «вывеску»...

¹ См.: Стојановић Д. Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М. Србија 1804-2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 116.

² Там же. С. 117.

Искендеров П. А.

История Косово начала XX в. в трудах российских и сербских историков

Тема настоящей статьи одновременно и простая, и сложная. На эту тему можно говорить бесконечно, поскольку она обращена не столько в прошлое и настоящее, сколько в будущее. В ней делается попытка проанализировать состояние сербской и российской историографии с тем, чтобы на базе существующих исследований постараться выделить те аспекты темы, которые, в свою очередь, дают богатое поле для исследований нынешних и будущих поколений историков. Косовская проблема на протяжении последних веков уже переживала несколько стадий своего развития, и тот правовой нигилизм, свидетелями которому мы сегодня являемся, отнюдь не является окончательным решением косовского вопроса. Через несколько десятилетий будущие историки будут изучать нынешнюю ситуацию как пример некоего отклонения от глобального исторического процесса, которое со временем будет исправлено и приобретет правовое справедливое направление.

На протяжении столетий сербский и албанский элементы сосуществовали в рамках балканского географического пространства, оказывая подчас решающее воздействие на ход общерегиональных процессов и политику великих держав, включая Россию. «История Косово и Метохии – южной сербской провинции – отмечена продолжавшимся на протяжении столетий этническим соперничеством сербов и албанцев» – такую характеристику места Косовского края в системе сербо-албанских отношений дал однажды один из ведущих современных сербских историков Душан Батакович. Эта мысль в целом справедлива, однако она не охватывает всего многообразия аспектов рассматриваемой проблемы: идет ли речь о великодержавных идеях «Великой Албании» или «Великой Сербии» – ядром которых призваны стать косовские земли – либо о фактах активного и взаимовыгодного сотрудничества властей Сербии и лидеров косовских албанцев, которые также имели место на протяжении всего рассматриваемого периода сербо-албанской истории, особенно накануне Первой мировой войны.

Свидетельства подобного взаимодействия представляются тем более ценными, что они убедительно опровергают весьма укоренившиеся

как в сербской, так и в российской историографии представления о якобы исторической предопределенности сербо-албанского конфликта из-за Косово, о принципиальной невозможности для сербов и албанцев ужиться друг с другом и об абсолютной несовместимости целей и задач сербского и албанского национального движения. К области исторической мифологии вполне можно отнести идею о том, что сербо-албанские отношения в Косово и в целом на Балканах есть столкновение непримиримых этно-религиозных позиций и интересов, чуть ли не цивилизационный конфликт между православным (в более широком плане – христианским) и мусульманским миром. Данный подход не отвечает ни всей истории Балкан – всегда отличавшихся этнической и конфессиональной «чересполосицей» и являвшихся регионом, где различные народы веками жили вместе и боролись против общих неприятелей – ни сложной национально-религиозной структуре населения Сербии и Албании. Как справедливо указывала российская исследовательница Ю.В.Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»¹. А одному из лидеров албанского национального движения XIX в. Васо Пашко принадлежит уже ставшая крылатой фраза о том, что «религией албанцев является албанизм».

Отсюда вытекает первая важная проблема в рамках изучения истории сербо-албанских отношений и истории Косово, не получившая до настоящего времени того анализа, которого она заслуживает – это проблема изучения роли ислама в истории сербского и албанского этносов, в истории Косово и Метохии. Ее важность тем более возрастет, если мы вспомним, что ядро косовских албанцев составляют потомки исламизированных сербов, на чем мы более подробно остановимся ниже. Подобные сербские этнические корни косовских албанцев, кстати, во многом объясняют ту жестокость, с которой они обращались и продолжают обращаться с сербами. Она сравнима разве что с жестокостью боснийских мусульман, представляющих собой в значительной мере столь же искусственную псевдонацию.

Именно в начале XX в. на Балканах впервые столкнулись два процесса, которые и сегодня определяют динамику развития косовской

¹ *Иванова Ю.В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15-22 марта 1999 г.* Санкт-Петербург. Издательство Санкт-Петербургского университета. СПб, 1999. С. 24.

проблемы — стремление руководства Сербии, опираясь на исторические, этнические, религиозные и социокультурные факторы восстановить и укрепить свой контроль над обширными территориями со смешанным сербо-албанским населением и одновременный рост албанского национального самосознания, требовавшего от албанских лидеров попытаться расширить жизненное пространство и перекроить международно-признанные балканские границы. — в чем они и тогда, и теперь находили поддержку влиятельных мировых игроков.

Трудно отрицать, что «великоалбанская идея» на протяжении последних полутора столетий находится на подъеме. Как отмечал еще в 1982 г. — во времена социалистической власти Энвера Ходжи — один из правительственных чиновников тогдашней Албании Бечир Хоти, «албанские националисты имеют платформу, состоящую из двух пунктов... первый — создать то, что они называют этнически чистой албанской республикой, и затем объединиться с Албанией для того, чтобы создать Великую Албанию»¹.

В 1999 г. тогдашний посол США в Македонии Кристофер Хилл озвучил справедливую мысль: «Мы провели 1990-е годы в беспокойстве о «Великой Сербии». С этим покончено. В следующее столетие мы уверенно вступим, испытывая беспокойство из-за «Великой Албании».

Сами албанцы в лице, в частности, интеллектуальной элиты, предпочитают не использовать термины «Великая Албания» и «паналбанизм». Вместо этого активно применяется термин «албанский национальный вопрос», получивший всестороннее рассмотрение в обнародованном в 1998 г. в Тиране меморандуме Албанской Академии Наук под названием «Платформа для решения национального албанского вопроса». В документе данное понятие определялось как «движение за освобождение албанских земель от иностранной оккупации и их объединение в отдельное национальное государство»².

Далеко не все в самой Албании согласны со столь расширительной и категоричной трактовкой албанской национальной идеи. Среди скептиков — видный албанский интеллектуал Фатос Любонья, заявивший в апреле 2002 г., что «мечта албанцев о том, чтобы

¹ The New York Times. 1982. July 12.

² Platform for the Solution of the National Albanian Question, Albanian Academy of Sciences. Tirana, 1998. P. 5.

однажды объединиться, являлась частью их коллективного сознания, не становясь политической программой по причине того, что албанцы всегда были очень слабыми»¹.

Обнародованные в марте 2007 г. результаты исследования, проведенного Программой развития ООН в октябре-декабре 2006 г., показали, что лишь 2,5 % косовских албанцев считают объединение Косово с Албанией наилучшим способом решения косовского вопроса. И наоборот – 96 % из них выступили за то, чтобы Косово стало независимым в своих нынешних границах². Однако любые социологические опросы в специфических балканских условиях изначально обречены на значительную долю недоверия, а посему вряд ли могут служить надежной основой для долгосрочных прогнозов. Аналогичным образом вряд ли стоит особо доверять нынешним заклинаниям ведущих международных организаций об «уникальности» косовского случая и твердом намерении Объединенных Наций и «единой Европы» противостоять дальнейшему дроблению Балкан. В опубликованном 25 февраля 2004 г. докладе «Международной кризисной группы» утверждается, что «представления о паналбанизме гораздо более многоплановые и сложные, чем привычные черновые характеристики этнических албанцев, которым природно присущи склонности к созданию «Великой Албании» или «Великого Косово».

Поучительно, что и «Армия освобождения Косово», и «Национально-освободительная армия» (албанское вооруженное формирование, действовавшее в Македонии в 2000-2001 г. – П.И.) начали завоевывать народную поддержку соответственно в Косово и Македонии как раз тогда, когда они отошли от своих первоначальных паналбанских националистических целей и сконцентрировались на достижении больших прав для своих собственных народов. «Албанской национальной армии» (АНА; нелегальное вооруженное формирование в Косово, возникшее на базе АОК – П.И.), которая публично защищала идею «Великой Албании», никогда не удавалось завоевать народное доверие. Насилие в целях создания «Великой Албании» или любого изменения границ не является ни политическим популярным, ни морально оправданным»³.

¹ Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana, Brussels, 2004. P. 2.

² UNDP: Early Warning Report. 2007. March. P. 16.

³ Pan-Albanianism: How Big a Threat to Balkan Stability? Tirana, Brussels, 2004. P. 1.

Характерно, что на активно циркулирующих в настоящее время в Косово, Албании и других районах Балкан картах «Этнической Албании» (албанцы предпочитают использовать именно этот термин) ее столицей является не Приштина, и не Тирана, а Скопье.

Отсюда вытекает еще одна важная проблема, которую следует всесторонне рассматривать в рамках изучения истории Косово и сербо-албанских отношений — это история проекта создания на Балканах «Великой Албании», его теоретические корни, методы реализации и, главное, перспективы дальнейшей трансформации в нынешних балканских условиях.

Следующий ключевой вопрос, без изучения которого невозможно объективное понимание происходящего в Косово и в сербо-албанских отношениях, и который уже отчасти получил свое рассмотрение в российской и особенно сербской историографии, начиная с трудов одного из ведущих сербских специалистов в этой области Йована Цвийича, — это косовская демография; демография подлинная и мнимая, изучение тех факторов, которые привели к созданию нынешней этнической картины в регионе. Данные, относящиеся еще к периоду первой половины 1870-х годов, то есть к кануну Великого Восточного кризиса, когда косовская проблема впервые приобрела определенное международное звучание, свидетельствуют о том, что сербы составляли большинство населения Старой Сербии. Побывавший в интересующих нас районах в 1871-1877 гг. Милош Милоевич отмечал, что сербы составляют в нем большинство населения, и численно преобладают во всех городах, в то время как албанцы проживают в основном в селах¹. По его данным, албанцы-мусульмане преобладали в Южной Дренице, а албанцы-католики — в районах вокруг Дзяковицы, в то время как сам город являлся преимущественно сербским. Он также обнаружил несколько поселений турок, цыган и черкесов. В сербской литературе принято считать, что в 1876-1912 гг. Косовский вилайет покинули около 400.000 сербов². Особенно активно это процесс проходил в период греко-турецкой войны 1897 г.

Карта, опубликованная в 1876 г. германским историком Кипертом, а также данные, обнародованные Ю. Ханом и австрийским консулом

¹ Подробнее см.: *Vemić M. Ethnic Map of a Part of Ancient Serbia: According to the travel-record of Miloš S. Milojević 1871-1877. Belgrade, 2005.*

² См. например: *Николић К., Жутућ Н., Павловић М., Шнадијеф З. Историја за трети разред гимназије. Београд, 2002. С. 63.*

К.Саксом, свидетельствовали, что албанцы тогда проживали на большей части современного Косово. Однако все трое не решились говорить о численном преобладании той или иной этнической группы. По их данным районы Косовска-Митровицы и Косово-Поле были населены в основном сербами, а большую часть населения западных и восточных районов сегодняшнего Косово составляли албанцы-мусульмане¹.

В 1899 г. в Австро-Венгрии была обнародована новая статистика по Косово. Из нее следовало, что там проживали 182.650 албанцев (47,88 %) и 166.700 сербов (43,7 %). Оставшиеся 8,42 % косовского населения составляли цинцары, турки, черкесы, цыгане и евреи².

В конце XIX в. австрийский путешественник Спиридон Гопчевич обобщил и опубликовал в Вене собственные статистические наработки по отдельным городам Старой Сербии, подразделив проживавших там сербов на две группы — сербов-христиан и сербов-мусульман. По его данным, население Призрена составляло 60.000 человек. Из них 11.000 были христианскими сербами, а 36.000 — сербами-мусульманами. Оставшееся население было представлено турками, албанцами, цинцарами и цыганами. В городе Печ Гопчевич насчитал 2.530 семей. Из них 1.600 были мусульманскими, 700 — сербо-христианскими, 200 албанско-католическими и 10 — турецкими.

Посетивший Балканы британский журналист Г. Брайльсфорд был более категоричен в своих выводах. Он утверждал в 1906 г., что две трети населения Косовского вилайета уже составляли албанцы, а одну треть — сербы. Наиболее населенные западные районы Джняковицы и Печа имели от 20.000 до 25.000 албанских семей против 5.000 сербских³. Аналогичные выводы можно было сделать после ознакомления с этнической картой населения Косово, составленной Альфредом Стидом и опубликованной в 1909 г.

Германский ученый Густав Вайганд приводит следующие данные, характеризующие этнический состав населения Косово уже в 1912 г.:

- Округ Пришины: 67 % албанцев, 30 % сербов;
- Округ Призрена: 63 % албанцев, 36 % сербов;
- Округ Вучитрна: 90 % албанцев, 10 % сербов;

¹ Подробнее см.: *Wilkinson H.R. Maps and Politics; a review of the ethnographic cartography of Macedonia*, Liverpool University Press, 1951.

² *Detailbeschreibung des Sandzaks Plevlje und des Vilajets Kosovo (Mit 8 Beilagen und 10 Taffeln)*, Als Manuskript gedruckt, Wien 1899, 80-81.

³ *Brailsford H. N. Macedonia, Its Races and Their Future*. London, 1906.

Округ Феризия (Урошеваца): 70 % албанцев, 30 % сербов;
 Округ Гилан (Гнилане) 75 % албанцев, 23 % сербов;
 Округ Митровицы: 60 % сербов, 40 % албанцев.
 Кроме того, по данным немецкого ученого; к началу первой Балканской войны практически исключительно албанским являлось население Метохии с городом Джяковица (Дьякова)¹.
 О том, что за период с 1876 по 1912 гг. Старую Сербию были вынуждены покинуть около 150.000 православных сербов, писали в то время и другие исследователи².

Вспыхнувшее в 1911 г. албанское восстание против младотурецкого режима сопровождалось новым всплеском антисербского насилия. Во второй половине 1911 г. в Старой Сербии были зарегистрированы 128 случаев воровства, 35 случаев поджогов, 41 фактов бандитизма, 53 случая вымогательства, 30 случаев шантажа, 19 фактов запугивания, 35 убийств и 37 покушений на убийство, 58 вооруженных нападений на имущественные объекты, 13 попыток насильственной исламизации и 18 случаев причинения тяжких телесных повреждений. К 1912 г., спасаясь от албанского и турецкого этнического насилия из Старой Сербии в Сербское королевство бежали около 400 тысяч человек, и 150 тысяч человек по тем же причинам покинули Косово и Метохию — что составляло треть совокупного сербского населения этих областей. Тем не менее, в 1912 г. сербы все еще составляли почти половину населения Косово и Метохии. Согласно данным, опубликованным в 1911 г. Йованом Цвийичем, в Косово было 14.048 сербских домов, в Печи и его окрестностях — 3.826, и 2.400 сербских домов с приблизительно 200.000 жителей в районе Призрена. Сравнивая эти данные со статистическими сведениями, относящимися к периоду средневековья (когда в Косово и Метохии проживало приблизительно 400.000 сербов), Цвийич сделал свой вполне обоснованный вывод о том, что к 1912 г. в Сербию бежало около 150.000 косовских и метохийских сербов³.

И уже в 1911 г. — в разгар антитурецкой борьбы — будущий лидер правительства во Влере Исмаил Кемали открыто призывал албанцев

¹ Weigand G. Ethnographie von Makedonien. Leipzig, 1924.

² См. например: Gersin L. Altserbien und die albanische Frage. Wien, 1912. S. 29.

³ Подробнее см.: Цвийич Ј. Балкански рат и Србија. Београд, 1912; Дедијер Ј. Стара Србија, географска и етнографска слика // Српски књижевни гласник, XXX, 1912. С. 674-699; Батаковић Д. Улазак у сферу европског интересовања. С. 244-247.

изгонять «славян-христиан» при помощи ружей¹. И он же уже в бытность главой временного правительства призывал великие державы очистить «албанские земли» от славян и греков².

Идеи о том, какую роль земли Косово (или Старой Сербии) должны играть в возрождении Сербского государства, и какова та территория, которая может быть безболезненно включена в его состав, уже в начале XX в. отличались разнообразием. Они были детально проработаны, в частности, уже упоминавшимся ведущим сербским историком, этнографом и географом того времени Йованом Цвийичем — чьи взгляды в целом соответствовали подходам и вождениями сербских правящих политических и военных кругов. В опубликованной в ноябре 1912 г. статье «Балканская война и Сербия» он следующим образом определил границы Старой Сербии: Ново-Пазарский санджак, Косово-Поле, Метохия и некоторые области к югу от Шар-Планины. Эти границы, по его словам, были определены сербо-болгарским соглашением, которое провело линию Охрид-Велес-Крива Паланка, предусмотрев, что сами эти города перейдут Сербии. Кроме того, Й. Цвийич подчеркивал, что Старая Сербия «выходит узким поясом на Адриатическое море около Скадара, Леша и, вероятно, Драча». На основании личных впечатлений от посещения этих областей в 1900-1912 гг., Цвийич называл их «страной самой большой анархии и насилия, не только на Балканском полуострове, но и возможно в мире». По данным ученого, накануне первой Балканской войны в самой Сербии проживало порядка 150.000 сербских беженцев из Старой Сербии — и это только те, что был вынужден покинуть родные очаги еще в 1876 г. — в разгар Великого восточного кризиса — и которые «имеют документы на право владения недвижимым имуществом». Они жили в значительной степени за счет правительства Сербии и «ожидают момента, чтобы вновь занять свою собственность».

Те же, кто остались жить в Старой Сербии под османским гнетом, по словам Й. Цвийича, подвергались всевозможному насилию, разорению и исламизации, сочетавшемуся с насильственным выселением сербов и их заменой на мусульманское население: «Нигде на Балканском полуострове турецкое управление не было столь опустошительным как здесь». По данным сербских источников,

¹ *Ekrem Bey Vlora. Die Wahrheit über das Vorgehen der Jungturken in Albanien.* Wien, 1911. S. 43.

² *Ekrem Bey Vlora. Lebenserinnerungen.* Band I, (1885-1912). München, 1968. S. 275.

в общей сложности в XVIII-XIX вв. из Старой Сербии в Королевство Сербия переселились около полумиллиона человек. Основной пик переселения пришелся на периоды после сербских восстаний 1804-1813 гг. и сербо-турецких войн 1876-1878 гг. Оставшиеся подвергались насильственной исламизации; в результате чего значительная часть косовских албанцев, по словам Й. Цвийича, имели сербское происхождение.

Тем не менее, по его словам, на территории Старой Сербии к началу первой Балканской войны имелось «значительное число сербов». Учитывая отсутствие в Османской империи точной статистики сербского населения, Цвийич приводит следующие приблизительные данные: на 900.000 сербов, из которых до 300.000 человек исповедовали ислам (включая переселившихся в Санджак мусульман из Боснии), «арнаутшей» было до 200.000 человек, а еще 300.000-400.000 являлись настоящими албанскими колонистами. Таким образом, «старое и очень старое албанское население» представляло собой меньшую часть.

На основании вышеприведенных данных Йован Цвийич делал следующий вывод, который с готовностью был воспринят сербскими властями и общественным мнением: «Сербия и Черногория, следовательно, имеют сильные гуманитарные и национальные причины и права, чтобы прекратить эти преступления и насильственные действия, которые осуществляются в отношении их соплеменников». Насколько, по его словам, «турецкое управление и албанские преступления и насилие» остаются во многом абстрактными понятиями, настолько для самой Сербии они являются «уничтожением нашего народа». Говоря словами ведущей российской исследовательницы Е.Ю. Гуськовой, хотя великие державы создавали независимую Албанию, сербское правительство не шло ни на какие уступки по поводу Косово и Метохии, называя их «святой землей» сербского народа, с которой начиналась сербская государственность.

Однако помимо освобождения сербского населения Старой Сербии от османского ига и насилия со стороны албанцев, Йован Цвийич сформулировал еще одну цель, достичь которой Сербия могла военным путем. Речь шла о получении того самого выхода на Адриатическое море через территорию собственно Албании,

¹ Подробнее см.: Гуськова Е.Ю. Кризис в Косове. История и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 5.

вокруг которого в 1912-1913 гг. разгорелись жаркие дебаты как в самом Белграде, так и на Совещании послов великих держав в Лондоне. Сербский ученый назвал получение подобного выхода условием освобождения страны от австрийской и турецкой блокады и подчеркнул, что именно стремление решить эту задачу во многом заставляет сербские власти «интересоваться территорией Старой Сербии». Напомнив об австро-венгерской таможенной войне и трудностях, с которыми Сербия сталкивается в вопросе транзита своих товаров через территорию Османской империи, Цвийич подчеркивал, что «сейчас уже каждый крестьянин на своей шкуре почувствовал то, что, как мне кажется, раньше всего отметили английские публицисты: то, что Сербия — обнесенная забором страна, а сербы — арестованный народ». По мнению автора, естественный выход на Адриатическое море лежал через территорию Старой Сербии и проходил по долине реки Дрин: «Только в результате выхода на Адриатическое море Сербия бы получила условия для экономической самостоятельности и оказалась бы удовлетворенной. Это — одно из главных устремлений в начавшейся войне» — заключил в ноябре 1912 г. Йован Цвийич.

Эта концепция в той ее части, которая касалась необходимости и возможности получения Сербией выхода на Адриатику через албанские земли, сразу же стала предметом жарких дебатов — особенно в условиях, когда стремление албанских лидеров создать автономную и даже независимую Албанию встречало сильную поддержку со стороны держав Тройственного союза. Сложившаяся ситуация всесторонне проанализирована, в частности, в работе сербского историка Д. Джорджевича «Выход Сербии на Адриатическое море и конференция послов в Лондоне в 1912 г.¹». В итоге единственным способом для сербских властей предотвратить появление у своих границ Албанского государства, опирающегося на поддержку, в первую очередь, Австро-Венгрии и Италии — причем последняя «стремилась к установлению протектората над Албанией»² — было «сыграть на опережение» и попытаться, говоря словами сербского историка Димитрие Богдановича, «охватить албанский народ каким-то сербским государством» — для чего активно использовалась концепция об общих историко-демографических корнях сербов и племен Северной Албании, через которую должен

¹ Подробнее см.: *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956.

² *Писарева Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975. С. 101.

был проходить сербский коридор на Адриатику. Кроме того, эту цель должны были преследовать и контакты, которые ко времени первой Балканской войны установились у Белграда с отдельными албанскими лидерами, и которые получили новый импульс после ее завершения. Как заявлял еще в начале 1906 г. видный сербский политик и государственный деятель Милован Милованович, отвечая на звучавшие из Софии обвинения в стремлении Сербии получить выход на Эгейское море через Салоники — «Сербия стремится к получению выхода на Адриатическое море и ради этого надо будет найти какую-то комбинацию совместной государственной жизни сербов и албанцев, так, как это и было до турецкого вторжения»¹.

Таким образом, манипуляции вокруг демографических данных, характеризующих этнический состав населения Косово, и разнообразные проекты обустройства этих земель, создававшиеся в коридорах власти великих держав и в балканских столицах, вплотную подводят нас к еще одной важнейшей проблеме, не получившей до настоящего времени своего строгого научного обоснованного решения. Речь идет об уже упоминавшихся нами своеобразных исторических корнях косовских албанцев и вообще албанского этноса.

В историко-публицистических трудах большинства албанских ученых — не говоря уже о политических лидерах — неизменно присутствует тема иллирийских корней албанского этноса. Эта же теория получила довольно широкое распространение в российской исторической науке, в исследованиях ряда албанистов, в частности, Н.Д. Смирновой. В ее трудах содержится богатый фактический материал по истории Албании и Косово, но многие ее выводы нуждаются, на мой взгляд, в серьезной корректировке. Помимо утверждений о глубоких исторических корнях албанского этноса, явно тенденциозным представляется тезис Н.Д. Смирновой о том, что в 1912 г. «правлящие круги балканских стран отказали албанскому народу в праве на независимость, рассматривая территорию Албании как объект дележа»². Ю.В. Иванова в своих работах также отдает должное иллирийской теории происхождения албанцев, называя «естественным» «вывод о преемственности, о переходе элементов иллирийской культуры непосредственно в культуру албанского этноса»³.

¹ Први Балкански рат, Београд, 1959, С. 48.

² Краткая история Албании. М., 1992. С. 233-234.

³ Там же. С. 26.

При всей яркости и внешней привлекательности теории иллирийских корней албанского и, в частности, косовско-албанского этноса, следует признать, что она не имеет под собой строго научного обоснования, что, в частности, аргументировано доказывает один из ведущих современных сербских историков С. Терзич. Принадлежащие к древней албанской истории архитектурные памятники отсутствуют – в отличие от сербского историко-культурного и религиозного наследия в Косово. Кроме того, многие исследователи – причем не только сербские, но и западноевропейские – высказывают серьезные сомнения в правомерности существования столь глубоких исторических корней албанского этноса, в том числе по причине позднего возникновения албанского национального движения в сравнении с аналогичными движениями среди соседних славянских народов и отсутствия вплоть до начала XX века единой албанской письменности и литературного языка.

Как указывают многие сербские ученые, в частности, С. Терзич, медленное течение процессов национальной интеграции среди албанцев предоставляло благоприятные условия для широкомасштабной акции, задуманной Австро-Венгрией. Ведь албанская элита, как и сама албанская нация, была разделена на три религиозные общины, состоящие из представителей различных социальных слоев, говорящих на различных диалектах. Для того чтобы преодолеть существующие различия, Вена приступила к реализации важных культурных инициатив: печатались и распространялись среди албанцев книги по албанской истории, написанные с австрийских позиций, готовились различные грамматические сборники, призванные содействовать созданию единого албанского языка, создавалась военная албанская форма. В качестве общей письменности был предложен латинский алфавит, дополненный знаками для передачи нестандартных звуков. Характерный факт: созданное в ноябре 1912 г. во Влере первое правительство так называемой независимой Албании было вынуждено подготовить декларацию независимости на турецком языке и писать свои распоряжения турецкими буквами, поскольку ни один из членов кабинета Исмаила Кемали не владел албанской латиницей.

Одной из важнейших культурных инициатив Австро-Венгрии стала теория об иллирийских корнях албанской нации. Она была создана в кабинетах австрийских и германских ученых и преобразована в более доходчивую форму для пропаганды среди албанцев. Албанцы были объявлены самым древним из современных народов

Европы, сложившимся на основе дороманских иллирийских элементов и племен пелазгов, имевших арийское происхождение. При этом дороманские корни албанцев, по мысли Вены и Берлина, давали им право поставить задачу объединения в одно государство всех земель, на которых они проживали до прихода на Балканы сербов и других славян.

Согласно одной из концепций, «албанцы представляли собой новую этническую формацию, появившуюся в начале средних веков в результате смешения различных элементов старых палеобалканских субстратов — иллирийских, дакийских (дарданских) и фракийских. Не следует говорить об албанцах как о прямых и непосредственных потомках иллиров или дарданов»¹.

Следовательно, районы Косово и Метохии, которые в настоящее время в своем большинстве населяют албанцы, не являются исконными областями албанского народа. Первое упоминание албанцев в истории относится к XI веку. Один из источников говорит об «Арбаноне», который находится в гористой области в центре современной Албании².

«Когда речь идет о сербско-албанских отношениях в Старой Сербии, — продолжает С. Терзич, — то обычно имеют в виду современную демографическую ситуацию, из которой потом делают вывод о существовании албанцев на этих просторах с самых ранних времен. Излишне доказывать, насколько это ошибочный и ненаучный метод. Области Косово и Метохия никогда в истории не входили в состав какого-либо албанского государства. Албанцы также вплоть до нового времени не были большинством населения в этой части Старой Сербии. Известно, что одно время в течение тринадцатого и первых десятилетий четырнадцатого века южная граница сербского средневекового государства проходила по реке Мат в современной Албании. После великих завоеваний сербского царя Душана в сербское царство вошла вся Албания, исключая Драч. Однако из этого исторического факта сербы сегодня не делают вывод об особых правах на земли, которые составляют нынешнюю Албанию.

Само название «Косово», которое сегодня широко употребляет европейская общественность, никогда не имело того значения,

¹ <http://www.guskova.ru/misc/balcan/1998-jul>

² Stadtmüller G. Forschungen zur albanischen frühgeschichte, zweite erweiterte auflage. Wiesbaden, 1966. S. 167, 173.

которое ему сегодня стремятся придать — как некоторое особое историческое и этническое целое, выделяющееся из всего сербского этнического простора и самого имени «Сербия»: Имя «Косово», прежде всего, связано со старым географическим понятием Косово-Поле, которым называлась равнина около рек Ситница и Лаб, огражденная со всех сторон горами. Только в новое время в конце XIX в. это понятие начинает расширяться, в результате названия турецкой административной области Косовский вилайет, который, кстати, охватывал всю Старую Сербию¹.

«Косовский парадокс» заключался в том, что исторической базой развития албанского национального движения и в том числе основой для обеспечения необходимого преобладания албанского этноса, в значительной степени являлась проходившая вплоть до конца XIX в. мусульманизация сербского населения в районах со смешанным сербо-албанским населением. Особенно активно она развивалась в тех районах, где сербский элемент был разрозненным вследствие исхода славянского населения после поражений войск антитурецкой коалиции в 1690 и 1737 годах. Как отмечал в 1913 г. Йован Цвийич, к середине XIX в. процесс омусульманивания православных сербов принял те же масштабы и тот же характер, который имели аналогичные процессы в отношении сербо-католиков районов Призрена и Джяковицы в XVII-XVIII вв. В то время о существовании албанской нации не решались всерьез говорить даже лидеры албанского национального движения, и статистика фиксировала принявших мусульманство сербов как турок. Но именно сербы-потурченцы в дальнейшем составили значительную часть албанского этноса, который заявил о своих правах в конце XIX в.

В первую очередь процесс омусульманивания затронул мужское сербское население. Еще в 1848 г. переписи сербского населения сообщали, что омусульманиванию подверглось не все сербское население районов Шкодера, Бело-Поля и Ново-Пазара, однако процесс уже шел полным ходом. «Новине читалишта београдског» от 12 марта 1848 г. рисуют следующую картину. «В этих районах никакие законы власти не действуют... В этих районах есть дома, в которых проживают два брата, один из которых верит в Христа, а другой — в Мухаммеда, один кланяется, а другой крестится. В некоторых домах по три брата, и все трое утверждают, что они турки,

¹ <http://www.guskova.ru/misc/balkan/1998-jul>

а их отец — серб, и таким образом сыновья кланяются, а отец крестится; а когда наступает Байрам, все вместе его отмечают, отец идет в церковь, а сыновья — в мечеть. В этих местах можно встретить и такое, когда два брата-турка, живя в одном доме, имеют одну жену-мусульманку, а второй — христианку, имя одной Анна, а второй — Назия». Особые масштабы процесс приращения албанского этноса за счет сербского элемента достиг в Метохии, в окрестностях Призрена, а также к югу от Шар-Планины.

Неудивительно, что уже накануне Первой мировой войны руководство Сербии активно использовало аргумент о сербских корнях албанского этноса для обоснования своих геополитических комбинаций — в том числе в дискуссиях с представителями наиболее враждебно относившейся к планам Белграда Австро-Венгрии. Впервые на межгосударственном уровне она была конкретно сформулирована сербским премьером Николой Пашичем 10 ноября 1912 г. в беседе с австрийским посланником в Белграде Угроном. Глава правительства отметил, что «Сербия стремится к экономической независимости, каковая не будет обеспечена ни выходом чрез принадлежащие Австрии Боснию и Герцеговину, ни чрез черногорскую территорию. Путь к Эгейскому морю далек и составляет сферу притязания других союзников. Естественно по сему, что Сербия направила взоры к Адриатическому морю, где для нее вовсе не чужие земли, а искони принадлежавшие Сербскому государству, населенные албанцами, которые по крови те же сербы и могут, конечно, рассчитывать на всемерную защиту Сербии»¹. Иными словами, этнический аргумент сербского происхождения косовско-албанского этноса выступал для Белграда важным средством ведения дискуссий с представителями великих держав относительно государственной принадлежности спорных территорий.

Сошлемся еще на один документ, относящийся к кануну первой мировой войны. В начале марта 1913 г. Певческий мост получил из посольства Сербии в России послание, в которой вопрос о сербских корнях албанцев Старой Сербии был поставлен в прямую связь с проблемой сербо-албанского разграничения. В документе, написанном по-русски, говорилось, что «из известий некоторых посланников выходит, что не все довольно ясно и решительно сообщили решение правительства (Сербии — П.И.): что мы не покинем

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 529. Л. 75.

Долину Дебарскую; Джаково и Ипек с долиной Белого Дрима; не смотря какое будет решение великих держав. Из этих краев может прогнать сербскую армию только более сильная армия. Эти края соединены неразделимо с Старой Сербией и разделены с Албанией высокими горами которые представляют географическую и экономическо-коммуникационную границу между Старой Сербией и Албанией. Арнауты в этих краях по происхождению сербы и теперь еще говорят по-сербски и не имеют никакой связи с приморскими арнаутом. Ипек, Джаково и Призрен лежат в колыбели Старой Сербии и полны монастырей, церквей, школ и святынь сербских. Эти края освободила сербская армия большими жертвами и никто не может ее заставить уйти оттуда кроме иностранной армии и то только в том случае как уничтожит сербскую армию.

Заявите откровенно, что мы этим не угрожаем, что это не шантаж, но, что мы сообщаем по должности, что не можем уйти из этих краев, если такое будет решение великих держав. Мы принесли великие жертвы для одержания мира и для осуществления Албании. Больше их не можем приносить, пусть произойдет самая кровавая война.

Слова эти заявляем потому, что, кажется, что великие державы не приняли это заявление так серьезно, как мы его сделали»¹.

Впрочем, стоит во многом согласиться с мнением сербского историка Димитрие Богдановича, которые в своей «Книге о Косово» подчеркивает, что, хотя Сербия и Черногория держали под своим контролем албанонаселенные районы Старой Сербии почти три года — до осени 1915 г. — «ни то, ни другое сербское государство не сумело предпринять какие-либо серьезные шаги в целях долгосрочного решения вопросов статуса и будущего албанского меньшинства». По его словам, «были предприняты определенные действия в плане аграрной реформы и колонизации, особенно в черногорской части Метохии, но они не имели большого эффекта, так как для этого не было ни времени, ни условий с учетом почти непрерывного военного положения. Албанское население Косово, Метохии и Западной Македонии со своей стороны предвкусало большую войну как повод, чтобы выйти из состава Сербии и Черногории».

¹ Архив внешней политики Российской Империи (далее АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2087. Л. 260-261.

С. Терзич следующим образом видит главные причины неудачи попыток властей Сербии и лидеров недавних антитурецких восстаний договориться накануне первой Балканской войны о создании единого фронта против Константинополя:

«Албанское национальное возрождение запаздывало по сравнению с другими балканскими народами, а его главными носителями были албанцы — православные и католики, занимавшие более высокую ступеньку социального и культурного развития. Албанцы-мусульмане, составлявшие большинство албанского населения, во время восточного кризиса были полностью на стороне Османского царства и самыми горячими защитниками теократического характера османского общества, сопротивляясь какой бы то ни было европеизации общества, не отделяя интересы албанцев от интересов всего Османского царства. Безусловно, ситуация менялась в конце XIX — начале XX вв., когда на политическое поведение албанцев вместо Турции стала влиять Австро-Венгрия, которая в албанском национальном движении видела удобное средство для осуществления своих имперских политических амбиций на Балканах. На главном направлении австрийских политических стремлений на Балканах, а в этих рамках и в отношении Старой Сербии находилась и поддержка... албанскому экспансионизму в Старой Сербии. В Вене считали, что вытеснение сербов из этой области — в интересах австро-венгерской балканской политики. Такая политика делала невозможным и попытки политического договора между сербами и албанцами для совместной борьбы против Турции. Накануне освобождения Старой Сербии в 1912 году политические лидеры Королевства Сербии стремились установить связи с представителями местных албанцев для совместной борьбы против Османского царства. Сербское правительство обратилось с прокламацией к албанцам, в которой наряду с другим говорилось, что сербская армия идет против Турции, чтобы освободить сербов и албанцев, что албанцам будет обеспечена мирная жизнь и защищено имущество, сохранены старые обычаи, что им будет гарантировано самим управлять своими школами и церквями. Однако, религиозная идентификация с оттоманской властью, а также сильное влияние Австро-Венгрии на политическое руководство албанцев были намного сильнее идеи балканской солидарности»¹.

С. Терзич имеет в виду направленное албанским лидерам сербским премьером Николой Пашичем в 1912 г. предложение рассмотреть

¹ <http://www.guskova.ru/misc/balcan/1998-jul>

вопрос достижения «соглашения, ведущего к объединению сербов и албанцев в Косовском вилайете»¹. Это соглашение предусматривало, что сербские государственные структуры (под юрисдикцию которых должен был перейти Косовский вилайет) гарантируют албанцам свободу вероисповедания, использование албанского языка в школах, в судах, а также в общинных и районных администрациях, восстановление (reinstatement) старых судебных обычаев и создание отдельной Ассамблеи, которая получала бы право принимать законы, касающиеся религиозных, образовательных и правовых вопросов². Кроме того, в албанонаселенных общинах создавалась бы албанская администрация и соответствующие административные районы.³

С секретной миссией в Косово были направлены два наиболее видных офицера секретной службы – будущий главный фигурант Салоникского процесса полковник Драгутин Димитриевич-Апис и Божин Симич. Они должны были заключить соглашение с Исой Болетини и Идризом Сефером о том, что албанцы не примут участие в предстоящей войне.⁴ Однако албанцы отвергли инициативы Пашича.

Сербскому правительству и албанским лидерам не удалось придти к согласию также по военному и финансовому вопросам, хотя лидеры албанского движения со своей стороны пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанонаселенных вилайетов Османской империи. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Однако Пашич, крайне встревоженный, по свидетельству российского посланника в Белграде Н.Г. Гартвига, «тем обстоятельством, что на сей раз восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»,⁵ отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей

¹ *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 170.

² *Ibid.* P. 170.

³ *Микић Ђ.* Албанци и Србија у балканским ратовима 1912-1913 // Историјски гласник. 1986. № 1-2. С. 60; *Станковић Д.* Никола Пашич и стварање балканске државе. Максистишка мисао. 1985. № 3. С. 157-169.

⁴ *Поповић Ч.* Рад организације «Уједињење или смрт» - Припреме за Балкански рат // Нова Европа. XVI: 1927. № 10-11. С. 313-315; *Jovanović M. Z.* Pukovnik Apis. Beograd, 1957, P. 649-651; *Savremenici o Kosovu i Metohiji 1852-1912.* P. 351-353, 381-383.

⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 353.

в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения».¹ Но и эти попытки окончились провалом.

Антисербские настроения среди албанцев питались не только их собственными национальными устремлениями — входившими в противоречие с территориальным расширением Сербии — и дипломатическими усилиями государств Центрального блока, — но и активностью балканских соседей, среди которых ведущая роль принадлежала определенным болгарским кругам. Уже в 1903 г. — в период Илинденского восстания — тесные связи установились между албанскими и македонскими лидерами. Дополнительный импульс они получили во время младотурецкой революции 1908 г. В первую очередь это относилось к Временной македонской революционной организации (ВМРО) и ее легальной структуре в Османской империи в лице Народной федеративной партии во главе с Димитром Влаховым и Янетом Санданским и левому крылу албанского национального клуба.² Подобные контакты полностью отвечали интересам Софии, где рассчитывали, что предоставление автономии албанцам сделает более вероятным аналогичный сценарий³ и в отношении Македонии — и начали оказывать содействие албанским лидерам уже во время албанского антитурецкого восстания в 1910 г.⁴

Пытаясь воспрепятствовать укреплению связей по линии «Албания-Македония-Болгария», правительство Сербии убеждало Софию в том, что появление на балканской карте самостоятельного Албанского государства представляет для болгарских интересов едва ли не меньшую угрозу, чем для сербских, ибо, как планировали в Вене, в ее состав должны войти не только Старая Сербия, но и три четверти Македонии. Болгарские власти не вняли предупреждениям Белграда, что, однако, не помешало двум государствам заключить в 1911 г. антитурецкий союз.

Неспособность Белграда не только переубедить Софию, но и обеспечить своим планам в отношении Албании благоприятное европейское общественное мнение не в последнюю очередь была связана с тем обстоятельством, что, как во многом справедливо подметил

¹ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2084. Л. 366.

² Подробнее см.: Историја српског народа. VI/1. С. 165-166; Историја на македонскиот народ. II. Скопје, 1969. С. 326-327.

³ Први Балкански рат. Београд, 1959. С. 83, 90.

⁴ Там же. С. 79.

сербский историк Д. Джорджевич, сербское руководство само не имело ясного представления о том, как следует решать албанский вопрос на тех землях, которые стали театром боевых действий в первую Балканскую войну: «Сербское правительство придерживалось точки зрения, что албанцы вообще не являются народом, а представляют собой лишь разобщенные и находящиеся в кровной вражде племена без общего языка, письменности и веры». Исходя из этого, в Белграде были уверены, что сербы возвращаются в свое отечество, которого они лишились четыре столетия назад, потеряв в противостоянии с турками Скадар и Северную Албанию. Албанцы же выступали на стороне турок, и потому сейчас (в 1912 г.) должны разделить их судьбу.¹

С началом первой Балканской войны перед албанцами встал непростой выбор – учитывая кровавое подавление турецкими властями албанских восстаний 1910-1912 гг. и помощь оружием, которую они получали в эти годы от сербского правительства. Однако в итоге возобладал лозунг, выдвинутый в Косово одним из албанских лидеров Исой Болетини: «Ислам в опасности». В том, что албанцы заняли стороны своих многовековых угнетателей, сыграли свою роль и австрийская и турецкая пропаганда, и опасения лишиться своих привилегий, которые они уже успели выбить из Константинополя. Кроме того, албанские лидеры опасались, что переход вилайетов с албанским населением под контроль Сербии приведет к изменению их этнической картины, в связи с чем влиятельные беи лишатся военно-политического влияния и доходов.² Как заявил тогда будущий отец независимой Албании Исмаил Кемали, «в момент опасности албанский вопрос перестает существовать».³ Собравшись 10 октября 1912 г. в Скопье, албанцы заявили, что они будут сражаться за Турцию в том числе тем оружием, которое они ранее получили от Сербии. Они также направили петицию великим державам (за исключением России) с требованием объединения албанцев, проживающих в Скутарийском, Косовском и Янинском вилайетах.⁴

¹ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 11-12..

² *Prvi Balkanski rat 1912-1913.* Beograd, 1959. S. 416.

³ *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 170.

⁴ *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 84.

Аналогичные собрания прошли в октябре в Дебаре и Приштине, на которых были поддержаны решения, принятые в Скопье. После этого турецкое правительство передало албанцам в Косово через Ису Болетини 63.000 ружей. Сам албанский лидер во всеуслышание пригрозил сжечь дома тех албанцев, которые откажутся защищать «турецкую землю».

Однако, несмотря на все усилия турецких властей, лишь малая часть этого оружия нашла своих обладателей. В ответ на объявленную турками мобилизацию лишь 16.000 албанцев собрались на границе с Сербией.¹ Как сообщал австрийский консул в Битоли, «во время периода мобилизации энтузиазм в пользу формирования отрядов башибузуков преобладал по всей Албании над стремлением получить статус батальонов редифа».² К тому же после взятия сербскими войсками Скопье албанцы окончательно разуверились в военно-политической состоятельности Константинополя.

Сербия со своей стороны также не теряла времени даром. Незадолго до начала первой Балканской войны ее представители встретились с албанскими лидерами Исой Болетини и Идризом Сефером, которые в предыдущие годы албанских восстаний установили с Сербией в целом дружественные отношения.³ Кроме того, сербские власти адресовали албанцам специальные обращения, в которых говорилось, что «албанцы получают защиту и будут рассматриваться в качестве друзей, но только до тех пор, пока они будут заслуживать такого обращения».⁴

Наконец, не дремала и австрийская пропаганда, призывавшая албанских мусульман и католиков с оружием в руках выступить против сербских войск и обещавшая, что австрийская армия выступит в их поддержку с территории Боснии.⁵

С этого времени проблема Косово приобретает новое звучание, в плане использования албанского национального

¹ Prvi Balkanski rat 1912-1913. Beograd, 1959. S. 417.

² Mikić Dj. The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 171.

³ Ђорђевић Д. Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону 1912. Београд, 1956. С. 53-54; См. также: Поповић Ч. Рад организације «Уједињење или смрт» - Припреме за Балкански рат // Нова Европа, XVI. 1927. № 10-11.

⁴ Mikić Dj. The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P.171; См. также: Prvi Balkanski rat 1912-1913. Beograd, 1959. S.294-296, 417, 432.

⁵ Ratković B. Prvi balkanski rat 1912-1913. Beograd, 1975. S. 246-247.

движения в качестве средства достижения геополитических интересов рядом великих держав и балканских государств – в первую очередь, Австро-Венгрией и Сербией. Кроме того, подъем национально-освободительного движения албанцев объективно создавал основу для взаимодействия с правительством Сербии на основе того, что их объективно объединяли интересы антитурецкой борьбы.

Две эти темы получили всестороннее рассмотрение в трудах российских и сербских историков. О месте Албании в планах Австро-Венгрии, Сербии, России и других государств в частности, идет речь в монографии М. Экмечича «Военные цели Сербии» - обоснованно назвавшего новообразованное Албанское государство «новой главной ареной беспорядков на Балканах»¹, и в исследовании М. Войводича «Скадарский кризис», посвященном одной из наиболее острых проблем становления Албании – вопросу принадлежности города Шкодер (Скадар).² Здесь следует отметить, что и российская печать того времени также весьма объективно оценивала происходившее на Балканах. В частности, комментируя итоги Балканских войн, газета «Рабочая правда» указывала, что ни одна из их первоначальных целей не была достигнута: Македония оказалась не освобожденной, а вновь поделенной на несколько частей и подчиненной чужому господству, а Сербия как была, так и осталась без выхода к Адриатическому морю. «Освободившись от турок, - говорит балканская буржуазия, - мы раз навсегда, продолжала газета, обеспечим мир на Балканах. И это оказалось ложью. Разорвав на части Македонию и получив австрийскую Албанию, балканские правительства создали два постоянных источника всяческих внутренних осложнений и постоянный предлог для иностранного вмешательства»³.

Говоря о международном аспекте косовской проблемы и ее изучении, здесь же следует отметить увидевшее свет в Белграде многотомное энциклопедическое издание документов, касающихся внешней политики Королевства Сербия – без ссылок на которое не обходится ни одно исследование этих проблем в сербской и российской историографии⁴.

¹ *Экмечич М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. С. 144

² *Войводић М.* Скадарска криза 1913. године. Београд, 1970.

³ «Рабочая правда». 27 июля 1913 г.

⁴ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903-1914, тт. IV-VI.

Что касается российских исследователей, то международные аспекты косовской и албанской проблем нашли свое отражение в трудах В.Г. Карасева и его последователей, которых принято объединять в понятие «школа В.Г. Карасева», в работах Ю.А. Писарева, Е.Ю. Гуськовой и других ученых. В частности, академик Писарев вывел в своих трудах четкую формулу, объяснявшую происходившее на Балканах накануне Первой мировой войны. По его словам, именно на Балканском полуострове «сталкивались и переплетались интересы противостоящих друг другу коалиций: Тройственного союза и Тройственного согласия, которые, готовясь к кровавой схватке, пытались заполучить на Балканах новых союзников»¹.

Впрочем, дело было не только в поиске новых союзников. По мнению А. Митровича, в период между 1908 г. и 1914 г. и особенно после первой Балканской войны «Австро-Венгрия путем ликвидации независимости небольшого соседа на юге хотела проложить путь к расширению на юго-восток и продемонстрировать мощь у себя дома, где ситуация складывалась неблагоприятно»².

Привлекательность балканского региона для «сильных мира того» определялась двумя обстоятельствами - незавершенностью процессов национально-государственного строительства и конфигурацией географической карты. Пожалуй, точнее всего данную особенность Балкан – выступавших и субъектом, и объектом исторических процессов – выразил М. Скакун, указавший, что «Балканский полуостров представлял собой часть Европы, где отсталые социальные отношения сохранялись намного дольше после того, как они были преодолены в других частях Европы», а это усиливало экономическую отсталость региона³. Вместе с тем, по словам историка, «его географическое положение, которое «открывает ворота трех континентов», сделало Балканы постоянной целью великих держав», вследствие чего «за их взаимными столкновениями и договоренностями относительно данного региона можно следить непрерывно, начиная с середины прошлого века...»⁴ По его словам, в мире нет другого региона, в котором за последние сто лет происходило бы такое количество крупных и менее значительных войн,

¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 3.

² Mitrović A. Prodor na Balkan. Beograd, 1981. S. 439.

³ Skakun M. Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277.

⁴ Ibid.

вооруженных столкновений, мятежей и восстаний. Вместе с тем, анализируя конкретную международную ситуацию в регионе, он приходит к выводу, что «балканская бочка с порохом» не являлась результатом воли самих балканских народов, а скорее выступала преимущественно как следствие эгоистических интересов великих держав. С другой стороны, интересы балканских народов являлись во всех исторических ситуациях более или менее схожими, а то и идентичными, но их правители толкали народы к взаимным столкновениям»¹.

Как уже говорилось выше, накануне освобождения Старой Сербии в 1912 году политические лидеры Королевства Сербия стремились установить связи с лидерами местных албанцев в целях организации совместной антитурецкой борьбы. В этот период в 1912-1913 гг. можно говорить о весьма активных попытках руководства Сербии и отдельных албанских лидеров установить взаимовыгодное сотрудничество, которое базировалось не столько на общности интересов, сколько подчас на финансовой выгоде — что, впрочем, отнюдь не приуменьшало важности такого сотрудничества.

Однако в период Балканских войн 1912-1913 гг. албанцы уже находились на главном направлении австрийских политических устремлений на Балканах, и, в частности, в Старой Сербии. Сербский историк, специалист в области сербо-албанских отношений, Душан Батакович так формулирует главные причины сложных взаимоотношений сербов и албанцев и неудачи попыток Белграда наладить прочное взаимодействие с албанскими лидерами: основную роль играли «многовековая приверженность большинства албанцев в Османской империи исламской структуре общества (в которой мусульманин имел привилегированный статус, которому христианин обязан был подчиняться)», вследствие чего сербам и албанцам даже при наличии общего неприятеля в лице Константинополя не удавалось «создать более постоянное политическое сотрудничество и достичь национальной и религиозной терпимости».

Кроме того, с подъемом албанского национального самосознания и параллельным развитием сербского и черногорского освободительного движения их взаимные интересы объективно получали почву для противоречий. В результате вместо совместной с другими балканскими союзниками борьбы против Османской империи албанские лидеры за редким исключением (в лице

¹ Ibid. S. 278.

Эссад-паши Топтани) сделали выбор в пользу реализации идеи этнической «Великой Албании»¹.

Однако именно Эссад-паша стал очень значимым исключением. Ему принадлежит особая роль не только в истории Албании рассматриваемого периода, но и в попытках сербского правительства установить контакты с албанскими лидерами на взаимовыгодной – в том числе и финансовой основе. Получая денежное содействие из Белграда, Эссад-паша Топтани не только информировал Сербию о происходившем на албанской сцене, но и использовал свое влияние для того, чтобы сорвать планы наиболее радикальных и националистических албанских лидеров в лице, прежде всего, Исмаила Кемали и Исы Болетини, по организации военных операций в Старой Сербии и Македонии для того, чтобы добиться присоединения соответствующих территорий к Албании. Как справедливо отмечает Д. Батакович, крупный албанский феодал понимал, что в условиях, когда соседние страны – в первую очередь, Греция, Сербия и Черногория, а также Италия – не скрывали своих претензий на районы Албании, он может укрепить свои позиции внутри Княжества, наладив контакты с балканскими союзниками. В его цели входило объединение под своей властью северных и центральных районов Албании с преимущественно мусульманским населением – что требовало опоры на Сербию, Черногорию и ту же Италию. По мнению Батаковича, в основе военно-политических маневров Эссад-паши однозначно лежал религиозный фактор. Он полагал, что менее обширная по территории, чем было предусмотрено решениями в Лондоне, но зато более гомогенная в религиозном смысле, окажется гораздо более стабильной, и потому считал своими стратегическими противниками как ориентировавшиеся на Вену североалбанские католические племена, так и православное население Южной Албании (которую греческие власти именовали Северным Эпиром). С этим и была связана его ориентация на православную Сербию – проявившаяся также и в годы первой мировой войны².

¹ Skendi S. *Albanian National Awakening (1878-1912)*. P. 438-463; Barti P. op. cit, P. 173-184; *Iirabak B. Arbanaski ustanci 1912 godine*. S. 323-350; *Mikić Dj.* The Albanians and Serbia during the Balkan Wars // East Central European Society and the Balkan Wars. New York, 1987. P. 165-196; *Kosovo und Metochien in der serbischen Gcschichte*. Lausanne, 1989. P. 311.

² Подробнее см.: *Батакович Д.* Ессад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године. Београд, 1986. *Балугрић Ж.* Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937. С. 521-522.

Кроме того, как точно указывает сербский исследователь Б. Храбак, Эссад-паша был единственным из албанских вождей, кто не ориентировался однозначно на настроенные антисербски Вену, Рим или Константинополь¹.

Те факты, которые уже содержатся в литературе и получили свое рассмотрение касательно взаимодействия сербов и албанцев, свидетельствуют о существовании таких вариантов решения проблемы Косово, которые могли бы базироваться на создании каких-то общегосударственных общенациональных структур. Имеется в виду, прежде всего, национальная программа сербских социал-демократов, которая была подробно проанализирована, в частности, российским исследователем В.Г. Карасевым, сербскими историками Д. Богдановичем, С. Димитриевичем, Д. Симеуновичем, Й. Дубовацем, В. Стругаром и другими. В частности, С. Димитриевич, говоря о феномене идеи Балканской федерации, выдвигавшейся Сербской социал-демократической партией, и ее последовательно антивоенной позиции, справедливо указывает, что тот факт, что «сербские социалисты вместе с другими балканскими социалистами первыми начали антивоенную борьбу в условиях уже объявленной в 1912 г. войны, первыми провели в жизнь антивоенные резолюции международных социалистических конгрессов, объясняется не просто тем, что они первыми столкнулись с соответствующими обстоятельствами. Такие обстоятельства имела и Итальянская социалистическая партия в 1911 г., в период ярко выраженной империалистической агрессии, во время итало-турецкой войны из-за Триполи; такие обстоятельства имели и многие другие социалистические партии в 1914 году.

Следовательно, занятие антивоенных позиций, проведение в жизнь принятых на международных социалистических конгрессах антивоенных резолюций и обязательств, являлись результатом соответствующих революционных качеств отдельных социалистических партий, а не только обстоятельств, которые им представлялись. Поэтому, в частности, позиция итальянских социалистов, которые не провели в жизнь упомянутые резолюции, то есть принятые обязательства, вызвала многочисленные протесты со стороны членов Интернационала. Поэтому антивоенные позиции

¹ Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988. С. 33-38.

балканских социалистов были с воодушевлением восприняты Социалистическим интернационалом»¹.

Как писал другой сербский историк Д. Симеунович, «самостоятельно и обосновано заложенная Светозаром Марковичем, развитая Митой Ценичем и другими, непрерывно освобождавшаяся от немарксистских включений, концепция партии сербских социалистов и социал-демократов достигла в трудах Димитрие Туцовича такого качества, которое позволяет рассматривать эту концепцию, при всей ее специфичности, в качестве преемницы марксистской мысли, которая с самого начала составляла ее основу, что являлось результатом недогматического и творческого подхода к теоретическим достижениям научного социализма и понимания того, что любые специфические условия политической акции определяют те или иные особенности принципов организации и деятельности»².

Оценки, данные сербским социал-демократам Д. Симеуновичем, перекликаются с мнением видного сербского специалиста по истории социал-демократии Й. Дубоваца. По его мнению, «социалистическая мысль в Сербии с момента основания Сербской социал-демократической партии и до первой мировой войны по сравнению с развитием этой мысли большинством социал-демократических партий — членов Интернационала — отличалась своей несомненной прогрессивностью»³.

Сербские социал-демократы сохранили «революционную свежесть» социалистической мысли и «после распада II Интернационала во время первой мировой войны, несмотря на то, что отдельные сербские социалисты, рассеянные во время войны по европейским странам, на протяжении более или менее длительного времени были подвержены влиянию различных консервативных течений в международном социалистическом движении. Огромное большинство сербских социалистов и их партия как целое после окончания войны вошли, через Социалистическую рабочую партию Югославии (коммунистов), в революционное, коммунистическое крыло международного рабочего движения сразу после его возникновения»⁴.

¹ *Dimitrijević S. Socijalistički radnički pokret u Srbiji 1870-1918. Beograd, 1982. S. 209-210.*

² *Simeunović D. Teorijski koreni partije. Beograd, 1986. S. 158.*

³ *Дубовац Ј. Развој социјалистичке мисли у Србији до 1918. године // Социјалистичка мисао у Србији. Књига прва. Београд, 1985. С. 28.*

⁴ Там же. С. 29.

Что же касается позиции ССДП и ее лидера Д. Туцовича по албанскому вопросу, то наиболее последовательным, прочным и всесторонним разрешением межнациональных вопросов на Балканах ССДП считала создание Балканской федерации (федерации балканских республик) — политического объединения, в которое должны войти на правах автономных членов все народы региона, в том числе сербы и албанцы. Эта идея была, в частности, положена в основу решений I Балканской социал-демократической конференции, состоявшейся в январе 1910 г. в Белграде. В своем докладе Туцович подчеркнул, что «объединение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах есть единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому объединению»¹. В принятой на конференции резолюции говорилось, что пресловутый балканский вопрос может быть эффективно решен лишь путем союза всех проживающих там народов, а именно «объединением хозяйственных сил, ликвидацией искусственно поставленных границ, обеспечением полной взаимности и общности в жизни и защите от общей опасности»². Как подчеркивалось уже в отчете Главного партийного управления ССДП X съезду партии, состоявшемуся 12-14 февраля 1914 г. (данный документ также был подготовлен Туцовичем), «без федерации нет ни мира на Балканах, ни самостоятельности и свободы для балканских народов»³.

Кроме того, как подчеркивал лидер ССДП, лидеры Сербии должны попытаться «создать условия для сближения Сербии и Албании, начать совместную работу; создать тесный союз, экономический и политический»⁴. Добиться этого сейчас, по мнению Туцовича, сложно, но, тем не менее, возможно, так как албанцы, стремясь к укреплению самостоятельности своей страны и своего народа, «примут искреннюю комбинацию балканской общности, которая бы их не подчинила какому-либо балканскому завоевателю и которая бы им предоставляла гарантии, что они не станут добычей капиталистических разбойников, Австрии и Италии»⁵. Как отмечает в этой связи С. Димитриевич, «новая социалистическая балканская политика была основана на братстве и независимости

¹ Туцовић Д. Сабрана дела. Књига трећа. Београд, 1980. С. 90.

² Там же. С. 99.

³ Туцовић Д. Указ. соч. Књига седма. Београд, 1980. С. 334.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же.

балканских стран и народов, демократических и интернационалистских подходах, ориентировалась на ликвидацию антагонизма и границ между народами Балкан, на объединение свободных народов этой территории».¹

Наконец, говоря о перспективных направлениях изучения истории Косово и сербо-албанских отношений, следует еще раз особо выделить анализ взаимоотношений сербского правительства и отдельных албанских лидеров, которые в то время развивались весьма активно. Та роль, которую играл в рассматриваемых событиях Эссад-паша Топтани, доказывает, что история сербо-албанских отношений отнюдь не сводится к перманентным вооруженным столкновениям и насилию над мирным населением. Поэтому исследование всех вышеперечисленных проблем исключительно важно не только с точки зрения конкретной истории предвоенного Косово, но, прежде всего, в целях развенчания идеологических мифов о том, что сербы и албанцы якобы исторически не приспособлены к тому, чтобы вместе жить и сотрудничать.

¹ *Dimitrijević S. Socijalistički radnički pokret u Srbiji 1870-1918. Beograd, 1982. S. 179.*

**Проблемы изучения военного фактора
в политической жизни Сербии 1903-1914 гг.
в советской и российской историографии**

В ночь на 29 мая (11 июня) 1903 г. в Сербии был осуществлен государственный переворот, в результате которого были убиты король Александр Обренович и его жена Драга, а престол достался Петру Карагеоргиевичу, что положило начало новому этапу развития сербской государственности. В эту же ночь были убиты братья королевы, глава правительства Д. Цинцар-Маркович и военный министр М. Павлович.

Переворот 1903 года был одним из редких случаев, когда вместо установления военной диктатуры, власть была передана демократически избранным государственным структурам¹. Сразу же после его осуществления была созвана Скупщина, с небольшими изменениями восстановлена конституция 1888 года, заметим, по форме и содержанию одна из самых демократических европейских конституций.

Этого же мнения придерживается значительный ряд российских и сербских исследователей, которые считают, что переворот 1903 года, получив поддержку широких слоев сербской общественности, и, отвечая интересам либеральной буржуазии, устранил главное препятствие на пути развития сербской парламентской системы, открыв тем самым новый этап сербской истории². Период 1903-1914 гг. был назван «золотой эпохой» сербской демократии, а сама страна представляется как «самое демократическое государство в мире»³

¹ Никифоров К.В. Парламентаризм в Сербии в XX веке. // Славяноведение. 2004. № 3. С. 7-20.

² См. напр.: Карасев А.В. Сербия и Черногория 1903-1914. Балканские войны.// На путях к Югославии: за и против. Очерки национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII-начало XX вв. М., 1997. С. 302-303. Подобная точка зрения изложена в работах сербского историка Радоша Люшича (*Љушић Р.* Историја српске државности. Србија и Црна Гора. Нови Сад, 2001. Књ. II. С. 216-220) и С.И. Данченко, которая пишет, что ликвидация Обреновичей стала главным положительным итогом «для сил демократии и парламентаризма в Сербии». (*Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. М., 1996).

³ Стојановић Д. Србија и демократија. Београд 2003. С. 7-8.

Одной из первых, среди представителей советской исторической школы, подобную позицию озвучила А.З. Нюркаева в опубликованной в 1977 году статье «Майский переворот 1903 года в Сербии»¹, которая, к тому же стала фактически первой работой, посвященной этому ключевому для политической истории Сербии, событию². Понятно, что, исходя из господствовавших тогда идеологических догм, автор подходила к проблеме переворота прежде всего с классовых позиций, отмечая, что в начале XX в. перед страной стояла необходимость решения задач «демократизации и национального объединения», в то время, как «мировая система капитализма вступила в последнюю, высшую стадию своего развития»³. Именно поэтому, по мнению автора, переворот, совершенный представителями «сербской национальной буржуазии под давлением широких народных масс, нельзя расценивать только как типично дворцовый». При этом автор характеризует его как «прогрессивное по своей сущности буржуазное явление», а уничтожение династии Обреновичей «было одним из результатов первого в истории Сербии значительного воздействия пролетарской борьбы на развитие этого государства»⁴. Роль офицерского корпуса, равно как и многие другие глубинные причины этих событий, страны остались вне поля зрения автора.

Интерес к изучению политической роли сербского офицерского корпуса проявлялся прежде всего в контексте исследования причин начала Первой мировой войны, а именно роли организации «Объединение или смерть» («Черная Рука») в подготовке убийства Франца Фердинанда. Эти события стали предметом рассмотрения известного отечественного историка Н.П. Полетики, опубликовавшего монографии «Сараевское убийство», и «Возникновение первой мировой войны», в основу которой легло более раннее исследование автора «Возникновение мировой войны»⁵. В то же время историк обратил

¹ Нюркаева А.З. Майский переворот 1903 года в Сербии // Вопросы истории. 1977. № 7.

² До публикации данной статьи можно, пожалуй, выделить только еще одну работу, рассказывающую непосредственно о событиях 29 мая 1903 года. См: Теплов В.А. Сербская неурядица. СПб., 1903.

³ Нюркаева А.З. Указ.соч. С. 69.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Полетика Н.П. Сараевское убийство. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903-1914 гг. Л., 1930. *Он же*. Возникновение мировой войны. Л., 1935.; *Он же*. Возникновение первой мировой войны. М., 1964.

внимание на проблему влияния офицерского корпуса на политическую жизнь страны. Так, оценивая итоги событий 29 мая 1903 г., и назвав сербские конституции «потемкинской деревней», созданной для того, чтобы «производить впечатление на иностранцев», историк отметил, что «Сербия является классической страной дворцовых и государственных переворотов, тайных покушений и убийств, помимо взяточничества, казнокрадства и продажной бюрократии. Вопреки распространенному у нас (благодаря стараниям Милюкова и других “славянофилов”) в период 1908-1917 гг. мнению, что Сербия – демократическая и патриархальная страна *par excellence*; влияние безответственных факторов в политической жизни Сербии выпирает наружу во все периоды сербской истории.<...> Движущей силой сербской политической жизни была армия; все попытки политических партий – либеральной, прогрессивной и радикальной – установить в государственной жизни известный режим юридической ответственности парализовывались, помимо противодействия военщины тем фактом, что эти партии приходили к власти путем государственного переворота. Династии правили страной постольку и до тех пор, пока опирались на армию»¹.

Автор проводит прямые параллели между событиями в Сараево и деятельностью «Черной Руки» и «Народной Обороны», отмечая, что покушение на Франца Фердинанда было одним из главных пунктов программы этих обществ. Он, в частности, пишет: «В 1910-1914 гг. руководители «Черной Руки» организовали шесть покушений на видных австро-венгерских сановников в южнославянских землях двуединой монархии. Сараевское покушение явилось последним, шестым по счету и получило более широкий политический резонанс, чем остальные, ему предшествовавшие»².

Причины выстрела в Сараево Н.П. Полетика прямо увязывал с деятельностью российских дипломатического и военного агентов – Н.Г. Гартвига и В.А. Артамонова. Он пишет, что Гартвиг, занимая в Сербии «совершенно исключительное положение», вел «политическую линию прямо противоположную директивам Петербурга», доказывая, что политика Пашича была прямым исполнением воли российского посла. «Но они могли подчиняться ей без всяких затруднений, так как интересы великосербской идеи совпадали со взглядами Гартвига»³.

¹ Полетика Н.П. Сараевское убийство. С. 107.

² *Он же*. Возникновение первой мировой войны. С. 18.

³ Полетика Н.П. Сараевское убийство. С. 400.

И, естественно, что убийство эрц-герцога Н.П. Полетика прямо связывает с интригами российского посланника. Он пишет: «Поэтому трудно предположить, чтобы Гартвиг, фактический хозяин Сербии, *vis movens* сербской политики, без визы и одобрения которого сербское правительство не совершало ни одного сколь-нибудь значительного шага, мог ничего не знать о заговоре. Еще более невероятно это и в отношении Артамонова, работавшего в тесной связи с Дмитриевичем».¹ По мнению историка, «Черная Рука», которую Гартвиг не мог контролировать, стала опасна для проведения его политики, что привело его к полной поддержке Пашича. Сербский премьер, в свою очередь, расставил для членов «Черной Руки» «опасные сети»².

Обвинение в организации покушения российских представителей, включая самого министра иностранных дел Сазонова, и составляет главный вывод автора. «Ведь если допустить, что это покушение было сознательно организовано сербским правительством с расчетом вызвать им войну (если конечно, Дмитриевич запрашивал Артамонова, а Артамонов, со своей стороны, запрашивал Петербург) то вся картина возникновения войны получает совершенно новое неожиданное освещение. Тогда окажется, что Сербия только выполнила «социальный заказ» Антанты создать повод для самого благоприятного варианта войны ее с Тройственным союзом. Тогда окажется, что сараевское убийство явилось организованным Антантой скрытым нападением на одного из членов тройственного союза — Австро-Венгрию, и что тезис Германии «на нас напали» (*wir waren angegriffen*) совершенно правилен. Правда, напали не открыто, а тайком, по-разбойничьи, но все-таки напали и напали первые»³, — писал Н.П. Полетика. Правда позднее, в связи с отменой в Сербии в 1953 году приговоров Салонинского процесса и публикацией соответствующих документов, в частности, показаний Аписа, он несколько смягчил свою позицию. Не снимая ответственности за развязывание войны с российских правящих кругов, автор указывает, что Артамонов, «проявил излишнюю доверчивость», давая Апису деньги на организацию разведки и фотосъемку Боснии, не зная, что они идут на подготовку покушения⁴.

¹ Там же С. 403-404.

² Там же С. 403.

³ Полетика Н.П. Сараевское убийство С. 411-412.

⁴ Он же. Возникновение первой мировой войны. С. 239-251.

В этом же контексте автором рассматривается нота, предъявленная Австро-Венгрией Сербии 23 июля 1914 года. По мнению ученого, австрийское правительство, зная о существовании «Черной Руки», могло потребовать от сербского правительства также преследования и этого общества, наряду с «Народной обороной». Однако о «Черной Руке» в ультиматуме ни слова не сказано. Этого не случилось, по мнению Н.П. Полетики, потому что «ее борьба с сербским правительством за “приоритет” не позволяла обвинить сербское правительство в содействии “Черной Руке” и участникам покушения. Сербское правительство могло бы сослаться на эту борьбу и тем скомпрометировать достоверность всех других улик, данных результатами сараевского следствия»¹.

Анализируя ответ сербского правительства, автор особо подчеркивает, что «уступчивость сербской ноты демонстративно противопоставлялась исключительно грубому и вызывающему тону провокационного австрийского ультиматума. Этим покорным тоном хотели, прежде всего, вызвать сочувствие к Сербии со стороны Европы и всего мира, и надо сказать, что авторы сербского ответа добились своей цели».² Кроме того, по мнению автора, сербские государственные деятели «трепетали при мысли о возможности повторения ситуации боснийского кризиса, когда Сербия была оставлена в одиночестве и брошена на произвол Австрии. Отсюда серьезные уступки и покорный, даже унижительный тон сербского ответа»³.

Н.П. Полетика сделал вполне обоснованный вывод: «Сараевское убийство явилось для Австрии удобным предлогом для того, чтобы, разгромив Сербию, восстановить превалирующее положение Австрии на Балканах, обезопасив себя в будущей “большой войне” от ударов с юга, со стороны Сербии, и получить возможность перебросить все силы против царской России»⁴.

Пожалуй, самым значительным и глубоким исследователем роли военного фактора и его влияния на политическую жизнь Балкан явился Ю.А. Писарев. Им был опубликован ряд исследований, в которых впервые в отечественной историографии была проанализирована деятельность Д. Дмитриевича и его соратников⁵. Оценивая

¹ Там же. С. 73.

² Там же. С. 44.

³ Там же.

⁴ Полетика Н.П. Возникновение первой мировой войны. С. 109.

⁵ См. например: Писарев Ю.А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии в 1905-1914 гг. М., 1962.; *Он же*. Сербия и Черногория в первой ми-

роль сербской армии в начале XX в., он писал: «Засилье военщины явилось признаком слабости сербской монархии»¹. В то же время историк последовательно отстаивал концепцию непричастности сербского правительства, равно как и российских правящих кругов, к событиям в Сараево, подчеркивая, что «многие исследователи оперировали теми версиями документов, которые были подготовлены оккупационными властями четвертного союза, захватившими в конце 1915 года территорию Сербии и Черногории»². Именно поэтому же Ю.А. Писарев критиковал труды известных сербских исследователей С. Станоевича и Л. Йовановича³, обвиняя их в тенденциозности и подтасовке фактов, особо отмечая по поводу трудов Л. Йовановича, что «бывший ближайший соратник сербского премьера, один из организаторов Салонинского процесса, поссорившись с Н. Пашичем, сводил с ним личные счеты»⁴.

Ю.А. Писарев сомневался в достоверности показаний Аписа, считая, что Принцип и другие участники покушения «не получали никаких заданий от Димитриевича и других руководителей организации «Объединение или смерть»; они действовали на собственный страх и риск, исходя из идейных мотивов»⁵. Исследователь подчеркивал только косвенную связь «Черной Руки» с событиями в Сараево, указывая, что «член общества майор В. Танкосич обучал террористов владению оружием. По его инициативе и с согласия Димитриевича-Аписа им были даны револьверы и бомбы. Не исключено, что при попустительстве членов союза офицеров пограничной заставы в Лознице – Г. Принцип и его товарищи перешли государственную границу между Сербией и Боснией.

ровой войне. М., 1968. *Он же*. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.; *Он же*. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия 1914-1915. М., 1990.

¹ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. С. 90.

² *Он же*. Тайны первой мировой войны... С. 11.

³ См. Станоевић С. Убијство аустројског престолонаследника Фердинанда. Прилози о питању о почетку светског рата. Београд, 1923.; Јовановић Л. После Видовдана 1914. «Крв словенства. Споменица десетогодишњице светског рата 1914-1924. Београд 1924.

⁴ Писарев Ю.А. За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917) // Новая и новейшая история. 1979. № 1. С. 116.

⁵ Там же С. 113.

Как свидетельствовал Димитриевич, позже он пытался приостановить эти действия, но не добился успеха. Посланный им в Боснию Д. Шарац запоздал и не смог предотвратить террористический акт»¹. Исследователь ссылаясь на дневник члена «Черной Руки» Ч. Поповича, в котором он приводил содержание своей беседы с Аписом летом 1915 г. По свидетельству Поповича, Апис, узнав от Танкосича, что несколько омладинцев хотят отправиться в Боснию и убить престолонаследника, сказал, не подумав, — «Дапусти их!», не думая, во-первых, что покушение удастся, а во-вторых, что это может стать поводом для войны². Именно поэтому взгляды Н.П. Полетики также были подвергнуты Писаревым резкой критике. Он отметил, что «историк остался в старом мире своей молодости и незрелых суждений. Он не захотел или не смог перестроиться и воспринять достижения науки и не дал себе труда ознакомиться с новыми документами, которые в корне опровергают старую концепцию»³.

Современные исследователи рассматривают политическую ситуацию в Сербии и роль военных организаций в большой степени в контексте исследования деятельности российского генерального штаба и его военных агентов. Появился и ряд специальных исследований, наиболее значительными из которых, являются работы М. Алексеева «Военная разведка России»⁴, Е.Ю. Сергеева и Ар.А. Улуяна «Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе 1900-1914 гг.»⁵, Е.Ю. Сергеева «"Иная земля, иное небо..." Запад и военная элита России (1900-1914)»⁶, В.И. Шеремета «Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам военной разведки»⁷.

Изучение данной проблематики имеет глубокие научные перспективы. Реакция Сербии как молодого постреволюционного

¹ Там же. С. 114

² Там же. С. 115.

³ *Он же*. Российская контрразведка и тайная сербская организация «Черная Рука» // Исторически часопис. Београд, 1994. Књ. XXXIX (1992). С. 188.

⁴ Алексеев М. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II т. 1-2. М., 1998.

⁵ Сергеев Е.Ю. Улуян Ар. А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах: 1900-1914. М.: 2003.

⁶ Сергеев С.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России (1900-1914 гг.). М., 2001.

⁷ Шермет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. По материалам военной разведки. М., 1995.

общества на вызовы со стороны европейской цивилизации Нового времени была далеко неоднозначной, что коснулось, с одной стороны – динамики изменения политического режима и его легитимизаций, степени доступа к власти различных групп населения и контроля за ней, с другой – наложения новой системы на базовые культурные ценности, коллективную идентичность и ее ответ на происходящее в стране. В этой связи проблема функционирования сербской политической системы и влияние на нее «внешних» сил представляется нам весьма интересной и может быть рассмотрена в новом качестве, ибо к началу XX в. ее функции активно пытались взять на себя другие институты сербского общества, пытавшиеся стать полностью независимой структурой внутри государства. Заметим также, что в начале XX в. не только Сербия, но и другие страны Балканского полуострова, оказались практически полностью подчинены воле собственных армий, которые стали определять политические ориентиры этих государств¹. Именно поэтому исследование особых параметров динамики общественных и государственных изменений в Сербии и на Балканах, в нашем случае тех социальных движений, которые отстаивали собственные концепции формирования и развития балканской государственности, продолжается².

¹ В последние годы был защищен ряд диссертаций, посвященных исследованию политической роли сербской офицерской элиты в начале XX века. См. *Винокуров В.С.* Роль армии в общественно-политической жизни Сербии в начале XX века (1900-1914) // Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. М., 2004. Курчатова О.М. Переворот в Сербии 29 мая 1903 г. как объект внимания внешней политики и общественного мнения России. // Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. ист. наук. Саратов, 2008.

² Можно выделить книгу *С.И. Данченко* Развитие сербской государственности и Россия. 1878-1903. М., 1996. в которой проанализирован процесс становления государственных структур Сербии и влияние на ход событий в стране различных общественно-политических сил, в том числе и армии. Политический кризис рубежа веков в контексте трансформации традиционных структур сербского общества является предметом изучения А.Л. Шемякина. См. напр.: *Шемякин А.Л.* Сербская национальная идея в 1878-1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. *Он же.* Никола Пашич. 1845-1926 // Пленники национальной идеи. М., 1993; *Он же.* Идеология Николы Пашича: Формирование и эволюция (1868-1891) М., 1998. *Он же.* Сербское общество на рубеже XIX – XX вв. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений. СПб., 2002; *Он же.* Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество. Опыт взаимодействия. М., 2009

Сербская историография о русско-сербских отношениях в ходе Первой мировой войны,

Уже восемьдесят лет Первая мировая война является предметом изучения не только сербских историков, но и иностранных исследователей, опубликовавших свои работы, на сербском языке. Естественно, что преобладают работы посвященные участию Сербии и сербов (в последнее время укоренился термин «западные сербы») в этом глобальном по своему масштабу событии. Принимая во внимание специфику изучаемого периода, атрибутами которого являются военные действия, вооружение, военная экономика, вполне естественно, что именно их рассмотрению уделено большее внимание, однако было бы неверным утверждать, что политические или так называемые «дипломатические» аспекты, в частности – военные цели, приобретение новых союзников, переговоры о заключении сепаратного мира, были оставлены в стороне. Особенности участия Сербии в Первой мировой войне явились причиной того, что были подняты темы, которых нет в историографиях других государств. Прежде всего, мы говорим о страданиях сербского населения, об интернировании тысяч сербов в лагеря Австро-Венгрии, об эпидемиях инфекционных заболеваний, о преступлениях оккупантов в Сербии, особое место занимают проблемы перевооружения сербской армии и отсутствия взаимопонимания с союзными великими державами в стратегических, военных и политических вопросах.

Военные цели Сербии, обнародованные в декабре 1914 г. (Нишская декларация), определили ее отношения со странами Антанты и с Россией. И это при том, что политика новых союзников (Италии, Румынии и Греции) с трудом согласовывалась с военной программой официальной Сербии, желаниями западных сербов и югославянской политической эмиграции, которые были едины в своем стремлении, в случае победы Антанты и распада Австро-Венгрии, создать югославянское государство путем объединения трех народов: сербов, хорватов и словенцев.

В итоге эта цель была реализована, что в свою очередь повлияло на появление большого количества работ в самом Королевстве

Югославия, и еще больше книг было опубликовано в так называемой второй Югославии (1945-1991 гг.) Авторы являлись современниками и участниками событий: политики, публицисты, и в более позднее время – профессиональные историки.

Если целью является историографическое исследование отношений Сербии со странами Антанты, и в связи с этим – с Россией, неизбежно должна быть рассмотрена историография периода создания Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Сербская историческая наука богата не только исследованиями проблем, связанных с Первой мировой войной, она достигла существенных результатов в изучении историографии как таковой, что значительно облегчило нам работу по созданию историографии сербско-русских отношений в Первой мировой войне.

Драгослав Янкович, бывший руководитель Отделения исторических наук Института общественных наук в Белграде, профессор Юридического факультета и ректор Белградского университета в начале 60-х годов XX в. написал два историографических обзора трудов, темой исследования которых было образование югославянского государства в 1918 г.¹

Сербских историографических исследований о сербско-русских отношениях в ходе Первой мировой войны, кроме того, что сделал Янкович, практически нет. Но в предисловиях большинства монографий о Первой мировой войне, напечатанных до 2007 г. и претендующих на звание научного исследования, содержатся обзоры источников и литературы. В них можно найти перечень исследований и статей, в которых в той или иной степени рассматриваются отношения Сербии и России в 1914-1918 гг.

Результаты исследования обозначенной темы могут быть изложены несколькими способами: 1. Публикация массива документов в сборниках (один том или серия томов) или единичных документов в журналах или научных периодических изданиях, например, в ежедневных или еженедельных газетах. 2. Издание отдельных

¹ *Janković. D. Radovi o stvaranju jugoslovenske države objavljeni između dva svetska rata. // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1966. Br. 3-4. S. 79-103; O posleratnim radovima na istoriji stvaranja jugoslovenske države. // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1962. Br. 2. S. 68-87. В предисловии к своей книге «Сербия и югославянский вопрос в 1914-1915 гг.» (Србија и југословенско питање 1914-1915. године, Београд, 1973) Янкович указывает, что в Югославии «с 1962 г. по настоящее время (1973), то есть за последнее десятилетие, по этой теме опубликовано еще около 15 книг и около 150 статей, исследований и т.д.»*

исследований. 3. Публикация статей и исследований в периодических научных и других журналах, которые имеют определенный стиль изложения.

Это давняя практика, характерная для историографической науки, не зависимо от степени ее развития.

Когда и как, в каком жанре, то есть в каком виде научного сообщения будет опубликована работа, зависит от развитости историографии (доступность архивных материалов, материальные средства); кадрового потенциала; политических пристрастий; самоцензуры историка; рынка (конкуренции).

Принимая во внимание все вышесказанное, возникает вопрос, который и является предметом нашего исследования, каково состояние сербской историографии, что послужило причиной этого состояния в целом и в отдельных случаях.

Сербские историки, создатели сербской историографии, начиная с 1919 г. разделяли судьбу своего народа. При этом мы имеем в виду характер государства, состояние науки, организованность и эффективность работы архивных служб, библиотечного дела, научных учреждений, помимо высших учебных заведений, влияние режима, правящей идеологии и рынка.

Во все времена любое государство, каждое по-своему, пытается узнать правду о прошлом, и потом привносит ее в сознание своего народа как истину. В XX в. сербы жили на той же территории, но не в обособленном государстве, без своего режима и без отдельной политической и общественно-экономической системы. Это отразилось не только на их жизни в целом, но и на исторической науке. Жизнь в трех Югославиях сказалась и на сербской историографии, подразделенной на три периода, что обязывает нас рассмотреть заявленную тему поэтапно.

* * *

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев отсутствовали объективные возможности для развития исторической науки. Не было ни организационных, ни кадровых возможностей. Профессиональных историков было мало, и эпизоды, связанные с русской историей, находились вне их поля зрения. Первая мировая война в то время являлось только что свершившимся событием, и недоступность необходимых архивных материалов не позволяла профессиональным историкам применять методы исторической науки, что, впрочем,

не останавливало журналистов и политиков¹, участников недавних событий, писать о них. Так журналист Милан П. Джорджевич уже в 1922 г.² опубликовал книгу, которая интересна для нашей темы, поскольку в ней содержится около 20 русских документов дипломатического характера. Документы касались переговоров великих держав, которые окончились заключением Лондонского договора 26 апреля 1915 г. под давлением стран Антанты на Сербию с тем, чтобы последняя уступила часть Македонии Болгарии.

Эти документы Джорджевич получил от Миты Димитриевича, бывшего секретаря сербского дипломатического представительства в Петрограде. Между тем Димитриевич эти документы получил с разрешения большевиков, позволивших ему сделать с них копии. Впрочем, о существовании этих документов общественность знала, поскольку большевики обнародовали их в своем печатном органе «Правда»³.

Самое раннее, но неполное описание отношений Сербии и России в Первой мировой войне появилось в 1925 г. в работе чешской исследовательницы Милады Пауловой о Югославянском комитете⁴. Исследуя деятельность югославянской политической эмиграции и ее приверженцев в России, Паулова затронула тему добровольческого движения и военной организации сербов, чехов и югославян в России. Для нашей темы добровольческое движение в России представляет интерес потому, что это был один из путей обновления военной силы Сербии, в чем Россия принимала активное участие (разрешение набора добровольцев, размещение, финансирование, пропитание, вооружение).

Спустя год после опубликования работы Пауловой в Белграде было торжественно отмечено (лекции, статьи в газетах) формирование в 1916 г. 1-ой сербской добровольческой дивизии в Одессе. Войин Максимович, бывший начальник штаба упомянутой дивизии

¹ Это Никола Стоянович, Франко Поточняк, Стоян Протич, Хинко Хинкович, Богумил Вошняк и др.

² *Ђорђевић М. П.* Србија и Југословени за време рата 1914-1918. Београд, 1922.

³ «Тайный договор Англии, Франции, России с Италией об их помощи Италии в отторжении сербско-хорватских областей Триеста и Южного Тироля, Албании, греческих островов, части Малой Азии и Африки взамен на их вооруженные действия против Австрии и Германии и о недопущении вмешательства Папы ради прекращения войны» // «Правда». 28 ноября 1917.

⁴ *Paulova M.* Jugoslovenski odbor (povijest jugoslovenske emigracije za svijetskog rata 1914-1918). Zagreb, 1925.

опубликовал об этом содержательное исследование¹. Интересный текст мемуарного характера о добровольцах в России написал Душан Семиз, член миссии (Д. Семиз, Блаже Рукавина, Сибе Миличич, Мустафа Голубич), которую сербское правительство в июле 1915 г. направило в Россию для вербовки добровольцев².

Из наиболее старых книг, опубликованных в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, в которых можно найти некоторые сведения по нашей тематике, можно назвать объемный труд историка Джорджа Еленича³. В один ряд с упомянутыми книгами можно поставить и две публицистические работы. Первая принадлежит немецкому журналисту и политику (депутату Социал-демократической партии в рейхстаге) Герману Венделю, вторая – сербскому дипломату и политику Йовану Йовановичу⁴.

В большей степени политические, нежели научные, предпосылки повлияли на публикацию многотомного сборника сербских документов военного характера, в которых можно найти некоторые политические сведения, имеющие отношение к союзническим великим державам⁵.

С вхождением русских эмигрантов в сербское общество в Королевстве Югославия (образование, наука, культура, экономика, здравоохранение) изучение исторических сюжетов, связанных с Россией, оживилось: в основном они были связаны с литературой, филологией, славистикой, историей (история права и Византии). Новейшая история осталась без внимания. Если оставить вопрос о недостатке профессиональных историков в стороне, главная причина этого крылась

¹ *Максимовић В.* Прва српска добровољачка дивизија 1916-1926. Споменца. Београд, 1926.

² *Semiz. D.* U Rusiji 1915 i 1916. Nova Evropa. Br. 12 od 11 juna 1929.

³ *Јеленић Ђ.* Нова Србија и Југославија – историја националног ослобођења и уједињења Срба, Хрвата и Словенаца од Кочине крајине до Видовданског устава. Београд, 1923. Д. Јанкович в приведенном историографическом очерке указывает, что книга Еленича, «как и книга Джорджевича, содержит в себе сербскую, соответственно великосербскую и националистическую теорию объединения, написанную в духе и с позиций радикальной политики Пашича в югославском вопросе».

⁴ *Вендел Х.* Борба Југословена са слободу и јединство. Београд, 1925; *Јовановић Ј.* Стварање заједничке државе Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1928—1930. Књ. 1-3.

⁵ Велики рат Србије са ослобођење и уједињење Срба, Хрвата и Словенаца. Историјско одељење Главног Ђенералштаба Краљевине СХС. Београд, 1924-1940. Т.1-31. Д. Јанкович (в ЈИЧ № 3-4/ 1966) утверждает: «На стр. 69 ЈИЧ №2/1962 ошибочно указано, что в сборник вошло 30 книг; на самом деле перед войной, в 1940 г. была опубликована 31-я книга».

в том, что возможность использовать сербские и русские архивные материалы сошла на нет в начале XX в. Публикация весьма содержательного советского сборника документов: «Международные отношения»¹ не подтолкнула ни одного сербского историка начать изучение отношений Сербии и России во время Первой мировой войны вплоть до 1941 г.

* * *

Возникновение второй Югославии (1945-1991) явилось результатом революции (1941-1945), и в первые годы своего существования (1945-1949) она строилась по советскому образцу. Резолюция коммунистического Информбюро (основано в сентябре 1947 г.) от 28 июня 1948 г. о состоянии Коммунистической партии Югославии (КПЮ), а также ответ ЦК КПЮ на нее открыли период весьма сложных отношений СССР и ФНРЮ (1949-1955). В Югославии отношение к тем, кто поддержал Резолюцию, было особо суровым, жестоким и нетолерантным. В средствах массовой информации, в КПЮ и в обществе в целом была создана холодная атмосфера. Одним из неблагоприятных последствий было то, что в самой КПЮ была ликвидирована возможность дискуссии. И это пагубно отразилось на общественной науке и, соответственно, на историографии.

Изучение отношений сербов и русских, их государств – Королевства Сербии и Российской империи – в первое десятилетие существования ФНРЮ, государства, которое прославляло падение царизма в России (Октябрьскую революцию), и которое само сломало монархизм и капитализм в собственной стране, было непривлекательным. Антисоветские и антироссийские настроения в обществе обеспечивали самоцензуру ученых, и те, в свою очередь, избегали тем, связанных с Россией. Этому способствовала и пропаганда КПЮ, которая в оправдание своего сопротивления Все-союзной коммунистической партии большевиков (ВКП(б), нашла объяснение своей политики в прошлом. Утверждалось, что русские никогда не помогали сербам и югославам, и поэтому неудивительно, что произошла размолвка (появилось искусственное клише: Сталин – Тито). Очень быстро это воззрение, которое не отвечало объективной исторической реальности, стало догмой. Из

¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878-1917. М., 1931-1938. серия III. В этой серии вышло 12 томов, документы, начиная с 14 января 1914 до 13 апреля 1916 г.

партийных и общественных кругов оно перешло в учебники и настолько укоренилось, что до сих пор нередко можно услышать тех, кто ее поддерживает. Неприятие этой догмы в то время приводило к столкновению с могущественной правящей партией, режимом, а принятие ее значило измену основам науки, основам объективности. Но выход был: не касаться сербско-русской темы.

Популяризация и побуждение к изучению новой истории сербского народа¹ не было в поле зрения КПЮ. Это проистекало из политики партии в отношении сербского национального и государственного вопроса. Под ударом был так называемый великосербский национализм, сербская гегемония, интегральный югославизм, унитаризм. И до, и после захвата власти КПЮ культивировала догму, что главная опасность таится в великосербском национализме, и с успехом оживила миф, что сербская нация – нация угнетателей, что, в свою очередь, создало комплекс у части сербских коммунистов и сербского народа. Но в то же время, это благоприятствовало образованию новых национальностей (македонской и черногорской). А писать о Первой мировой войне, из которой вышло Королевство Югославия, с научной точки зрения было невозможно, поскольку этот подход шел вразрез с политикой КПЮ. Также нельзя было писать о союзнических отношениях с царской Россией, которая была истинной внешнеполитической опорой Королевства Сербия.

Хорошим примером вышесказанного является книга о добровольцах в России, результат работы группы авторов, изданной Военно-историческим институтом ЮНА². Книга написана на основе оригинальных материалов самого Корпуса, однако в ней не использованы материалы сербской дипломатии, русские архивы и документы Югославянского комитета. Ограниченная источниковая база является недостатком этой работы, а ее тенденциозность и пристрастность усиливают этот недостаток; во всех тяготах и поражениях добровольческого движения и Корпуса обвиняется сербское правительство, но в то же время скрывается факт малочисленности хорватов и словенцев в нем, так, например, в первой сербской добровольческой дивизии (1916), элитном подразделении Корпуса, было больше чехов, нежели словенцев. И, наконец,

¹ Исторический институт Сербской академии наук основан в 1948 г., занимался изучением истории сербского народа до 1914 г.

² Југословенски добровољачки корпус. Београд, 1954.

авторы переврали название Корпуса, назвав его «Югославский добровольческий корпус», в то время как сначала он назывался «Сербский добровольческий корпус», а потом «Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев».

Недостаток этой книги, да и других работ о добровольцах в России¹, заключается в том, что их авторы занимались второстепенными вопросами, и именно это побудило меня заняться данной темой². В работах Храбака рассмотрена революционизация русской (и сербской) армии в России, что являлось прологом Октябрьской революции, деятельность «Черной руки» в России, которая была направлена на дискредитацию сербского правительства и регента Александра. Если «Черная рука» хотела расстроить отношения Временного правительства России с сербским правительством (март – октябрь 1917 г.), то это стремление не увенчалось успехом. Такой результат уменьшает релевантность темы о «Черной руке».

Работа Храбака о Р. Йовановиче³ является довольно слабой, поскольку не вызвала никаких последствий. Статья содержит много информации, рисует портрет Йовановича (и благосклонное отношение к нему автора), его патриотизм, его симпатии к большевизму, что было не понятно его начальнику Н. Пашичу, председателю сербского правительства. Наконец, Йованович был забыт советской общественностью и Пашичем и томился в Советской России до 1923 г.

Трактовка важнейших проблем в отношениях Сербии и России в ходе Первой мировой войны появилась в середине 50-х годов XX в., но не в авторском исследовании, а в сборнике документов⁴. А. Мандич являлся членом Югославянского комитета и его представителем

¹ *Hrabak B.* Komiteti u jugoslovenskoj dobrovoljačkoj vojsci u Rusiji 1917. godine. Istorija XX veka. Beograd, 1962. III; *Hrabak B.* Delatnost članova udruženja «Ujedinjenje ili smrt» u Rusiji 1915-1918. godine. Istorija XX veka. Beograd, 1965. VII.

² *Popović N.B.* Nastanak Srpskog dobrovoljačkog korpusa u Rusiji 1914-1916. Vojnoistorijski glasnik, Beograd, 1974, 2-3. Југословенски добровольци у Русији 1914-1918. Зборник докумената. Приредио Н.Б. Поповић. Београд, 1977.

³ *Hrabak B.* Rad Pašičevog pouzdanika u Rusiji, dr Radoslava Jovanovića za vreme oktobarske socijalističke revolucije. Arhivski almanah, Beograd, 1958, I.

⁴ *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. Книга Мандича состоит из короткого предисловия, вводного исследования (он назвал это: часть первая, введение), с. 9-95 и второй части «Документы о дипломатической деятельности на Балканах и в России», с. 98-248. Подобная структура книги, вероятно, сподвигла историков (Янковича, Шепича) позиционировать ее как авторский труд, без принятого «подготовил», что охарактеризовало бы книгу Мандича как сборник документов.

в России. Мандич опубликовал 168 документов, из их числа 81 документ заимствован (переведен) из упомянутого сборника «Международные отношения» (т. V – VII). В них речь идет о дипломатическом давлении сил Антанты и России на Сербию с тем, чтобы она сделала уступки в пользу Болгарии взамен на ее вступление в войну против Центральных сил, затем о дипломатической борьбе вокруг заключения Лондонского договора, деятельности Франо Супило в России, добровольцах и т.д.

Спустя два года после публикации книги Мандича загребский историк Драгован Шепич начинает издавать исследования о деятельности Супило¹; о средиземноморском вопросе, миссии Л. Стояновича и А. Белича², а в 1970 г. он опубликовал свою фундаментальную книгу³. В этой хорошо обеспеченной документами книге для нашей темы особо важна ее вторая часть: «Югославский вопрос в межсоюзнических переговорах о компенсациях Сербии» (стр. 77-147).

Вместе с книгой Янковича о Корфской декларации⁴ книга Шепича стала краеугольным камнем качественной югославской историографии о югославянском вопросе и создании югославянского государства в 1918 г. Эти две книги, полезные каждая по-своему, дополнили друг друга, поскольку Янкович в своем исследовании рассмотрел тему изнутри, а Шепич в своей монографии рассматривал внешнеполитические факторы.

Д. Янкович продолжил изучение участия Сербии в Первой мировой войне⁵, сотрудничества с югославянской политической эмиграцией, а также трактовок югославянского вопроса в Сербии и ее военной программы в отношении югославянских земель Австро-Венгрии. Для нашей темы имеет значение первая глава (стр. 95-221): «Международная ситуация, в которой создавалась военная

¹ Šepić D. Iz korespondencije Frana Supila 1914-1917. Historijski vjesnik I i II. Zagreb, 1958 i 1959; Svjedočanstva suvremenika o radu Frana Supila 1914-1917. Historijski pregléd. Zagreb, 1963. Br. 3, 4; Supilo diplomat. Zagreb, 1961; Pisma i memorandumi Frana Supila 1914-1917. Beograd, 1967.

² O misiji Lj. Stojanovića i A. Belića u Petrogradu 1915-1916. godine. Zbornik Historijskog instituta JAZU. Zagreb, 1961. III. O misiji A. Belića i С. Станосвича в России 1916-1917 гг. см.: Трговчевих Љ.. Научници Србије и стварање југословенске државе 1914-1920. Београд, 1986. С. 116-124.

³ Šepić D. Italija, saveznici i jugoslovensko pitanje 1914-1918. Zagreb, 1970.

⁴ Janković D. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. godine. Beograd, 1967.

⁵ Јанковић Д. Србија и југословенско питање 1914-1915. године. Београд, 1973.

программа Сербии 1914-1915», и особенно ее первая часть: «Деятельность союзников по привлечению Болгарии, Италии и Румынии в 1914-1915 гг. и военная программа сербского правительства».

В тот же год, что и книга Янковича, появилась фундаментальная работа М. Экмечича¹, представляющая интерес не только для специалистов. Во второй главе («Кризис вокруг Болгарии и давление на Сербию с целью присоединения к Балканскому блоку», стр. 219-281) и в третьей главе («Кризис вокруг вступления Италии в войну и сотрудничество с хорватской политической эмиграцией», стр. 281-372) автор, опираясь на богатый источниковый материал, дает новую блестящую интерпретацию серии историографических проблем и недоразумений, открывает глубокие корни политики западноевропейских государств (союзников в войне) по отношению к Сербии и ее военным целям. В рамках этого анализа представлена позиция России и ее отношение к Сербии в 1914-1915 гг.

Возможность плодотворной работы в области исторической науки в СФРЮ в 60-е годы XX в. значительно изменилась. В первую очередь, улучшился политический климат, пропитавшись идеями либерализма в государстве, обществе, во всех сферах духовного творчества. Последствия этой перемены проявились в ослаблении самоцензуры историков нового поколения. Благоприятные условия для плановой научной работы были созданы благодаря государственной политике в отношении науки в целом. Это сказалось и на материальной стабильности научных учреждений, а именно — исторических институтов во всех республиках. В то же время выросла плеяда профессиональных историков, и был создан механизм взращивания молодых профессионалов. На философских факультетах были открыты специализированные аспирантуры, а в 70-е годы большинство магистров получили научную степень доктора исторических наук, то есть продолжили свою научно-исследовательскую работу.

Дух идеологии (КПЮ, а затем — Союза коммунистов Югославии) чувствовался в основании и работе институтов по изучению истории рабочего движения и КПЮ. Республиканские националисты и бюрократия финансировали свои институты, видя в них, в истории, основу своей государственности. В Белграде существовал Институт общественных наук и в его составе Отделение исторических наук,

¹ *Экмечич М.* Ратни циљеви Србије 1914. Београд, 1973. См. рецензию в «Југословенски историјски часопис». 1976. № 3-4. С. 212-233.

которое занималось так называемой «гражданской составляющей» югославской истории. В то же время в Белграде существовали Институт по изучению рабочего движения в качестве союзного учреждения и Институт по изучению рабочего движения Сербии как республиканское учреждение. В планах работы этих институтов сербско-русская тема не фигурировала.

В конце 60-х годов начался процесс распада югославского государства. Это проявилось в снижении компетентности и активности союзных инстанций (власти) и усилении, в ущерб федеральных, республиканских институтов. Некоторые союзные органы были ликвидированы, полномочия оставшихся были ограничены. Союзный совет по научной работе перестал функционировать. Та же судьба была уготована Институту по изучению рабочего движения. Его Первое отделение (по изучению югославского рабочего движения) было слито с Отделением исторических наук Института общественных наук, так был образован Институт современной истории (зарегистрирован 31 января 1969 г.). Этим объединением был обоснован отказ от изучения так называемой «гражданской и рабочей (революционной) компоненты», предметом исследования стала теперь история югославского государства и история СФРЮ. Внешняя политика Югославии стала важной частью плана и программы работы нового института.

Одновременно с появлением профессиональных историков и их трудов, возрастает заинтересованность издательств в опубликовании исследований по национальной истории, с риском быть обвиненными за популяризацию деятелей сербского национализма. Все же белградское издательство «Народна книга», благодаря возглавлявшему его тогда директору Видаку Перичу, историку по образованию, заключило договор с Институтом современной истории о совместной публикации книг, подготовленных Институтом. Первой публикацией, вышедшей благодаря этому сотрудничеству, был труд автора этих строк, который напрямую относился к теме данной статьи¹. До настоящего времени еще не появилась на сербском (как и на русском) языке монография под похожим названием. Те же издатели опубликовали объемный сборник воспоминаний, которые частично касаются нашей темы². Отдельные проблемные

¹ Попович Н.Б. Отноши Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977.

² Jugosloveni u oktobarskoj revoluciji. Zbornik sećanja Jugoslovena učesnika oktobarske revolucije i građanskog rata u Rusiji 1917—1921. Београд, 1977.

вопросы из комплекса сербско-русских отношений в ходе Первой мировой войны нашли освещение в отдельных статьях о Николе Пашиче¹.

Деятельность Николы Пашича была и остается одной из главных тем сербской историографии. В наше время появляется все больше книг различного характера и научной ценности, в которых описываются различные периоды его жизни и деятельности².

Вслед за книгами о Пашиче последовали хорошо обеспеченные источниками многотомные работы о короле Петре I³, Александре Карагеоргиевиче⁴, военачальнике Радомире Путнике⁵. В них можно найти кое-какие сведения и по нашей теме, как и в книге Петра Опачича⁶.

Рассматривая сербскую историографию об отношениях Сербии и России в годы Первой мировой войны в целом, неминуемо возникает вопрос о ее качестве. Качество состоит из нескольких критериев: первый – численность публикаций, то есть насколько сербские историки глубоко занимались проблематикой, насколько поднимали вопросы, сущностью которых были международные отношения, насколько определены, открыты проблемы, которые исследователь может изучать. Второе, какова источниковая база, не представлена ли она исключительно сербско-русскими материалами? Третье, уровень интерпретации, Четвертое, степень объективности.

Из всего вышесказанного видно, что тема нашей статьи более пятидесяти лет рассматривалась через призму национальной истории, а за последние три-четыре десятилетия являлась предметом специальных исследований, результатом которых стала публикация сборников документов и одной объемной монографии. Объективные причины вплоть до 70-х годов XX в. не давали возможности всесторонне и плодотворно заниматься этой проблематикой.

¹ Поповић Н.Б. Пашић и Русија 1917. године. Србија 1917. године. Београд, 1988. С. 175-179; Поповић Н.Б. Русофилство Николе Пашића // Никола Пашић живот и дело. Зборник радова са научног скупа. Београд, 1997. С. 223-244.

² Радековић Ђ. Пашић и Југославија. Београд, 1999.

³ Живојиновић Д.Р. Краљ Петар Карађорђевић – живот и дело – рат и последње године 1914 – 1921. Београд, 1994.

⁴ Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић - уједињење српских земаља. Београд, 1996.

⁵ Скоко С. Војвода Радомир Путник. Београд, 1984.

⁶ Опачић П. Србија и Солунски фронт. Београд, 1984. Второе дополненное издание под заголовком: Србија, Солунски фронт и уједињење 1918. Београд, 1990.

Результаты проведенных исследований показали, что толкнуло царскую Россию встать на сторону Сербии во время июльского кризиса 1914 г., когда было потрачено много сил ради спасения мира. В ходе первого года войны Россия была первым государством, предоставившим материальную помощь Сербии (кредиты, военная и медицинская помощь, питание). Что касается военных действий Сербии в первый год войны, то она вела их с успехом, однако была не в состоянии удовлетворить ожиданий союзников (страны Антанты) перенести военные действия на территорию Австро-Венгрии. В отличие от Франции и Англии, русский двор, верховное командование (Ставка) и правительство проявили понимание сербских аргументов, обосновывавших невозможность наступательных операций на равнинах Срема и Славонии.

В процессе усиления военной мощи сербской армии (1915), а позднее и в процессе обновления ее сил (1916—1917) Россия предоставила значительную помощь, хотя у нее самой были большие проблемы с обеспечением своей армии.

Россия, как и другие государства Антанты, изначально знала о военных целях Сербии. Естественно, что главной целью последней была защита своей отчизны, государства. Россия все это понимала и оказывала поддержку. Но генеральная цель — образование югославского государства, путем объединения в одном государстве сербов, хорватов и словенцев — вошла в конфронтацию с политикой великих держав, стремившихся привлечь на свою сторону новых союзников (Италию, Румынию, Болгарию, Грецию). Эти европейские нейтралы торговались за свое вступление в войну на стороне Антанты. Их требования касались частично сербской государственной территории, частично сербской национальной территории и частично южнославянского этнического пространства. Первоначальная заинтересованность западноевропейских стран и России в 1914-1916 гг. заключалась в том, чтобы Сербия отказалась от части своей государственной территории (Вардарская Македония), части сербской национальной территории (Банат) и населенных югославянами территорий на восточном побережье Адриатического моря.

Терпя это давление, Сербия упорно объясняла свою военную программу союзным правительствам и европейской общественности. Исключительный успех это имело в России. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что царская Россия в конце 1916 г. и начале 1917 г. пришла к заключению, о необходимости поддер-

жать военные цели Сербии. Царская Россия не сделала заявления, но его озвучило Временное правительство России в марте 1917 г., пришедшее к власти после Февральской революции.

Сербское правительство в ходе 1917 и 1918 г. продолжило политику, где главной опорой была Россия. Оно было уверено, что ее военная программа не противоречит принципам русской революции (включая и Октябрьскую).

Дальнейшее изучение отношений России и Сербии в Первой мировой войне может стать более масштабным и усилить источниковую базу как уже изученных, так и открытых вопросов. Можно поднять и новые проблемы; особо это касается военной сферы, позиции русской общественности, политических партий, церкви, однако сомневаюсь, что уже имеющиеся результаты и выводы будут поставлены под сомнение.

(перевод Н.С.Пилько)

Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918-1929 гг.) в трудах югославских и российских ученых: основные направления историографии

В социалистической Югославии в первые послевоенные десятилетия изучение межвоенного периода имело вид идеологического суда над буржуазной политической системой, над «классом, свергнутым с власти» в ходе недавней «народной революции». Оценки деятельности большей части политических персонажей были догматически predeterminedены. Для их изложения не требовалось ни четкой аргументации, ни добросовестного использования источников, ни даже научного аппарата¹. В связи с этим до 1960-х годов уровень работ, посвященных истории Королевства СХС, был весьма невысок.

Примером служит коллективная монография «Из истории Югославии 1918-1945» (Белград, 1958 г.) – результат совместных усилий историков Белграда и Загреба. По их мнению, смысл событий 1920-х годов, приведших к установлению королевской диктатуры, сводился к борьбе представителей буржуазии различных областей. В Чубрилович писал: «Буржуазии отдельных югославских народов, за исключением части крупного финансового и промышленного капитала не сразу удавалось наладить экономические взаимоотношения и организовать совместную эксплуатацию богатств нового государства»². Формально работа дает однотипную классовую, наднациональную оценку всему югославскому капиталу, занимавшему «контрреволюционные» позиции. Однако основные усилия направлены на вынесение приговора сербской политической и военной элите, которая, по словам М. Марьяновича, с позиций «великосербского централизма» осуществляла «национальное угнетение всех несербских народов»³.

Добиваясь низвержения противника, проводники официальной идеологии не гнушались и самыми абсурдными заявлениями. Одно из

¹ Показательна 2-томная «Istorija gradanskih stranaka u Jugoslaviji» (Beograd, 1952), по неподтвержденной информации написанная в титовской «шарашке» «буржуазными» сербскими историками и предназначенная «для внутреннего пользования».

² Čubrilović V. Uvod u istoriju Jugoslavije od 1918 do 1945. // Iz istorije Jugoslavije 1918-1945. Zbornik predavanja. Beograd, 1958. S. 12.

³ Marjanović J. Karakter, forme i specifičnosti Narodne revolucije. // Iz istorije Jugoslavije... S. 419.

наиболее заметных – «разоблачение» роли сербской армии в разжигании межнациональных противоречий в 1918-1920 гг.: «В результате захвата Хорватии... сербское войско понесло одно из своих наиболее значительных поражений, унижений и падений. Из освободительной и победоносной армии оно превратилось в обычную насильническую жандармерию... которая палками и оружием борется против своих братьев»¹.

Характеристики деятелей «федералистского блока» и, в первую очередь, Степана Радича, в официозных коллективных трудах определялись тем, что всякий враг централистов, то есть, фактически, сербов, заслуживает благосклонности². С. Радичу отдавалось должное за «антиклерикализм», за то что, как и югославские коммунисты, он был сторонником «федеративного» устройства страны. Реакционность же его состояла в том, что, возглавив движение масс против централизма, он тормозил их революционный порыв и вскоре стал марионеткой в руках крупной буржуазии³.

С 1960-х годов начинается активное изучение межвоенного периода, основанное на использовании значительной источниковой базы. Это дает исследователям возможность самостоятельной подходить к анализу истории Королевства СХС, привлекая материалы по своему усмотрению и акцентируя внимание на тех или иных эпизодах недавнего прошлого. Отметим, что одним из главных факторов, определявших направления развития исторической мысли, явилась растущая самостоятельность отдельных республик и не спадающая актуальность национальных противоречий. В результате, целью большей части исследований становится трактовка политических и национальных конфликтов не в свете учения об их вторичности по отношению

¹ *Janković D.* Društveni i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca uoči stvaranja Socijalističke radničke partije Jugoslavije (komunista). // *Istorija XX veka, Zb. Radova*. I. Beograd, 1959. S. 86-93.

² Об этом свидетельствует и тот факт, что в титовское время было опубликовано несколько сборников выступлений межвоенных хорватских «федералистов», в которых они, по мнению составителей, представлены с лучшей стороны: *Radić Stjepan.* Politički spisi. Zagreb, 1971; *Korespondencija Stjepana Radića.* Zagreb, 1972-73; *Trumbić Ante.* Izabrani spisi. Split, 1986. и др. В то же время не было издано ни единого сборника, иллюстрирующего идеологию сербянских партий – Радикальной, или хотя бы менее «великосербской» Демократической.

³ *Hasanagić E.* O nacionalnom pitanju u Jugoslaviji; *Marjanović J.* Političke partije Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca (1921-1929). // *Iz istorije Jugoslavije...* S. 233, 237, 218; См. также: *Dedijer V.* Jugoslavija između centralizma i federalizma. // *Istorija Jugoslavije.* Beograd, 1973.

к экономическим отношениям, а в контексте развития идеологии национальной эмансипации.

В первую очередь это касается хорватской литературы, проделавшей с 1960-х гг. до нашего времени недолгий путь от титовского югославизма до откровенного национализма и апологетики хорватских «апостолов» (С. Радича, А. Трумбича, В. Мачека и др.), а также в значительной степени мифологизировавшей историю межвоенного времени.

Зачинателем традиции следует считать Ф. Чулиновича, в первом томе дилогии «Югославия между двумя войнами» (Загреб, 1961.) создавшего картину мучительной борьбы своих единоплеменников за собственные «права» на фоне междоусобицы членов «белградской клики» по поводу первенства в эксплуатации народных масс «пречан»¹. Более поздние историки лишь дополнили полотно своими деталями и значительно притушили «красные» и югославистские тона.

Мифологизации подвергся и политический процесс, предшествовавший созданию Королевства СХС. Согласно Ф. Чулиновичу, его суть состояла в борьбе Югославянского комитета с «великосербским сепаратизмом» Н. Пашича, «препятствовавшего работе по освобождению и объединению югославянских земель»². Позднее американско-хорватский историк И. Банац («Национальный вопрос в Югославии», 1984 г.)³, описывая объединение югославян, придерживался той же линии, что и его старший коллега. Политика Белграда характеризовалась словосочетанием «великосербский экспансионизм»⁴.

¹ Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком - для обозначения югославян новоприосоединенных территорий в целом.

² Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 32, 35. Все этапы объединения трактуется как победы югославянской иди и, соответственно, поражения лидера радикалов. Подписанис Корфской декларации – первое «отступление» Пашича. Манифест 1 декабря 1918 г. – второе. Нишскую декларацию, появившуюся еще до создания Югославянского комитета, автор не упоминает.

³ Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995; См. также: Banac I. Bosnian Muslims: From Religious Community to Socialist Nationhood and Postcommunist Statehood," in Mark Pinson, ed. The Muslims of Bosnia-Herzegovina: Their Historic Development from the Middle Ages to the Dissolution of Yugoslavia. Cambridge, Massachusetts, 1993; Он же. Zašto liberalna Hrvatska kasni: glavni pravci hrvatske povijesti u dvadesetom stoleću. // Liberalna misao u Hrvatskoj. Prilozi povijesti liberalizma od kraja 18. do sredine 20. stoleća. Zagreb, 2000.

⁴ Banac I. Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 91.

В наследство от межвоенных хорватских политиков историкам – Ф. Чулиновичу, Л. Бобану, И. Петриновичу – достался тезис о «продаже» сербами на Парижской мирной конференции хорватских территорий¹: «Все время, имея перед глазами интересы Сербии, он (Пашич) отдавал предпочтение решению проблемы границы с Албанией... а не решению проблемы границы с Италией»².

Проявившаяся во время войны враждебность официального Белграда к хорватам нашла свое выражение в якобы насильническом характере политики, проводимой сербскими властями после объединения. Речь идет, во-первых, о «преступлениях» сербской армии, совершенных в «пречанских» областях после войны. Во-вторых, – об экономической «эксплуатации» Хорватии. Ф. Чулинович, И. Банац и И. Мужич («Степан Радич в Королевстве сербов, хорватов и словенцев». Любляна, 1987)³ в первом случае говорят о массовых избиениях сербскими военными хорватских крестьян⁴. В качестве примера нанесения экономического ущерба приводится «дискриминационный» обмен австро-венгерских крон на динары, инвентаризация скота на случай военной реквизиции, а также неравномерное налогообложение Сербии и «пречанских» регионов⁵.

Резюмирует описание хорватских несчастий Босилька Янятович: «В период между 1918 г. и 1928 г. Хорватия утратила автономность, территориальную целостность (!? – А.С.); а также право демонстрировать собственную национальную идентичность. Политическая, национальная и экономическая целостность Хорватии была разрушена. Результатом этого стало неравноправное положение Хорватии хорватов по отношению к Сербии и сербам»⁶.

¹ Čulinović F. Op.cit. S.302. Boban Lj. Ante Trumbić: Život i djelo. // Život i djelo Ante Trumbića. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991. S. 10-11.

² Petrinović I. Ante Trumbić. Politička shvaćanja i djelovanje. Zagreb, 1986. S. 202.

³ Mužić I. Stjepan Radić u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Ljubljana, 1987.

⁴ Чулинович в качестве единственного доказательства насилия приводит некий документ, относящийся к 1919 г., в котором сербский полковник на вверенной ему территории в качестве наказания назначает палочные удары. Автор, по собственному признанию, не имея доказательства практического применения данного приказа, тем не менее называет его одной из главных причин революционизирования обстановки в Хорватии. Банац, описывая избиение палками - «batinanje», - ссылается на Чулиновича.

⁵ Banac I. Op.cit. S.181-182. От неравного налогообложения больше других страдала Воеводина, в которой наиболее многочисленную этническую группу составляли сербы.

⁶ Janjatović B. Karađorđevićevska centralizacija i položaj Hrvatske u Kraljevstvu (Kraljevini) SHS. // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1995. № 1. S. 55.

В еще большей степени, чем разоблачения политики Белграда о политизированности хорватской историографии свидетельствуют оценки деятельности С. Радича. С годами они становились все более хвалебными, что привело к его фактической канонизации. Ф. Чулинович разрывался между желанием выставить Радича в лучшем свете и необходимостью критики его «мелкобуржуазной» сущности. К жалости автора, в биографии лидера ХРКП было слишком много эпизодов, которым при всем желании «тяжело найти оправдание». К ним относится сотрудничество в 1919 г. с итальянскими оккупантами (ради «освобождения Хорватии от сербского ярма»). Дурные средства дискредитировали вполне достойную цель. За «капитуляцию» ХРКП в 1925 г. и вхождение в правительство радикалов Ф. Чулинович называет лидеров партии «оппортунистами», но тут же отмечает, что на этот шаг они пошли «под давлением силы, вопреки репрессиям централистского правительства»¹. В остальном же на сотнях страниц читатель подводится к мысли, что Радич, возглавив национально-освободительное движение хорватского народа, сыграл прогрессивную роль. В отличие от Пашича, Радич был чуть ли не главным защитником Югославии. Однако многократно повторяющееся как заклинание утверждение, что Радич был не сепаратистом, а «сторонником федерализма» опровергаются словами самого Ф. Чулиновича, что лидер ХРКП боролся за «государственный суверенитет Хорватии», ее «полную государственность»².

Третья часть книги Банаца, посвященная деятельности ХРКП и почему-то называемая «Твердая оппозиция», больше напоминает агиографическое, чем научное творчество³: «В хорватской истории не было никого, похожего на него... Романтик и, все-таки, прагматик, С. Радич засверкал в хорватском небе подобно великолепному сиянию кометы». Как и Чулиновича, неординарность Радича-политика сподвигла Банаца на новые откровения в искусстве апологетики. «Враги называли его сепаратистом, а он целые письма своей жене писал кириллицей... Хорватские чистоплюи считали его ненадежным союзником...; а он однажды сказал: "Я горячо желаю только того, чтобы меня как можно больше хорватов полюбили так, как я люблю

¹ Čulinović F. Op.cit. S. 291.

² Ibid. S. 159, 290.

³ См. также: Janjatović B. Državne uze, post i samica: suđenje Stjepanu Radiću 1920. // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1997. № 1.

весь хорватский народ»». И, наконец, «называли его демагогом, а он свои речи произносил почти шепотом».

Ф. Чулиновичу, И. Банацу и прочим хорватским авторам присущи тщетные усилия обнаружить в словесном потоке, извергнутом Радичем, элементы какой-либо рациональной идеологии. Бесперспективной кажется попытка выявить общность квази-республиканства ХРКП и современных западных политических идеологий. «Он всегда подчеркивал, — пишет Банац, — что республиканский строй тождественен устройству традиционной хорватской задруги. Республиканская модель, предлагаемая им, имела много общего с западными парламентскими системами. Эти системы отличает противодействие милитаризму, приверженность правам человека и применение федерального принципа...»¹.

Все хорватские исследователи истории Королевства СХС предпочитают не писать о сотрудничестве Радича с сербской Народной радикальной партией (НРП) и его отношениях с королем Александром. Мало внимания уделяет этому Ф. Чулинович. И. Банац вообще заканчивает свое повествование на 1923 г., будто после этого «национальный вопрос в Югославии» перестал существовать. Превращение пламенного республиканца в монархиста неподходящий сюжет для повести о «твердом оппозиционере». В сборнике речей Радича, подготовленном Звонимиром Кулунджичем, нет выступлений периода существования коалиции ХРКП-НРП².

Тем же путем пошел И. Мужич — автор наиболее объемистой монографии, посвященной лидеру ХРКП³. За главой «Арест и капитуляция как единственный выход» сразу следует «Продолжение борьбы на старых позициях». Под топор самоцензуры попали полтора содержательных в политическом отношении года. Книга Мужича знаменует новый этап эволюции образа Радича в исторической литературе. Политик предстает в роли хорватского праотца Авраама и пророка Моисея в одном лице: «... Радич окончательно завершил формирование хорватской нации... и спас хорватскую идентичность». И в заключение: «Вся культурная и политическая деятельность С. Радича, а также вся его жизнь, была проникнута только христианскими принципами, ... чувство ненависти было ему незнакомо, ... такова была его натура»⁴.

¹ Banac I. Op.cit. S. 186, 194.

² Radić Stjepan. Politički spisi. Zagreb, 1971.

³ Mužić I. Op.cit.

⁴ Ibid. S. 7, 299, 62.

Монография И. Мужича представляет особый интерес, так как написана с откровенно националистических позиций. Их автор не маскирует ни коммуно-югославистской (как Ф. Чулинович), ни псевдолиберальной (как И. Банац) риторикой. По И. Мужичу, главными заслугами Радича были прозорливость в определении враждебности сербов по отношению к хорватам и последовательность усилий по разрушению Югославии во имя создания независимого хорватского государства.

* * *

Таким образом, в своем творчестве вышеперечисленные авторы, как правило, руководствовались соображениями, далекими от науки¹. Не столько критический анализ своего прошлого, сколько идейное обслуживание националистической политики являлось целевой функцией исторической литературы социалистического и постсоциалистического времени². Ключ к эффективности не в убедительности доводов, а в многократном повторении общих для «аграриста» и коммуниста, сегодняшних «либерала» и ультранационалиста прямолинейных тезисов, первым из которых был радичевский «догмат»: «Сербские правители – тираны и убийцы, занятые истреблением всех других несербских народов и национальных групп»³.

Непрерывность пропаганды, ее преемственность из поколения в поколение обеспечивалась изначальной близостью взглядов хорватских сепаратистов и коммунистов на общего врага – сербское государство. Свет на происхождение консенсуса проливает белградский историк

¹ Из хорватских исследователей, которые не ставили перед собой задачу разоблачения «великосербского шовинизма» следует в первую очередь упомянуть Х. Матковица – автора двух трудов, один из которых посвящен деятельности партии Хорватское объединение (Хорватское объединение. К проблеме изучения политических партий в старой Югославии. 1963), а другой – С. Прибичевичу, лидеру проживавших в Хорватии сербов (Светозар Прибичевич и Самостоятельная демократическая партия до Шестоянварской диктатуры. Загреб, 1972). Заслуживает упоминания «Экономическая история Югославии», вышедшая из под пера М. Мирковича

² *Jezić M. Problems of understanding XX-th century history of Croatia: University of Zagreb.* (<http://www.dalmatia.net/croatia/history/jezic.htm>); *Stipetić Z. Obmane i samoobmane: jugoslavenska integralistička inteligencija u Hrvatskoj 1918 – 1941.* // *Spomenica Ljube Bobana* (1933 - 1944). Zagreb, 1996; *Janjatović B. Izborni teror u Hrvatskoj 1923 – 1927.* // *Časopis za suvremenu povijest, Zagreb, 1996. № 1–2; Она же. Politički teror u Hrvatskoj 1918.-1935.* Zagreb, 2002; *Она же. Stjepan Radić - progoni, zatvori, suđenja, ubojstvo - 1889.- 1928.* Zagreb, 2003; *Macan T. Hrvatska povijest.* Zagreb, 2004; *Pavlicević D. Kratka politička i kulturna povijest Hrvatske.* (<http://www.hic.hr/books/pavlicev/>)

³ Самоуправа. 30 септембра 1924.

Мира Радоевич: «Хорватскому движению были близки лозунги КПЮ, называвшие Югославию искусственным творением и тюрьмой народов, призывавшие к «освобождению» Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины от сербской гегемонии... Коммунистическая партия Югославии, сочувствующая ХКП, стремящаяся к союзу с ней,... стремилась навязать хорватскому движению свою программу. Однако... случилась обратное: коммунисты не увеличили свое влияние в ХКП, а растворились в ней»¹.

В то же время, Чулиновичу, Банацу и прочим следует отдать должное, — к выполнению своей задачи они подходили со всей основательностью. Авторская политизированность в большей части описанных работ завуалирована их источниковой фундированностью, высокой эрудицией, стоящей за сделанными выводами. Со всей ясностью научная ущербность аргументации хорватской историографии периода СФРЮ проявилась в «аскетичных» работах некоторых послевоенных и современных отечественных исследователей, которые механистически воспроизвели коминтерновские и хорватские националистические идеологические клише.

Через призму роста «революционного движения народных масс» смотрели на события межвоенного периода авторы второго тома «Истории Югославии»² Ю.А. Писарев и В.Н. Белановский. Все действия политиков трактовались как попытки воспрепятствовать «движению». Смысл повествования свелся к отделению агнцев от козлиц — деятелей; игравших «прогрессивную роль», от реакционеров и «эксплуататоров». Кроме коммунистов к первым с большими оговорками относили С. Радича: «Не понимал роли рабочего класса... однако остался в памяти югославского народа как прогрессивный деятель». Ко вторым — «великосербскую буржуазию», принятием Видовданской конституции «узаконившую собственную диктатуру». В результате, «права несербских народов и национальных меньшинств полностью игнорировались»³.

На рубеже тысячелетия «свежая» мысль была подхвачена С.А. Романенко («Югославия: история возникновения, кризис,

¹ Радоевић М. Удружена опозиција 1935-1939. Београд, 1994. С. 132. Иллюстрацией тезиса М. Радоевич является „История хорватов“ вышедшая из под пера Отокара Кершовани (*Keršovani O. Povijest Hrvata*. Rijeka, 1971.). Если не знать о коммунистической партийной принадлежности автора, его произведение можно причислить к списку пропагандистских материалов возглавляемой Радичем партии.

² История Югославии. М., 1963. Т. II.

³ Там же. С. 67.

распад, образование независимых государств» М., 1999) и В.И. Фрейдзоном («История Хорватии». СПб, 2001). Первый почти дословно повторяет писаревские характеристики тридцатилетней давности: хорваты и словенцы в результате принятия Видовданской конституции стали «неполноправными народами», так как «никаких особых прав несербским народам и национальным меньшинствам не предоставлялось»¹. «Пашич и его последователи полагали, что Сербия справится с нелегкой задачей... подчинения югославян, не признавая их равноправия»², — соглашался с младшим коллегой Фрейдзон.

В 2006 г. судьбе «лиц несербской национальности» посочувствовал Е.Т. Гайдар. Его исследовательской заслугой можно считать определение конечной, непреходящей цели сербов, которые в ранее перечисленных работах отечественных авторов представляли, пользуясь лексиконом Радича, примитивными «тиранами и убийцами», лишенными какого-либо стратегического замысла. Таковым и в межвоенное, и в послевоенное титовское время, по мнению известного экономиста, была «трансформация страны в сербскую микроимперию»³.

В целом в советское и постсоветское время история Королевства СХС, строго говоря, не была предметом научного изучения. Как уже было отмечено, перед Писаревым и Белановским стояла совершенно иная цель. При этом идеологические построения полностью заслонили от авторов задачу доступного изложения событий десятилетия. Проще говоря, в Югославии было слишком много политиков и созданных ими партий, чтобы их можно было перечислить понятным для читателя образом.

Следует отметить, что в фактологическом отношении политическая жизнь Королевства СХС до сих пор во многом остается terra incognita для отечественных историков. Попытки ее исследования предпринимали М.М. Сумарокова и В.В. Зеленин⁴: В важном деле установления

¹ *Ромашенко С.А.* Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 1999. С. 60-61.

² *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. СПб., 2001. С. 247.

³ *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 50.

⁴ *Зеленин В.В.* Некоторые аспекты становления и кризиса представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев. // Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984; *Он же.* Король Александр Карагеоргиевич 1888-1934. // Пленники национальной идеи. Сб. статей. М., 1993; *Сумарокова М.М.* Становление единого югославянского государства; Формирование политической системы Королевства СХС; Политические отноше-

хронологии событий и состава их участников М.М. Сумарокова преуспела гораздо больше своего коллеги.

К информативным и идеологически нейтральным можно отнести работы А.В. Городнянского «Степан Радич 1871-1928» (Пленники национальной идеи. Сб. статей. М., 1993) и «Историческая ретроспектива сербско-хорватского конфликта». («Славяноведение», 1997, № 3).

Первые, относительно деидеологизированные, исследования сербских авторов, посвященные Королевству СХС, увидели свет в 1970-е годы. Длительное время занял процесс накопления знаний о недавнем прошлом. В первую очередь заслуживают рассмотрения две монографии Бранислава Глигориевича, крупнейшего специалиста по истории межвоенного югославского парламентаризма¹. Глигориевич, как, впрочем, и его белградские коллеги, видел одной из главных своих задач подробное, детальное описание политической жизни первых десяти лет существования Югославии. В результате читатель на основе обширной фактологической базы (редкая книга, напечатанная в Белграде, имеет менее четырехсот страниц) получает возможность создать собственное представление об изучаемом предмете.

Основным объектом исследования сербской историографии были публичная политика, межпартийная борьба². По-видимому, авторам представлялось, что суть общественного и государственного кризиса Югославии может быть адекватно представлена в свете рутинных взаимоотношений политических партий, имевших фракции в Скупщине.

В этом отношении показательна книга Б. Глигориевича «Демократическая партия и политические отношения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев» (Белград, 1970). Автор подводит читателя к мысли о том, что изучаемая партия является моделью первого югославского государства. Выявленные автором причины упадка одной из крупнейших политических организаций были определяющими и для кризиса Королевства СХС в целом. «По своей политической структуре Демократическая партия была искусственным творени-

ния в Королевстве СХС 1921-1928. // Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 1917 – 1929. М., 1988.

¹ *Gligorijević B. Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970; On же. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919-1929. Beograd, 1979.*

² *Gligorijević B. Op. cit.; Јовановић Н. Политички сукоби у Југославији 1925-1928. Београд, 1974; Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати (1918-1923). Београд, 1995.*

ем, созданным из гетерогенных политических групп». «Созданная на основании унитаристской концепции, которая отрицает существование какой-либо другой нации, кроме так называемой югославянской, Демократическая партия первой была подвержена национальным противоречиям и первой перенесла потрясения в своей структуре»¹. Пороки политической практики руководства демократов были присущи всей югославской политической элите, и хорватской, и, в первую очередь, сербской. Речь идет о неуважении «принципов парламентаризма и институтов гражданской демократии», политике непозволительных уступок королевскому двору и, главное, непонимании невозможности решения глубинных противоречий югославского общества приемами политической комбинаторики.

Основным сюжетом второй книги Б. Глигориевича, посвященной кризису парламентаризма, является «уменьшение роли и функций Скупщины и рост влияния внепарламентских факторов». Основное внимание автор уделяет объективным причинам кризиса и лишь мельком касается субъективных. К первым относятся монархический строй и династия Карагеоргиевичей, унаследованные Югославией от Королевства Сербия, соперничество различных ветвей власти, чрезмерное влияние двора на работу парламента, слабость республиканского движения, противоречивость «национальных концепций государственного устройства». Меньше внимания автор уделяет тому обстоятельству, что югославский парламентаризм как система, составными элементами которой были политические партии, показал свою полную неэффективность, то есть неспособность поддерживать государственные механизмы в рабочем состоянии. Это заключение вытекает из описания Б. Глигориевичем хода работы Скупщины на протяжении десяти лет.

При всей значимости работ Б. Глигориевича нельзя сказать, что они создают безоговорочно полную картину развития парламентской системы Королевства СХС. Недостаточно отчетливо показаны степень и характер влияния деятельности скупщины и партий на отдельные стороны жизни страны. В то время как работу народного представительства в первую очередь характеризуют состояние экономики и наличие (отсутствие) общегосударственного правового пространства.

Слабым местом вышеупомянутых исследований, как, впрочем, и всей историографии, посвященной Королевству СХС, является недостаточная изученность роли короля Александра Карагеоргиевича

¹ Gligorijević B. Demokratska stranka... S. 78, 344.

в политической жизни 20-х годов (особенно первой половины). И это притом, что все исследователи называют его главным, наиболее активным игроком на политической сцене. По словам Б. Глигориевича, все важнейшие перипетии межпартийных отношений носили отпечаток «закулисной акции двора». Однако, несмотря на выдвижение различных версий, объясняющих смысл «акции», пока не удалось вывести Александра Карагеоргиевича из-за кулис, прояснить истинную мотивацию его действий. Сложность этой задачи состоит в том, что только с 1929 г. король стал играть роль публичного политика, объявив, что не нуждается более в «посредниках» между собой и народом. Вероятно, руководствуясь желанием заполнить информационную лауну, Б. Глигориевич в последние годы уделяет значительное внимание фигуре Александра¹.

Сербских ученых можно упрекнуть и в том, что в их изложении парламентская жизнь проходит в отрыве от интересов югославского капитала. Ссылаясь на абстрактную «буржуазию» как на фактор, во многом определяющий развитие публичной политики, большая часть исследователей не в состоянии определить, какие конкретно финансово-промышленные группировки оказывали влияние на деятельность тех или иных политических организаций. Уже в 1990-е годы Джордже Станкович был вынужден констатировать: «Для нас все еще остается неизвестным, до какой степени... политические элиты были связаны с центрами экономического влияния, особенно с финансовыми кругами...»².

Свой анализ причин падения югославского парламентаризма предлагает известный историк Бранко Петранович. По его мнению, в Югославии имел место не истинный, а «псевдопарламентаризм», основанный не на демократической традиции, а на непрочном союзе буржуазий Сербии, Хорватии и Словении³. По словам автора, «разрыв сотрудничества радикалов и радикалцев в первую очередь означал, что отношения между сербской и хорватской буржуазией по-прежнему находились в глубоком кризисе; и что дни парламентаризма были

¹ Глигорјевић Б. Основе и карактер личног режима краља Александра Карађорђевића. // Српска политичка мисао. 1, 1995; *Он же*. King Aleksandar I Karadordević. // The Serbs and Their Leaders in the Twentieth Century. Hampshire, England, 1997; *Он же*. Краљ Александар Карађорђевић и Никола Пашић. // Никола Пашић. Живот и дело: Зборник радова са научног скупа. Београд, 1997; *Он же*. Краљ Александар Карађорђевић. Српско-Хрватски спор. Београд, 2002.

² Станковић Ђ. Изазов нове историје. Београд, 1992. С. 120-121.

³ Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918-1988. I. Београд, 1988. С. 132.

сочтены»¹. В Королевстве СХС отсутствовали главные предпосылки «парламентской жизни»: «демократический строй, стабильная многопартийная система, зрелость коллективных и индивидуальных политических субъектов, традиция свободы слова».

К 1980-м годам закончилась монополия трактовки межвоенной истории в духе коммунистической идеологии, оставлявшей простор для развития хорватской националистической пропаганды. В этих условиях одним из главных мотивов творчества сербских исследователей становится опровержение сложившихся стереотипов о «мнимой», по словам правоведа Воислава Коштуницы, «предрасположенности сербов к гегемонизму». Вышедшая из-под пера будущего сербского премьер-министра рецензия «История на службе у политики» на книгу И. Банаца иллюстрирует полемический пафос сербской науки.

«Не всякое лыко в строку», – такой методологический упрек адресует автору «Национального вопроса в Югославии» рецензент: «Для обоснования своей позиции он (Банац) последовательно пользуется откровенно избирательный методом, обращая внимание только на те факты и обстоятельства, которые говорят в его пользу... То же касается и выбора источников, произвольность которого очевидна и неспециалисту. При этом достоверные источники данных обходятся стороной, если они не подтверждают его положения»².

Б. Петрановичу и Б. Глигориевичу принадлежит заслуга разоблачения мифа о «сербском экономическом империализме», получившем распространение еще до войны в качестве пропагандистского оружия в руках хорватских националистов³.

Особый интерес представляют изыскания Смиляны Джурович, – ведущего специалиста по экономическим проблемам королевской Югославии последних лет; – посвященные экономической интеграции регионов, впервые объединившихся в 1918 г. Основной помехой этому процессу был сепаратизм национальных «элит, обремененных историцизмом», то есть заинтересованных в искусственной консервации

¹ *Petranović B. Zečević M. Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. I. 1914-1943. Beograd, 1987. S. 259.*

² *Koštunica V. Istorija u službi politike. // Theoria, časopis Filozofskog društva Srbije. Beograd, 1988, № 3-4. S. 66.*

³ *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918-1988. I. Beograd, 1988; Gligorijević B. Jugoslovenstvo između dva rata // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1986. Broj 1-4.*

исторически сформировавшихся областей, на монопольное политическое представительство которых эти элиты претендовали¹.

Работы Миле Белаяца впервые затрагивают такие темы, как «военная ситуация накануне создания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев», «место и роль армии во внутренней политической жизни Королевства СХС в 1918-1921 гг.», «отношения армии с другими политическими силами страны». Авторская аргументация демонстрирует несостоятельность утверждений о «преступлениях» сербских вооруженных сил в Хорватии и вообще «народном сопротивлении оккупантам»; о нежелании сербов защищать югославские земли от итальянских притязаний, о политике дискриминации в армии Королевства СХС бывших австро-венгерских военнослужащих².

Реакцией на усиление межнациональных противоречий можно считать появление в конце 1980-90-х гг. работ, в которых деятельность сербского политического руководства в межвоенный период рассматривается через призму ее несоответствия интересам сербского народа. В вину радикалам, демократам и двору ставилась неспособность достижения внутривнутриполитической стабильности, то есть согласия с хорватскими и словенскими политическими элитами по наиболее болезненным для молодой страны вопросам.

Миодраг Зечевић полагает, что сербские национальные интересы стали заложниками «осуществления интересов узко династических»³.

По мнению Б. Петрановича, высказанному в книге «Югославский опыт сербской национальной интеграции» (Белград, 1993), первопричиной неэффективности «сербской политики», «выдохшейся в ходе столкновений по вопросам внутреннего устройства государства», был общий упадок народных сил после изнурительной Первой мировой войны. «Новые проблемы перерастали узкие рамки кругозора» сербских

¹ Буровић С. Основне тенденције привредног развоја Југославије. // Југословенска држава 1918-1998. 36. радова са научног скупа. Београд, 1999. С. 269-276; Она же. Са Теслом у Нови век. Нова синтеза историје. Изабрани чланци из економске историје Србије и Југославије 1918-1941. Београд, 1997.

² Bjelajac M. Vojska Kraljevine SHS 1918-1921. Beograd, 1988; Она же. Vojska Kraljevine SHS/Jugoslavije 1922-1935. Beograd, 1994; Она же. Vojni činioци kao dio okolini u vrijeme ministrowanja Dr. Ante Trumbića 1918-1920. // Život i djelo Ante Trumbića. Prilozi sa znanstvenog skupa. Zagreb, 1991. S. 108; Она же. Војска као чинилац интеграције и дезинтеграције југословенске државе 1918-1998. // Југословенска држава. 1918-1998... С. 399; Она же. Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918 – 1991. Beograd, 1999.

³ Зечевић М. Југославија 1918 – 1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994.

государственных деятелей. По словам автора, «очевидной была тенденция вырождения политического и военного сословий. В сфере политики и государственного управления Сербия осталась без значительных личностей, способных в качественно новой исторической ситуации взять на себя решение проблем нового государства»¹.

Идеи Б. Петрановича получили свое развитие в работах младших исследователей, — Ольги Попович, Любодрага Димича, Миры Радоевич, Николы Жутича, — пришедших к выводу, что сербской политической элите 20-х годов была присуща переоценка собственных способностей к государственному строительству. «Низкий уровень политико-правовой образованности» сочетался с претензиями на принадлежность к «европейской цивилизации», «западной культуре»². «Ситуацию усугублял стереотип выпячивания сербского опыта существования многопартийной системы: Будто десяти лет перед Первой мировой войной достаточно для приобретения навыков жизни в новых условиях».

По мнению О. Попович, одним из событий, во многом определивших развитие Королевства СХС, был вынужденный, под давлением Н. Пашича, уход с политической арены Стояна Протича; символизировавший отказ общества от компромиссного пути решения международных противоречий.

Любомир Петрович приводит мнение межвоенного общественного и культурного деятеля Федора Никича, утверждавшего, что «мы находимся в плену у одной фантазии, которая приведет нас ко многим разочарованиям; фантазии, будто мы имели парламентаризм и самоуправление. Однако, это самообман. Мы никогда не имели ни настоящего парламентаризма, ни настоящего самоуправления»³.

Джордже Станкович, перу которого принадлежат наиболее значительные исследования, посвященные деятельности Н. Пашича, в книге «Никола Пашич и хорваты. 1918-1923» (Белград, 1995) пишет,

¹ *Петрановић Б.* Југословенско искуство српске националне интеграције. Београд, 1993. С.27; *Он же.* Modernizacija u uslovima nacionalno nestabilnog društva. // *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka.* Београд, 1994.

² *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Београд, 1988 С. 76; *Димич Љ.* Културна политика Краљевине Југославије. 1918-1941 Београд, 1996. С. 198; См. также: *Радоевић М.* Политичка опозиција у Кралjevini (SHS) Југославији. // *Историја XX века.* 1997. Br. 2; *Žutić N.* Ministarski saveti: Kraljevine Jugoslavije. // *Историја XX века.* 1998. Br. 1.

³ *Петровић Љ.* Југословенска држава и друштво у периодици 1920-1941. Београд, 2000. С. 120.

что и лидер радикалов, и его соратники недальновидно использовали межнациональную напряженность «в качестве инструмента своей политики», рассматривали ее через призму «тактической межпартийной борьбы за власть», не осознавая «серьезность национальных и политических проблем нового югославского государства». В ходе длительного противостояния с сепаратистом Радичем и «демократами» Давидовича, конкурировавшими с радикалами на сербском политическом поле, Пашич, добиваясь кратковременных успехов, на обоих направлениях понес стратегические поражения. Прямым следствием политики радикалов в отношении Хорватии стало углубление пропасти между двумя наиболее многочисленными югославскими народами. Свергнув с политического Олимпа Демократическую партию, Пашич не только не обеспечил себе стабильного могущества, но и «значительно ослабил централистский фронт», что, в конечном счете, привело к «национальной демобилизации» сербов¹.

Л. Димич в своих книгах «Сербы и Югославия» (Белград, 1998) и «История сербской государственности. Книга 3. Сербия в Югославии» (Нови Сад, 2001) акцентирует внимание на неспособности межвоенного общества к восприятию «интеграционной, современной политической югославянской» идеи, которая «стремится к преодолению раздробленности, барьеров, возникших в предыдущие века». Внутренняя культурная, экономическая интеграция Югославии была невозможной из-за противодействия «партикуляристского сознания аграрного общества с укоренившимися в нем национальными идеологиями, по своей природе клерикальными, консервативными». Осуществлялась лишь интеграция в «политико-идеологическом плане», путем навязывания «философии «трехименного народа». Хотя ее главными проводниками были сербские политики, она в первую очередь «давала импульс национальной демобилизации сербов (небрежение к национальной, духовной, экономической, культурной интеграции)». Историк делает неутешительный вывод о значении для судьбы сербов югославского опыта. Трата жизненной энергии на «ревностное охранение» государства и идеологии, чуждых «традиции, политическому опыту» и целям сербского народа, привели к «выраженному демографическому ослаблению сербства»².

¹ Станковић Ђ. Никола Пашић и Хрвати. 1918-1923. Београд, 1995. С. 135, 275, 323.

² Димич Љ. Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 36, 37, 114, 63-64.

Государственный переворот, совершенный Александром Карагеоргиевичем, автор расценивает как силовую и, как показало время, тщетную попытку осуществления «ревизии государственного управления, общей социальной реформы, направленной на спасение государства от распада»¹.

* * *

Работы сербских авторов, посвященные Королевству СХС, не ограничиваются политическими сюжетами. Нами затронуты лишь некоторые тенденции развития сербской историографии, живого научного процесса, направленного на создание непредвзятой картины исторического прошлого. Не имея возможности совершенно абстрагироваться от современных политических катаклизмов, вышеуказанные сербские исследователи, тем не менее, не превращали свой труд в элемент идеологической борьбы и националистической пропаганды. Поэтому, в отличие от произведений хорватских авторов, рассмотренные работы с гораздо большими основаниями могут считаться научным явлением. Характерной чертой хорватской литературы, как коммунистической, так и современной, является чуждый науке догматизм, препятствующий свободному творческому развитию исторической мысли. В связи с этим сербская историография, по сравнению с хорватской, более значительна не только в идейно-сюжетном², но и в количественном плане. Ее определяющей чертой является плюрализм оценок. С течением времени расширяется тематика исследований, более полно и разносторонне анализирующих столь неоднозначное межвоенное время.

¹ *Он же*. Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 135.

² *Becić. I. Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918 – 1923.* (магистрска дисертација, заштитена на Филозофском факултету Београдског универзитета у 2002 г.); *Кривокапић-Јовић Г.С.* Оклоп без витеза: о социјалиним основама и организационој структури Народне радикалне странке у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 2002; *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003; *Janjetović Z.* Deca careva, pastorčad kraljeva: Nacionalne manjine u Jugoslaviji 1918-1941. Beograd, 2005.

Социалистическая Югославия в отражении советской и российской историографии

Говоря об отечественной историографии истории социалистической Югославии, позволим себе ограничиться рассмотрением главным образом монографических изданий. Для более детального освещения проблемы необходима специальная работа, сама претендующая на монографический характер. К тому же монографический уровень исследований в современных условиях лучше всего отражает уровень развития науки.

Вместе с тем отечественная историография истории социалистической Югославии довольно долгое время оставалась весьма скудной. Дело в том, что в СССР после 1948 г. на серьезные работы по истории современной Югославии было фактически наложено табу. Вместо этого в адрес югославского руководства неслась самая низкопробная брань¹. И даже после нормализации советско-югославских отношений заниматься историей «ревизионистской» Югославии было намного труднее, чем историей других европейских социалистических стран.

В то же время отметим, что до сих пор «вторую», социалистическую, титовскую Югославию часто выделяют из других европейских социалистических стран, подчеркивая ее специфичность: «аутентичная» социалистическая революция, особый путь развития вне рамок так называемого «реального социализма», наконец, межэтнические гражданские войны 90-х годов при ее распаде и т.п.

Мы же считаем, что вынесение югославских событий за рамки общих процессов в социалистической Восточной Европе, включая и Советский Союз, как чего-то совершенно уникального не правомерно. В послевоенной Югославии, разумеется, была своя специфика, связанная с конфликтом 1948 г. Но и разрыв Тито со Сталиным, и эксперименты с так называемым «самоуправленческим социализмом» не были чем-то уж совсем необычным. Они вполне могут трактоваться как первая попытка реформирования тоталитарного социализма, нахождения его модели с «человеческим

¹ См., например: *Медведев И.* Вступительная статья // *Жуневель де Р. Тито – главарь предателей.* М., 1951.

лицом». Тем более что уже 50-е годы были отмечены подобными попытками в ГДР, Польше и особенно в Венгрии. И в дальнейшем развитие Югославии в общих чертах шло синхронно с остальными европейскими социалистическими странами:

1964-1965 гг. — начало самых радикальных экономических реформ (для сравнения: в СССР — это время попыток реформ Косыгина, а чуть позже в ЧССР началась «Пражская весна»);

1974 г. — на X съезде СКЮ был взят курс на свертывание преобразований, укрепление роли компартии и государства, усиление идеологического воздействия на все сферы жизни (аналогичный процесс происходил после подавления «Пражской весны» в СССР и других странах «реального социализма»);

1989 г. — демократизация общественной жизни и, в частности, первые многопартийные выборы (как и в других восточноевропейских странах). Другое дело, что выборы в Югославии привели к власти в республиках националистические силы, которые и развязали межэтническую гражданскую войну. Однако и на пространстве Советского Союза было отмечено много подобных конфликтов, в частности, на Кавказе и в Молдавии.

Но вернемся к проблемам историографии. Историей социалистической Югославии в СССР и России занимались ученые, сосредоточенные в разных научных учреждениях. В рамках академической науки мы бы назвали прежде всего Институт славяноведения (называвшийся одно время Институтом славяноведения и балканистики) и Институт экономики мировой социалистической системы (переименованный сначала в Институт международных экономических и политических исследований, а затем включенный в состав Института экономики). Были, конечно, и другие научные учреждения — как в рамках Академии наук, так и в системе высшей школы.

Однако, несмотря на наличие довольно значительных научных сил, долгое время, вплоть до последнего периода существования СССР, специальных исследований по истории социалистической Югославии почти не публиковалось. Разрешение на публикацию любой книги, связанной с послевоенной югославской проблематикой, давалось фактически на уровне центрального комитета КПСС; многим изданиям присваивался гриф «ДСП» — «для служебного пользования», защиты диссертаций по истории социалистической Югославии проходили в закрытом режиме и т.п. (Да и югославская научная литература по указанной проблематике находилась в СССР преимущественно в закрытых фондах библиотек).

В итоге долгое время самым серьезным исследованием по истории «второй Югославии» оставалась, на наш взгляд, вышедшая под грифом «ДСП» монография П. Канделя «Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979)»¹. А открытый доступ, по существу, ограничивался двумя коллективными монографиями уже упоминавшегося Института экономики мировой социалистической системы, которые так и назывались «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»². Обе книжки были под общей редакцией ответственного работника ЦК КПСС Л.А. Никифорова, что, естественно, во многом способствовало их появлению в открытой печати.

Первая книжка меньшего объема и в мягком переплете вышла в свет в 1975 г. Она состояла из четырех глав, посвященных соответственно общественно-политическому и экономическому развитию СФРЮ, ее внешней политике и советско-югославским отношениям. В книге давался и краткий экскурс довоенной истории, где межвоенная «буржуазная Югославия» была по аналогии с царской России, названа, в частности, «тюрьмой народов»³.

Монография тщательно обходила все «скользкие» темы, тот же конфликт 1948 г. между Сталиным и Тито. Отмечалось лишь, что обеими странами были предприняты усилия «по преодолению наслоений, осложнявших в 1948-1953 гг. двусторонние связи». О резком изменении внутренней политики югославских властей говорилось, что после принятия в 1950 г. «Основного закона об управлении государственными хозяйственными предприятиями...» на этих предприятиях были созданы «новые органы управления – рабочие советы»⁴. Появившийся в монографии новый для советского читателя термин «самоуправление» давался фактически без какой-либо дополнительной расшифровки. Ничего конкретного

¹ Кандель П.Е. Югославское самоуправление и основные направления внешней политики СФРЮ (1949-1979). М., 1979.

² Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Отв. ред. Л.А. Никифоров. (Авторы: Ю.К. Князев, В.М. Камснецкий, Ю.П. Островидов, А.Т. Казакова, Л.В. Тягуненко, В.П. Шрам, Л.С. Аблазова, Ю.С. Гиренко, В.С. Милованов, Е.А. Степанова, В.И. Китаев). М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия. Отв. ред. Л.А. Никифоров. (Авторы: Л.В. Тягуненко, В.М. Камснецкий, О.А. Дзыза, Ю.П. Островидов, Е.Ю. Островидова, Н.В. Куликова, А.В. Коробков, М.В. Шкапкина, Ю.К. Князев, В.П. Шрам, Л.С. Аблазова, В.С. Милованов, Ю.С. Гиренко). М., 1985.

³ Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1975. С. 9.

⁴ Там же. С. 19, 164.

не было сказано и о новой Программе СКЮ 1958 г., признанной в свое время в СССР ревизионистской, и т.п. Кроме того, история Югославии была практически лишена действующих лиц, изредка приводились лишь цитаты из выступлений Тито и его ближайшего окружения.

Вторая коллективная монография «СФРЮ» вышла в свет ровно через десять лет, так сказать, на заре «перестройки», и была уже в жестком переплете и вдвое больше первой. Она состояла из пяти разделов — основные этапы строительства социализма, политическая система общества, экономическое, социальное развитие и внешняя политика. Во многом она повторяла оценки, данные в первой книжке, была ее прямым продолжением, но были и существенные новшества.

Уже во Введении вполне положительно говорилось о самоуправлении как «специфической системе политической организации общественной и хозяйственной жизни» Югославии и о том, что только «творческое применение общих закономерностей к конкретным условиям страны приносит ожидаемые результаты». Приводились даже слова Горбачева о «глубокой идее основоположников марксизма-ленинизма о самоуправлении»¹. Это было связано с тем, что одно время югославский опыт стал казаться зачинателям «перестройки» весьма обнадеживающим и даже в определенной степени служащим примером.

В первом разделе этого труда впервые на русском языке давалась периодизация истории социалистической Югославии, совпадавшая в целом с разработками югославских ученых: 1) 1945-1950 гг. — период становления народно-демократического государства и основных социалистических преобразований; 2) 1950-1963 гг. — переход к системе рабочего самоуправления; 3) 1963-1974 гг. — переход к системе общественного самоуправления; 4) с 1974 г. — этап социалистического самоуправления².

Во второй монографии «СФРЮ» подробно рассматривалось десятилетие с 1975 по 1985 гг. и не менее подробно теоретические проблемы самоуправления в том виде, как они трактовались в тогдешней Югославии. В монографии уже говорилось со ссылкой на югославскую печать о возникновении «феномена так называемого республиканского этатизма», «о все большем замыкании республик в собственных рамках и проведении такой политики, которая

¹ Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985. С. 6-7.

² Там же. С. 26.

практически не учитывает интересов содружества в целом»¹. Однако степень серьезности начинавшегося югославского кризиса, приведшего в конечном итоге к распаду единого государства, предсказать, конечно, было практически невозможно.

В отношении советско-югославских отношений говорилось об их «нормализации» в середине 50-х годов, о взаимной договоренности «подвести черту и не ворошить прошлое», «отметить возникшие в годы конфликта в 1948-1953 гг. наслоения»². Правда, опять не объяснялось, что это были за «наслоения», и несведущий читатель мог ничего не понять.

Однако, повторим, эти две монографии под одинаковым названием «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» сыграли свою роль и долгое время оставались в Советском Союзе главными обобщающими трудами по истории и экономике социалистической Югославии.

В те годы также изредка выходили книги, посвященные отдельным проблемам послевоенного развития Югославии, но чаще это были все же не исторические труды, а в лучшем случае работы на стыке истории с экономикой, социологией и т.п.³ Повторим, что чисто исторических монографических трудов в открытом доступе практически не было.

Оживление в отечественной югославистике началось уже во время «перестройки» в Советском Союзе. Появилось сразу несколько книг, хотя в основном это были работы, написанные в прошлые годы и ждавшие своего часа. В результате в них преимущественно была отражена позиция, максимально возможная в условиях предыдущей цензуры. Однако начавшаяся «перестройка» позволила авторам вносить и некоторые существенные коррективы. Естественно, что по мере усилившейся гласности авторы становились все более свободными в выражении своих позиций.

Одной из первых таких книг стала монография Л.Я. Гибанского «Советский Союз и новая Югославия. 1941-1947 гг.»⁴ Это был уже нормальный исторический труд, основанный на доступных на тот период архивных материалах. Однако собственно на послевоенную

¹ Там же. С. 54.

² Там же. С. 292.

³ См., например: Тягуценко Л.В. Развитие сельского хозяйства СФРЮ. М., 1981; Голенкова З.Т. Очерк истории социологической мысли в Югославии. М., 1984.

⁴ Гибанский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941-1947 гг. М., 1987.

Югославию приходилось лишь два года, и повествование обрывалось в начале 1947 г. как раз перед началом советско-югославского конфликта. Лишь в Заключении автор сумел сказать, что тесное взаимодействие между двумя странами было «нарушено происшедшим в 1948-1949 гг. фактическим разрывом советско-югославских отношений». А затем «по инициативе советской стороны в 1953-1955 гг. была осуществлена нормализация отношений между СССР и Югославией»¹.

Вскоре почти одновременно были опубликованы еще две монографии, также из написанного в основном в прошлые годы, но уже полностью посвященные Югославии в период социалистических преобразований.

Первая принадлежала перу В.Д. Кузнечевского, и в ней с разных сторон рассматривалась концепция югославского самоуправления². Проблемы, переживаемые Югославией, становились все более очевидными, и автор, в целом высоко оценивая югославский опыт, задавался целью подвергнуть анализу ту концепцию социализма, которая привела к кризису³.

Однако на практике так называемое самоуправление работало далеко не так, как это было изложено на бумаге. Дистанция между схоластическими построениями югославских теоретиков и реальной жизнью была огромной. И в этом, в отсутствии в книге четкой разницы между теорией самоуправления и его реализацией на деле – пожалуй, главный недостаток работы Кузнечевского.

В следующем году свет увидела книга В.М. Каменецкого, посвященная политической системе Югославии, сложившейся в 1950-1980 гг.⁴ В свое время, пишет Каменецкий, его обвиняли в апологетике югославского самоуправления, а он просто «стремился дать объективный анализ системы, которая, по его мнению, еще не исчерпала своих возможностей». Однако автор уже неумолимо отставал от жизни, говоря о «гордой стране, не побоявшейся на заре своего существования вступить в конфликт с могучей военной державой мира и попытавшейся создать свою собственную модель гуманного социализма»⁵. В это время рушилась уже не только югославская модель социализма, но и сама Югославия. Теперь

¹ Там же. С. 197.

² Кузнечевский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990.

³ Там же. С. 9.

⁴ Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950-1980 гг.). М., 1991.

⁵ Там же. С. 5, 118.

югославское самоуправление критиковали не только и не столько коммунистические догматики, сколько сторонники перехода на демократический путь общественного развития.

Обе эти монографии не по вине своих авторов опоздали фактически как минимум лет на десять. И хотя крупным достижением в югославистике они, возможно, так и не стали, сам факт их появления был отраден. Между тем политические процессы и в СССР, и в Югославии быстро развивались, попытки обновления социализма переставали быть актуальными, о самом социализме писать нужно было уже совсем иначе. Однако долго, вплоть до нашего времени эти две монографии оставались чуть ли не единственными в России по истории социалистической Югославии.

Другим важным направлением исследований советских историков были советско-югославские отношения. Еще в 1983 г. свет увидела книга еще одного ответственного работника ЦК КПСС — Ю.С. Гиренко, так прямо и названная — «Советско-югославские отношения»¹. Как и в уже упоминавшейся более поздней монографии Гибианского, основное внимание в этой работе уделено боевому советско-югославскому содружеству. Автор упоминает вскользь и о резолюции Информбюро «О положение в Коммунистической партии Югославии» 48-го года, но причины ее появления необъяснимы: до и после этого печального случая отношения развиваются по восходящей линии. Повествование о советско-югославских отношениях доводится до начала 80-х годов, но это, по сути, обезличенная история, вехами в которой являются визиты официальных государственных делегаций попеременно в СССР или Югославию.

Более подробно свои взгляды Ю. Гиренко смог развить в самом начале 90-х годов в монографии «Сталин и Тито», посвященной фактически запретной до этого теме — конфликту между СССР и Югославией 1948 г.² Эта работа с громадным для научного издания тиражом в 75 тыс. экземпляров писалась в русле модной тогда политики ликвидации «белых пятен» в истории. Одним таким пятном и был конфликт 1948 г. И уже во Введении Гиренко пишет, что,

¹ Гиренко Ю.С. Советско-югославские отношения. Страницы истории. М., 1983. Еще раньше Ю. Гиренко опубликовал тоненькую брошюру: «Советский Союз — Югославия: традиционная дружба, всесторонне сотрудничество. М., 1975.

² Гиренко Ю.С. Сталин — Тито. М., 1991. Следует упомянуть, что уже до работы Гиренко появились статьи на тему конфликта 1948. См., например: Волков В.К., Гибианский Л.Я. Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7.

хотя и с югославской стороны иногда допускались ошибки, но «не вызывает сомнения, что роковую роль... сыграли великодержавный образ мыслей и действий Сталина»¹. Конфликту посвящена и центральная глава книги с характерным названием «Иосиф против Иосипа». И вновь со ссылкой на доклад Хрущева на XX съезде КПСС отмечается, что решающую роль в возникновении конфликта сыграло то, что Сталин стал «в послевоенный период более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность»².

Таким образом, на первый план по-прежнему выдвигался тезис о субъективном факторе — «капризах Сталина». Между тем говорить следовало о созданной им системе «социалистического лагеря» с такими же лагерными порядками, входившими в противоречие с нормальными межгосударственными отношениями, с национальными интересами той или иной страны. Но на устои социализма автор не мог замахиваться — книга писалась в годы «перестройки», которая исходила из идеи усовершенствования социализма («больше социализма»), а не его отмены. Да и жизненный путь автора вряд ли предполагал его полный разрыв с коммунистическим прошлым.

В книге приводится много интересных сведений. Так, Ю. Гиленко, регулярно привлекавшийся в качестве переводчика с сербскохорватского языка на переговоры Брежнева, вспоминал, например, что в конце апреля 1968 г. генсек КПСС в связи с событиями в Праге заявил Тито: «Ты смотри, Броз, как бы там и у тебя не начались процессы, аналогичные чехословацким»³. Таким образом, менторский тон советские руководители по отношению к югославам сохранили и в дальнейшем; несмотря на то, что нормализация советско-югославских отношений началась по их инициативе и фактически с признанием собственной вины. Впрочем, подобная фамильярность прежде всего была призвана подчеркнуть товарищескую общность. А процессы, так беспокоившие Брежнева, начались позже, уже после смерти Тито, и сразу во всем социалистическом мире.

Кровавый распад Югославии, изменивший помимо всего прочего геополитическую ситуацию на планете, привел к тому, что в 90-е годы прошлого века главное внимание российских исследователей

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 324.

³ Там же. С. 420.

было приковано именно к этому событию. И надо сказать, что российские ученые довольно оперативно смогли уделить самое пристальное внимание современному югославскому кризису¹.

Однако история социалистической Югославии вновь оказалась в тени, хотя и уже по совсем другой причине. Из двух направлений, обозначенных монографиями В. Кузнечевского и В. Каменецкого, с одной стороны, и книгами Л. Гибианского и Ю. Гиренко, с другой, более развернутое продолжение получило второе, связанное с советско-югославскими отношениями.

Прежде всего необходимо назвать работу А. Аникеева, «Как Сталин от Тито ушел»²; в которой рассматривается более широкий международный контекст, но в центре внимания советско-югославские отношения. Это уже современный взгляд на эти отношения, свободный от идеологических шор. Автор видит конфликт между СССР и Югославией как первый «сбой» в кремлевском сценарии по созданию «блока послушных его воле государств». Причем югославская компартия превращалась «в часть общей борьбы с концепцией “национального пути к социализму”»³.

Это же направление развивает в своем исследовании А. Едемский, книга которого о нормализации советско-югославских отношений после смерти Сталина⁴ вводит в научный оборот большой объем новых архивных документов. Едемский делает вывод, что «советские руководители видели в нормализации отношений лишь промежуточный этап в процессе ... действий по вовлечению Белграда в советский лагерь, восстановления иерархической структуры подчинения СКЮ Кремлю». Лидеры же Югославии наоборот полагали, что нормализация привела к «формированию модели равноправных отношений двух социалистических государств». Естественно, что такое разночтение не могло не приводить в

¹ См.: *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998; *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской. (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств (национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX-XX вв.). М., 2000; *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990-2000). М., 2001, см. также монографическую статью: *Валков В.К.* Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5.

² *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, ССР и США в начальный период холодной войны (1945-1957). М., 2002.

³ Там же. С. 4, 174.

⁴ *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., 2008.

дальнейшем «к периодическим кризисам в советско-югославских отношениях»¹.

Как упоминалось, первое направление в российской историографии, относящееся к внутреннему развитию социалистической Югославии, несколько ушло в тень в годы югославского кризиса. Работы, посвященные этой теме, появлялись главным образом в виде глав в коллективных монографиях.

Назовем, в частности, трехтомный труд сотрудников бывшего Института международных экономических и политических исследований РАН «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века»². Первые два тома этой публикации относятся к интересующему нас периоду, страноведческие главы по проблемам социалистической Югославии в них написали соответственно Н.В.Куликова и Ю.К.Князев. Упомянем также работу сотрудников Института славяноведения РАН «Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века»³.

В то же время есть надежда, что сегодня и на этом направлении исторических исследований будет заметное продвижение вперед. Речь идет о подготовленной в Институте славяноведения РАН большой коллективной работе «Очерк политической истории Югославии в XX в.». Этот труд состоит из пяти частей, но часть, посвященная периоду югославского социализма или так называемой «второй Югославии», оказалась самой обширной. Однако потребуется еще определенное время для подготовки этого труда к печати. При всех возможных упущениях это будет первый обобщающий труд на русском языке по истории всей Югославии. Напомним, что предыдущий подобный труд заканчивался Второй мировой войной, то есть 45-м годом⁴.

¹ Там же. С. 594-598.

² Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. (Гл. ред. А.Д.Некипелов). Т. 1. Становление «реального социализма» (1945-1965). (Отв. Ред. И.И.Орлик). М., 2000.; Т. 2. От стабилизации к кризису (1966-1989). (Отв. Ред. Б.А.Шмелев). М. 2002; Т. 3. Трансформации 90-х годов. Ч. 1, 2. (Отв. Ред. С.П.Глинкина).

³ См.: Никифоров К.В. Глава VI. Югославский эксперимент // Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. (Отв. ред. Э.Г.Задоржнюк). М., 2006.

⁴ История Югославии в двух томах. Т. II (Под ред. Л.Б.Валса, Г.М.Славина, И.И.Удальцова).

Итак, российской историографией по проблематике социалистической Югославии и советско-югославских отношений сделано немало. Довольно хорошо изучены, в частности, конфликт 1948-го года, а теперь и нормализация советско-югославских отношений в 53-56-х годах. На очереди — 60-е годы, а затем и все последующие по мере открытия архивных документов.

Записи заседаний Президиума ЦК КПСС 1950-х — первой половины 1960-х годов как источник по изучению советско-югославских отношений.

В 2000-е годы был введен в научный оборот большой комплекс новых архивных документов, позволивших заметно расширить источниковую базу исследований внешней политики СССР в 1950-1960-е годы. Речь идет о трехтомной публикации материалов Президиума ЦК КПСС за 1954-1964 гг., отражающих ход повседневной работы этого высшего партийного органа за первое послесталинское десятилетие¹. В трехтомник включены краткие рабочие записи многих заседаний Президиума², стенограммы³, постановления,

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1-3. Главный редактор А.А. Фурсенко. М., 2003-2008.

² Основу первого тома книги составили именно краткие, иногда совсем обрывочные записи заседаний Президиума ЦК КПСС, по сути дела выжимки из содержания происходивших обсуждений. Их выполнял регулярно присутствовавший на этих заседаниях функционер, особо приближенный к первому секретарю ЦК КПСС – зав. Общим отделом ЦК КПСС В.Н. Малин, который, насколько можно предполагать при отсутствии документальных подтверждений, был уполномочен вести такие записи партийным руководством, а скорее всего лично Н.С. Хрущевым (с согласия других членов Президиума ЦК). В ряде случаев записи вместо Малина вели сотрудники его отдела В.Н. Чернуха или А.К. Серов. Подобная процедура – ведение записей, а тем более полное стенографирование заседаний партийного руководства – означала кардинальное расхождение с практикой, сложившейся при Сталине, когда люди, стоявшие во главе СССР, а в первую очередь сам «отец народов» были слишком озабочены соображениями секретности многих принимаемых решений. После смерти Сталина обозначились некоторые перемены в работе Президиума, Секретариата и аппарата ЦК, происходившие под знаком утверждения так называемого «коллективного руководства». Для того чтобы стареющим преемникам Сталина было легче ориентироваться в огромной массе подлежавших разрешению вопросов и возвращаться к повторному рассмотрению некоторых не решенных окончательно проблем, видимо, и возникла идея коротко фиксировать на бумаге основное содержание наиболее важных дискуссий, происходивших на Президиуме ЦК, и прежде всего суть конкретных предложений: не будучи занесенными в протоколы, они теряли свой вес.

При всей обрывочности малинских записей они обладают весьма высокой достоверностью как источник. Эти записи не предназначались для печати, а потому, как представляется, должны быть свободны от нарочитых искажений, неизбежных при подгонке тех или иных текстов под существующий пропагандистский ранжир.

³ Первые известные стенограммы относятся к лету 1958 г. Следует иметь в виду, что с 1953 по июнь 1957 г. на заседаниях «коллективного руководства» не прекращалась

записки, подготовившиеся для членов Президиума ЦК. В записях заседаний зафиксирован, хотя и с неодинаковой степенью полноты, ход обсуждения самого широкого круга вопросов, привлекавших внимание партийно-государственного руководства – экономических, внутривластных и внешнеполитических¹.

Источник помогает реконструировать конкретные обстоятельства и выявить механизмы принятия на высоком уровне ключевых решений – о выступлении Хрущева с докладом о культе личности в конце работы XX съезда КПСС, о военном вмешательстве в Венгрии осенью 1956 г.², о путях разрешения Карибского кризиса 1962 г. и т.д. Раскрывается своеобразие позиций отдельных членов партийного руководства. Следует заметить, что с течением времени оно проявлялось все меньше и меньше. После разгрома в июне 1957 г.

подчас довольно острая борьба за лидерство. Очевидно, что члены Президиума ЦК, опасавшиеся, что отдельные их неосторожные высказывания могут быть со временем использованы против них, не были заинтересованы в ведении полных стенограмм, а иногда, в моменты обострения борьбы, даже и более коротких записей, подобных тем, что делал Малин. Показательно, в частности, отсутствие записей за 18-21 июня 1957 г., дни, когда оппоненты дали бой Хрущеву, – обо все происходившем в то время на заседаниях Президиума можно судить прежде всего по выступлениям на июньском пленуме. Незафиксированность дискуссии сыграла, впрочем, благоприятную роль для Хрущева, дав ему основания говорить на пленуме о неслегитимности тех заседаний. С другой стороны, Малин чрезвычайно подробно записал ход заседания 13 октября 1964 г., где был решен вопрос об отставке Хрущева. Чью волю он тогда выполнял, зная, по всей вероятности, о безнадежном положении своего патрона? Вопрос этот остается открытым.

Практика вызова стенографистки на отдельные заседания Президиума ЦК стала складываться в середине 1958 г. по инициативе Н.С. Хрущева, в условиях, когда тот овладел всей полнотой власти в стране, не только овладев так называемую «антипартийную группу» Маленкова – Кагановича – Молотова, но удалив в октябре 1957 г. из Президиума ЦК маршала Г.К. Жукова и совместив в конце марта 1958 г. посты первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР. Стенографировались, в первую очередь, те заседания, где Хрущев выступал с заявлениями программного характера (со временем, по мере роста его реформаторских амбиций, таковых становилось все больше), и в некоторых случаях те, на которых обсуждались внешнеполитические вопросы, требовавшие своего безотлагательного решения (например, связанные с ближневосточным кризисом 1958 г.) – здесь, впрочем, так и не сложилось какое-то правило.

¹ Бюрократическая централизация, начавшая складываться еще на заре советской власти и достигшая своего апогея при Сталине, заставляла выносить на самый верх даже весьма второстепенные вопросы.

² Записи В.Н. Малина, относящиеся к октябрю-ноябрю 1956 г., были впервые опубликованы еще в 1996 г. – как в России (Исторический архив. 1996. № 2, 3), так и в Венгрии (Döntés a Kremlben, 1956. Szerk. Rainer M. Janos és V.Szereda. Bp., 1996). Позже они вошли в книгу: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Серeda, А.С. Стыкалин. М., 1998.

антихрущевской оппозиции послесталинское коллективное руководство сменяется единоначалием. Ожесточенные споры, в частности, между Н.С. Хрущевым и В.М. Молотовым, уходят в прошлое. Не встречая теперь, как правило, отпора, Хрущев после устранения сдерживавшей его оппозиции вел себя все самоувереннее, все более навязывая соратникам свою волю, а сами заседания высшего органа партии, как особенно хорошо видно из стенограмм, приобретают зачастую характер монологов, только изредка нарушаемых одобрительными возгласами других членов Президиума. И не меняли в общем сути дела осторожные попытки А.И. Микояна скорректировать некоторые крайности в суждениях и предложениях Хрущева, например о способах разрешения Берлинского кризиса 1961 г.

Записи заседаний Президиума дают представление о приоритетах советской внешней политики. С первых месяцев после смерти Сталина, но особенно определенно с весны 1955 г. одним из ее важнейших направлений становится югославское; задача улучшения отношений с режимом Тито была сопряжена с задачей восстановления единства социалистического лагеря и мирового коммунистического движения¹. Записи свидетельствуют о различиях подходов отдельных советских лидеров к перспективам и пределам сближения с Югославией, отражают особую позицию министра иностранных дел СССР члена Президиума ЦК КПСС В.М. Молотова, считавшего, что надо ограничиться задачей нормализации отношений со стратегически важной Югославией как с буржуазным государством и скептически относившегося к возможностям вовлечения этой страны в советский блок.

На заседании 19 мая 1955 г., за неделю до поездки Хрущева и возглавляемой им делегации в Белград для примирения с Тито, Молотов был раскритикован многими выступавшими. По мнению других членов Президиума, а надо сказать, что в югославском вопросе Молотова фактически никто не поддержал², именно сопротивление возглавляемого им МИДа не позволило еще в 1954 г., особенно после отстранения

¹ Развитие советско-югославских отношений в этот период подробно изложено в недавно вышедшей фундаментальной монографии: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., 2008.

² Молотов признал это позже, в 1970-е годы, в беседах со своим поклонником – публицистом Ф.Чуевым: «я сделал попытку выступить – все против меня, все, в том числе и те, которые через год-полтора поддержат» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С: 351). По мнению Молотова, радикальный пересмотр отношения к титовской Югославии, признание ее социалистическим государством означали, что совершен принципиальный поворот в политике СССР, закрепленный потом закрытым докладом Хрущева на XX съезде КПСС (Там же).

М. Джиласа, осуществить решительное продвижение на югославском направлении! Молотов продолжал отстаивать свои позиции, в частности, при обсуждении документов, которые готовились для советской делегации². По его мнению, «в 1948 г. югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический», а сегодня они «пытаются ослабить наш лагерь»³.

К этому времени по поручению высших партийных инстанций для членов Президиума ЦК КПСС была подготовлена записка группы высокопоставленных экспертов «К характеристике общественного и государственного строя современной Югославии»⁴. В документе было констатировано, что «по экономической структуре, а также по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа. Основные средства производства и государственная власть не находятся в руках эксплуататорских классов»⁵.

¹ «По Югославии успешнее было бы решение, если бы не уговаривали т. Молотова. Оттолкнули (из-за упорства т. Молотова) югославов (дело Джиласа)», – констатировал Г.М. Маленков. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 41. Позиция Молотова, упорствовавшего в югославском вопросе, была названа неленинской и непартийной.

² См. текст Директив делегации КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководящими деятелями: Там же. Т. 2. Постановления, 1954-1958. М., 2006. С. 48-60. К посздке был подготовлен и еще ряд документов – проекты Совместного заявления правительственных делегаций СССР и ФНРЮ (Там же. С. 80-84), Совместного заявления делегаций ЦК КПСС и ЦК СКЮ (Там же. С. 84-85), Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и ФНРЮ (Там же. С. 85-88), текст телеграммы ЦК КПСС Центральным комитетам ряда компартий с предложением об отмене резолюции Третьего Совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» (Там же. С. 88-90). Приняты Президиумом ЦК КПСС 23 мая. Текст выступления Н.С. Хрущева на встрече с югославскими лидерами в белградском аэропорту 26 мая был одобрен Президиумом ЦК КПСС 25 мая (См.: Правда. 1955. 27 мая).

Единственным документом, принятым и опубликованным по итогам советско-югославских переговоров в мае-июне 1955 г., стала Декларация правительств СССР и ФНРЮ от 2 июня (Правда. 1955. 3 июня). Решение об отмене резолюции «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» было принято в конце мае 1955 г. после консультаций руководства КПСС с лидерами компартий, участвовавших в совещании, на котором была принята резолюция.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. С. 42.

⁴ См.: Записка заместителя главного редактора журнала «Коммунист» И.А. Дорошева, главного редактора журнала «Вопросы философии» М.Д. Каммари, заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарева и главного редактора газеты «Правда» Д.Т. Шепилова «К характеристике общественного и государственного строя современной Югославии». Там же. Т. 2. С. 60-65. Документ датирован 12 мая 1955 г.

⁵ Там же. С. 64.

На основании данной принципиальной оценки в проекте Директив делегации ЦК КПСС и Советского правительства при переговорах с югославскими руководящими деятелями, представленном на обсуждение Президиума ЦК КПСС, отмечалось: «хотя в Югославии произошли серьезные сдвиги в сторону отхода от строя народной демократии», децентрализация управления экономикой, введение рыночных связей внутри обобщественного сектора, фактический отказ от производственного кооперирования крестьянства ведут к развязыванию мелкобуржуазной стихии, тем не менее, в этой стране «продолжают еще сохраняться основы общественного строя, характерного для переходного периода от капитализма к социализму, прежде всего общественная собственность на основные средства производства»¹.

Попытки Молотова поставить под сомнение социалистический характер отношений в Югославии вызвали дискуссию на заседании Президиума ЦК КПСС 19 мая. А.И. Микоян резонно указал на то, что в Югославии «капиталистический класс не восстановили, кулака ограничили. Отход есть больше идеологический, контроля США в Югославии нет»². Его поддержал Г.М. Маленков, предлагавший «расчистить путь от допущенных перегибов». По его мнению, при встречах с югославскими лидерами нелегко будет доказать, что после разрыва с СССР Югославия отошла от строя народной демократии³. Тем не менее Молотов продолжал упорствовать на заседаниях 23 и 25 мая при последующем обсуждении текста документов для делегации, в том числе проекта выступления Н.С. Хрущева в Белграде. По мнению министра иностранных дел, СССР не должен брать всю ответственность за ухудшение отношений на себя, пусть даже называя виновником Берию⁴.

Итоги поездки делегации во главе с Хрущевым в Югославию оправдали ожидания Молотова, постоянно упировавшего на то, что в деле сближения двух партий на единой идейной платформе едва ли

¹ Там же. С. 58.

² Там же. Т. 1. С. 42.

³ Там же. С. 43. И после критики, звучавшей на заседании Президиума ЦК КПСС 19 мая, Молотов призывал «не создавать впечатление, что они (югославские лидеры – А.С.) верны марксизму-ленинизму» (Запись заседания Президиума ЦК КПСС 23 мая. Там же. С. 45).

⁴ Запись от 25 мая. Там же. С. 46. Ср. с более поздним выступлением Молотова на Президиуме ЦК КПСС, относящимся к 8 июня. Там же. С. 53.

удастся достичь значительного продвижения¹. Министр иностранных дел указывал на это 8 июня при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС проекта письма ЦК КПСС центральным комитетам братских партий об итогах советско-югославских переговоров², однако вновь не был никем поддержан. Его позиция, «обрекающая партию на пассивность», опять была подвергнута критике. Имевший под собой немалые объективные основания скептицизм Молотова в отношении дальнейших перспектив советско-югославского сближения был назван политически ошибочным и использован Хрущевым для нанесения удара по одному из своих главных оппонентов. Июльский пленум ЦК КПСС 1955 г. не только много занимался проблемами отношений с Югославией³, но принял специальную резолюцию в связи с «ошибочной позицией» Молотова, нашедшую отражение в центральной прессе⁴.

Раскритиковав министра иностранных дел, руководство КПСС было вынуждено, однако, в скором времени согласиться с тем, что первые попытки установить идейное единство КПСС и СКЮ закончились неудачей. В документе, представленном в январе 1956 г. к обсуждению на Президиуме ЦК КПСС югославского вопроса, было

¹ Поскольку теперешняя позиция руководства Югославии, по мнению Молотова, не является марксистской, «совместное коммюнике по партийной линии – неприемлемо» (Запись от 23 мая. Там же. С. 45). Впрочем, как явствует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС от 19 мая, и сам главный инициатор радикального пересмотра политики в отношении Югославии Н.С. Хрущев не был слишком категоричен, когда речь заходила о возможностях сближения двух партий: «По партийной линии – есть надежда договориться. Не все безнадежно (в отношении Тито)» (Там же. С. 43). Еще более осторожны были соратники Хрущева. Так, М.А. Суслов заметил лишь: «по государственной линии можем добиться результатов», совершенно обойдя стороной вопрос о достижении единства двух партий на общей идейной платформе (Там же).

Запись обсуждения подробного доклада Хрущева о поездке в Югославию на заседании Президиума ЦК КПСС 6 июня см.: Там же. С. 47-51. О результатах поездки советской партийно-государственной делегации в Югославию см.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. С. 435-469.

² См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. С. 51-54. Текст письма ЦК КПСС компартиям стран «народной демократии», а также Франции и Италии, был окончательно утвержден Президиумом ЦК КПСС 25 июня. Текст см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 256. Л. 130-140.

³ См.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 3-50.

⁴ См.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. С. 585 (прим. 196). Информационное сообщение о пленуме ЦК КПСС, состоявшемся 4-12 июля 1955 г., см.: «Правда». 13 июля 1955 г.

признано, что за последнее время «удалось затормозить, а затем и вовсе приостановить процесс сближения Югославии с западным лагерем», напротив, происходит (хотя и не без шероховатостей) «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем»; вместе с тем «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии. До такого состояния, когда между нашими партиями установилось бы прочное единство во взглядах и сотрудничество на принципах марксизма-ленинизма, надо прямо сказать, еще далеко»¹. О справедливости этой оценки свидетельствовала и выраженная руководством СКЮ неготовность послать свою делегацию на открывавшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. Югославская сторона мотивировала свой отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с блоком восточноевропейских стран и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что компартии восточноевропейских стран не спешат устанавливать контакты с СКЮ². Было направлено только приветственное письмо ЦК СКЮ XX съезду КПСС, а посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал на съезде в качестве наблюдателя.

Хотя после поездки советских лидеров Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Белград заметно активизировалось многостороннее сотрудничество СССР и ФНРЮ (экономическое, научно-техническое, культурное), чему способствовала проявленная СССР готовность отказать от экономических претензий к Югославии, в частности, требований о выплате долга, существовавшего

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.2. С.179, 180, 183. Записка М.А. Сулова, Б.Н. Пономарева и А.А. Громыко «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией», подготовленная для глав делегаций стран народной демократии, присутствовавших на совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве 6-11 января 1956 г. Подготовлена не позднее 7 января 1956 г. (Там же. С. 178-187). В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 января (Там же. С. 178) разослана как справка от ЦК КПСС главам делегаций стран народной демократии. Совещание было посвящено обсуждению вопросов экономического, научно-технического, а также оборонного сотрудничества. Жестом, направленным на углубление взаимного доверия, стало решение Президиума ЦК КПСС информировать югославских лидеров об итогах работы совещания. См. письмо ЦК КПСС в ЦК СКЮ с информацией о совещании (Там же. С. 188-190).

² Позиция СКЮ относительно присутствия ее делегации на XX съезде КПСС обсуждалась на заседании Президиума ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. (См.: Там же. Т. 1. С. 78).

к моменту конфликта 1948 г.¹, внешняя политика Югославии не претерпела вместе с тем каких-либо концептуальных изменений. 6 ноября 1955 г. Тито принял в своей резиденции на о. Бриони в Адриатике госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса и подтвердил в беседе с ним свою приверженность внеблоковой политике и даже согласился с необходимостью вернуть полный суверенитет странам, входящим в советский блок. Несмотря на неизменность внешней политики ФНРЮ, в том числе в рамках Балканского пакта (союза, объединявшего Югославию с членами НАТО Грецией и Турцией и имевшего свою военно-политическую составляющую), задача «добиваться расширения контактов между нами и югославами по партийной линии» сохранялась как актуальная².

С конца 1955 г. проблемы отношений с Югославией были тесно увязаны с вопросом о сохранении или ликвидации Коминформа. В декабре 1955 г. во время поездки Хрущева в Индию Дж. Неру обозначил настороженное отношение формирующегося движения неприсоединения к Коминформу³. С этих пор внимание советских лидеров было сильнее приковано к проблеме эффективности и целесообразности дальнейшего существования этой структуры⁴. Насколько можно судить по известным записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущев о ликвидации Коминформа впервые со всей определенностью заговорил 22 февраля 1956 г.⁵ Но решение было принято после долгих колебаний, ведь еще за 2 месяца до этого, выступая на пресс-конференции в Дели, а затем на сессии Верховного Совета СССР,

¹ Президиум ЦК КПСС, рассматривавший 1 июля 1955 г. вопрос «О мероприятиях по развитию советско-югославских отношений», признал целесообразным отказаться от экономических претензий к Югославии. Письмо ЦК КПСС в ЦК СКЮ от 8 июля 1955 г. по вопросу о ликвидации задолженности см.: КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х - первой половине 1960-х гг. Сб. документов. Салоники, 2003. С.50-52. В свою очередь и Югославия отказалась от экономических претензий к СССР, связанных с материальными издержками конфликта между Сталиным и Тито.

² См. вышеупомянутую записку М.А. Сулова, Б.Н. Пономарева и А.А. Громыко «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией»: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 187.

³ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 декабря 1955 г. (доклад Хрущева и Булганина о поездке в Индию, Бирму и Афганистан): Там же. Т. 1. С. 74.

⁴ «Вывод: видно мы работаем аляповато», – заметил в той же связи Хрущев на вышеупомянутом заседании (Там же).

⁵ В этот день, на заседании Президиума ЦК КПСС, посвященном проведению совещания представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС, Хрущев обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: «Ликвидируем Коминформ» (Там же. С. 106-107).

первый секретарь ЦК КПСС доказывал, что объединение коммунистических партий имеет не меньше прав на существование, чем скажем, Социнтерн¹. Как видно из имеющихся документов, решение о роспуске Коминформа было мотивировано не только стремлением к обновлению и совершенствованию форм сотрудничества компартий; в немалой мере оно было жестом в отношении Югославии, где эта структура воспринималась однозначно негативно, как инструмент грубой сталинской политики в ходе хорошо всем памятной антиюгославской кампании, развязанной в 1948 г.² Ликвидируя Коминформ³,

¹ Уже Сталин, убедившись в неудаче массивной антиюгославской кампании (главным орудием осуществления которой был Коминформ), явно утратил к началу 1950-х годов интерес к этой организации. Его преемники также не предприняли серьезных попыток оживить деятельность Коминформа. Одним из структурных изъянов Коминформбюро был ограниченный круг участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира – Китая, ни компартии обских Германий, ни Союз коммунистов Югославии не входили в Коминформ, и это не способствовало проведению советской внешней политики на ряде важных направлений. Вместе с тем Н.Хрущев весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей относительно скорого роспуска Коминформа. «На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказываться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества? Почему, например, те, кто ставят вопрос о ликвидации Коминформа, не высказывают никаких возражений против деятельности Социалистического Интернационала, объединяющего социал-демократические партии?» – вопрошал он иностранных журналистов на пресс-конференции в Дели 14 декабря 1955 г. («Правда». 15 декабря 1955 г.). А через две недели, на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря он заявил о том, что для возникновения вопроса о дальнейшем существовании Коминформа нет никаких оснований («Правда». 30 декабря 1955 г.). Однако уже через два месяца вопрос этот был пересведен в конкретную плоскость.

² Вопрос о целесообразности роспуска Коминформа как скомпрометированного неблагоприятными акциями инструмента сталинской внешней политики постоянно поднимался с югославской стороны в ходе бесед с советскими представителями. См., например, адресованную главному редактору «Правды» Д.Шепилову докладную корреспонденцию этой газеты В.Платковского, побывавшего в Югославии летом 1955 г.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 121. Л. 77. Критика Информбюро в завуалированной форме содержалась в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. (Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 254. Л. 17-19; Опубли.: КПСС и формирование советской политики на Балканах. Док. 7), а осенью того же года на страницах главной газеты СКЮ «Борьба» вопрос о желательности ликвидации Коминформа ставится уже открыто (См. об этом в вышеупомянутой записке, относящейся к январю 1956 г., «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией»: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 184). Требования роспуска Коминформа звучали также из уст югославских дипломатов в ходе их бесед с советскими коллегами. См. например, запись беседы сотрудника посольства СССР в Венгрии с югославским военным атташе 23 февраля 1956 г.: Архив внешней политики РФ (АВПР). Ф. 077. Оп. 37. Папка 187. Д. 7. Л. 178-179.

³ В документах, связанных с прекращением деятельности Коминформа, нашел отражение тезис о том, что руководящие органы компартий обмениваются в ближайшем

Москва тем самым пыталась в преддверие новой встречи с Тито¹ устранить существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений.

Включение в отчетный доклад XX съезда КПСС формулы о многообразии путей к социализму также находилось в тесной взаимосвязи с продолжением политики, направленной на дальнейшее сближение с Югославией, постепенное ее вовлечение в советскую сферу влияния. Уже сама постановка вопроса о многообразии путей к социализму была в 1956 г. для КПСС актуальна прежде всего из-за необходимости отразить в партийных документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной коммунистической державой – Китаем, так и с относительно небольшой, но внешнеполитически значимой титовской Югославией, из-за затруднений с подгонкой под общий ранжир как китайской, так и югославской специфики (хотя принималась также во внимание и активизация антиколониальных движений в странах «третьего мира», в которых Хрущев и его окружение видели потенциальных стратегических союзников СССР в борьбе с империализмом). Показательно, что в отчетном докладе ЦК, зачитанном Н.С.Хрущевым 14 февраля, ссылка на Югославию содержалась как раз в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму².

Визит югославского лидера в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе «Динамо» 19 июня призван был символизировать

будущем мнениями о возможных формах дальнейших контактов между ними. С советской стороны поначалу предлагалось вместо прежнего Информбюро создать Бюро контактов стран, строящих социализм, а также ряд региональных объединений компартий (См. запись заседания Президиума ЦК КПСС от 22 февраля 1956 г.: Президиум ЦК КПСС. Т.1. С. 106-107. См. также записку М.А. Сулова, Д.Т. Шепилова и Б.Н. Пономарева, представленную к заседанию Президиума ЦК КПСС от 28 марта: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 14. Л. 76-79). В дальнейшем от этой идеи отказались. Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете «За прочный мир, за народную демократию!» 17 апреля, а на следующий день «Правда» опубликовала этот текст вместе с редакционной статьей «Важное решение».

¹ О поездке Тито в СССР 1-23 июня 1956 г. и ее политических итогах см.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. С.553-577.

² «В Федеративной Народной Республике Югославии, где власть принадлежит трудящимся, а общество базируется на общественной собственности на средства производства, в процессе социалистического строительства складываются своеобразные конкретные формы управления хозяйством, построения государственного аппарата» («Правда». 15 февраля 1956 г.).

полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит «смена караула» на Смоленской площади – стопроцентного ортодокса и консерватора В.М. Молотова, упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, заменил на посту министра иностранных дел СССР более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т. Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии¹. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена, результатами июньского визита Тито в СССР в Кремле не были довольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР², Югославия в то же время

¹ 25 мая на заседании Президиума ЦК КПСС, при обсуждении вопроса о подготовке предстоящего визита Тито в СССР, Молотов призывал «более определенно выразить отношение» к недостаткам в политике СКЮ, но его точка зрения вызвала критику со стороны Хрущева: «Молотов остался на старых позициях. Неправильно то, что предлагает Молотов. Нас огорчает, что за время после пленума Молотов не изменился» (Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. С. 136). Сохранившиеся разногласия с Молотовым дали основание Хрущеву инициировать обсуждение вопроса в целом о работе Министерства иностранных дел. На следующий день, 26 мая, в повестку дня очередного заседания Президиума ЦК КПСС был включен пункт «о назначениях по Министерству иностранных дел СССР», обсуждение этого вопроса было продолжено 28 мая. В ходе дискуссий Хрущев заявил, что «у Молотова плохо идет с МИДом, он слаб как министр иностранных дел. Молотов – аристократ, привык шефствовать, а не работать»; отмечалось, что «МИД не шел в ногу с ЦК», в частности, при осуществлении политики на югославском направлении. Позиция Молотова в вопросе о сближении с Югославией стала главным мотивом его освобождения от обязанностей министра иностранных дел СССР («ошибки по югославскому вопросу, где гарантии, что они не повторятся?» – прозвучало из уст кандидата в члены Президиума ЦК КПСС Л.И. Брежнева). См.: Там же. С. 136-138. Между тем, запись заседания Президиума от 28 мая показывает, что вопрос о смещении Молотова решался трудно; многие члены Президиума считали момент для смещения несвоевременным, но Хрущев настоял на своем.

Принципиальная установка советской стороны в ходе предстоящих переговоров с Тито заключалась в том, чтобы «проявлять терпеливость»; «больше терпения, не сдавая своих принципов» (цитируются высказывания Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова в ходе заседания 25 мая. Там же. С. 136).

² 2 февраля 1956 г. в Москве был подписан договор о предоставлении Советским Союзом Югославии большого займа и товарного кредита на выгодных условиях (См. соответствующее постановление Президиума ЦК КПСС: Там же. Т. 2. С. 192-193). В июне были приняты принципиальные решения о содействии СССР в строительстве в Югославии алюминиевого завода и гидроэлектростанции для него, о поставках пшеницы Югославии (См. постановления Президиума ЦК КПСС и подготовленные для советского руководства записки по вопросам экономического сотрудничества с Югославией: Там же. С. 329-331; 369-371). Записи заседаний Президиума ЦК КПСС за 19

нисколько не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация¹ носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю.

Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК КПСС было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»². При этом Москву весьма заботил вопрос о том, что лидеры братских партий стран народной демократии могут воспринять декларацию об отношениях между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений между компартиями. Это заметил пронизательный и хорошо информированный посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович, сделавший соответствующую запись в дневнике. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в странах Восточной Европы нежелательных выводов из опубликованного документа, представители КПСС, отметил он, на совещании руководителей стран советского блока «ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и

июня и 20 июля 1956 г. (Там же. Т. 1. С. 141, 149-150) отражают не только некоторое недовольство советской стороны чрезмерными «аппетитами» югославов, настаивавших на более выгодных для себя условиях сотрудничества, но и трения, возникшие вследствие попыток СССР навязать Югославии политическое условие сотрудничества – прямое подключение к строительству алюминиевого завода ГДР, с которой Югославия долгое время не шла на установление дипломатических и торговых отношений, опасаясь крайне негативной реакции ФРГ (установление дипотношений между ФНРЮ и ГДР в октябре 1957 г. действительно привело к разрыву отношений между ФНРЮ и ФРГ в соответствии с так называемой «доктриной Хальштейна»).

¹ Совместное заявление Правительств СССР и ФНРЮ в связи с государственным посещением Советского Союза президентом ФНРЮ И. Броз Тито и Декларация об отношениях между СКЮ и КПСС были подписаны утром 20 июня. См.: «Правда». 21 июня 1956 г. Окончательный текст Декларации, предназначенный для публикации в печати, был утвержден на заседании Президиума ЦК КПСС от 19-20 июня (протокол № 24. II. О Декларации об отношениях между СКЮ и КПСС. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2).

² Там же. Идя на компромисс с лидерами СКЮ, руководство КПСС, конечно, не могло не осознавать, что своим смелым сопротивлением сталинскому диктату югославские коммунисты завоевали определенный авторитет и уважались как в рамках мирового коммунистического движения, так и далеко за его пределами.

коммунистическим партиям стран лагеря»¹. Это произошло 24 июня, на следующий день после отъезда Тито из СССР². Только польский и венгерский вызовы октября 1956 г. (неповиновение Москве обновленного руководства ПОРП во главе с В. Гомулкой, а через считанные дни после этого венгерское восстание) заставили советских лидеров несколько по-иному взглянуть на методы сохранения единства социалистического лагеря, усомниться в эффективности восточноевропейской политики СССР, при всей видимой всеохватности контроля над советской сферой влияния не способной, как особенно показали венгерские события, обеспечить стабильность в регионе. На заседании Президиума ЦК КПСС от 30 октября при обсуждении текста Декларации об отношениях между социалистическими странами речь шла о том, что ходом событий обнаружился кризис в отношениях СССР со странами народной демократии, ставился вопрос о необходимости определенной корректировки концепции межблоковых отношений с учетом требований равноправия³.

Но еще за четыре месяца до этого, сразу после отъезда Тито из СССР положение дел в этих государствах (волнения в польском г. Познани 28 июня, размах оппозиционных критических выступлений на дискуссиях Кружка Петефи в Венгрии) усилило не только озабоченность советских лидеров происходящим⁴, но и раздражение по поводу претензий югославы на поиски своего пути к социализму, поскольку на югославский опыт охотно ссылались активизировавшиеся оппоненты правящих режимов в странах Восточной Европы (отчасти также и сторонники далеко идущих реформ в

¹ *Micunović V. Moskvske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 93.*

² Совещание руководящих деятелей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, открывшееся 22 июня, было посвящено в первую очередь вопросам экономического сотрудничества, рассматривался также вопрос о новых формах межпартийных контактов, которые предстояло установить после роспуска Коминформа (См. документы, связанные с Совещанием: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 338-347). 24 июня, уже после отъезда из Москвы делегации СКЮ, состоялось еще одно заседание, на котором обсуждались итоги визита Тито в СССР, а также внутриполитическая ситуация в странах Восточной Европы после XX съезда КПСС.

³ Там же. Т. 1. С. 187-191.

⁴ «Нельзя забывать, что к врагам мы должны примкнуть власть. Нельзя властью злоупотреблять, как это делал Сталин, но употреблять ее надо. Вражеским устремлениям нужно противопоставить госбезопасность, суды, репрессивные органы», – говорил Хрущев на вышеупомянутом совещании компартий 24 июня (Приводится по отчету венгерской делегации: *Társadalmi Szemle. Bp., 1993. 2 sz., 94 o.*).

СССР)¹. Эта озабоченность нашла отражение в закрытом письме лидерам компартий стран социалистического лагеря, а также Франции и Италии, от 13 июля, принятом на заседании Президиума ЦК КПСС². В письме было акцентировано на разногласиях с СКЮ, чье руководство отказалось заявить об идеологическом единстве с КПСС на основе марксизма-ленинизма и принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Были подвергнуты критике претензии югославов на слишком большую независимость во взаимоотношениях с другими коммунистическими и рабочими партиями, расцененные руководством КПСС как стремление «обеспечить себе роль посредника, возможность, по сути, самостоятельно вести переговоры со всеми партиями, свободно лавировать и добиваться определенного лидерства»³. «Кажется, они уже раскаялись, что подписали эту декларацию», – записал посол Мичунович 3 июля под впечатлением от постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», воспринятого как шаг назад в сравнении с решениями XX съезда КПСС, и от своих непосредственных контактов с кремлевской элитой, с некоторой стыдливостью отзывавшейся о советско-югославской декларации⁴.

¹ Донесения советских посольств из ряда восточноевропейских столиц свидетельствовали о немалом влиянии югославского примера на те силы в странах «народной демократии», которые были явно не удовлетворены избранным темпом и характером десталинизации в СССР (См., например, донесения из Венгрии: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Раздел II. См. также донесение из Польши от 29 сентября, в котором говорилось о том, что редколлегия газеты «Просту» находится под большим влиянием югославского посольства в Варшаве: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 453). Реальный опыт строительства социализма в Югославии при этом часто идеализировался.

² Постановление Президиума ЦК КПСС о необходимости информировать о переговорах с югославской делегацией парторганизации КПСС, а также коммунистические и рабочие партии социалистического лагеря, а также Италии и Франции, было принято 29 июня, на следующий день после познаньских событий (См.: Там же. С. 347).

³ РГАНИ. Ф.3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23. В информации ЦК КПСС, разосланной низовым парторганизациям КПСС для ознакомления, также отмечалось, что «у югославских товарищей есть еще иное, чем у нашей марксистско-ленинской партии, понимание некоторых важных принципиальных вопросов».

⁴ *Mičunović V. Moskvske godině 1956/1958. S. 97.* О письме ЦК КПСС компартиям от 13 июля 1956 г. «Об итогах советско-югославских переговоров в июне 1956 г.» в Белграде узнали из конфиденциальных источников. Как сам факт отправки закрытого письма, так и его содержание вызвали неудовольствие лидеров СКЮ. Уже позже, после венгерской революции, в ходе межпартийной переписки руководство СКЮ упрекало лидеров КПСС за противоречие между публичными декларациями и закрытыми документами, в которых без ведома югославских коммунистов им даются оценки,

Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, который 5 июня, дав завтрак в Кремле в честь Тито, провозгласил тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!»¹, 29 июня был подвергнут за это критике на заседании Президиума ЦК КПСС («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен – сказать об этом надо»²). Заявление Булганина было названо преждевременным и в вышеупомянутом письме зарубежным компартиям от 13 июля. 12 июля при обсуждении на Президиуме ЦК положения в Венгрии был сделан акцент на подрывной деятельности империалистов, которые «ослабить хотят интернациональные связи под флагом самостоятельности пути», «хотят разобщить и поодиночке разбить» социалистические страны³. На первый план однозначно выходит лозунг единства социалистического лагеря, тогда как требования расширения самостоятельности признаются неактуальными.

Таким образом, уже в июле 1956 г. руководство КПСС видело опасность формирования в лице Югославии альтернативного идеологического центра в мировом коммунистическом движении, создающего реальную угрозу раскола в нем. Этому способствовала и сохранявшаяся независимая внешняя политика Югославии, последовательная в осуществлении линии на неприсоединение; встречаясь с деятелями стран «третьего мира», Тито неизменно выступал с критикой противостоящих друг другу военных блоков. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения – слишком велико было стратегическое значение Югославии. Ради закрепления позиций СССР в Средиземноморье стоило поработать.

Попытки мягко «образумить» Тито были предприняты Хрущевым в ходе их неформальных встреч на Адриатике и в Крыму в сентябре – начале октября 1956 г. ФНРЮ сравнили с солдатом, идущим «не в ногу» со всей ротой (то есть содружеством стран, строящих социализм), просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам

противоречащие открытым заявлениям (Письмо от 7 февраля 1957 г. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. Док. 84).

¹ «Правда». 6 июня 1956 г.

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито «ленинца». Ср.: «нельзя бросаться обвинениями – “антиленинец”» (А.И. Микоян. Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г. Там же. С. 141).

³ Там же. С. 149.

в странах Восточной Европы¹ и предпринять сближение с теми странами, в отношении с которыми сохранялась напряженность (с Венгрией, Болгарией, Албанией)². Под давлением Москвы Тито принял у себя в Белграде лидера Венгерской партии трудящихся Э.Гере, однако возвращение венгерской делегации в Будапешт 23 октября совпало с началом мощного восстания, для подавления которого были приведены в действие советские войска, что лишь усилило ожесточенность повстанческого сопротивления.

Руководство СКЮ после нескольких дней ожиданий 29 октября в письме венгерским лидерам³ солидаризировалось с курсом нового правительства И. Надя на расширение национального суверенитета, возложив главную вину за создавшееся положение на прежнее руководство, своей политикой подорвавшее веру многих трудящихся в перспективы социализма (что нанесло урон интересам сил социализма во всем мире). Поддержав И. Надя в его решимости опереться на возникшие в те дни рабочие советы, Тито в то же время довольно скептически отнесся к идее восстановления многопартийности в Венгрии, поскольку речь могла вскоре пойти об утрате коммунистами власти. В письме выражалась также озабоченность в связи с угрозой анархии и возможными выступлениями реакции⁴.

¹ В Венгрии в канун революции в условиях обострившегося до предела кризиса сталинской системы югославская модель все сильнее продолжала притягивать к себе партийных реформаторов. Югославский фактор, выступая в разных ипостасях, оказывал заметное влияние на внутриполитическую ситуацию в стране. Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

² См.: «Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы». Записки Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС по итогам встреч с И. Броз Тито // *Источник*, М., 2003. № 6. См. также: РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.403. Л.2-18. О трудностях в нормализации венгеро-югославских отношений см.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 - лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // *Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века*. Отв. редакторы Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002. С. 323-345.

³ Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok. Вр., 1995. 141-142 об.

⁴ В других заявлениях, относящихся к тем же дням, югославское правительство предостерегало от излишней торопливости с выдвижением требований о незамедлительном выводе советских войск, ибо это могло бы привести к нарушению межблокового равновесия, дестабилизации в регионе, что коснется и Югославии. Надсжды некоторых венгерских политиков на создание нейтрального пояса с участием Венгрии и Югославии были, таким образом, иллюзорны уже в силу югославской позиции. См. сборник документов: Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok. Вр., 1995.

В последующие дни обеспокоенность лидеров ФНРЮ происходящим в соседней стране усилилась (Надь, по их мнению, расчистил дорогу настоящей «контрреволюции»). К границе с Венгрией были подтянуты югославские войска¹. В ночь со 2 на 3 ноября на о. Бриони в Адриатике Тито, приняв Н. Хрущева и Г. Маленкова, дал, как известно, согласие на советскую военную акцию в целях приведения к власти более надежного правительства (предложенная югославами кандидатура Я. Кадара как главы этого правительства не вызвала возражений советской стороны). Тито также выразил готовность, связавшись с Надем, склонить его подать в отставку, что облегчило бы реализацию советских планов, единственно способных, по его мнению, спасти «завоевания социализма» в Венгрии².

Показательно, однако, что в те же самые дни, при обсуждении перспектив разрешения венгерского кризиса нейтральная, внеблоковая Югославия, особенно в устах Молотова, постоянно выступала в качестве негативного примера, на который никак не надо ориентироваться новому венгерскому правительству: «дело идет о создании новой Югославии», «повлиять на Кадара, чтобы не пошла Венгрия по пути Югославии»³.

Как известно, в результате венгерских октябрьско-ноябрьских событий произошло заметное ухудшение советско-югославских отношений. Во-первых, оно было вызвано особой позицией СКЮ относительно причин венгерского кризиса, изложенной в выступлениях И. Броз Тито на партактиве в Пуле 11 ноября⁴ и

¹ Государственный секретарь по делам народной обороны (министр обороны) ФНРЮ И. Гошняк говорил советскому послу Н.П. Фирюбину на приеме по случаю государственного праздника Югославии в конце ноября о том, что югославские войска уже находились в состоянии боеготовности вблизи границы, и если бы не наступательная операция Советской Армии, сами выступили бы против «венгерской реакции» (АВП РФ. Ф.077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 105).

² См. запись В.Мичуновичем брионской встречи: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 524-533. Постановление Президиума ЦК КПСС от 31 октября о проведении переговоров с Тито и соответствующую телеграмму в Белград см.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 475-476. Из литературы по теме см.: *Гибянский Л.Я.* Н.С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. 1999. №.1.

³ Записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 4 и 6 ноября. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. С. 201, 205.

⁴ Выступая на партактиве в хорватском городе Пуле, Тито к острому раздражению Москвы назвал венгерский кризис следствием советской политики (нравноправные отношения в лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование

Э. Карделя в Союзной Скупщине ФНРЮ 7 декабря¹. Другим источником новых осложнений в двусторонних отношениях стали неудача с нейтрализацией И. Надя, успевшего до своего укрытия в югославском посольстве в Будапеште осудить по радио военное вмешательство СССР, а также последующее развитие событий, в частности, незаконный арест советскими спецслужбами И. Надя и его соратников при выходе их из югославского посольства и переправка их в Румынию 22 ноября – очевидно, вопреки договоренностям с руководством ФНРЮ. Блюда престиж своей страны как независимой, Тито публично отмежевался от устроителей неблагоприятной акции².

советских войск для подавления демонстрации 23 октября он считал грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать правительство Кадара – надо было каким-то образом оправдать свос согласие с интервенцией, учитывая, что факт тайной брionской встречи мог быть предан гласности советской стороной. Подробнее см.: Stykalin A. Soviet - Yugoslav Relations and the Case of Imre Nagy // Cold War History, Vol.5, No.1, London, February 2005. P.3-22; Стыкалин А.С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы.

¹ 7 декабря второе лицо в СКЮ Э.Кардель, выступая в Союзной Скупщине, назвал «революционную борьбу» в Венгрии «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное возмущение». Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти рабочие советы – выросшую на венгерской почве «единственную реальную, – по его мнению, – социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях». Силовые действия СССР по свержению правительства И. Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь в том случае, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном же случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта. Программная речь Карделя была распространена югославской делегацией в ООН.

В отличие от привычной пропагандистской практики, в соответствии с которой позиции оппонентов КПСС в лучшем случае излагались в пересказе, выступление Карделя было опубликовано в журнале «Коммунист» (1956. № 18. С. 35-51) в сопровождении статьи видного работника «идеологического фронта», специалиста по политэкономии будущего академика А.Румянцева: Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» тов. Карделя // Коммунист. 1956. № 18. С. 11-34.

² См.: Стыкалин А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь - декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000. № 1. С. 70-81.

Возникшая между КПСС и СКЮ межпартийная полемика не ограничилась закрытой перепиской¹, перекинулась в прессу². В связи с венгерскими событиями Москва обвиняла Белград в умышленном создании затруднений правительству Кадара, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример и опыт в интересах борьбы против социализма. Если критика в прессе была весьма сдержанной, то выступления советских лидеров перед внутривнутрипартийными форумами были иной раз более жесткими и эмоциональными, нежели предназначенные для публикации.

Так, на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г. в выступлении, посвященном хозяйственным проблемам, Хрущев в присутствии ему эмоционально-демагогическом стиле выразил свое отношение к югославскому опыту строительства социализма и политике ФНРЮ: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными

¹ Еще ждет своей полной публикации переписка руководителей КПСС и СКЮ за конец 1956 – начало 1957 гг. с изложением каждой из сторон своих позиций не только в венгерском вопросе, но и по другим принципиальным вопросам мирового коммунистического движения. См.: РГАНИ. Ф. 89. Пер. 45. См. из опубликованного: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 730-735; КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 108-119. См. также постановление Президиума ЦК КПСС от 8 декабря 1956 г. «О письме ЦК СКЮ от 3 декабря 1956 г.»: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 510. Запись обсуждения в этот день на заседании Президиума ЦК КПСС письма, полученного от ЦК СКЮ, см.: Там же. Т. 1. С. 213. Мнение советского руководства относительно роли Югославии в венгерских событиях было сформулировано довольно жестко: «о событиях в Венгрии – поощряли, но события переросли ваши желания» (Там же). В то же время сохранялась установка: «дать ответ с дружеских позиций. Озабоченность, но выложить все». В свою очередь югославская сторона более всего была обеспокоена возможностью повторения кампании 1948 г.

² «Правда». 19 и 23 ноября 1956 г. «Борба», отвечая 27 ноября «Правде», выступившей с критикой речи Тито в Пуле, развила мысль о том, что сталинская политика гегемонии и неравноправия в отношениях между социалистическими странами, империалистические тенденции в политике СССР несомненно должны были вызвать антисоветские настроения, что и произошло в Венгрии.

государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во вторую мировую войну и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»¹.

При всей жесткости некоторых, главным образом рассчитанных на внутривнутрипартийную аудиторию заявлений в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимость возвращения к ситуации 1948 г. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н.П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен – с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, только не за счет «принципиальных идеологических уступок»². Та же установка была изложена руководителям «братских партий»: давая отпор «неверным утверждениям» югославов, мы считаем, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии, отмечалось в начале декабря 1956 г. в письме руководства КПСС чехословацкому лидеру А. Новотному³. О готовности приложить усилия для преодоления разногласий постоянно заявлялось и с югославской стороны.

Насколько можно судить по одному из документов МИД СССР, адресованному в ЦК КПСС, в Москве исходили из того, что «при нынешнем положении развитие советско-югославских отношений по

¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103-104. В соответствии с решением Президиума ЦК КПСС от 27 ноября в МИД СССР уже к 4 декабря была подготовлена и представлена в ЦК КПСС записка «К вопросу о поддержке Имре Надя и его политики югославскими руководителями» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. Папка 191. Д. 39. Л. 82-93). Она представляла собой тенденциозную подборку материалов, компрометирующих югославскую сторону, прежде всего деятельность югославской дипломатии в Венгрии. В письмо ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ от 10 января 1957 г. был включен самостоятельный раздел «О вмешательстве югославских дипломатов и печати во внутренние дела других стран и партий».

² Среди документов, раскрывающих позиции советской и югославской сторон, см. запись беседы посла СССР Н.П. Фирюбина и Тито от 11 января 1957 г. (РГАНИ).

³ Там же. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14.

государственной линии неизбежно должно сопровождаться принципиальной борьбой против концепций и взглядов югославского руководства как мелкобуржуазной, националистической идеологии», необходимо всячески препятствовать попыткам югославы «навязать свой порочный путь странам народной демократии и отколоть их от Советского Союза»¹. С другой стороны, следовало «поддерживать с Югославией нормальные отношения, не допуская превращения ее во враждебное социалистическому лагерю государство»².

Из «ревизионистских» концепций югославских руководителей, из отрицания ими деления мира на империалистическую и социалистическую мировые системы, по мнению советских внешнеполитических экспертов, логически вытекало стремление Югославии извлечь из противоречий между двумя лагерями максимальных политических и экономических выгод для себя, сохранив при проведении политики лавирования независимость от империалистического лагеря³. Это стремление предполагалось использовать в интересах СССР. Что же касается идей рабочих советов и рабочего самоуправления, то в одной из записок, подготовленных для ЦК, не без оснований отмечалось, что «идеи "непосредственной демократии" предназначаются югославами больше на экспорт, нежели для внутреннего потребления. У себя в стране югославы всемерно усиливают госаппарат», а иногда и сами признают отрицательные последствия практического осуществления своих идей⁴. Вопреки заверениям советской стороны политические осложнения не могли не сказаться на экономических связях, что проявилось в отсрочке предоставления Югославии выгодных кредитов и перенесении сроков строительства алюминиевого завода⁵.

¹ Там же. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104, 154. Политический отчет посольства СССР в Югославии за 1956 г. В переписке с Москвой Тито и его соратники, утверждая свое право на проведение самостоятельной, внеблоковой политики, вместе с тем всячески открещивались от претензий на лидерство в коммунистическом движении, отрицали за собой стремление навязать другим собственный путь строительства социализма. В то же время ими выражалось неудовольствие попытками некоторых компартий опорочить (не без ведома КПСС) югославский опыт строительства социализма, принизить авторитет СКЮ.

² Там же. Л. 154.

³ Там же. Л. 94.

⁴ Там же. Оп. 30. Д. 229. Л. 132.

⁵ См. постановления Президиума ЦК КПСС от 20 ноября и 28 декабря 1956 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 488, 512. Свое решение советская сторона мотивировала постановлениями декабрьского пленума ЦК КПСС, указавшего на необходи-

Взаимная критика¹ не воспрепятствовала, однако, действительным усилиям обеих сторон по преодолению разногласий. 1-2 августа 1957 г. Хрущев и Тито встречаются в доверительной обстановке в Румынии, впервые после ноября 1956 г.² Советская сторона обещала повлиять на венгерские власти, чтобы те не выпячивали обвинений против Югославии во время готовящегося процесса по «делу Имре Надя»³. Югославская же сторона согласилась участвовать в предстоящем ноябрьском совещании компартий социалистических стран, призванном обсудить наиболее актуальные проблемы мирового коммунистического движения.

Но в середине октября, ознакомившись с проектом Декларации совещания, представители СКЮ заявили о своем отказе его подписывать, убедившись в том, что Москва, как и раньше, во времена Коминтерна и Коминформа, продолжает диктовать свои установки. Свой отказ югославы мотивировали нежеланием дополнительно осложнять свои связи с Западом после того, как ФРГ уже разорвала дипломатические отношения с Югославией на основании так называемой «доктрины Хальштейна», после установления ФНРЮ дипотношений с ГДР⁴. Тем не менее, югославы приехали в Москву, участвовали в юбилейных торжествах. Не подписав декларации

мость устранения чрезмерного напряжения экономики, а также тем фактом, что в течение 1956 г. СССР был вынужден оказывать большую, чем предусматривалось, помощь Польше, а на 1957 г. намечено дополнительное оказание помощи ГДР и Венгрии.

¹ В некоторых выступлениях прессы и публичных заявлениях ряда идеологов СКЮ югославская сторона иногда выходила за рамки критики, звучавшей в межпартийной переписке. Так, тяготевший к «правому уклону» в СКЮ В.Деднер, выступая в мае 1957 г. в Швеции, говорил об империалистических тенденциях в политике СССР, о расстрате советскими лидерами громадного морального капитала русской революции. Все разговоры о многообразии путей к социализму явились, по его мнению, лишь тактическим маневром, курс на десталинизацию был основан на холодном расчете, однако Хрущев и его окружение просчитались и, столкнувшись после открытия шлюзов с более сильной общественной реакцией, чем ожидалось, были вынуждены возвратиться к привычному, более жесткому курсу (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 224. Л. 201-204).

² В ходе встречи была выражена готовность работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. По записке советской делегации в Президиум ЦК КПСС по итогам встречи можно судить о том, что ее результаты были с удовлетворением восприняты советской стороной (См.: Там же. Ф. 3. Оп. 12. Д. 250. Л. 2-8).

³ Подробнее см.: Райнер М. Янош. Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2006.

⁴ Подробнее см.: Стыкалин А.С. Как мировое коммунистическое движение отмечало 40-летний юбилей Октября (к истории подготовки и проведения московских совещаний компартий, ноябрь 1957 г.) // Ученые записки кафедры новой и новейшей

компартий соцстран, они в то же время поставили подпись под Манифестом мира, принятом на более широком совещании.

В Москве, как показывают материалы Президиума ЦК КПСС, существовала линия на нераздувание конфликта, сохранявшаяся до апреля 1958 г., когда была принята новая программа СКЮ, приведшая в систему основные положения югославской концепции социализма и признанная в СССР ревизионистской. Критика югославского «ревизионизма» достигает своей наивысшей в после-сталинский период отметки именно весной-летом 1958 г. Югославская модель самоуправления отождествлялась со «стихийностью и самотеком» в социалистическом строительстве, отрицанием руководящей роли партии и диктатуры пролетариата, апологией мирного вращивания элементов капитализма в социализм. Согласно оценке КПСС, выраженной в одном из внутрипартийных документов, «СКЮ не является марксистско-ленинской рабочей партией. Это скорее мелкобуржуазная партия с преобладанием крестьянских тенденций»¹.

Тем не менее, 4 мая на заседании Президиума ЦК КПСС была однозначно выражена позиция: «мы и сейчас все будем делать, чтобы поддерживать дружбу, но не только от нас зависит»². На майском пленуме ЦК КПСС 1958 г. Хрущев отмежевался от платформы Молотова в 1955 г., подтвердив правильность проводившейся линии на далеко идущее сближение с Югославией, и обозначил задачу, стоящую на повестке дня в новых условиях. «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок», — говорил он³.

Установки руководства КПСС относительно границ критики были наиболее полно изложены в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям КПСС о советско-югославских отношениях: критика югославского ревизионизма в советской печати «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на

истории Ставропольского государственного университета. Вып. 1. Ставрополь, 2008. С. 280-304.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 94. Л. 182.

² Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. С. 308.

³ РГАНИ. Ф.2. Оп. 1. Д. 318. Л. 35.

мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949-1953 гг.»¹. В этом документе также отмечалось, что «в интересах дела мира и социализма надо предпринять все от нас зависящее для того, чтобы Югославия не перешла в империалистический лагерь. Необходимо и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней»².

Как бы то ни было, Югославию решили проучить, снова прибегнув к методам экономического давления. Речь идет об одностороннем пересмотре планов экономического сотрудничества и новой отсрочке в предоставлении обещанного Советским Союзом Югославии кредита. В постановлении Президиума ЦК КПСС от 23 мая 1958 г. было признано необходимым «изменить условия экономических соглашений, заключенных с Югославией, в которых предусматривается оказание экономической и технической помощи Югославии на льготных для нее условиях, имея в виду построить в дальнейшем экономические отношения с Югославией строго на взаимовыгодной основе»³.

В дальнейшем критика югославского ревизионизма в советской печати идет на спад. Как отмечалось в документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 г., «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы об их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что не отвечает ни удельному весу Югославии на

¹ Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75. В этой связи небезынтересно отметить, что в Москве считали непродуктивной критику албанских лидеров в отношении Югославии. Еще до разрыва СССР с Албанией в документах МИД СССР албанская сторона неоднократно осуждалась за подмену теоретически обоснованной критики «югославского ревизионизма» грубой бранью. Так, в письме посольства СССР в Албании (октябрь 1959 г.) отмечалось, что «высказывания албанских друзей о югославских руководителях вряд ли помогают идейному разоблачению ревизионизма. Они в большинстве своем являются бездоказательными и используются югославами для обвинения албанских друзей, и в частности, т. Энвера Ходжи, в раздувании холодной войны» (См.: КПСС и формирование советской политики на Балканах. С. 279-280).

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 74-75.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 14. Д. 211. Л. 140-142. Подробнее см. наши комментарии: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 2. С. 1021-1024.

международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении»¹.

Тем не менее, дежурная критика югославского «ревизионизма», иногда довольно резкая, звучала с трибуны XXI (январь - февраль 1959 г.) и XXII (октябрь 1961 г.) съездов КПСС², присутствовала в выступлениях Хрущева и других советских лидеров на съездах зарубежных компартий, вошла в итоговый документ московского Совещания компартий 1960 г.³ Эта критика в значительной мере была результатом компромисса в отношении КПК, в Москве временно решили принести югославов в жертву задачам нормализации советско-китайских отношений. На конъюнктурный характер критики указывает документ от 17 февраля 1961 г. – принятые Президиумом ЦК КПСС указания послу СССР в ФНРЮ для беседы с Тито в связи с предстоящим возобновлением работы XV сессии Генассамблеи ООН. Послу было поручено изложить югославскому лидеру позицию СССР по некоторым важным проблемам международных отношений. При этом посол должен был исходить из того, что «позиции Югославии и Советского Союза по многим международным вопросам в основном совпадают и что полезно было бы и впредь по вопросам, представляющим взаимный интерес, консультироваться»⁴.

Тактика принесения СКЮ в жертву задачам нормализации отношений с КПК была безуспешна, советско-китайские противоречия углублялись. С другой стороны, ответом СКЮ на критику КПСС стали дальнейшая активизация внешней политики ФНРЮ, явившейся в 1961 г. одним из инициаторов формально провозглашенного движения неприсоединения, и дополнительные усилия,

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 99. Л. 90. Обзор «Ревизионистское извращение теории и практики марксизма-ленинизма». Принимая в январе 1960 г. посетившего Москву близкого соратника Тито С. Вукмановича-Темпо, Хрущев говорил: мы не ругаем вас, а критически разбираем так называемый «югославский путь строительства социализма»; программу СКЮ считаем образчиком ревизионизма. Передайте Тито, продолжал Хрущев, что мы согласны развивать отношения по государственной линии, согласны пойти навстречу и вашим предложениям о развитии контактов и по партийной линии (!), но только стоя на принципиальных марксистско-ленинских позициях, добиваясь согласия, где возможно, а там, где пока невозможно, пусть на нас поработает время (РГАНИ).

² Решения XXII съезда, направленные на углубление десталинизации, нашли высокую оценку руководства СКЮ.

³ См.: Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. «Правда». 8 декабря 1960 г.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 867. Л. 75.

направленные на пропаганду своей платформы. В конце января 1962 г. М.А. Суслов на совещании преподавателей-обществоведов говорил о том, что руководство СКЮ «не только не отказывается от своей ревизионистской программы, но и усиленно рекламирует ее»¹.

Решительный сдвиг в советско-югославских отношениях относится к маю 1962 г. Зная, что подходит срок, когда Москва в соответствии со своими прежними декларациями должна вернуться к вопросу о предоставлении Югославии обещанного еще в 1956 г. кредита, Тито 6 мая, выступая на партактиве в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ встать на сторону КПСС в углубляющемся конфликте между КПСС и КПК. Всего через 10 дней, 16 мая, Хрущев, находившийся с визитом в Болгарии, отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией «нормальные, более того, хорошие отношения»². В итоговой советско-болгарской декларации от 21 мая критика ревизионизма вопреки обычному обошлась без упоминания югославо.

Новая ситуация, сложившаяся в мировом коммунистическом движении, теперь работала на советско-югославское сближение. Если в конце 1960 г. во многом под давлением КПК представители КПСС согласились на включение антиюгославских тезисов в итоговую декларацию международного совещания компартий, то к концу 1962 г. положение меняется. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС отражают стремление лидеров КПСС, не отрицая существующих разногласий с руководством СКЮ, вместе с тем защитить югославскую сторону от китайских нападок³. 10 февраля 1963 г. в открытой дискуссии с идеологами КПК «Правда» отмечала, что в СКЮ и ФНРЮ «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением». Новая советская концепция, сформулированная в ходе обсуждения на Президиуме ЦК КПСС содержания полемической статьи «Правды», заключалась в следующем: спорные вопросы между КПСС и СКЮ остаются, но своей товарищеской критикой «мы

¹ См. материалы совещания: Коммунист. 1962. № 3. С. 15-46.

² «Правда». 17 мая 1962 г.

³ См. краткие записи заседаний от 30 декабря 1962 г. (по итогам состоявшихся в это время встреч Хрущева и Тито в СССР, первых после длительного перерыва), 29 января и 12 марта 1963 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. С. 664, 695-696, 700.

должны содействовать процессу освобождения [югославов] от ошибочных позиций, помогать изживать недостатки»¹.

Начало возымело продолжение. Посетив 20 августа - 3 сентября 1963 г. Югославию, Хрущев, хотя и не скрывал своей неудовлетворенности в связи с нежеланием правительства этой страны синхронизировать свою внешнюю политику с линией советского блока², вместе с тем, по некоторым сведениям, настолько увлекся моделью «самоуправления», что после возвращения домой распорядился всерьез заняться изучением югославского опыта в целях внедрения элементов самоуправления на советских предприятиях. Правда, отвечавший за связи с соцстранами секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, всегда скептически относившийся к югославской модели, не торопился выполнять это поручение. С отставкой Хрущева в октябре 1964 г. оно отпало само собой³.

¹ Там же. С. 696. Поводом для полемики стали нападки идеологов КПК на отдельные положения, прозвучавшие в докладе Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета СССР 12 декабря 1962 г. «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза» и его речи на VI съезде СЕПГ 16 января 1963 г.

² «Не следует особо обольщаться, что у нас 100-процентное единство, этого нет», – говорил он на заседании Президиума ЦК 4 сентября по итогам двухнедельной поездки в Югославию (Там же. С. 736). А через год, 10 сентября 1964 г., совсем незадолго до отставки, он снова вернулся к этой теме, заметив: «Надо иметь в виду, что политика Югославии очень неустойчивая в отношении нас и вообще эта политика неустойчивая, и поэтому надо не особенно полагаться на Югославию. И сам Тито не полагается на Югославию. Он говорит: меня не слушают, а молодежь наша воспитывается на культуре Запада, а когда у нас были расхождения, как раз эта молодежь росла и она воспитывалась на антисоветском материале» (Там же. С. 855). Тито говорил об этом Хрущеву во время посещения Ленинграда 8-9 июня 1964 г. по пути из Финляндии.

Критика программы СКЮ в советской партийной прессе иногда звучала и в условиях нового потепления двусторонних отношений: «Главной опасностью в коммунистическом движении является ревизионизм, идеология которого нашла наиболее полное воплощение в Программе Союза коммунистов Югославии. И хотя по ревизионизму нанесены сокрушительные удары, борьба против него остается важной задачей коммунистов» (Из статьи секретаря ЦК КПСС, одновременно возглавлявшего международный отдел ЦК КПСС: Пономарев Б. Победоносное знамя коммунистов мира. «Правда». 18 ноября 1962 г. Ср. с опубликованной 10-тью днями позже, 29 ноября, телеграммой Хрущева Тито в честь государственного праздника ФНРЮ. В ней говорилось о том, что дружеские отношения между двумя странами, получившие развитие в этом году, будут крепнуть и расширяться).

³ Бернов Ю.В. Записки дипломата. М., 1995. С. 81-82. Как показывают стенограммы заседаний Президиума, Хрущеву при обосновании необходимости тех или иных реформ системы управления приходилось то и дело отмежевываться от югославского опыта, вызывавшего в партийной среде неизменные подозрения. «Некоторые могут сказать, что Хрущев становится на югославский путь. Нет, это не так. От того, что они сделали, они теперь сами уходят, так зачем же нам идти по такому пути. Это анар-

В эпоху Л.И. Брежнева советско-югославские отношения в целом отличались относительной стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции СФРЮ от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права Югославии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий (серьезный кризис двусторонних отношений в августе 1968 г. был преодолен совместными усилиями). Как и в случае с предшествующей эпохой, применительно к этому периоду материалы заседаний высшего партийного руководства (с 1966 г. Политбюро ЦК КПСС) представляют собой важнейший источник для изучения советско-югославского диалога во всей его динамике. Однако это уже предмет другой статьи.

хизм. Мы, коммунисты, марксисты-ленинцы, за централизованное социалистическое хозяйство, которое должно вестись в плановом порядке. Но мы за децентрализацию в управлении», – доказывал он своим соратникам 5 ноября 1962 г. (Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т.1. С. 638).

Неизученные проблемы Балканского кризиса (конец XX – начало XXI вв.)

Нас часто упрекали за то, что мы изучаем современный кризис, так как являемся свидетелями драматических событий на Балканах, а потому не лишены эмоций и пристрастности. Однако кризис длится уже почти 20 лет, поэтому можно говорить и об исторической дистанции. На наш взгляд, изучать кризис надо, так как мы предвидим его затяжной характер. Кроме того, именно мы, современники событий, можем найти и собрать документы о происходящем, оставить свои первые научные наблюдения. Поэтому историкам следует работать по двум направлениям: собирать и публиковать как можно больше документов и на их основе делать научные обобщения. В этом случае мы оставим будущим поколениям ученых научную базу для их дальнейших исследований.

Историографическая ситуация в Сербии и России различная.

В Сербии отсутствует научное учреждение под эгидой государства, которое бы с научных позиций изучало причины, содержание и последствия кризиса. В начале 90-х годов существовали музеи как общественные институты, которые собирали данные о преступлениях против сербов (Воин Дабиш, Бояна Исакович), но эти документы не сохранились. Для югославской науки первой половины 90-х годов было характерно то, что все обществоведы активно включились в исследование проблем кризиса. Большой поток литературы посвящен анализу причин кризиса, разным его аспектам – внутреннему и внешнему факторам¹, событиям в Хорватии², Боснии и Герцеговине³.

¹ Булајић М. Разбијање југословенске државе 1991/1992 злочин против мира: Одговорност Ватикана и Немачке. Београд, 1994; Екмечић М. Србија између Средње Европе и Европе. Београд, 1992; Вилић Д., Тодоровић Б. Разбијање Југославије 1990–1992. Београд, 1995; Јовић Б. Командање Југославије. Београд, 1992; Ташић П. Како сам бранио Анту Марковића. Скопје, 1993; Он же. Како је срушена Југославија. Скопје, 1994.; Војновић М. Препород српског народа: Прилог српском националном питању. Београд, 1993.

² Радуловић С. Судбина Крајине. Београд, 1996; Момчиловић Д. Нови геноцид над Србима у ХДЗ Хрватској. Београд, 1993.

³ Прекид односа са Републиком Српском: Документи. Београд, 1994; Zagorac D. Dr. Radovan Karadžić: Fanatik srpske idcje. Beograd, 1996; Пат у Босни: Како је почело. Бања Лука, 1993; Хелета Н. Горажде 92 95: Страдање Срба. Београд, 1996; Страдање

В России есть Центр по изучению современного балканского кризиса в Институте славяноведения РАН, который является координатором изучения проблем кризиса в научно-историческом аспекте, так как многие научные учреждения России исследуют отдельные проблемы кризиса в Казани, Екатеринбурге, Иркутске, Самаре и т.д. Хотя у нас научных сил меньше, наш подход к систематизации всех проблем кризиса заслуживает внимания. В результате сербам картина ясна как свидетелям и участникам событий, русским картина ясна как исследователям.

И российская, и сербская историографии прошли два этапа, которые отличаются разными количественными и качественными характеристиками в подходе к исследованию кризиса – 1) 90-е годы прошлого века. и 2) первое десятилетие XXI века.

I этап. Сербия. Вспомним ситуацию в историографии в первой половине 90-х годов. Как только произошел распад Югославии, исследователи начали в своих работах отражать происходящее. Научные институты, в соответствии со своими исследовательскими задачами, изучали разные аспекты конфликта, но больше уделяли внимания причинам конфликта и факторам, которые влияли на его разрастание. Так, белградский Институт общественных наук пристально рассматривал процессы переходного периода и теорию конфликтов¹, Институт европейских исследований одним из первых представил анализ международного фактора в разрастании кризиса², плодотворно работал над составлением хронологии кризиса с 1942 по 1994 г.³. Институт международной политики и экономики издал серию книг, посвященных международному праву⁴, деятельности международных организаций⁵, позиции разных стран в кризисе⁶, опубликовал

Срба у Мостару и долини Неретве: Књига докумената / Сакупила и приредила Душива Бојић. Београд, 1996.

¹ *Vidojević Z. Tranzicija, restauracija i neototalitarizam. Beograd, 1997; Бабић Б.С. Прелаз у транзицији. Београд, 1996. Golubović Z., Kuzmanović B., Vasović M. Društveni karakter i društvene promene u svetlu nacionalnih sukoba. Beograd, 1995; Jugoslavija na kriznoj prekretnici. Beograd, 1991;*

² *Samardžić S. Prinudna zajednica i demokratija. Beograd, 1994; Međunacionalni sukobi i rat na prostoru bivše Jugoslavije i mogućnosti njihovog rešavanja. Beograd, 1992.*

³ *Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1994. Beograd, 1995; Оти же. Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. Beograd, 1994.*

⁴ *Međunarodno pravo i jugoslovenska kriza. Beograd, 1996; Vukadinović R.D. Pravo Evropske Unije. Beograd, 1996.*

⁵ *Lutovac Z.M. Manjine, KEBS i jugoslovenska kriza Beograd, 1995.*

⁶ *Guskova J. Jugoslovenska kriza i Rusija. Beograd, 1996.*

обобщенную хронологию кризиса с 1990 по 1995 г.¹, а также большое количество сборников статей по интересующим нас проблемам². Исторический институт Сербской академии наук и искусств (СНИ) каждый год в декабре проводил международные конференции по актуальным проблемам истории и современности и публиковал после этого выступления участников³.

Важной для понимания процессов на Балканах в свете международных отношений являются объемные монографии юриста-международника профессора Смили Аврамовой, которая была участником всех переговоров Югославии и международных организаций как эксперт и советник Слободана Милошевича. Методологически монография «Постгероическая борьба Запада против Югославии»⁴ является не только научным исследованием, но в какой-то степени и мемуарами. Автор, наряду с теоретическими обобщениями и научным анализом, рассказывает о событиях, участником которых она была, цитирует массу документов, которые сохранила и которые еще не находятся в научном обороте, приводит много новых фактов и данных. В вышедшей в 1998 г. книге «Трехсторонняя комиссия» С.Аврамова приоткрывает завесу деятельности тайных организаций по установлению своего господства в мире и на территории Югославии⁵.

Весомым вкладом в развитие историографии являются работы академика В. Стругара, который проанализировал состояние черногорского общества в конце 80-х годов и написал объемный труд «Большое восстание Черногории»⁶, наполненный подробным описанием событий, новыми документами, хронологической таблицей. Им написаны и другие работы, раскрывающие состояние межнациональных отношений в Югославии в конце 80-х годов, а также истоки политической напряженности⁷.

¹ *Marković B.* Yugoslav Crisis and the World: Chronology of Events: January 1990 - October 1995. Belgrade, 1996.

² *Savremeni procesi i odnosi na Balkanu.* Beograd, 1997 и др.

³ *Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XXвек).* Београд, 1997; *Европа и Срби.* Београд, 1996 и др.

⁴ *Avramov S.* Postherojski rat Zapada protiv Jugoslavije. Veternik, 1997.

⁵ *Она же.* Trilateralna komisija. Veternik, 1998.

⁶ *Стругар В.* Велика буна Црне Горе 1988–1989. Београд, 1990.

⁷ *Он же.* Црногорски сабор српске слогe. Београд, 1994; *он же.* Povelja Jugoslavije (Ustav države i društva). Beograd, 1990; *он же.* Srbi, Hrvati, Slovenci i Treća Jugoslavija. Beograd, 1992.

Попытку осмыслить начало кризиса в контексте развития двух предшествующих Югославий мы видим в книге М. Зечевича «Югославия 1918–1992»¹. Монография дает наиболее общий обзор политико-правовой истории Югославии, ее сущности, развития и распада. Автор большое внимание уделяет взаимоотношениям политических субъектов на исторической сцене. Хотя книга выдерживает хронологический ряд, она скорее носит проблемный характер. В заключительной части интерес представляют рассуждения автора о сербском вопросе, который не удавалось решать на протяжении последних двух веков и который в конечном итоге, по мысли автора, стал причиной столкновений при распаде СФРЮ.

О военной стратегии сербов в войне в Хорватии и Боснии и Герцеговине написал книгу один из активных участников тех событий, доктор военных наук С. Нишич². Свою работу он посвятил рассмотрению истории расселения, порабощения и уничтожения сербского народа и его культуры на просторах Балкан.

Анализу происходившего на территории бывшей Югославии с военной точки зрения посвящена книга М. Секулича «Югославию никто не защищал, а командование ее предало»³. В книге дается документальный анализ всех шагов командования Югославской народной армии и руководства федерации в первые годы кризиса и делается неутешительный вывод об их бездействии, непрофессионализме, преднамеренных действиях по развалу Югославии.

Значительный интерес для исследователя представляют книги журналистов, которые провели немало дней в полевых условиях, на линии фронта, стали свидетелями многих событий. К такому виду литературы относится книга Дады Вуясинович, молодой журналистки, которая в период с 1991 по 1993 г. опубликовала в журнале «Дуга» 24 репортажа из Славонии, Краины, Боснии и Герцеговины⁴.

I этап. Россия. В России ученые пристально следили за балканским кризисом. Безусловно, центром российской науки всегда была Москва и Российская академия наук. Кузницей кадров по современным проблемам славянских стран долгие годы был

¹ *Zecević M.* Jugoslavija 1918–1992. Београд, 1994.

² *Нишич С.* Стратегија Срба. Београд, 1995.

³ *Sekulić M.* Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. Београд, 1997.

⁴ *Vujasinović D.* Svedočenja (iz obeščašćene zemlje). Članci o ratu u Jugoslaviji, pisma 1990-1994. Toronto, 1995.

Институт экономики мировой социалистической системы, позже переименованный в Институт международных экономических и политических исследований (в 2005 г. произошло его слияние с Институтом экономики РАН). Во всех других гуманитарных исследовательских институтах Академии наук – Институте Европы, Институте российской истории, Институте этнологии и антропологии, во многих университетах работали и работают специалисты по Югославии. Однако в эти годы основным центром по изучению проблем кризиса постепенно становился Институт славяноведения РАН.

Первыми откликами на события в Югославии стали два сборника документов, изданные в ИНИОН РАН при поддержке Международного фонда югославянских исследований и сотрудничества «Славянская летопись» (президент Фонда Радомир Раичевич), – «Югославия в огне» и «Югославский кризис и Россия»¹. Авторы сборников через документы показали начальный этап развития кризиса на Балканах, дали первое обобщение событий в аналитических статьях, помещенных в этих сборниках.

Постепенно стали появляться и научные обобщения. Среди имен российских ученых, прежде всего, следует назвать директора Института славяноведения РАН В.К. Волкова. Владимир Константинович размышлял о кризисе как историк, который хорошо знает историю этих народов, их взаимоотношения. Его интересовали причины кризиса и начинающийся распад Федерации. Уже в 1991 г. он опубликовал в немецком журнале статью об этнократии в посткоммунистическом обществе², а в 1992 г. – о возрождении национализма в конце XX века³. В.К. Волков осознал глубину и масштабность происходящих на Балканах событий, понял, что эта проблема достойна специального изучения и решил создать в Институте Центр по изучению современного балканского кризиса. В.К. Волков одобрил идею начать серьезное изучение событий на

¹ Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992): Современная история Югославии в документах. Т.1 / Отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М., 1992; Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии: Современная история Югославии в документах. Т.2 / Автор, составитель, отв. ред. Е.Ю.Гуськова. М., 1993.

² Волков В.К. Этнократия – в посткоммунистическом мире // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1991. № 52-53.

³ Волков В.К. Возрождение национализма в конце XX века // *Das Parlament*. Bonn. 1992. № 31-32.

Балканах со сбора и публикации документов, что легло в основу концепции создаваемого тогда Центра.

В 1994 г. в журнале «Новая и новейшая история» появляется знаковая работа Владимира Константиновича «Трагедия Югославии»¹, без которой ни один исследователь не может приступить к изучению причин кризиса. По мнению ученого, кризис имел комплексный, многослойный характер, многообразные причины. Его нельзя рассматривать в отрыве от таких событий, как революции 1989 г. в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, как распад «социалистического лагеря» и Советского Союза. Владимир Константинович обратил внимание на те условия, в которых разразился кризис: радикальное изменение расстановки сил во всем мире, объединение Германии, распад «социалистического лагеря», снижение влияния движения неприсоединения. Переплетение внутривосточных и международных проблем превратило югославский кризис в сложный узел противоречий, нуждавшихся в системном, комплексном анализе. Именно такой анализ и предпринял В.К. Волков в своей статье, написанной, что следует учитывать, в самом начале кризиса, когда еще было мало документов, когда действия многих актеров драмы были не видны, когда прогнозирование событий практически было невозможным. Владимир Константинович пошел по пути постановки ключевых вопросов, рассмотрение которых могло выявить исторические корни противоречий, которые в дальнейшем привели к кризису и распаду Федерации.

Размышляя о причинах событий в Югославии, а также о причинах односторонних оценок в западных средствах массовой информации, В.К. Волков ввел в научный оборот понятие «*этнократические кланы*» разных республик, которые втянули в свою борьбу за власть, территорию и собственность широкие слои населения, используя националистические идеи как мобилизационные лозунги. Под термином «этнократия» Владимир Константинович предлагал понимать новый общественный слой, элементы которого возникают вследствие коммунистической социальной инженерии и экспериментов в области национальной политики. Национальная партократия комфортно формировалась и развивалась в автономных единицах (республики или области), территориальных по форме и национальных по содержанию, и вела себя как в мононациональных

¹ Волков В.К. Трагедия Югославии // Новая и новейшая история. М., 1994. № 4. С. 3–32.

государственных образованиях, оттирая на второй план представителей других народов. Общей чертой всех этнократических кланов является их стремление к национально-авторитарным формам правления, борьба за власть и собственность, за контроль «своей» территории при полном игнорировании и непризнании за другими этносами тех прав, которых она добилась для себя.

Общий обзор кризиса с точки зрения специалиста-географа представлен в серии публикаций профессора МГУ Э.Б. Валева¹. Пожалуй, в то время это было самое обобщающее исследование, дополняемое прекрасно составленными картами, статистическими таблицами, схемами. К сожалению, опубликованное в малотиражной газете «География», оно не доступно широкому кругу читателей.

Крайне важной и интересной для понимания внешней политики России на Балканах и событий в Боснии и Герцеговине явилась книга К.В. Никифорова «Между Кремлем и Республикой Сербской»². Книга убедительно показывает, что российская политика на Балканах потерпела крах, доказывает, сколь самостоятельной она была, как оправдывала имперские амбиции Запада, а затем и помогала им, почти колониальному вмешательству во внутренние дела суверенного государства. Борьба альтернативной МИД линии поведения в югославском кризисе, а, значит, существование потенциально иного развития событий были бы незнакомы историкам без исследования К.В. Никифорова. Они, прежде всего, дают в руки ученым аргументы при критике позиции МИД РФ, опираясь на которые, наша конструкция теоретических построений ошибок и просчетов становится более прочной.

В 1998 г. на основе докторской диссертации увидела свет монография М.Ю. Мартыновой «Балканский кризис: Народы и политика», в которой процесс распада федерации рассматривается с точки зрения этнолога³. В книге серьезно анализируются этнополитические процессы на территории бывшей Югославии. В 1995 г. в рамках этого же Института появилась монография «Новая этнополитическая карта Балкан»⁴.

¹ Валева Э.Б. Югославский клубок // География. М., 1996. № 5,7,9,13,15,19.

² Никифоров К. Между Кремлем и Республикой Сербской. М., 1999.

³ Мартынова М.Ю. Балканский кризис: Народы и политика. М., 1998.

⁴ Мартынова М.Ю., Кошуба М.С. Новая этнополитическая карта Балкан. М., 1995

II этап. Сербия. Дейтон не решил многих проблем, но принес надежду на мирное завтра. Однако проблемы распада Югославии отодвинулись для ученых на второй план бомбардировками Югославии в марте-июне 1999 г. После этого появилось большое количество работ о событиях в Косове и Метохии и истории края, бомбардировках НАТО, деятельности международных организаций¹. В последующие годы агрессия НАТО на Югославию вызвала большой поток исследований и самого явления, и его последствий². В 2008 г. появляется «Книга мертвых» Бранимира Станоевича: список всех погибших за время бомбежек авиации НАТО – 3799 человек разных национальностей³.

К сожалению, после 2000 г. мы не можем говорить о росте исследований причин, содержания и последствий как кризиса в целом, так и отдельных его эпизодов. Очень активно историки пишут в Сараеве и Загребе, значительно меньше в Белграде, Скопье и Любляне. Следует упомянуть книгу академика Милорада Экмечича об истории сербов в новом веке, где повествование заканчивается анализом причин, приведших к распаду Югославии⁴. Значительным вкладом в разрешение вопроса о причинах и поводе начала агрессии НАТО является книга Или Симича «Рачак»⁵, в которой автор через документы показывает, что же на самом деле произошло в селе Рачак в январе 1999 г. и для чего нужна была инсценировка «убийства мирных албанских жителей». Из документов видно, как натовцы специально создали повод для начала воздушных ударов по территории Югославии. Опубликованы ряд исследований о Сребренице М. Иванишевича⁶, А. Павича⁷

¹ Дрециун М. Други косовски бој. Ветерник, 2001; На медијском фронту: Интервју са генерал-пуковником Небојшом Павковићем. Београд, 2000.; Дрециун М. Косметска легенда. Београд, Нови Сад, 2003; Vidojević M. Operacija hladnjača. Beograd, 2002; Lučić D. Tajne albanske mafije. Zrenjanin, 2000 и др.

² Анђелковић Лукић М. Дарови «Милосрдног анђела»: еколошко разматрање НАТО бомбардовања СР Југославије. Београд, 2008.

³ Станоевић Б. Милосрдни анђео или књига мртвих. Београд, 2008.

⁴ Екмечич М. Дуго кретање између клања и орања: Историја Срба у новом веку 1492-1992: Београд, 2007.

⁵ Симич И. Истина о Рачку. Београд, 2006.

⁶ Иванишевић М. Злочин над Србима БиХ. 1992-1995. Београд, 2005; он же. Лична карта Сребренице. Београд, 2008.

⁷ Павић А. Забрањена истина о Сребреници: Приручник заснован искључиво на страним изворима. Чачак, 2006.

и журналистки Л. Булатович¹, она же продолжает писать о Косове, Радоване Караджиче, генерале Младиче². Правовые аспекты кризиса во многих своих работах рассматривает академик Коста Чавошки³.

Что очень важно отметить: по прошествии значительного времени с начала кризиса появляется обширная мемуарная литература. Большой интерес представляет работа бывшего министра иностранных дел Владислава Йовановича обо всех событиях на протяжении последнего десятилетия прошлого века, свидетелем которых он был⁴. Известный писатель Добрица Чосич, который в 1992-1993 гг. исполнял должность президента СРЮ, опубликовал свои воспоминания под названием «Писательские записки»⁵. Президент Черногории М. Булатович опубликовал несколько книг мемуарного характера – классические мемуары «Правила молчания» и оригинальные воспоминания в виде диалога с С. Милошевичем⁶.

В Москве на русском языке в 2007 г. вышли мемуары последнего министра обороны Югославии Велько Кадиевича под названием «Контрудар»⁷. В книге генерал вновь возвращается к событиям, приведшим к развалу федерации, и доводит описание до сегодняшних дней. В этой работе пересмотрен ряд позиций автора, она поражает открытостью и искренностью. Важной составляющей работы являются ранее не публиковавшиеся документы, в частности, стенографические записи бесед с послом США в СФРЮ Уорреном Циммерманом.

II этап. Россия. В отличие от сербских коллег, как нам кажется, российские ученые активнее занимаются исследованием проблем кризиса, прежде всего, в Институте славяноведения.

¹ Булатовић Љ Истинита Сребреница. Београд, 2005; она же. Српске мученице из Сребренице. Београд, 2007.

² Булатовић Љ. Косово, не дам те забораву. Београд, 1999; она же. Radovan. Beograd, 2002; Булатовић Љ. Ламент над Косовом. Београд, 2003; она же. Рапорт команданту. Београд, 2009.

³ Чавошки К. Од слова до духа Дејтона. Српско Сарајево, 1999; он же. Згажени Устав. Београд, 2003.

⁴ Јовановић В. Rat koji se mogao izbeći (U vrtlogu jugoslovenske krize). Beograd, 2008.

⁵ Чосић Д. Пишчеви записи (1981-1991). Београд, 2002; он же. Пишчеви записи (1993-1999). Београд, 2008; он же. Пишчеви записи (1999-2000): Време змија. Београд, 2008.

⁶ Булатовић М. Pravila ćutanja. 3. izd. Beograd, 2004; он же. Neizgovorena odbrana, 2006.

⁷ Кадиевич В. Контрудар. М., 2007.

В 2002 г. в журнале «Новая и новейшая история» публикуется большая (80 стр.) статья В.К. Волкова под названием «Новый мировой порядок и балканский кризис 90-х гг.»¹, в которой он показывает масштабность событий на Балканах и их общественно-политические последствия. На этот раз ученый препарировал систему международных отношений и как талантливый и многогранный историк связал в единую схему крушения всех европейских систем международных отношений за последние четыре столетия. В 2004 г. в журнале «Современная Европа» публикуется статья В.К. Волкова «Многострадальный регион»², в которой автор проанализировал этапы кризиса и наметил возможные очаги напряженности в ближайшей перспективе.

Активную исследовательскую позицию занимает Центр по изучению современного балканского кризиса, являющийся научным подразделением Института славяноведения РАН. Главным направлением работы Центра является изучение причин, содержания и последствий кризиса на территории бывшей СФРЮ в 90-е годы XX в., социально-политических процессов на Балканах в новых балканских государствах, сравнительный анализ процессов в многонациональных и многоконфессиональных государствах со схожими судьбами. В Центре внимательно исследуют проблемы посткризисного пространства, возникающие конфликтные очаги, роль внешнего фактора в урегулировании кризисных моментов, методику переговорного процесса. Поэтому важной задачей Центра является сбор и публикация документов, помогающих анализу и осмыслению распада многонационального государства, обобщение результатов исследования в монографиях и статьях. За период 2001-2007 гг. сотрудниками Центра опубликовано 60 научных работ общим объемом 120 а.л., около 70 статей, интервью в различных средствах массовой информации.

В Центре собрана уникальная библиотека, архивные материалы миротворческих организаций, а также создана компьютерная база данных по проблемам современного кризиса на территории бывшей Югославии.

¹ Волков В.К. Новый мировой порядок и балканский кризис 90-х годов // Новая и новейшая история. М., 2002. № 2.

² Волков В.К. Многострадальный регион // Современная Европа. М., 2004. № 4. С. 75-93.

Всего в Центре опубликовано 12 сборников документов по проблемам кризиса. Среди последних - трехтомное издание документов «Международные организации и кризис на Балканах» (2000)¹, четырехтомное издание документов «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии» (2004-2010)², «Наши миротворцы на Балканах» (2007)³. Теперь исследователи располагают систематизированными документами международных организаций; документами по истории межнациональных противоречий в Косове и Метохии, Сербии, Македонии и Черногории; воспоминаниями российских офицеров, служивших на Балканах.

В первый том сборника «Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии» (2006 г.) вошли документы с 1878 г по 1997 г. Они касаются истории сербского и албанского населения Косово и Метохии, албанского населения в Македонии и Черногории, а также истории и современного состояния сербско-албанских, черногорско-албанских и македонско-албанских отношений. Том открывается Программой Призренской лиги, албанской организации, созданной в 1878 г. и поставившей себе цель «с оружием в руках бороться за защиту всей территории», заселенной албанцами. Последующие документы отражают состояние и трансформацию так называемого албанского вопроса в конце XIX – начале XX в., после создания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, в годы Второй мировой войны, в период существования СФРЮ. Ряд документов отражают состояние сербско-албанских отношений в период распада федеративного государства и югославского кризиса.

Второй том документов (2007 г.) освещает содержание конфликта на территории Косова и Метохии в 1998-1999 гг. – как столкновение между албанскими сепаратистами и правительством Югославии, так и деятельность международных организаций по разрешению конфликта, включая применение блоком НАТО силы с целью заставить правительство страны принять натовские условия урегулирования.

В третий том документов (2008) вошли более 100 документов, которые охватывают 6 лет истории югославянских государств – с

¹ Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Т. 1-3.

² Албанский фактор кризиса на территории бывшей Югославии. М., 2006-2010. Т. 1-4.

³ Наши миротворцы на Балканах. М., 2007.

2000 по 2005 г. включительно. Выделение документов именно этих лет в отдельный том было вызвано тем, что в это время наступает новый этап в развитии кризиса, связанный с его расширением на территорию Македонии и юг Сербии, а также с углублением конфликта в Косове и Метохии.

Четвертый том документов (2010) охватывает период переговорного процесса по Косову вплоть до самопровозглашения края независимой от Сербии территорией.

Публикацией новых видов документов стал сборник «Наши миротворцы на Балканах» (2007). Книга содержит воспоминания, мемуары и дневниковые записи российских миротворцев, принимавших участие в урегулировании конфликта на территории бывшей Югославии в период с 1992 г. по 2004 г. Это первый в нашей стране сборник свидетельств россиян (и жителей ближнего зарубежья) – непосредственных участников миротворческой миссии на Балканах, тех, кто в трудных условиях военного противостояния осуществлял или продолжает осуществлять свою нелегкую службу в одной из самых горячих точек мира. Среди авторов – военный наблюдатель, полицейские, начальник штаба сектора «Сараево», сотрудники гуманитарных организаций, журналист, ученый. Они писали о Боснии, Хорватии, Косове и Метохии, о Гаагском трибунале. Книга переведена на сербский язык в Нови-Саде под названием «Русские миротворцы на Балканах».

Результатом анализа и обобщения собранных документов стала монография Е.Ю. Гуськовой «История югославского кризиса (1990-2000)»¹. Книга переведена на сербский язык². Эта работа на сегодняшний день является единственным обобщающим трудом по истории югославского кризиса, выполненным на основе глубокого исторического анализа с привлечением огромного количества документов, свидетельств современников и участников событий и личных наблюдений.

К сожалению, хотя опубликовано достаточное количество работ обо всем, что случилось на Балканах, следует признать, что картина кризиса продолжает оставаться искаженной. Поэтому историкам предстоит большая работа по выявлению новых документов и обобщению имеющихся фактов.

¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). М., 2001.

² Guskova J. Istorija jugoslavenske krize 1990-2000. T.1-2. Beograd: IGAM, 2003.

На наш взгляд, следует поставить перед исследователями следующие цели и задачи:

Снять обвинения с сербов как главных виновников войн и главных преступников.

Восстановить истинную картину событий всех этапов кризиса.

Методологически оправдала себя работа, состоящая из двух этапов – сначала сбор и публикации документов, а затем на их основе анализ событий на территории всех республик бывшей Югославии.

По нашему мнению, ряд тем продолжают быть мало изученными и только ждут своих исследователей. Назовем некоторые из них:

Межнациональные отношения в СФРЮ в 40-80-е годы как одна из причин распада Югославии.

Деятельность западных спецслужб по подготовке развала Югославии и во время кризиса и войн.

Войны и нарушения прав человека. Массовые убийства сербов в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косове.

Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии – история и современность (Косово, Македония, Юг Сербии, Албания, Черногория).

Политическая сцена Сербии (Хорватии, Словении, Македонии) в 1992-2000 гг.

Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии.

Анализ событий в Сребренице в свете новых данных и документов.

Исследование боев за Вуковар и Дубровник.

Российские добровольцы в Боснии и Герцеговине и Косове.

**Сербская историография о русско-сербских
отношениях в последнее десятилетие XX в.
(1990-1998 гг.)**

«Балканы всегда являлись пространством, на котором шел торг небольших и великих держав. Для России со времен Петра Великого это было место под солнцем, где она утверждалась как великая держава, здесь она добивалась или утрачивала этот статус».

Милорад Экмечич

«Защищая нас, наши политические позиции, Россия защищала себя, свои интересы, свое настоящее и свое будущее».

Василие Крестич

а) Состояние, условия

Русско-сербские отношения в 1990-х годах XX в. до сих пор не являлись предметом исследования сербских ученых, по ним еще недоступны архивные материалы. Эти темы затрагивались несколькими сербскими историками, занимавшимися другими периодами истории русско-сербских отношений или их отдельными аспектами. В течение прошедших десяти лет некоторые вопросы этих отношений комментировали отдельные сербские политологи, юристы, экономисты, социологи и публицисты. Многие из этих комментариев были сильно идеологизированы и политизированы («западники» – мондиалисты или «неословянофилы» – патриоты), или эмоционально окрашены, что серьезно снижает их научную ценность. В это время появилось лишь несколько работ с серьезными научными подходами.

Таким образом, скромные результаты сербской историографии в изучении русско-сербских отношений в этот период были несоразмерны с характером и значением этих отношений и их последствий для судьбы Сербии, сербских земель¹ и сербов в переломный исторический период в конце 20 столетия.

¹ Термином «сербские земли» обозначаются кроме Сербии, Черногории, также территории, на которых в начале 1990-х годов были провозглашены Республика Серб-

В неуверенном движении и неоднозначных результатах русско-сербских отношений на протяжении всего XX в. последние десять лет этого столетия во многом были особенными. На рубеже 1980-1990-х гг. советское и югославское государства были охвачены все-сторонним и глубоким кризисом и находились в процессе распада их федераций. В этих исторически переломных обстоятельствах и русская, и сербская политическая и интеллектуальная элиты ушли на разные идейно-политические позиции без сформулированных национальных геополитических целей и без внешнеполитических концепций. Сходное положение, в котором тогда находились Россия и Сербия, способствовало их сближению и тесному сотрудничеству, как это бывало в критические моменты двух предыдущих веков.

Однако внутренние процессы развели страны в разные направления, так как государственное руководство каждой из них привлекло разные политико-идеологические силы, с разными взглядами на разрешение кризиса и на отношения в мире, которые установились после окончания холодной войны. Внутри разрозненных и конфликтующих элит в России преобладали силы, которые стремились разрушить федерацию и сделать самостоятельными национальные республики, а в Сербии в руководстве преобладали силы, выступавшие за сохранение федерации. Поэтому вместо их взаимного сближения произошло отдаление. В начале 1990-х годов официальные русско-сербские отношения были на очень низком уровне, и характеризовало их серьезное непонимание и глубокое несогласие, которые со временем приняли облик конфронтации. Это негативно отразилось на и так неблагоприятном положении русских и сербских земель, а также и на внутренних процессах в них.

Природа русско-сербских отношений в это десятилетие, их побудительные мотивы и последствия, как было отмечено ранее, в Сербии исследованы мало и очень скромно научно объяснены. Это произошло не только из-за отсутствия необходимой исторической дистанции, но и вследствие других обстоятельств объективного и субъективного характера. Гражданская война, которая охватила сербские земли в двух республиках тогдашней югославской федерации (Хорватию и Боснию и Герцеговину), во многом повлияла и на Сербию с Черногорией. Разрастающийся кризис во всех странах несуществующей СФРЮ охватил и вновь образованную Союзную Республику Югославию. Кризис

в Сербии и Черногории углубили и до предела обострили санкции, введенные Советом Безопасности ООН. Небольшая передышка, наступившая после Дейтонского соглашения, была прервана событиями в Косове и Метохии, и особенно агрессией сил НАТО на СРЮ.

Международными санкциями были прерваны связи наших и иностранных научных институтов, а также прекратилось поступление журналов и книг. В таких объективных условиях, вызванных деморализацией значительной части населения и его интеллектуальной элиты, не было духовного климата, который бы способствовал таким исследованиям, не было и финансовых средств для оплаты документов, сбора книг и журналов и других средств, необходимых для труда ученого и функционирования научно-исследовательского института. Небольшое количество историков изучали русско-сербские отношения. Милан Скакун, Словенко Терзич, Михайло Войводиц, Никола Б. Попович, Мирослав Йованович занимались более ранним периодом или другими аспектами этих отношений, и только время от времени по причинам актуальности тематики они писали и о 1990-х годах.

В Сербии не опубликованы документы и материалы Сербии и сербских земель о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. Некоторые важные русские материалы по теме с соответствующими комментариями время от времени появляются в белградских периодических изданиях. Русско-сербские отношения в тот период отслеживали как «живой» процесс, и реже систематически изучали политологи, юристы, экономисты, социологи, военные эксперты, публицисты. Из-за скудных финансовых средств в начале 1990-х годов был свернут научно-исследовательский проект «Об общественных процессах в Советском Союзе и в странах Центральной и Восточной Европы», который в 1980-х годах организовал Институт международной политики и экономики (ИМПЭ) в Белграде. После этого распался и коллектив ученых, которые работали над этой темой. В этом Институте профессионально продолжали заниматься Россией и русско-сербскими отношениями магистры Любивоје Првулович (экономист) и Елица Курьяк (политолог), некоторыми аспектами – Благое Бабич.

Журнал «Международные проблемы» при ИМПЭ (главный редактор доктор Брана Маркович) в течение 6 лет (1990-1995 гг.) публиковал хронологию событий Югославского кризиса¹, в которой

¹ *Маркович Б.* Југославенска криза и свет. Хронологија догађаја јануар 1990- децембар 1995. Београд, 2000.

были изложены и события из истории русско-сербских отношений. Ежемесячное издание «Международная политика» (главный редактор доктор Ранко Петкович), выходящая и на иностранных языках (английском, французском, немецком, русском), в 1990-х годах время от времени публиковала приложения о России, о ее международной позиции и политике, а также материалы о югославском кризисе. В некоторых из них затрагивались вопросы русско-сербских отношений.

В условиях санкций было невозможно не только международное сотрудничество в области политики, экономики, просвещения, науки и искусства, но и международное сотрудничество образовательных учреждений, научно-исследовательских институтов и культурно-просветительских ассоциаций. Однако вопреки этим запретам, спустя некоторое время, русско-сербское сотрудничество во всех областях было восстановлено, в большей степени между историками и славистами¹. Исторический институт Сербской академии наук и искусств и в 90-е годы успешно проводил международные научные конференции², на которых некоторые из участников излагали свои взгляды на актуальные международные проблемы, затрагивали отдельные аспекты отношений между Россией и Сербией.

В рамках договора о сотрудничестве Российской академии наук (РАН) и Сербской академии наук и искусств (САНИ) был намерен научно-исследовательский проект «Россия и Балканы». Первым шагом по реализации этого проекта стала Международная научная конференция «Русская политика на Балканах», которая прошла в Белграде (15-16 октября 1998 г.)³. Конференция представляла собой значительное научное начинание. В ее работе участвовало пятьдесят ученых, десять из которых приехали из России. Было прочитано двадцать докладов⁴: участниками из России - 7, СР

¹ Постојаност словенске узајамности. // *Станковић Б.* 60 година Славистичког друштва Србије, Београд, 2008. С. 109-114, 124-133. Боголюб Станковић явљася ответственным редактором сборника: *Руска дијаспора и српско-руске културне везе, Славистичко друштво Србије.* Београд, 2007. Бранимир Чович опубликовал книгу «Књижевне паралеле: руско-српске – српско-руске». Београд, 2002.

² Европа и Срби. Београд, 1996; Ислам, Балкан и велике силе. Београд, 1997.

³ Конференцију организовали: САНИ, ИМПЭ, Комитет по културном, научном и техничком сарадничству Републике Србија и Руски дом у Белграде.

⁴ Доклади 19 учесника опубликованы в сборнике «Руска политика на Балкану» (уредник др. Јелица Курјак). Београд, 1999.

Югославии - 11, Греции - 1, Болгария - 1. В дискуссиях приняли участие ученые и публицисты из Болгарии, Сербии и Испании.

На основе договора Министерств иностранных дел России и СР Югославии в Москве и Белграде началось издание документов об отношениях России и Югославии. Первый объемный том (975 страниц) за период с 1941 г. по 1945 г. опубликован в 1996 г.¹, а запланировано было в последующие годы издать документы по истории отношений наших двух стран до конца XX в. После политических перемен в Сербии работа над этим проектом была прекращена.

В конце 1990-х гг. доктор Марко Радулович² выступил с инициативой крупного проекта «Экономический союз православных стран в условиях глобализации». Пропаганда такого союза³ должна была стать ответом на санкции против СРЮ и на создание ЕС. В Белграде (24-25 ноября 1999 г.) планировалась международная научная конференция на эту тему. Однако организаторы не успели собрать необходимые средства ни на проект, ни на конференцию, а потом произошла агрессия НАТО и смена политического режима. Благодаря усилиям Радуловича конференция под названием «Экономическое сотрудничество православных стран» все же была проведена (июнь 2005 г. Белград), с участием примерно двух десятков исследователей из Сербии и России. Материалы этой конференции не опубликованы.

Сербской радикальной партией помимо сотни томов «Собрания сочинений профессора д-ра Воислава Шешеля» была опубликована также и объемная книга Шешеля «Главный предатель России Борис Ельцин»⁴. Судя по этому необычному заглавию, стоило ожидать, что в работе университетского профессора присутствует анализ внутренней и внешней политики первого президента России. Однако на 1000 страницах этой книги, среди сотен текстов нет ни

¹ Односи Југославије и Русије (СССР) 1941-1945. Документи и материјали. Савезно министарство за иностране послове и Војно-историјски институт Београд и Министарство иностраних послова Руске федерације. Београд, 1996.

² Свои впечатљенија из Русије он објављивао у књизи: *Радуловић М. Успон Русије: утиси са студијскога боравака*. Београд, 2002.

³ В эти годы была выдвинута инициатива включить СРЮ в Союз России и Белоруссии. Первый шаг в этом направлении был сделан на уровне парламентов: обе палаты Союзной скупщины СРЮ подхватили инициативу Минска и выразили желание (3 декабря 1998) создать делегацию Союзной скупщины со статусом наблюдателей в парламенте России и Белоруссии, эту инициативу данный парламент принял единогласно 21 января 1999 г.

⁴ *Шешель В. Највећи издајник Русије Борис Јелцин*. Београд, 2007.

одной статьи Шешеля. Книга представляет собой бессвязный набор текстов, в том числе, русских публицистов, преимущественно патриотической ориентации. Среди них есть и несколько работ, которые непосредственно затрагивают русско-сербские отношения.

Сустановлением в Сербии нового политического режима (октябрь 2000 г.), ответственность за руководство страной перешла к прозападным умеренным силам, которые поначалу повернулись спиной к России. Русские темы в эти годы (2000-06 гг.) были совсем вытеснены. Их не затрагивали ни в средствах массовой информации, ни на общественных обсуждениях, ни, тем более, в научных публикациях. Как реакция на это появились отдельные молодежные патриотические группировки, представители которых снова заинтересовались Россией и подняли отдельные вопросы русско-сербских отношений.

Последние два года после активного участия России в решении кризиса вокруг Косова и Метохии произошло улучшение государственных отношений и развитие сотрудничества между Россией и Сербией. Это оживило интерес широкой общественности к России, к внутренним процессам в ней, к ее международной позиции и политике. Об этом более регулярно и объективно стали сообщать средства информации, на общественных трибунах начали появляться русские темы, и, прежде всего, отношения России и Сербии. О «политике России на Балканах – истории и современности» говорили русские и сербские ученые на большой трибуне Юридического факультета в Белграде (апрель 2007 г.). Тема «Россия и Балканы – вопросы сотрудничества и безопасности» стала предметом сербско-русского круглого стола (18-19 марта 2008 г.), который был организован в Институте политических исследований в Белграде. Ключевые доклады на этом круглом столе сделали гости из России – А.Г. Дугин и К.В. Никифоров¹. Участники из Сербии, Республики Сербской и Македонии в своих докладах подняли самые разнообразные темы, среди которых были и вопросы современных сербско-русских отношений². Материалы этого круглого стола будут опубликованы.

¹ Дугин А. Геополитика нове Европе; Никифоров К. Савремени аспекти спољне политике Русије на Балкану.

² Ристић Л. Сарадња Русије и Балкана као отпор глобализације насиља; Кнежевић М. Српско-руски односи и могућност промене спољнополитичке оријентације Србије; Милошевић З. Привредна сарадња Русија и Срба и деградација светасавског културног обрасца; Суботић М. Русија и савремено српско питање, с посебним освртом на Косово и Метохију; Петровић Д. Русија и Балкан, између историје и будућности; Ђурић В. Економски односи Србије и Русије као зачајан фактор у одбрани Космета.

Такой рост интереса к России вызвал и реакцию «западников» в Сербии. Их «эксперты» убеждают сербскую общественность в том, что с русской стороны приходит только религиозная и политическая реакция, что сербам необходимо освободиться от исторических русско-сербских мифов¹. Сербии и сербским землям не следует опираться на Россию. Как они нас убеждают, Россия не только не может сделать для нас ничего хорошего, но она может и оставить нас ради своих интересов, как сделала это в 90-е годы XX в., и как поступала, якобы, на протяжении всей своей истории.

Такой политический климат и состояние духа напрямую способствовали тому, что сербские интеллектуалы начали надлежащим образом изучать русско-сербские отношения в целом, а в течение последних двадцати лет особенно. Наша сегодняшняя встреча русских и сербских ученых в Москве (17-18 июня 2008 г.) стал возможна благодаря укреплению отношений между нашими странами, и вызвана усиленным интересом общества к сути русско-сербских отношений в прошлом и возможности их развития в будущем.

* * *

Это взгляд на место темы русско-сербских отношений в современной сербской историографии и рассмотрение обстоятельств, которые обусловили ее довольно скромные результаты. При упоминании других работ, о которых пойдет речь в данном докладе, используется понятие «русско-сербских отношений», которое не совсем адекватно, поскольку на самом деле речь идет об отношениях России к Сербии и сербским землям в указанный период. Период русско-сербских отношений ограничен 1990-1998 гг., от провозглашения суверенитета новой России (12 июня 1990 г.) до падения «прозападно» настроенного правительства в России и агрессии НАТО на СРЮ. После этой агрессии начался и новый этап в русско-сербских отношениях.

О политике Сербии по отношению к России в период 1990-1998 гг. едва ли можно говорить. «Для сербов отношения с Россией издавна были первостепенны», – подчеркивал Милан Скакун. «Через союзничество с ней осуществлялась разработка жизненных внутренних и внешних целей, отсюда и готовность платить за

¹ *Михајлов М.* Србија призива «мрачњачку» Русију. // Лимес плус. № 1/2005. С. 67-80; *Самарић Н.* Руски мит у српској историји // Там же. С. 171-180. Этот номер в итальяно-сербском журнале «Геополитички часопис», названный «Русија у игри», весь посвящен России.

них огромную цену (вхождение в войну)». С другой стороны, как отмечает Скакун, «общеизвестно, отношение великой страны к маленькому государству (как, например, России к Сербии) имеет и другой аспект. Часто его цель состоит только в давлении на другую великую державу, в обозначении собственных интересов в определенном регионе, демонстрации мощи и влияния и т.д., не учитывая возможные негативные последствия для Сербии»¹. В отношениях России и Сербии на протяжении XIX и XX вв., однако, часто имело место серьезное совпадение интересов двух стран, что приводило к их взаимному сближению, взаимопониманию и координации общих действий. На это в большой степени влияла и близость наших народов и то, что в критические моменты истории общественное мнение оказывало давление на руководство, для того чтобы оказать поддержку и помощь братскому народу, даже если это не входило в непосредственные интересы другой страны.

б) Публикация материалов и первые реакции в Сербии

Совет Безопасности ООН принял (30 мая 1992 г.) Резолюцию по Югославии (№ 757), «согласно которой вводились санкции против СР Югославии (Сербии и Черногории)... СБ ООН решил, что все государства должны их применить». Широкий диапазон мер прерывал экономическое, научное и техническое, культурное и спортивное сотрудничество. За Резолюцию проголосовали 13 из 15 членов СБ, в том числе и Россия.² Этот поступок вызвал резкую реакцию в России и в сербских землях. По этому поводу еженедельник «Эпоха» организовал круглый стол с участием белградских интеллектуалов на тему «Россия и сербский вопрос». После вступительного слова (С. Живанов) поступок России гневно осудили Веселин Джуретич, Драгаш Калаич, Александар Берчек, Растислав Петрович. На исторические корни и современные причины такого шага официальной России указали Михаило Войводич, Михайло Маркович, Васа Казимирович, Михаило Шаранович и Любивоје Првулович³.

Под заголовками «Сербия – тест для России» и «На чьей стороне Козырев?» этот еженедельник опубликовал и критические отзывы

¹ Скакун М. Руско-српска савезништва. // Руска политика на Балкану. С. 55.

² Марковић Б. Југославенска криза и свет. Хронологија догађаја јануар 1990 - децембар 1995. Београд, 2000. С. 42-43.

³ «Эпоха». № 40. 14 июля 1992. С. 12-17 и № 41. 21 июля 1992 г. С. 20-24.

членов российского парламента по поводу участия России в санкциях и общественные дебаты на страницах газеты «Известия» между Козыревым и председателем Комитета Государственной Думы по международным отношениям Евгением Амбарцумовым, который указывал на ошибочные стороны политики российского Министерства иностранных дел. Отстаивая свою позицию, Козырев¹ назвал государственных деятелей сербских земель «национал-большевиками», представителями «партии войны», чьи «политические силы» довели до войны в бывшей СФРЮ. Он отметил, что «сейчас к подобному готова и Россия», поскольку в ней «военная партия в действии». Он выступил против «политики силы», которую якобы отстаивают русские «национал-большевики». Министр обороны, генерал Грачев ответил ему публично, что «позиция силы его устраивает больше, чем позиция слабого». Козырев считал, что главная задача России «поддерживать разумные силы в югославских государствах и обществах», и что поддержка «сербских национал-большевиков ... была бы предательством и самой России». «Эпоха» в этих номерах опубликовала протест IX съезда русских писателей и протест пятнадцати ведущих русских ученых по поводу голосования России за санкции против СР Югославии².

Для понимания тогдашней позиции России и соответственно ее политики в отношении Сербии важны материалы Российско-американских научно-политических дискуссий «О национально-государственных интересах России». Под председательством Генри Киссинджера и Владимира Лукина (посол РФ в США) группа видных ученых двух стран рассматривала (в середине октября 1992 г.) все серьезные требования российской общественности. Было высказано мнение, что Россия во внешней политике защищает свои национально-политические интересы.

Френсис Фукуяма успешно оспорил это утверждение, доказывая зыбкость и «нечеткость национальных интересов» в конце XX в. Он утверждал, что «национальные интересы не могут больше служить основой внешней политики». По его мнению, «кажется нормальным, что страна, которая «деидеологизирована», которая стала «нормальным» государством, стремится освободиться от широкомасштабных целей в пользу ограниченных. В качестве исторического примера

¹ О личности Козырева и его деятельности на посту министра см. *Мишиевич Борђе. Русија на раскршћу*. Нови Сад, 2003. С. 101-109.

² «Эпоха» № 37, 30 июня 1992. С. 12-15 и № 39, 7 июля 1992. С. 10-13.

он привел Кемаля Ататюрка в Турции, когда она из империи превратилась в «нормальное» государство. В то время она не только отреклась от своих прав защищать мусульман по всему миру, но и турок, которые оказались вне границ государства. Подобное произошло и с Японией, которая после поражения во Второй мировой войне отказалась не только от своих имперских претензий, но и самостоятельной внешней политики, и осталась под «американским зонтиком». России, проигравшей в холодной войне, Фукияма посоветовал, на примере Турции, не только отречься от защиты православных народов, но и бросить на милость и немилость агрессивных националистов в бывших советских республиках 25 миллионов русских, которые оказались за пределами России. Чтобы стать «нормальной» страной, пояснил Фукуяма, Россия должна, по примеру Японии, обратить внимание на внутреннее экономическое оздоровление, а во внешней политике принять американское руководство, выраженное формулой «патримониальное партнерство»¹. Фукуяма объяснил причины твердой американской политики в отношении Сербии: «Если позволить Сербии проводить агрессивную политику, это может стать моделью и для России». Поэтому американская политика по отношению к Сербии, как отмечали сербские и русские политические и военные деятели, являлась предупреждением для России: «Поэтому план для Сербии – это план для России». Стивен Коэн обратил внимание на то, что результатом такой американской политики по отношению к России стал «после холодной войны – холодный мир»².

События в России, ее внешнеполитическую ориентацию и активность в 1990-х годах постоянно отслеживал, комментировал и анализировал Сава Живанов, регулярно публикуя свои наблюдения в еженедельниках «Эпоха» (1992-1993) и «Недельна Борба» (1994-1999). Среди этих работ были и такие, которые касались русско-сербских отношений. По данной теме в этих еженедельниках публиковались и отдельные важные русские документы и материалы. Время от времени выходили и крупные аналитические исследования в сербских и русских журналах и сборниках.

Научно обоснованное освещение русско-сербских отношений в последнем десятилетии XX в. сербские читатели могли найти в

¹ «Эпоха» № 60, 5 декабря 1992. С. 40-44. Лукин ответил статьей «Државни интереси Русије» // «Эпоха» № 63-64, 19 декабря 1992. С. 54-55.

² «Эпоха» № 65, 26 декабря 1992. С. 54-55.

книгах Елены Гуськовой¹ и Константина Никифорова². Особенно важен приведенный ниже сборник русских документов, фактов и материалов (1991-2000), который подготовила и опубликовала Е. Гуськова³. Преимущественно во введении к своей фундаментальной и всеобъемлющей работе по истории югославского кризиса, которая, к сожалению, еще не переведена на сербский язык, Елена Гуськова представила историографию и литературу по истории югославского кризиса⁴. Но здесь нет ни сербских документов, ни работ сербских авторов о сербско-русских отношениях. Важные моменты для понимания некоторых внешнеполитических шагов и позиции России в последние годы XX в. мы находим в мемуарах Евгения Примакова⁵.

Наиболее полное научное объяснение многих аспектов русско-сербских отношений содержится в работах сербских и иностранных авторов, подготовленных в рамках международной научной конференции «Русская политика на Балканах»⁶, которая состоялась в Белграде (15-16 октября 1998 г.). Политику и позицию России во время агрессии НАТО на СРЮ проанализировали некоторые участники Белградского форума, который прошел в Белграде в феврале 2000 г.⁷

После нового активного участия России в решении югославского кризиса вокруг Косово и Метохии в течение последних двух лет оживился интерес нашей общественности к сути, развитию и последствиям русско-сербских отношений за последние два века. Эта тема стала предметом острых политико-идеологических споров, связанных с дилеммой, перед которой встала Сербия, определяющая собственную геостратегическую ориентацию (Запад или

¹ Гуськова Е. Историја југославенске кризе 1990-2000. Београд, 2003. Т. 1-2. (Глава III, том 2: Русија и криза на Балкану: нова концепција безбедности или слабост стратегије. С. 254-333).

² Никифоров К. Између Кремља и Републике Српске. Београд, 2000.

³ Југословенска криза и Русија. Документи, факта, коментари (1991-1995). Др. Јелена Гуськова – аутор, приређивач, уредник. Београд, 1996.

⁴ Гуськова Е. История югославского кризиса (1990-2000). Москва, 2001 С. 10-17.

⁵ Примаков Е. Године у високој политици. Београд, 2002; Он же. Осам месеци плус. Београд, 2003; Он же. Успоменс премијера. Подгорица, 2004.

⁶ Руска политика на Балкану. Уредник Ј. Курјак. Београд, 1999.

⁷ Форум прошел 18 фебруала 2000 г. и носил пресимувствено политически характер, в нем учествовали 73 представителја 56 стран. Выступления участников опубликованы в журнале «Смисао», № 10, март 2000.

Россия?). Недавно прошедшая (скромная по числу иностранных участников) научная конференция о политике России на Балканах выявила рост интереса к России. Несколько опубликованных книг о президенте Путине слегка затрагивают внешнюю политику, частично и в отношении Сербии¹.

К. Никифоров обоснованно отметил, что «у Сербии не было четкого плана действий» по решению югославского и боснийского кризисов. «Единственной целью было сохранить Югославию, если не всю, то хотя бы те территории в Хорватии и Боснии, на которых компактно проживало сербское население. Однако не было ясно, как осуществить эти намерения. Этим можно объяснить и непрерывные метания из стороны в сторону, непоследовательность, пренебрежение договоренностями, которые достигались между сторонами»².

Глава под названием «Россия и Балканы» в книге Ранко Петковича является достойной теоретико-методологической основой для рассмотрения и анализа политики в отношении Сербии и сербских земель в начале 1990-х годов³. Он указал на обстоятельства, которые привели Россию на Балканы, объяснил природу исторических связей России и балканских земель, границы русского влияния на Балканах. После этого он поднял актуальные вопросы позиции и поведения России во время дезинтеграции Югославии. Указывая на три возможных подхода к югославскому кризису и три пути его решения, он объяснил, почему Россия выступила за четвертый вариант. Этот вариант с точки зрения Ельцина, как объяснил Петкович, основывался на двух предпосылках. Первая: «Россия не может выйти из экономического и социального кризиса и ей не встать на ноги без помощи западных стран». Вторая: «уменьшившаяся в размерах и ослабленная Россия должна усиливать партнерские отношения с США и другими западными державами».

¹ Личность и политика Путина вызвали интерес нашего общества, что выразилось в появлении нескольких книг о нем. Наиболее растиражированы книги Роя Медведева (Путин В. Четири године у Кремљу. Београд, 2004.) и Любинки Милинчич (Моја битка за Косово. Београд, 2007). О Путине писали также: Ђурић В. (Владимир Путин и васкрес Србије. Београд, 2001, 2004), Милошевић З. (Путинова политика. Београд, 2007, страна 126).

² Никифоров. К. Између Кремља и Републике Српске.. С. 20.

³ Петковић Р. Југославија и свет у постбиполарној ери. Београд, 1988. (Глава «Русија на Балкану». С. 197-204.)

В целом же реальное партнерство России с США и Западом во многом разочаровало русские ожидания, и под давлением оппозиции Ельцин вынужден был заново определять интересы России и ее внешнюю политику. Это и вернуло Россию на Балканы как активного участника разрешения югославского кризиса. Однако это участие было обусловлено определенными рамками, которые основывались на трех «опорных точках». Во-первых, политическое участие на Балканах. Российская политика освободилась от комплекса неполноценности, с которым жила в эпоху после холодной войны, и впервые определила свои жизненные интересы по одному из самых крупных вопросов в европейской и мировой политике». Во-вторых, поскольку немцы, австрийцы и американцы «защищали» другие народы Югославии, «русские решили выразить свою солидарность с сербами, ощущая это своей исконной и законной обязанностью. В-третьих, граница русской поддержки сербам – «сохранение партнерских отношений с США и другими западными державами, что является жизненным интересом России». Это последнее утверждение было негативно воспринято в сербских землях, где считали, что «русские, несмотря на то, что являлись историческими друзьями и союзниками сербов, в критический момент все же преследуют свои интересы, которые иногда совпадают, а иногда расходятся с интересами сербов»¹. Эту позицию Петкович более подробно обосновал в двух статьях в журнале, который сам выпускает.

В работе «Россия и США в югославском кризисе»² Петкович объяснил обстоятельства, которые заставляют Россию не идти на конфронтацию, а наоборот стремится к партнерским отношениям с США. Однако он не объяснил природу партнерских отношений России и США. Работа Петковича «Роль России в югославском кризисе» в большой мере стала основой для вышеупомянутой главы «Россия на Балканах». В ней более подробно описаны три группы факторов: исторические, внутренние и международные, которые стали причиной «участия России в решении югославского кризиса». Тем самым он и отвечает на вопрос, «какова роль России» в решении этого кризиса. После того, как он шире осветил присутствие России на Балканах, – причины, по которым она вмешалась, миссию, которую осуществляла, и интересы, которые преследовала, – Петкович сделал вывод: «Из-за существования

¹ Там же.

² Мѣждународна политика. № 1024. 1 марта 1994. С. 16-17.

исторической и цивилизационной миссии России на Балканах, ее сегодняшнее участие в решении югославского кризиса считается естественным». Вмешательство России в решение этого кризиса привело к «возобновлению русской роли в мире», что обеспечило ее «влияние в мировых делах в соответствии с ее исторической ролью, а также в рамках партнерских отношений с США и западными державами»¹.

Каким было влияние России в мировых делах, какой характер носило ее партнерство с США, и каково было ее участие в решении югославского кризиса? Это, кроме всего прочего, отражено в работе С. Живанова, подготовленной именно для русских читателей»². Автор обосновал тезис о том, что в течение шестилетнего периода (1991-1995) – пока Министерство иностранных дел возглавлял Андрей Козырев – отношение официальной «России к событиям на территории бывшей Югославии претерпело серьезные изменения и прошло несколько этапов». Он указывает на то, что «это отношение, прежде всего, было обусловлено общим курсом внешней политики России. По мере того, как он развивался, менялись и интересы России в югославских событиях, как и направление, смысл и интенсивность ее действий на югославском пространстве». При этом отношение России к югославским событиям было обусловлено и определено специфическими политическими, идеологическими и личными особенностями людей, которые формулировали и осуществляли эту политику».

В 1990 г. – во время кульминации кризиса в СФРЮ и началом ее распада – руководство России серьезно не занималось Югославией. Оно тогда было занято кризисом в Советском Союзе и внутривнутриполитической борьбой вокруг разрешения этого кризиса. Оказывая поддержку сепаратистским силам в советских республиках, руководство России «держало в уме» сепаратизм в Хорватии и Словении. Когда в 1992 г. руководство России начало заниматься Югославией, оно это делало в духе своей тогдашней генеральной внешнеполитической линии «одностороннего равнения на Запад»,

¹ Улога Русије у југославенској кризи. // Међународна политика. № 1027. 1 августа 1994. С. 1-5.

² Живанов С. Русија и југословенска криза – поглед из Београда. (Под этим названием работа впервые была опубликована в российском журнале «Свободная мысль». № 2. 1996. С. 37-46. А затем переработана в доклад, зачитанный на международной научной конференции, посвященной десятилетию перестройки. Конференцию проводил Фонд Горбачева в Москве, под председательством самого Михаила Горбачева.

безоговорочного согласия со всеми западными требованиями и послушного пути, который определили США и другие ведущие западные страны. Именно поэтому быстро была признана независимость Словении и Хорватии, и даже Боснии и Герцеговины. Верхом всего этого стало голосование России в Совете Безопасности ООН за санкции против Сербии и Черногории. И другие меры российской дипломатии ставили своей целью «русскими руками усилить давление на Сербию и сербские земли по принятию диктата Запада». Тогда дошло до вмешательства и во внутренние дела – поддержка американского стремления сместить «национал-большевистское» руководство Милошевича («партия войны»). С другой стороны, в Сербии были предприняты шаги, которые раздражали руководство России и углубляли взаимное недоверие. Представители российской «непримиримой оппозиции» приезжали в Сербию и были приняты на высоком уровне. Оказывая поддержку сербам, они жестко критиковали «предательское руководство» России.

Официальная политика России в отношении Сербии и сербских земель вызывала в России недовольство и протест ведущих интеллектуалов, оппозиционных партий и патриотических обществ, а позднее и парламентского большинства. В конце 1992 г. Совет народных депутатов, высший законодательный орган России, потребовал отставки премьер-министра Гайдара (инициатора «шоковой терапии») и Козырева. Ельцин сменил Гайдара, но (по просьбе американского президента, сделанной по телефону) сохранил Козырева.

В 1993 г. произошла «корректировка тогдашней концепции МИДа и практики внешней политики России» в целом, а в отношении Сербии и сербских земель, особенно. Под давлением парламента руководство России стало говорить о своих национально-государственных интересах и начале возвращения на мировую сцену в качестве относительно самостоятельной силы, а также о том, что Балканы являются традиционным пространством ее интересов. США и ведущие западноевропейские государства «держали в уме» то, как помочь Ельцину удержаться у власти в условиях растущего недовольства в стране. Руководители Сербии и сербских земель искали надежного посредника. Таким образом, «активное участие России в решении югославского кризиса являлось общей потребностью»¹. Из мемуаров Примакова мы узнали, что в этом вопросе активное участие приняла служба

¹ Живанов С. Россия и югославский кризис. С. 40-41.

госбезопасности, в частности, когда (в начале 1993 г.) появилась опасность военной акции против сербов¹. Новая волна участия России в мирном разрешении боснийского кризиса началась (в начале 1994 г.) с приходом нового помощника президента РФ по национальной безопасности Юрия Батурина (вместе с Константином Никифоровым), при поддержке Примакова².

И все же, как отмечено в работе, «российская активность в разрешении югославского кризиса в 1993 г. во многом была непоследовательной и противоречивой». Согласно формуле Запада, в участии России существовали «различия в подходах» при ожидаемых одних и тех же целях. России нужно было убедить сербское руководство принять меры, которые требовал Запад. Это были рамки, в которых России удавалось (на протяжении 1994 г.) сдерживать западные военные угрозы и помогать мирному решению конфликта³. Выборы в Государственную Думу, формирование нового российского парламента привели к проигрышу прозападных реформаторских сил (декабрь 1993 г.), а два года спустя и полному их поражению. В таких условиях Козырев вынужден был уйти в отставку, а Примаков (в начале 1996 г.) стал министром иностранных дел. Тем самым начался новый этап во внешней политике России, а также в русско-сербских отношениях.

в) Международная научная конференция: «Русская политика на Балканах».

Числом участников, научным уровнем и содержанием докладов эта конференция наиболее полно и фундаментально занималась русско-сербскими отношениями⁴. Историки из Сербии (Терзич, Попович и Скакун) рассмотрели ранний период этих отношений. Большинство участников – историки и политологи из России, юристы и экономисты из Сербии – анализировали разные стороны современных русско-сербских отношений. Участники из Греции (Тасос Леонидас) и Болгарии (Эньо Саввов) рассматривали русскую

¹ Будучи главой этой службы, Примаков тайно посетил Сербию, где провел дружескую встречу с Милошевичем и убедил его поехать в Женеву и поддержать план Венса-Оузена в обмен на поддержку России. Ельцин эту инициативу поддержал. См.: Примаков Я. Осам месеци плус. Београд, 2003. С. 169-175.

² *Никифоров К.* Између Кремља и Републике Српске.. С. 46-54.

³ *Живанов С.* Россия и югославский кризис. С. 42-46.

⁴ См. сборник: *Руска политика на Балкану.*

политику на Балканах и болгарско-русские отношения. Участники из России по-разному оценивали внешнюю политику новой России. П. Кандель, А. Язькова и С. Романенко поддерживали оспоренную и отвергнутую в России внешнюю политику Козырева¹. К их позиции были близка и Елица Курьяк. Остальные участники негативно оценили эту политику и поддержали новый курс российской внешней политики, который начал Примаков, особенно тот его аспект, который относился к решению югославского кризиса и, прежде всего, обострившейся тогда косовской проблемы.

В обсуждении, которое велось² по истории русско-сербских отношений, акцент был поставлен на вопросе, существуют ли и сейчас исторические идеи, в какой мере и каким образом их можно использовать в политике наших стран, как бы они могли обеспечить ее большую эффективность и плодотворность. Упомянутые ранее «западники» (Кандель, Язькова, Романенко, Курьяк³) выступили с позиции, что эти идеи являются «ни чем не обоснованными мифами, зародившимися в ранней истории», а сегодняшние отношения России с Сербией и сербскими землями должны строиться на современных либеральных ценностях, и, прежде всего, на реальных интересах.

Однако большая часть участников пришла к выводу, что эти традиционные идеи и ценности заложены в историческом самосознании и памяти русских, сербов и черногорцев, и на их основе сформировалась духовная близость наших народов. В связи с этим, их модернизация и связь с реальными национально-государственными интересами должна стать основой, на которой

¹ В период 1997-1998 гг. после формирования правительства «молодых реформаторов» (Чубайс, Немцов, а потом и Кириленко) и начала «второй волны либеральной революции», прозападные круги в России инициировали кампанию по дискредитации внешней политики Примакова («рассорить нас с западными друзьями»), требуя возврата к «проверенному курсу Козырева» – и соответственно дистанцирование от Сербии Милошевича. Смотреть: *Живанов. С. Русија у време Јельцина. Београд, 2002. С. 196-199.*

² Доклады об этом сделали: Славенко Терзић («Исторические аспекты российского присутствия на Балканах»), Никола Б. Поповић («Совпадение интересов России и Сербии 1878-1914»), Милан Скакун («Союзнические отношения России и Сербии»), Момир Стојковић («Россия на Балканах: вчера и сегодня»). Профессор Стойкович опубликовал свой доклад в журнале «Међународна политика», № 1076. Январь 1999. С. 5-8.

³ *Курьяк J.* Русија и Балкан између прошлости и реалности. // *Руска политика на Балкану.* С. 94-100. Годом раньше вышла статья Курьяк «Стратешке позиције Русије, Балкан и југословенска криза» (Међународни проблеми. 1997. № 1. С. 73-85).

создаются сегодняшние условия выработки концепции и стратегии общей согласованной внешнеполитической позиции наших стран и, прежде всего, сохранение независимости, целостности и самобытности наших народов и государств.

Академик Крестич в связи с этим отметил: «Связанные с Россией, сильной, славянской, православной державой, сербы в последнее время опирались на нее и часто получали разнообразную пользу», хотя «нередкими были случаи, когда Запад наказывал сербов за историческую связи с русскими и Россией». Тогда озвученная оценка, связанная с обострением кризиса в Косово, актуальна и сейчас: «Все, что происходит с нами в последние недели, является наибольшим доказательством той взаимной исторической связи и взаимопроникновения наших интересов. Нападения на Сербию, связанные с Косовом и Метохией является лакмусовой бумажкой для России, для ее достоинства, позиции, ну и для существования ее, как великой державы». Крестич заявил, что Россия, «защищая нас и наши политические позиции, защищает себя, свои интересы, свое существование и свое будущее». Эта мысль красной нитью прошла и в различных формулировках, прозвучавших у большинства участников этой конференции.

В центре внимания конференции были два связанных между собой вопроса: первый, о тогдашнем участии России в решении югославского кризиса и второй, об оценке реальных возможностей современной России влиять на международные события, в частности, на решение кризиса на наших территориях. Ранее упомянутые «западники», исходя из диспропорции в отношении сил России и Запада, настаивали на том, что Россия должна «уважать правила игры», которые определяют США. Тем самым они защищали «реалистичную и прагматичную» политику Козырева¹.

Большинство сербских² и русских³ участников оспорили эти взгляды. О положении России и Сербии в новой конфигурации мирового порядка были представлены доклады Зорана Водоеви-

¹ Кандель П. «Руски интереси на Балкану»; Романенко С. «Распад Југославије и политичка елита Русије»; Язькова А. «О могућим путевима регулисања политичко-стничких конфликта у посткомунистичким друштвима».

² Аврамов С. «Руско-српски односи на прагу трећег миленијума»; Стојановић С. «Нека питања руске политике на Балкану»; Живанов С. «Нова Русија: Политика према Балкану и Југославији».

³ Гуськова Е. «Еволуција руске политике на Балкану»; Никифоров К. «Политика Русије према босанској кризи»; Миграян А. «Русија и НАТО».

ча, Мирослава Хаджича, Константина Затулина, А. Пономарева. Они поддержали позицию, что реальные возможности России серьезно сужены и ограничены. Однако Россия со своим людским и материальным потенциалом и геостратегическим положением, международно-правовым статусом (постоянный член СБ ООН) представляет собой достойную уважения мировую державу, которая может осуществлять самостоятельную и активную внешнюю политику. В ходе дебатов участники констатировали, что после прихода Примакова в руководство МИДа началось переориентирование и изменение тогдашнего внешнеполитического курса России, что дает надежду, что Россия извлекла хороший урок из предыдущей провальной политики.

Участники констатировали, что Россия с концепцией Примакова о многополярном мире и о защите национально-государственных интересов заняла позиции, с которых уже может проводить существующую внешнюю политику. Мигранян отметил, что в России начался процесс «изменения парадигмы» и внутреннего развития, и внешней политики. Широкое общественное согласие, которое в России было создано вокруг личности Примакова – прежде всего, как министра иностранных дел, а потом уже и как премьер-министра – создало необходимые условия, чтобы его концепция внешней политики стала фундаментом согласованного, успешного функционирования всех государственных органов: Государственной Думы, правительства, Министерства иностранных дел и Президента РФ. Это усилило и международные позиции российского государства, а продуманные акции по погашению некоторых кризисных пожаров в мире (Ирак), подняли ее авторитет и влияние как конструктивного игрока на международной арене¹. Как оценили тогда участники конференции, то создало хорошую основу для того, чтобы в интенсивном, конструктивном и плодотворном сотрудничестве с руководством Сербии, участвовать в решении кризиса, вызванного упорным давлением США и стран членов НАТО, осуществивших вооруженную интервенцию против Сербии в кризисе в Косове и Метохии. Эти действия России, однако, не обеспечили мирное разрешение указанного кризиса. На это обратил внимание генерал Радинович.

¹ Об этом читать: *Живанов С.* Русија се враћа себи. // «Дневник». № 122, 22. Янв. 1999. С. 6-8.

В ходе дискуссий был поставлен вопрос, может ли зависимая в финансовом плане Россия под сильным давлением осуществить поворот и во внутреннем развитии и в во внешней политике. Может ли Россия, будучи должником, сохранить независимость, целостность и самостоятельную роль в мире и при этом не оказаться изолированной от мира, не остановить экономическую модернизацию и политическую демократизацию. По этим и другим вопросам в весьма оживленной дискуссии определилось несколько позиций. Видоевич отметил, что в России появились «новые структуры, обладающие финансами и властью», которые держат под контролем не только процессы перемен, но и внешне-политическую активность, и при этом располагают поддержкой Запада. В игре замешаны большие интересы – отметили многие участники.

Об экономическом сотрудничестве на Балканах и о сути расширения Европейского союза на Балканы зачитали доклады экономисты Бабич и Првулович¹. Однако важные вопросы, которые в них содержались, не были озвучены на этой конференции.

В докладе «Военно-стратегические аспекты российской политики на Балканах»² Радинович указал на все большую роль военного фактора в осуществлении американской стратегии доминирования. Другие факторы – блокада, санкции, информационная демонизация – часто недостаточны. Поэтому военный фактор должен играть огромную роль и в противодействии силам, которые хотят доминировать над самостоятельными государствами. Он указал на то, что после Дейтона перекройка балканского пространства не завершилась, так как пришла очередь Косова и Метохии. А потом – Санджак... Радинович недвусмыслен: «СР Югославия в последнее десятилетие XX в. познала, что значит защищать свои национальные и государственные интересы без опоры на мощного союзника». Он заявил: «Сама Югославия не может себя защитить. Только защита России дает ей шанс на серьезное сопротивление. Поэтому оборонительный союз двух государств является национальным приоритетом. Такой союз не будет антиевропейским. Он нужен и России, поскольку Сербия

¹ Бабич Б. «Место економске сарадње на Балкану у европској политици Југославије»; Првуловић Љ. «Проширење Европске уније на Балкану, импликације на муђународни положај Југославије и позиција Русије».

² Радиновић Р. Војно-стратешки аспекти руске политике на Балкану. // Руска политика на Балкану. С. 205-220.

и Балканы — это ее бронезилет. «Поэтому нет причин не предпринять конкретных мер и действий в этом направлении. Вопрос только в том, поднимется ли «властвующая элита» обеих стран на уровень «исторической ответственности и исторических задач»¹. О «военной политике России» сделал доклад и Желько Иваниш².

Что происходит в этих условиях?

Большинство участников конференции пришло к выводу, что новая Россия должна и может участвовать в мирном разрешении косовского кризиса. Однако, принимая во внимание существующие реальные возможности, ее участие может принести положительные результаты только в том случае, если она выступит продуманно и расчетливо, с позиции сохранения мира и защиты международного правового порядка, в соответствии с Уставом ООН и основными актами ОБСЕ.

Владимир Лукин, председатель Комитета по внешней политике Думы, очертил три связанные между собой тактики. Первое: Россия должна выработать четкие и ясные позиции. Недоговоренность и дипломатическая двусмысленность порождают проблемы и опасности, которые руководство США и НАТО могут использовать, как показал предыдущий опыт использования военной силы против сербов в Боснии и Герцеговине. Второе: Россия должна недвусмысленно дать понять, что «Западу будет хуже», если кто-то предпримет политику давления и угроз в отношении России, СР Югославии и Сербии. Третье: Запад будет стремиться найти или создать кризисные ситуации, которые можно использовать как повод для реализации планов по новой эскалации давления на СРЮ, в том числе и угрозы (а возможно и акции) бомбардировок Сербии.

Смиля Аврамов обратилась с просьбой, чтобы Россия и Сербия, — учитывая, что они оказались под ударом «завоевательного похода Запада на Восток», — как можно быстрее предприняли меры для пресечения позиции капитуляции в России и в Сербии и одновременно подготовили «стратегический ответ на разрушительное вторжение Запада».

¹ Там же. С. 218-219. Радинович немного позднее опубликовал работу «Русија пред новим одбрамбеним изазовима» (Међународна политика. № 1089-1090. Февраль-Март 2000. С. 12-17), в которой представил утвержденную военную доктрину Российской Федерацию

² Иваниш Ж. Нова војна политика Русије. // Руска политика на Балкану. С. 220-233.

Станислав Стоянович научно обоснованно и в то же время дипломатично¹ подвел итог, представленных на конференции предложений срочных актуальных мер в связи с кризисом вокруг Косова: «Югославия не хочет быть «антизападным бастионом» на Балканах, в ее интересы не входит конфронтация с Западом. Наоборот». Она также не ждет и не хочет конфронтации России с Западом, что привело бы Россию к изоляции. Но, в плане защиты своих национальных и государственных интересов, которые в данном случае взаимно дополняемы и совпадают с национальными и государственными интересами России, сейчас у СР Югославии с Россией «общее дело». Поэтому Югославия и Россия должны быть готовы для защиты этих интересов, если им будут навязывать, использовать все средства. Это подразумевает, как отметил и В. Лукин, «самое тесное сотрудничество в деле защиты единства и безопасности Югославии и России», что, «определенно, имеет стратегическое значение»².

Как отметил на конференции В. Лукин, Запад создал поводы, для того, чтобы совершить ранее запланированную агрессию на СР Югославии. Югославия использовала все средства для защиты своей целостности, подчеркнул С. Стоянович. Правительство Примакова оказало СР Югославии дипломатическую поддержку в ее стремлении решить косовский кризис мирным путем, но остановить военную машину не смогло. Повернув самолет над Атлантикой, Примаков продемонстрировал осуждение агрессии и морально-политическую поддержку и сразу же предпринял важные действия, чтобы ее прекратить. На такую позицию правительства откликнулась пробудившаяся и раздраженная российская общественность, произошел невиданный рост антиамериканизма. На этой волне вновь проявил активность скомпрометированный ранее президент Ельцин, но вместо обещанной всесторонней поддержки сербов, через своего уполномоченного Черномирдина, он способствовал заключению нечестного мира за счет Сербии³. Это было позорное поражение балканской политики Ельцина, новая

¹ Др. С. Стоянович руководил тогда Отделом по России и СНГ в союзном Министерстве иностранных дел.

² Стоянович С. Указ. соч. С. 172.

³ См: Гускова Ј. Поводом књиге Черномирдина. // Токови историје. 2004. № 1-2. С. 118-121.

очевидная демонстрация того, что страна утратила статус великой державы.

Весной 1993 г., когда дошло до национального унижения и «падения России» (Солженицын), ее статус великой державы был на самом низком уровне, академик Экмечич смело прогнозировал: «... С падением коммунизма русский интерес на Балканах не исчезнет. Рано или поздно Россия вернется сюда и на этом историческом проверенном пространстве подтвердит, что остается великой нацией, с самостоятельными интересами и политикой»¹. Только через десять лет после этого, при президенте Путине, эти предсказания начали осуществляться². Это вернуло частично уже утраченную веру сербов в Россию. Молодой автор небезосновательно констатировал: «Россия нам нужна как никогда. ... Через Россию идет не единственный путь в Европу, но мы хотим войти туда самостоятельно, без опеки США, мощной силы, которая нас представляет как преступников»³.

* * *

Последующее исследование русско-сербских отношений в последние десятилетия XX в. требует сконцентрироваться на изучении внешней политики Сербии и в этих рамках на ее отношении к России. Необходимо сосредоточиться на трех группах мер.

Прежде всего, нужно опубликовать документы о политике Сербии (СР Югославии) и сербских землях (Республика Сербская, Республика Сербская Краина и Черногория). На основе этих документов и других источников установить, в какой мере сербское руководство консультировалось с руководством России, осознавало ее позиции, слушало ее советы, координировало выступления и акции.

Второе: собрать признанных ученых и молодых научных сотрудников для этих целей – в рамках научно-исследовательского проекта или в другой форме – выполнить «распределение работы», консультироваться между собой, делиться результатами. Последние годы оживления интереса к России показали, что существует

¹ *Экмечич М.* Корени југословенске кризе. // Међународна политика. № 1015. Апрель 1993. С. 8.

² Об обстоятельствах, которые этому способствовали см.: *Филимоновић Н.* Узрци спољнополитичке офанзиве Русије. // Међународна политика. № 1125-1126. Март 2007. С. 15-23.

³ *Мировић Д.* Запад и Русија. Београд, 2004. С. 314.

необходимость того, чтобы общество ближе знакомилось с историей России и ее современностью (трибуна на Юридическом факультете и др.), что есть молодые интеллектуалы, у которых есть интерес, желание и образование для того, чтобы заниматься Россией (Международная научная конференция Института политических исследований «Россия на Балканах – вопрос сотрудничества и безопасности», прошла в Белграде 18-19 марта 2008 г.). В университете Мегатренд уже существует Центр русских исследований, и подобное хотели бы сделать на Факультете политических наук. Некоторые молодежные патриотические общества имеют сайты в Интернете и периодические издания с русской тематикой. Нужно основать общества и развить деятельность.

Третье: в условиях всплеска интереса к России необходимо регулярно выступать с «русскими темами» на ТВ и в других средствах массовой информации, на общественных трибунах и в периодических изданиях. Нужно хорошо, продуманно и аргументировано реагировать на тенденциозно неточные выступления самозванных «экспертов» по России, которые пугают сербов русским «мракобесием» и призывают их освободиться от «мифов о матери России».

Продолжающаяся работа этого нашего форума, запланированные систематические исследования работ по русско-сербским отношениям и публикации работ по данной теме, являются важным сегментом этой обширной деятельности, ее непосредственной основой, опорой, а возможно и координационным центром. На упомянутой Конференции русских и сербских ученых Владимир Лукин предложил подумать о создании своего рода русско-сербского «совета мудрых людей», представителей различных областей – экономики, политики, науки, культуры. Они бы собирались время от времени, поочередно в России и Сербии, и в рамках «свободных дискуссий» искали выход из существующих проблем, угроз и вызовов, инициировали бы деятельность по активизации жизни в наших странах и рекомендовали шаги для большего взаимопонимания, сближения и сотрудничества. Разве это невозможно?

(Перевод И.В. Рудневой)

Лециловская Инна Ивановна – доктор исторических наук. Институт славяноведения Российской академии наук (РАН).

Белов Михаил Валерьевич – доктор исторических наук, профессор. Заведующий Кафедрой истории зарубежных стран Исторического факультета Нижегородского государственного университета.

Войводиц Михайло – член-корреспондент Сербской академии наук и искусств (САНУ).

Гаврилович Славко – академик САНУ.

Кудряцева Елена Петровна – доктор исторических наук. Институт российской истории РАН.

Живанов Сава – доктор исторических наук, профессор (Белград, Сербия)

Шемьякин Андрей Леонидович – доктор исторических наук. Институт славяноведения РАН.

Экмечич Милорад – академик САНУ.

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук. Институт славяноведения РАН.

Искендеров Петр Ахмедович – кандидат исторических наук. Институт славяноведения РАН.

Попович Никола Б. – доктор исторических наук, профессор (Белград, Сербия).

Кузьмичева Людмила Васильевна – кандидат исторических наук. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.

Терзич Славенко – доктор исторических наук, профессор. Исторический институт САНУ.

Никифоров Константин Владимирович – доктор исторических наук. Директор Института славяноведения РАН.

Силкин Александр Александрович – кандидат исторических наук. Институт славяноведения РАН.

Гуськова Елена Юрьевна – доктор исторических наук. Институт славяноведения РАН.

Вишняков Ярослав Валерианович – кандидат исторических наук. Московский государственный институт международных отношений МИД России.

Содержание

Предисловие	5
И. И. Лещиловская Сербская культура XVIII – XIX вв. в послевоенной советской и современной российской историографии	10
М. В. Белов Историография восстания 1804–1813 гг.: проблемы изучения сербского национально-освободительного движения.....	40
Славко Гаврилович Сербская историография XIX и начала XX века об отношениях Сербии и России во время Первого сербского восстания (1804–1813 гг.)	51
Е. П. Кудрявцева Некоторые проблемы историографии церковных связей России с православными народами Балкан в первой половине XIX в.....	68
Милорад Экмечич Значение российских архивных материалов для освещения истории революции 1848-1849 гг. в Придунавье	76
Л. В. Кузьмичева Современные проблемы историографии и источниковедения Великого восточного кризиса 1875-78 гг.....	99
Михайло Войводич Русско-сербские отношения периода Восточного кризиса 1875-1878 гг. в сербской историографии.....	114
Славенко Терзич Славянофильство XIX в. в сербской историографии.....	129
А. Л. Шемякин Идеология сербского радикализма (1881-1903 гг.): историографические стереотипы и дилеммы	143
П. А. Искендеров История Косово начала XX в. в трудах российских и сербских историков.....	165
Я. В. Вишняков Проблемы изучения военного фактора в политической жизни Сербии 1903-1914 гг. в советской и российской историографии	194

Никола Б. Попович	
Сербская историография о русско-сербских отношениях в ходе Первой мировой войны.....	202
А. А. Силкин	
Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918-1929 гг.) в трудах югославских и российских ученых: основные направления историографии	216
К. В. Никифоров	
Социалистическая Югославия в отражении советской и российской историографии	233
А. С. Стыкалин	
Записи заседаний Президиума ЦК КПСС 1950-х – первой половины 1960-х годов как источник по изучению советско-югославских отношений.....	244
Е. Ю. Гуськова	
Неизученные проблемы Балканского кризиса (конец XX – начало XXI вв.).....	272
Сава Живанов	
Сербская историография о русско-сербских отношениях в последнее десятилетие XX в. (1990-1998 гг.)	285
Содержание	310

РОССИЯ И СЕРБИЯ
ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ ДВУХ СТРАН

Ответственный редактор *К. В. Никифоров*

Главный редактор издательства *И. Савкин*
Дизайн обложки *И. Граве*
Оригинал-макет *О. Петрицкий*
Корректор *И.Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел. / факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 06.04.2010. Формат 60x88 1/16
Усл. печ. л. 19,5. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3418.

Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России».
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.

Сборник отражает опыт постижения учеными двух стран истории Сербии и русско-сербских отношений на протяжении двух с лишним веков – от конца XVIII и до начала XXI вв. В нем рассматриваются такие важные проблемы, как становление национальной сербской культуры, Первое сербское восстание 1804-1813 гг., религиозные связи, революция 1848-1849 гг., Великий восточный кризис 1875-1878 гг., влияние русского славянофильства, сербский радикализм, военный фактор в сербской политике, Косово в начале XX в., Первая мировая война, Королевство СХС, социалистическая Югославия, современный сербский кризис.

ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ
ДВУХ СТРАН

РОССИЯ И СЕРБИЯ

